КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

Пособие
для учащихся

Под редакцией
доктора исторических наук
А. И. Немировского

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1981

ББК 63.3(0)3
К53

Рекомендовано Главным управлением школ
Министерства просвещения СССР

К53 Книга для чтения по истории древнего мира: Пособие для учащихся/Под ред. А. И. Немировского. — М.: Просвещение, 1981. — 304 с., ил.

В книгу включены очерки и статьи по истории древнего мира. Пособие состоит из четырех разделов, посвященных истории первобытного общества, Древнего Востока, Древней Греции, Древнего Рима. Каждый раздел представлен несколькими сюжетами.

Книга адресована пятиклассникам. Ее цель — дополнить и углубить знания учащихся, полученные на уроках истории.

К $\frac{60601-610}{103(03)-81}$ инф. письмо — 81 4306020500

ББК 63.3(0)3
9(М)03

ЮНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Мир, куда мы приглашаем тебя совершить путешествие, оставил в качестве свидетельств своего существования произведения древних писателей, развалины городов, обломки статуй, надписи на глине, камне, металле, папирусе, орудия труда и другие вещественные и письменные исторические источники. На их материале ученые восстанавливают характер и образ жизни людей в те отдаленные времена.

Опираясь на достижения науки, авторы этой книги поставили целью открыть тебе увлекательные страницы древней истории. Дополняя воображением разрозненные свидетельства исторических источников, авторы создали связные картины и сцены, героями которых являются как исторические, так и вымышленные персонажи. Вымысел в повествовании такого рода не противоречит главной цели — дать правдивое описание людей и событий, если автор, а вслед за ним и читатель как бы переносится в далекую эпоху, а не старается навязать ее людям образ мыслей нашего времени.

В книге представлены главные стороны жизни людей в древности: рабство, сельское хозяйство и ремесло, государственный строй, классовая борьба, военное дело, искусство и литература, наука, религия и т. д.

Осветить эти сюжеты по всем странам в небольшой книге невозможно. Поэтому, прочитав очерк «Ученик врача», ты должен иметь в виду, что медицина развивалась не только в Древней Индии, но и в Вавилоне, Египте, Китае. Ознакомившись по очерку «Желтое небо» с мощным выступлением крестьян в Китае, не забывай, что восстания были и в других странах Древнего Востока.

Образ Древней Греции и Древнего Рима создается с помощью подобного же отбора сюжетов.

Материал книги подчас выходит за пределы школьного учебника, дополняя его изложение живыми подробностями.

Помещенные в книге очерки и статьи неодинаково легки для восприятия. Большинство очерков имеет небольшие вступления, дающие указания на время действия, обстановку, источники, положенные в их основу. Эти вступления, иллюстрации и объяснения отдельных слов помогут тебе ориентироваться в эпохе, глубже понять идеи очерков.

Если, читая эту книгу, ты, юный читатель, испытаешь радость познания, поймешь сложность и величие того пути, который прошло человечество в своем развитии, мы будем считать, что достигли цели.

Профессор А. И. Немировский

ПО СЛЕДАМ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

ЧЕЛОВЕК ИЩЕТ СВОИХ ПРЕДКОВ

Первым ученым, который убедительно доказал, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно, и человек — результат процесса развития, длившегося миллионы лет, был Дарвин.

Правильность этого вывода подтвердили находки последующих десятилетий, позволившие ученым в общих чертах восстановить историю происхождения человека.

* * *

Август 1891 года. Остров Ява. Молодой голландский врач Евгений Дюбуа нашел в вулканических слоях на берегу горной реки коренной зуб, напоминающий зуб шимпанзе, а несколько позднее — странную черепную крышку: лоб очень покатый, довольно большой объем мозговой коробки, большой надглазничный валик.

На следующий год Дюбуа нашел бедро, напоминающее бедро человека, и зуб — такой же, как первый, только жевательный.

Уже в наше время доказали, что и бедренная кость, и черепная коробка, найденные Дюбуа, принадлежали одному и тому же существу. Более того, сочетание примитивного черепа и относительно прогрессивного развития костей как раз и является характерной особенностью ископаемых людей.

Но тогда исследования только еще начинались. И нужны были уверенность в собственной правоте и незаурядное мужество для того, чтобы заявить: «Это одно из недостающих звеньев».

Находки, сделанные Дюбуа, предоставили в распоряжение сторонников эволюционной теории убедительные доказательства справедливости их взглядов. Перед учеными были останки обезьянолюдей, живших 600—700 тысяч лет тому назад. Природа выдала один из своих «секретов» и подтвердила правильность теоретических взглядов сторонников эволюционного учения.

Затем последовали и другие находки. В Китае, в широкой расселине холма Драконовых гор, в декабре 1929 года был

найден первый экземпляр так называемого синантропа. Своим внешним видом череп напоминал череп питекантропа, найденного Дюбуа, хотя и казался чуть-чуть более «цивилизованным». Обнаружили ученые и орудия труда синантропов: одни из самых ранних — грубообработанные, с широким овальным лезвием, из песчаника, кварца, кварцита; и во множестве отщепы и кости. Не исключено, что их использовали как режущие инструменты.

Уже в самом начале большинство исследователей считало, что синантропы были сродни питекантропам, во всяком случае, находились где-то на близкой к ним ступени. Сейчас признано: и тот и другой — питекантропы. Найденные на Яве — яванские, в Китае — пекинские.

Возле города Гейдельберга, в Германии, ученые-археологи нашли челюсть первобытного человека. И хотя зубы у гейдельбержца были больше похожи на человеческие, чем у синантропа и питекантропа, его, очевидно, наиболее правильно тоже причислить к питекантропам.

Останки питекантропов найдены в Европе, Азии, Африке.

Они были еще очень примитивны, эти люди. И много изменений предстояло им претерпеть, чтобы приблизиться к современному человеку.

Но они уже отличались от обезьян, даже самых высокоразвитых: у них были свободны руки и по земле они ходили прямо. Пусть не так прямо, как мы, зато и не становясь на четвереньки, как обезьяны.

К 20-м годам нашего столетия уже никто из ученых не сомневался, что природе понадобилось много времени, чтобы сотворить это поразительное существо — человека. В его становлении до определенной поры решающую роль играли чисто биологические факторы. Но именно с осознанного и необходимого для жизни применения орудий, с изготовления орудий труда, даже самых примитивных, начался тот принципиально новый отрезок пути, который привел нашего обезьяноподобного предка к вершинам современной культуры.

Наука установила, что, помимо древнейших людей — питекантропов, в более близкие к нам времена землю населяли так называемые неандертальцы. Еще в 1856 году в Германии, в долине Неандерталь, были найдены черепная крышка с массивным надглазничным валиком и низким черепным сводом и верхняя часть бедренной кости. Вокруг этой находки сразу же разгорелись споры. И не очень верным казалось мнение, что эти кости принадлежат какой-то древней человеческой расе. Но потом ученые убедились в этом.

Останки неандертальцев находят во Франции, в Югославии, в Италии, в Советском Союзе и в других местах.

Коренастый, сутулый, с очень крепкими руками и короткими ногами, так называемый «классический» неандерталец

пользовался огнем, знал цену орудиям труда и оружию, совершенствовал их.

...Прошло еще время. И примерно 40—50 тысяч лет назад землю заселили кроманьонцы и гримальдийцы, люди современного типа. Обезьяньи черты исчезли. Завершилось создание самой сложной и самой тонкой в животном мире нервной системы. Различные участки коры мозга объединились в единую функциональную систему. У кроманьонцев и гримальдийцев был человеческий тип мышления и соответственно человеческая речь. У этих первых современных людей были прямые ноги, достаточно выпрямленный позвоночник, лицо современного человека. Практически не отличался от современного и мозг.

Сегодня мы можем уже почти точно сказать и кто был первым предпредком человека: ученым удалось выяснить истоки расхождения путей эволюции человека и высших обезьян, живших двадцать, а может быть, и более миллионов лет назад.

Очень похоже, что найденные еще в 1924 году в Южной Африке австралопитеки (что в переводе означает «южная обезьяна») уже примерно пять миллионов лет назад миновали главную веху на пути своей эволюции: они более или менее свободно передвигались на ногах. Правда, австралопитеки не были нашими прямыми предками. Это какая-то боковая ветвь, но, видимо, именно от нее уже на очень ранней стадии отделился тот пока еще не найденный вид, чье развитие завершило длительный процесс очеловечивания обезьяны. Сейчас известно несколько видов австралопитеков, из которых самый прогрессивный — так называемый зинджантроп, живший полтора миллиона лет назад на территории современной Танзании (Восточная Африка). И там же в 1960 году был найден первый череп существа, которое жило за 250—300 тысяч лет до зинджантропа и названо поэтому презинджантропом. Существо это, по мнению большинства ученых, было уже человеком!

Олдовайское ущелье находится в Северной Танзании. Мощная толща отложений с прослойками вулканических пеплов и туфов необыкновенно удобна для датировки. Более сорока лет назад сюда в поисках следов первобытного человека прибыл молодой тогда еще ученый Луис Лики. Он и его жена Мэри — вот и вся экспедиция.

Лики был уверен, что озеро, занимавшее когда-то место нынешнего Олдовайского ущелья, должно было привлекать животных, а значит, и охотившихся на них людей. И действительно, скоро он начал находить остатки охотничьих стоянок с костями животных и австралопитеков (на которых тоже охотились).

Но самое интересное открытие ждало ученого в нижних

слоях ущелья. Это открытие 1960 года, о котором мы уже говорили, — презинджантроп. Маленькое двуногое существо ростом 122—140 сантиметров, по крайней мере сантиметров на тридцать ниже питекантропа, и с объемом мозга, в полтора раза меньшим, зато с рукой, более близкой по своему строению к человеческой, чем у питекантропов и яванского и пекинского.

Не сразу признал ученый мир за этим существом право называться человеком.

Помните, умение создавать орудия труда отличает даже самый примитивный человеческий коллектив от стада обезьян. Доказать, что у презинджантропа были орудия, понимал Лики, — значит доказать неопровержимо: презинджантроп — человек. И Лики нашел их. Сотни каменных орудий, сваленных в груды, напоминающие кучи гальки. Камни, похожие на морскую гальку, слегка обработанные по краю, превращались в универсальные скоблящие и режущие орудия. «Но подождите! — возражали ученому. — Уверены ли вы, что к этим круглым камням прикоснулась рука человека, а не волна била их друг о друга?»

Да, действительно, олдовайские изделия бесформенны. На первый взгляд — простые камни. Но очень скоро, находя все новые и новые «галечные кучи», ученые убеждались: удары, нанесенные по каждому из этих камней, планомерны. Значит, все-таки человек, а не природа!

Открытия дали толчок для организации поисков к северу от Танзании — в Кении и Эфиопии. В юго-западной Эфиопии были обнаружены олдовайские каменные орудия древностью от 1 900 000 до 2 200 000 лет, а в Кении в 1970 году удалось открыть те же олдовайские орудия и разбитые людьми кости животных возраста около 2 600 000 лет. Двумя годами позднее на севере Кении сын Луиса Лики Ричард нашел череп и бедренные кости самого древнего из известных до сегодняшнего дня людей. Его череп напоминал череп современного человека. У него не были сильно выражены надглазничные валики и челюсть была менее тяжелой и массивной, чем у питекантропа. Этот человек жил 5—5,5 миллионов лет назад.

За два миллиона лет до питекантропов и синантропов, считавшихся до последнего времени древнейшими из наших предков, презинджантропы создали самую раннюю культуру каменного века, получившую название по месту первой находки — олдовайская. С огнем человек этой культуры еще не был знаком: следов от костров нет ни в нижних слоях Олдовайского ущелья, ни в «олдовайских» стоянках Кении и Эфиопии. Но в слое, датируемом 1 800 000 годом до н. э., Мэри Лики открыла какой-то большой овал из кусков базальта. Что это? Может быть, остатки навеса или заслона от ветра. Неужели первое человеческое жилище возрастом почти в два миллиона лет? Остатки жилого сооружения, не-

сколько напоминающие жилище, открытое Мэри Лики, и примерно того же периода, в 1970 году нашли при раскопках охотничьего стойбища в Эфиопии. Значит, жилище — об этом ученые узнали впервые — столь же древнее культурное достижение, как и орудия труда! Не зря олдовайский человек получил в науке название «человек умелый» (гомо габилис).

* * *

Нам многое еще, увы, неизвестно, и «белых пятен» в науке о происхождении человека (антропологии) сколько угодно. И не удивительно. Ведь речь идет об очень далеких временах, о поколениях видоизменяющихся живых существ, о которых мы зачастую можем судить лишь по остаткам костей.

Но все ученые считают, что прямохождение было в основе становления человека. Высвободились руки. А это привело к тому, что «идущее в люди» существо могло употреблять и носить с собой камни и палки. Изготовление орудий стало возможным. И труд тоже. Высвобождение рук непосредственно воздействовало на эволюцию мозга: челюсти перестали быть главным орудием хватания. Началось еще одно высвобождение — высвобождение лица: лицевая часть становилась меньше, а черепной отдел увеличивался.

Небольшого роста существу, лишенному внушительных органов нападения и защиты, по сути беззащитному перед лицом природы, суждено было стать мыслящим, способным к труду, умозаключениям, общественному существованию. Ибо человека, как такового, создал труд.

Фридрих Энгельс утверждал, что «сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который, при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству».

ПО СЛЕДУ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ

Лодка была весьма неказистая с виду — даже не лодка, а скорее челн, незамысловатый, разгороженный толстой перемычкой. Но она хорошо держалась на воде и, вопреки опасениям, оказалась достаточно устойчивой.

Лодку торжественно вытащили на берег и взяли с собой в далекое путешествие. Сначала ее везли на машине, потом поездом. И настал такой день, когда она оказалась в здании Ленинградского отделения Института археологии. Там лодку можно увидеть и сейчас.

Четырехметровая долбленка, которая прибыла в Ленинград с берегов Ангары, была изготовлена медными и каменными

орудиями. Медным топором работали над носовой частью, нефритовым выдолбили кормовую часть.

Давно уже нашли исследователи останки ископаемых людей. Давно установили, что наши далекие предки с незапамятных времен занимались изготовлением орудий — сначала самых простых, потом более сложных. Исторические музеи имеют немалые коллекции древних орудий, начиная от бесчисленного множества грубых, каменных и кончая многообразными медными, бронзовыми, железными. Этим орудиям мы обязаны нашими знаниями о первобытном прошлом.

Сейчас ни для кого уже не тайна, что примитивное ручное рубило, почти неотличимое от встречающихся в природе камней, служило человеку на заре его истории.

Шло время. Люди стали использовать остроконечники — ими можно было прокалывать шкуры, резать их; изобрели скребки, которыми было легче очищать шкуры; стали использовать резцы; появились шлифованные топоры. Охотиться стали копьями с костяными наконечниками. Рог и кости обрабатывали особыми кремневыми резцами. Появились лук и стрелы.

Когда Сергей Аристархович Семенов, руководитель лаборатории экспериментальной археологии, впервые занялся изучением древних орудий, его вело вперед чувство неудовлетворенности. Нельзя сказать, чтобы исследователи уделяли этому вопросу мало внимания. Чего, чего, а уж описаний внешнего вида орудий хватало. Пытались также изготавливать орудия из кремня и других материалов. Пробовали, и не всегда безуспешно, проверять их назначение и стойкость в работе. Но все сводилось в основном к исследованию внешней формы и видимых следов обработки.

А между тем разобраться в назначении орудий и в том, как их делали, было вопросом первостепенной важности.

Не так-то просто прочитать тайнопись мельчайших царапинок, выщербинок, завихрений, понять их особенности, отделить существенное от случайного. Прежде всего следовало твердо уяснить себе, какой след остается на скребке, когда его используют, скажем, при очистке шкуры, а какой при затесывании рукоятки топора. Есть и другая сторона. Любое орудие сохраняет и следы собственного изготовления. И эти следы, нередко перекрещивающиеся со следами последующего использования, необходимо было научиться разбирать и оценивать их.

Оптический микроскоп, фотографии, просвечивание в инфракрасных лучах позволили установить, что на орудиях есть целая система завихрений, которые, словно стрелки, показывают направление движения орудия в процессе работы. Следы эти образуются по определенным законам. Пойми по каким — и сумеешь определить, что и как делали тем или иным

орудием и как его изготовили. Будешь знать: вот это — резец, а это — долото, здесь — пест, а там — молоток, и отличаются они от отбойника или ретушера конкретными признаками. Если следы располагаются перпендикулярно оси и по окружности, значит, это сверло. На шильцах следы параллельны оси и располагаются прямолинейно. На строгальных ножах — перпендикулярно лезвию и односторонне независимо от формы. Форма орудий может быть разной. Мотыга египетского земледельца похожа на тесло. Эскимосская мотыга, сделанная из бивня моржа, похожа на рог. И тем не менее обе они — мотыги.

В результате очень важных работ С. А. Семенова и сотрудников руководимой им лаборатории сейчас твердо установлено: все основные трудовые процессы, будь то прокалывание, сверление, рубка, скобление, имеют свою опознавательную систему.

Многое поняв в приемах и способах работы первобытного человека и восстановив немало секретов древней технологии, С. А. Семенов принялся за изучение еще одного вопроса: действительно ли так отчаянно непроизводительны были древние орудия, как это считалось общепризнанным? Верно ли, что первобытному человеку — а об этом говорилось во всех книгах, учебниках, энциклопедиях — нужны были месяцы, а иногда и годы, чтобы построить хижину, изготовить то или иное орудие?

Начали с того, что взялись за изготовление каменных и костяных топоров, тесел, ножей из тех материалов и по тем самым, во многом раскрытым теперь рецептам, которыми пользовались некогда наши далекие предки.

И оказалось, что на изготовление шлифованного топора из сланца (а шлифованный топор — работа высокой квалификации) уходит всего два — два с половиной часа. Топор из гранита или диорита можно отшлифовать за двенадцать — пятнадцать часов, кремневый топор при неполном шлифовании (а именно так и сделаны многие найденные в земле древние топоры) — за двадцать пять — тридцать часов.

Миф о том, что для изготовления шлифованного каменного топора необходимо было затратить бездну времени, что топор порой начинал полировать дед, а кончал чуть ли не внук, оказался развеянным.

Помните, мы упоминали о лодке, привезенной с берегов Ангары? Ее изготовили за десять дней два студента-практиканта, до этого никогда прежде, даже современными топорами, не мастерившие.

В своей докторской диссертации С. А. Семенов имел все основания написать: «Труд в первобытном обществе вовсе не был так чудовищно непроизводителен, как принято думать».

Это одно из самых важных в последние годы открытий в области первобытной истории материальной культуры и техники.

ПЕРВЫЕ ХУДОЖНИКИ

Без малого сто лет назад Мария, дочка сеньора дон Марселино Сантьяго Томаса Санц ди Саутуола, которой наскучило наблюдать за тем, как ее отец раскапывал один из залов пещеры Альтамира, что находилась неподалеку от их дома, отправилась путешествовать по подземелью.

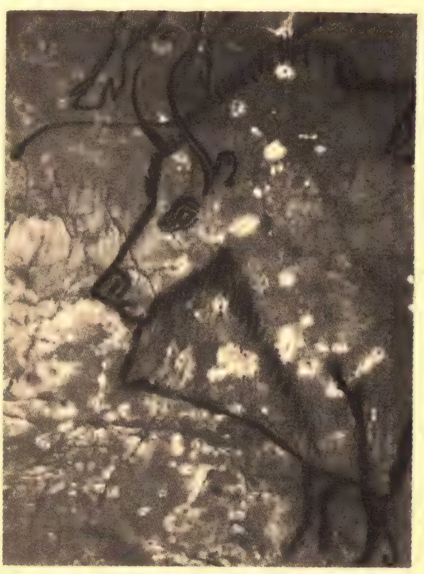
— Папа! — воскликнула она внезапно, голос ее глухо прозвучал в тишине. — Папа, смотри, быки!

И правда, прямо на потолке резвились, паслись, неслись во весь опор бизоны. И тут же находились дикая лошадь и вепрь.

Впоследствии поколения исследователей, художников, просто любителей древностей и искусства будут восхищаться немеркнущими красками, удивительной точностью в передаче повадок животных, зрелостью рисунков. Впоследствии многочисленные тома будут написаны об одной только пещере Альтамира. Но это будет потом. А пока Саутуола, спустившийся в пещеру, как завороженный, смотрел на невиданную картинную галерею.

Рисунки первобытных людей? Похоже, что так. Ведь вход в пещеру был, насколько можно судить, завален очень давно. Животные — древние, многие из них давным-давно вымерли. Затвердевшая краска не такая, как ныне. А вот раковина, служившая художнику палитрой!

На каждом шагу исследователя поджидали неожиданности. Большая группа бизонов, та, которую увидела Мария, была нанесена, оказывается, поверх другой росписи, более примитивной. А на другой стене той же пещеры, между двух буланых, с развевающимися гривами, во весь свой естественный рост изображенных коней, были видны три отпечатка: один сделан намазанной краской рукой, в двух других случаях обведен контур прижатой к стене руки.

Изображение бизона, раненного стрелами. Древнекаменный век. Пещера Ньюх во Франции.

Саутуола написал отчет о своем открытии. В 1880 году книга вышла в свет. После рассказа об орудиях труда и костях древних животных следовало описание найденных росписей. Были в книге и репродукции, которые сделал приглашенный Саутуолой художник. И разразился скандал.

Росписи в пещере вовсе не древние, их исполнил по заказу Саутуолы тот самый художник, который иллюстрировал книгу, утверждали противники открытия.

И этому поверили, как, впрочем, и рассуждениям о том, что первобытные люди ничем-де не отличались от горилл, а посему ничего рисовать не могли. К тому же, как могли сделанные охрой росписи сохраниться на протяжении тысячелетий в темном, сыром, промозглом подземелье, спрашивали недруги Саутуолы. И добавляли: росписи были найдены, когда владелец Альтамиры посетил пещеру во второй раз, через четыре года после того, как он побывал там впервые. Именно за это время и были изготовлены росписи. Недаром художник, давний знакомый владельца Альтамиры, жил у него в те годы.

Отважно отстаивал свои открытия Саутуола. Он выступал на конгрессах, объяснял, доказывал, пытался образумить своих противников. И тщетно. Заговор молчания был ему ответом.

В защиту Саутуолы попытался было выступить художник, иллюстрировавший его книгу. Ему не верили.

В 1888 году Саутуола умер. Об Альтамире забыли. Для ученого мира она не существовала.

Прошло еще несколько лет, прежде чем стало ясно, что Саутуола был прав. Были найдены пещеры с росписями в других уголках Испании и в Западной Франции.

Сейчас в одной только Западной Европе насчитывается более ста пятидесяти пещер с росписями.

Пятнадцать — двадцать тысяч лет до нашей эры — таково время расцвета первобытной живописи в Западной Европе.

Примерно к этому же времени относится живопись Каповой пещеры. Это первая подобная находка, обнаруженная на территории Советского Союза.

* * *

Ущелье. Заповедный лес Южного Урала. За сотни тысячелетий подземная речка прорыла в горе огромные полости, расположенные в несколько ярусов. Сказочно красивые двухметровые скалы у входа в пещеру.

И вот сама пещера. Великое множество переходов, длина которых нередко достигает полутора километров, обилие гротов — одни высокие и обширные, с сухим и ровным полом, другие напоминают сказочные ледяные залы. Опасные обрывы и подъемы. Скользкие камни. Узкие проходы.

Летом 1959 года зоолог Александр Владимирович Рюмин с несколькими спутниками отправился на Южный Урал. Цель — исследование Каповой пещеры. Можно ли в этой крупнейшей на Урале пещере найти следы людей каменного века? Пещера огромная, в основном сухая, ничем не хуже, а может быть и лучше, чем многие пиренейские, внизу река.

...При свете фонаря рассматривали исследователи стены, пытаясь за бесконечной сеткой естественных царапин и трещин найти хоть что-нибудь похожее на древние рисунки.

И... нашли. Некоторые рядом со вполне современными надписями о том, что здесь побывали такие-то туристы. Изображения едва ли не полутора десятков зверей насчитал Рюмин.

Доклад в Институте археологии в Москве был выслушан с большим вниманием. Для проверки было решено направить археологическую экспедицию, которую возглавил знаток археологии Урала Отто Николаевич Бадер.

Внимательно, участок за участком изучали исследователи стены, где, по словам Рюмина, были изображены тигр и другие звери. Ничего нет. Всего лишь игра темных и светлых пятен, причудливое переплетение натеков. Но поиски все же решено было продолжить. Изображений животных внизу археологи не обнаружили. Но какие-то сделанные красной краской знаки нашли: трапецию, в которую был вписан треугольник. Еще трапецию. Какой-то знак, напоминающий по форме лестницу. Оставалось осмотреть верхние галереи. Чтобы проникнуть туда, следовало проделать поистине головоломное путешествие — по вертикальному естественному колодцу, прорубленному прямо в скале. Путешествие было не из легких. Колодец имел в высоту добрых тридцать метров. На счастье исследователей, кто-то из предшественников оставил здесь лестницу. Она была не очень надежна, но все же по ней можно было кое-как продвигаться. А дальше — словно при подъеме на скалы: здесь выступ, там выемка. С помощью веревки удалось, наконец, выбраться наверх.

На расстоянии трехсот метров от входа из полной темноты свет мощных переносных ламп выхватил то, что искали археологи: мамонт с головой, раскрашенной темно-красной охрой, рядом — изображение в натуральную величину дикой лошади, вымершей тысячелетия назад, тоже сделанное охрой — излюбленной краской древних художников. В том же гроте на противоположной стороне — три мамонта. Всего в верхних галереях Каповой пещеры были открыты в эти дни рисунки семи мамонтов, двух лошадей, двух носорогов. Рисунки людей эпохи палеолита.

В 1965 году в пещере, расположенной по соседству, на глубине около двух метров археологи, возглавляемые Бадером, обнаружили слой с остатками костра, костями мамонт

Изображение северного оленя и лосося первобытными людьми.

и других животных. Помимо изделий из кремня, здесь были найдены кусочки красной минеральной краски, такой же, как на рисунках в Каповой пещере.

К этому времени в Каповой пещере было обнаружено уже более трех десятков изображений. Просто отдельные рисунки, в основном контурные. Рисунки не очень большие по размеру — от полуметра до метра с небольшим. Особенно выразительны мамонты. При внешней неподвижности они полны внутреннего движения, порыва. В 1965 году в пещере стали проводить киносъемку, чтобы создать фильм об искусстве первых художников. У входа в пещеру была установлена портативная электростанция. Работы шли уже несколько дней, когда начали снимать изображение носорога. Каково же было удивление присутствующих, когда в ярком свете прожекторов выяснилось, что это вовсе не носорог. Бизон — вот кто был изображен на рисунке. Сородич могучих животных, запечатленных на стенах Альтамиры!

В июне 1976 года к археологам присоединились реставраторы. Они представили зримые доказательства того, что в древности все стены, во всяком случае большая часть стен нижнего этажа, были расписаны: под толстым слоем сталактитов были обнаружены остатки древних рисунков!

И еще одно открытие. Оказалось, что вовсе не все рисунки Каповой пещеры одноцветны, как считали до самого последнего времени. Во время расчистки очередного рисунка рестав-

раторы увидели, что изображение многоцветно: красная спина животного обведена черной линией. Значит, на других рисунках такая же линия могла быть просто размытой и исчезнуть.

Исследования Каповой пещеры продолжаются.

На каменных сводах пещер Европы и Урала, на их потолках, на стенах сделанные сажей и охрой и еще какими-то другими минеральными и растительными красками, секрет которых полностью не раскрыт даже в наше время, — красные, черные, желтые, коричневые, фиолетовые росписи, которые производят неизгладимое впечатление.

Изображение животных с таким поразительным правдоподобием не было для первобытного художника самоцелью или способом выражения своего дарования. Перенося на мертвый камень кусок жизни, он полагал, что облегчает охоту. Могучие бизоны теперь уже были не опасны, а быстрые, как молния, олени давались в руки. Родовой коллектив и сам художник, уже много дней страдавшие от голода, будут теперь обеспечены пищей.

По мере того как дорисовывались контуры животного и оно становилось таким, каким его видели, нападающим или бегущим, художник ощущал свою силу. Теперь он был метким и сильным, как его брат или отец, охотящиеся за пределами пещеры. И если нарисовать на теле животного острие копья (а они нарисованы во многих местах), копье не даст промаха. Это было не только искусство, но и колдовство, или, как его принято называть, магия. Это было начало религии, которая на протяжении многих тысячелетий человеческого существования была связана с искусством.

РИСУНКИ В ПУСТЫНЕ

Она расползлась на карте ядовито-желтым пятном, даже цветом своим вызывая трепет и уважение: смотри и знай — здесь песок, песок и песок, море песка, здесь сушь и солнце, солнце и сушь!

Но Сахара — это еще и камни, которых, наверное, не меньше, чем звезд на небе. Это выветрившиеся края залегающих под песком твердых пластов, пересохшие русла былых рек и ручьев, могучие скалы, на которые с наветренной стороны нагромождены высокие дюны. Это и прорезанные глубокими каменными ущельями гористые плато, тянущиеся вдоль и вширь на многие десятки километров. И гнетущая тишина, к которой надо привыкнуть.

Ни дерева, ни кустика, ни человека, ни зверя. И только изредка фантастически-зеленым видением вас встречает оазис — сказочно-манящий уголок живого.

* * *

В 1933 году офицер французских колониальных войск лейтенант Бренан, возглавлявший небольшой разведывательный отряд, случайно проник в никому дотоле не ведомую долину в массиве горной цепи Тассили, расположенной в самом центре Сахары. Путники увидели довольно заурядное для здешних мест скопление причудливых скал, узкие ущелья и переходы. Но вдруг лейтенант заметил рисунки, покрывавшие одну из отвесных каменных стен. Он замер перед красочными изображениями. Уж очень они были неожиданными, все эти слоны с воинственно поднятыми хоботами, гиппопотамы, что, отфыркиваясь, вылезали из воды, носороги явно не мирного нрава, семья жирафов, расположившихся возле высокого кустарника.

Опаленный солнцем край. Безмолвие пустыни. И целая галерея рисунков, сделанных рукой человека!

Конечно, и Бренан, и встретившийся с ним в Тассили четыре месяца спустя французский ученый Лот знали, что Сахара вовсе не была, как это утверждает легенда, дном высохшего моря, одним из тех бесприютных мест, куда исстари заказанным казался путь человеку. Но они знали и другое. Древнейшие кости гиппопотамов и слонов, черепашьи панцири, остатки человеческих скелетов, в последние десятилетия найденные учеными от Атлантики до Нила, непреложно свидетельствуют о том, что Сахара не всегда была такой, как сейчас.

В эпоху палеолита (быть может, сто или более тысячелетий назад) и в гораздо более близкие к нам времена, в неолите, ее земли хорошо знали живительную ласку воды. Но между этими двумя периодами вклинились века и века суши.

Когда вторично начала исчезать из тех мест влага, когда с грохотом принялись раскалываться здешние многострадальные скалы, не выдерживая адской смены температур — жара днем и холод ночью, вслед за уходящей водой потянулись звери и птицы, люди тоже начали свой отход.

Уходила вода, уходила и жизнь.

Похожей на огнедышащую печь становилась Сахара. Волны пустыни — гонимые ветром песчаные барханы — все отчаяннее вели наступление на обреченный край. К долине Нила на восток, к озеру Чад на юг отходило население.

Но когда это было? Кто были эти люди? Где именно в Сахаре жили они?

На многое могли пролить свет древние росписи. Но Бренан и Лот вдвоем не смогли обследовать и десятой доли рисунков. Нужно было организовать хорошо оснащенную экспедицию.

Но только двадцать три года спустя, уже после смерти

Бренана, Лот сумел осуществить свою мечту. Война и материальные невзгоды не позволили сделать этого раньше.

В феврале 1956 года экспедиция прибыла в небольшой оазис у подножия Тассили, откуда вели на плато четыре перевала. Лишь один из них был доступен вьючным верблюдам — самый дальний. Раздумывать не приходилось, четырнадцать человек и тринадцать верблюдов двинулись в путь.

На сотни километров причудливо тянется Тассили. И словно в затерянном мире, путешествовали среди ее высоких, сложенных из песчаника колонн, среди громадных каменных осыпей, усеянных многочисленными пещерами, тринадцать мужчин и одна женщина.

Уже на первом основательном привале выяснилось, что дел непочатый край. Шесть слоев рисунков насчитали исследователи на двадцатиметровой полосе стены. Они накладывали на камень кальку и укрепляли ее с таким расчетом, чтобы неровная поверхность по возможности не искажала копии. Затем воспроизводили фон стен древнего грота. Наконец, накладывали на бумагу с подготовленным фоном полученные копии и раскрашивали их в соответствии с оригиналом.

Сотни и сотни изображений различных стилей, различных эпох обнаружили исследователи в долине Тин-Бенджеджа. У некоторых человеческих фигур был удлиненный, характерный для европейских народов профиль, у других — круглые головы; а у иных головы и вовсе заменены палочками.

Исследователи встретили немало изображений жирафов, быков. Были и лошади, запряженные в боевые колесницы или оседланные вооруженными людьми. Были и сцены охоты на муфлонов — огромных диких предков нынешних мирных баранов.

Густо населяли люди в былые времена эту естественную впадину шириной примерно в километр, окруженную высокими уступами скал, в основании которых вода пробила пригодные для жилья гроты и скалистые навесы.

Лоту удалось выяснить секрет красок Тассили. Он оказался прост. Почва содержит пласты сланцев, которые находятся на разных глубинах и подвергаются воздействию солнечных лучей. Там, где слой наиболее глубок, можно найти темную охру, почти шоколадного цвета. Ближе к поверхности — красно-кирпичную охру, светло-красную, желтую.

Чем дальше продвигалась работа, тем яснее становилось ученым, что многие поколения людей оставили здесь частицу своей жизни.

А вот другая горная долина. Другие рисунки. Сцены охоты, сцены пастушеской жизни: вооруженные луками охотники

преследуют стадо антилоп, пастухи гонят большое стадо быков. Снова муфлоны. На них охотятся круглоголовые люди. Но здесь, в Тамрите, изображения людей значительно крупнее, чем в Тин-Бенджедже.

К своему удивлению, вдоль русла высохшего древнего ручья исследователи увидели изображения нескольких великолепных кипарисов и совсем уж неожиданно для Тассили водопад. Кипарисы тоже свидетели. Свидетели того, что в свое время здесь был мягкий и влажный климат.

В Тамрите экспедиции вообще повезло — рисунки были повсюду. Основной цвет — красная охра, но использовались и желтая, и зеленоватая, и синяя краски. Сотни картин разыскали здесь Лот и его помощники. Многочисленные стада антилоп, огромные рыбы, бесконечные вереницы быков, жирафы, антилопы. Но больше всего изображений быков. «Бычий период» начался примерно за тридцать пять — тридцать веков до нашей эры. Рядом с животными множество изображений людей. «Мы видели их, — писал Лот, — в атлетических позах, в движении, стреляющими из лука, сражающимися за обладание стадами, собирающимися в группы для участия в танцах. Многие рисунки воспроизводят домашнюю работу. Они дают живое представление о быте тех времен. Люди жили в конусообразных хижинах. Женщины мололи зерно с помощью каменных зернотерок. Передвигались верхом на быках, женщины сидели позади мужчин. Кроме быков, в хозяйстве были козы и овцы».

К какому роду-племени принадлежали эти люди? И какими они были — черными или белыми? Трудно пока ответить на этот вопрос. Их профили (а в основном они все изображены в профиль) существенно различаются. По-видимому, разные народы жили здесь бок о бок. Разнообразие одежд — от длинных одеяний до коротких набедренных повязок — подтверждает это предположение.

Многочисленные пастушеские народы, расселившиеся по всей Сахаре, пришли, вероятно, с востока. Лот разыскал даже некоторые вещественные следы их бытия. Под одной из скал с рисунками он нашел остатки пищи пастухов, среди которых было немало бычьих ребер и зубов. И там же были обнаружены каменные жернова, зернотерка, каменные топоры, костяные шила, черепки, маленькие просверленные диски — своеобразные ожерелья, которые вырезали из скорлупы страусовых яиц. Остатки цивилизации, современной древнеегипетской, если не более ранней.

Эти скотоводческие племена жили в период большой влажности. Куда же они подевались вместе со своими громадными стадами? Где теперь живут их потомки?

Лот считает, что, гонимые засухой, они могли переселиться в поисках пастбищ в Суданскую саванну и что именно они —

предки одного из скотоводческих племен современного Судана. Пока это гипотеза. Но кто знает, может быть, уже в ближайшее время удастся получить более точные сведения.

«Джаббарен» на языке жителей пустыни означает «гиганты». И действительно, скалы и пещеры в этой местности покрыты гигантскими изображениями.

Особенно много здесь изображений круглоголовых людей, вооруженных луками. Их основное занятие — охота на носорогов и антилоп.

В наши дни работа экспедиции Лота получила широкую известность. Привезенные ею красочные копии рисунков древних людей выставлены в Париже в Музее человека. Их возили по всем странам света, показывали и у нас, в Москве.

Копии более восьмисот рисунков, все в натуральную величину, общей площадью тысяча пятьсот квадратных метров, фотографии и кинокадры сделали всеобщим достоянием затерянные в песках следы былых цивилизаций.

Итак, мелкие (всего несколько сантиметров в высоту), крайне схематичные изображения людей с круглой, непропорционально увеличенной головой, обычно украшенной рогами или перьями. Руки и ноги просто линии, тоненькие нити. Почти полностью отсутствуют изображения животных. Это VIII—VI тысячелетия до нашей эры.

Затем такие же круглоголовые люди, но уже значительно больших размеров. Появляются цвета. Появляется интерес к деталям. Но фигуры по-прежнему очень условны. И большей частью в отличие от первых чрезвычайно статичны. Это V—IV тысячелетия до н. э.

Потом вполне реалистическая живопись «бычьего» периода. Глубокое знание натуры, удивительная точность в передаче движений. Целые эпизоды из жизни кочевых племен: сцены войны, угона стад, бытовые сцены — середина IV—I тысячелетия до н. э.

Наконец, более близкие к нам времена: период «колесниц и лошади», период «верблюда».

Вас удивляют такие странные наименования? Но поймите ученых. Перед ними относящиеся к различным стилям, к различным эпохам изображения. Надо их как-то сгруппировать, надо для начала хотя бы приблизительно установить их последовательность. Исследователи знают: «корабль пустыни» — верблюд — вовсе не такой уж давний житель Сахары, как это может показаться на первый взгляд. Известно примерно и время, когда появилась в здешних местах лошадь.

Период «колесниц и лошади» — это 1200 год до нашей эры. В это время он, во всяком случае, начинается. Период «вер-

блюда» — совсем недавние времена: всего лишь 200 год до нашей эры.

На вопрос о том, не открыла ли экспедиция легендарную Атлантиду (ведь некоторые «исследователи» искали ее и в Африке), Лот ответил так:

— Нет, мы не открыли Атлантиду... Но зато нам удалось добиться других, не менее важных результатов. Мы установили, что Центральная Сахара была в период неолита одним из самых населенных центров первобытного общества. Более того, мы обнаружили, что в этой некогда покрытой необозримыми пастбищами пустыне существовали многочисленные и отнюдь не легендарные культуры.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

СИНУХЕТ, СЫН СТРАХА

Повесть о Синухете — излюбленное произведение древних египтян. В ней рассказывается о жизни знатного человека, бежавшего из своей страны и долгие годы прожившего среди бедуинов Ретену (Северная Сирия). Ясно вырисовывается характер человека, воспитанного деспотическим обществом, его страх перед фараоном и богами. Иными чертами наделены бедуины-кочевники.

Тем, кто не появился на свет в этом желтом песчаном море, кто не знает его законов, ничто не сулило беды. Небо было чистым, в воздухе — ни ветерка.

Человек лет сорока — по внешности и одежде египетский вельможа — раздвинул полотняные завесы, чтобы дать доступ утренней прохладе. Рослые мулы, на спинах которых были укреплены носилки, весело помахивали хвостами. Они тоже отдыхали от изнуряющего зноя. Мерное покачивание усыпляло. Человек в носилках смежил глаза.

— Господин! — услышал он взволнованный шепот.

Египтянин вздрогнул и покрасневшими глазами уставился на неведомо откуда появившегося бедуина. Это был Туим, уже не раз водивший египетские караваны и поэтому пользовавшийся неограниченным доверием посольских чинов. Место проводника впереди. Почему он покинул его?

— Посмотри туда! — сказал бедуин так тихо, что египтянин скорее понял смысл слов по движению губ, чем услышал их.

— Где? Ничего не вижу! — раздраженно произнес египтянин. — Впрочем, какое-то облачко.

— Желтая смерть!

Произнеся это, бедуин упал на колени и несколько раз коснулся лбом земли.

— Что же делать? — в голосе египтянина звучала тревога.

— Надо уходить к холмам. Они закроют нас своими спинами.

— Там враги! — молвил посол вполголоса.

— Нет врага страшнее Желтой смерти. Она занесет тебя

песком. Грамоту, которую ты несешь царю Вавилона, получит Нергал[1].

— Не дойдем, — возразил египтянин, — холмы далеко.

— Я знаю короткий путь, — отозвался бедуин. — Только надо идти налегке. Караван придется оставить.

Посол задумался. Нет, его не трогала судьба стражей, носильщиков, погонщиков мулов. Он не представлял себе, как покажется в Вавилоне без подарков, которые послал его величество «царю Вавилона, своему брату». Этот «вавилонский брат» жаден, как шакал. В письмах его величеству, которые доставляли в Египет вавилонские послы, говорилось: «Шли мне золота, больше золота, ибо его у тебя, как песку».

— Решай, Пахор.

Бедуин назвал посла по имени. Но египтянина эта фамильярность словно бы и не покоробила. Он промолчал и с живостью, удивительной для столь важной персоны, вылез из носилок. С Желтой смертью не шутят! Лучше вернуться к его величеству с повинной, чем быть погребенным в песках.

И вот они шагают по бескрайней пустыне. Бедуин — впереди, египтянин за ним, едва поспевая. Никто их не окликнул, никто не последовал за ними. Караван был предоставлен своей судьбе.

К полудню набежал ветер. Небо затянулось пеленой, через которую едва пробивалось солнце. То там, то здесь возникали песчаные воронки. Колючие камешки били по ногам. Ветер все крепчал. Беглецам пришлось взяться за руки, чтобы их не отнесло друг от друга. Мгла сгущалась, и вскоре стало совсем темно.

Но когда Пахору уже казалось, что он теряет сознание, ветер ослабел. Во всяком случае, он перестал бить в лицо, свирепствуя где-то позади. Плечо оперлось обо что-то твердое. Бедуин подтолкнул египтянина, и он оказался, как выяснилось утром, в пещере.

Слушая свист и завывание бури, Пахор вспомнил поговорку: «В пустыне все боги злы». Как можно жить в этой стране, где нет Нила, где земля пылает, как раскаленная сковорода?

Так прошла ночь, а может быть, и больше времени, потому что Пахор долго спал, утомленный схваткой со Смертью.

Проснувшись, он услышал песню бедуина, которая доносилась откуда-то издалека, словно из другого мира:

Знойные вихри желтой земли
Целые горы вокруг намели,
Но небосвод, как и прежде, высок...

Пахор, разгребая ладонями песок, полз к свету. Наконец, он оказался рядом с бедуином.

---

[1] *Нергал* — у народов Месопотамии бог смерти.

Отряхнувшись и очистив рот от песка, египтянин огляделся. Перед ним лежала равнина с зелеными и голубыми пятнами оазисов и озер. Окаймлявшие ее справа и слева острые скалы напоминали клыки какого-то хищника. Не потому ли их называют «Пасть льва»? Или правы те, кто рассказывает о ловушке, в которую попало здесь египетское войско триста или двести лет назад? Пасть захлопнулась, не вышел ни один. С тех пор египтяне обходили эту долину.

Видимо, понимая опасения своего спутника, Туим сказал:

— Это страна вольного народа Ретену. Им правит вождь Амуненши. Здесь пастбища вождя.

На спуске с холма беглецам преградило дорогу стадо овец. Что возьмешь с бессловесных животных. Разве им постичь разницу между послом его величества и простым смертным. Но вот пастуху надо бы ее знать! Невежа не пал на живот. Он стоял вылупив глаза и, когда Пахор поравнялся с ним, лишь приподнял широкую шляпу. Вот бы схватить его да палками, палками! Но это чужая страна.

К вечеру путники приблизились к оазису. Здесь была резиденция Амуненши. Вождь приветствовал египтянина без подобострастия.

— Сто лет жизни тебе и твоему владыке. Пусть в твоей стране никогда не иссякнет вода. Чем я обязан столь великой чести?

— Желтая смерть засыпала мой караван. Без твоей помощи мне не обойтись. Мой повелитель, владыка северной и южной земли, наградит тебя, если я возвращусь в столицу.

— Я не нуждаюсь в награде. Что же касается помощи, поговори с моим зятем Синухетом.

— Синухет? Но ведь это египетское имя?

— Египетское! — отвечал вождь. — Тридцать лет назад я нашел этого человека обессилевшим от жажды и страха. Я вернул его к жизни. Он остался у нас, научился пасти овец и защищать их ото львов. Но семя страха неискоренимо.

— Чего же он страшится теперь?

— Пусть об этом он расскажет тебе сам.

...Через несколько минут Пахор увидел совершенно седого старика. Шея его была тонкой, лицо изрезано морщинами. Вот что услышал Пахор из его уст.

— Меня зовут Синухет. Я сопровождал Сенусерта, старшего сына фараона Аменемхета и его наследника. В те дни войска фараона, которыми командовал Сенусерт, стояли на границе с кочевниками. Как-то ночью Сенусерт, божественный сокол, исчез вместе со своей свитой, и никто в войске не знал, где он. Злой дух, имя которому Любопытство, нашептал мне подойти к одному из шатров, откуда доносилась чья-то речь. И я услышал, что божественный лик фараона скрылся за горизонтом, что владыка Верхнего и Нижнего Египта вознесся на

небо и соединился с солнцем. Того, чье имя я не хочу назвать, уговаривали торопиться во дворец, пока его не занял Сенусерт.

Когда я услышал, о чем они говорят, опустились руки мои и дрожь охватила меня с головы до ног. Я понял, что в столице начнется смута, которая принесет мне гибель.

Поспешно я удалился от шатра и спрятался в кустах, чтобы меня не было видно идущим по дороге. Несколько раз мимо пробегали воины. Я думал, что они ищут меня, узнавшего великую тайну. Поэтому я не выходил. Как только наступила ночь, я тронулся в путь. Достигнув Нила, я переправился в лодке без рулевого, западный ветер помог мне. Вскоре я оказался у стены, построенной для защиты от кочевников. Я прополз мимо нее в кустах, чтобы не заметила стража. У Великого Черного Озера с горькой водой меня одолела жажда. Пересохла гортань. Горло забило пылью. Я сказал себе: «Это вкус смерти». Но вскоре послышался шум стада, и я увидел бедуинов. Они дали мне воды и обошлись со мною хорошо... Переходя из страны в страну, я достиг владений вождя Амуненши. Он сказал: «Живи у меня, здесь тебе будет лучше». Я обучил его всему, что знал, а он поставил меня выше сыновей своих. Он женил меня на своей старшей дочери и дал мне землю. Там росли фиги и виноград, и вина было больше, чем воды, и мед в изобилии. У меня трое сыновей. Но уходят силы. Слабость вошла в мои члены, отяжелели руки и ноги, померкли глаза мои. Страшно умереть на чужбине. Когда ты сюда шел, не видел ли ты кости тех, тела которых, по обычаю этой страны, завернули в бараньи шкуры и отдали на съедение птицам и шакалам?

— Жалка твоя участь, Синухет, — ответил посол. — Здесь ты останешься без гробницы. Ты разделишь судьбу бедуинов.

Синухет упал. Тело его сотрясалось от рыданий.

— Будь благосклонен ко мне, — говорил он, припадая к ногам посла. — Передай благому богу, что я узнал великую тайну, но от этого никому не было беды.

— Благой бог милостив, — молвил посол. — Он простит тебя, если ты поможешь мне вернуться в Египет, а Амуненши поклянется больше не принимать у себя беглецов из нашей страны.

— Да! Да! — закричал Синухет. — Я сделаю все, о чем ты просишь!

Прошел еще один год. В страну Ретену прибыл торговый караван. За Синухетом прислали носилки. Покачиваясь на плечах у рабов, старец, похожий на мумию, вчитывался в строки папируса.

— Обошел ты дальние земли. Сердце заставляло тебя бежать из одной страны в другую, потому что им овладел страх. Многие годы ты прожил в стране бедуинов и стал сам, как бедуин, но сердце твое сохранило память о Египте. Посему

возвращайся в столицу, где ты вырос, чтобы поцеловать землю у двух великих врат... Не встретишь ты кончину в чужеземной стране, и не азиаты проводят тебя в могилу, и не будешь ты завернут в баранью шкуру. Для твоей мумии изготовят деревянный ящик, и быки потянут тебя, и певцы будут шагать перед тобою. Будут плясать карлики у входа в гробницу твою. Возвращайся, Синухет!

ГОНЧАР УНА

Рассказ написан на основании дошедших до нас свидетельств о жизни простых людей Древнего Египта во II тысячелетии до н. э.

Вспоминая молодость, дед неизменно вспоминал войну.

Как и всякий мальчишка, Уна мог без конца слушать о военных подвигах и победах египтян, о трусливом бегстве врагов.

Но обычно дед рассказывал не столько о самих сражениях, сколько о тех несметных богатствах, которые победители отбирали у побежденных: о золоте и слоновой кости, о конях и колесницах, об оружии, одежде и украшениях, а главное — о пленниках, которых обращали в рабство. После каждого выигранного сражения — а фараон Тутмос IV был удачливым полководцем — пленников оказывалось так много, что их раздавали в награду даже простым воинам.

Вот и сегодня дед пустился в воспоминания:

— Ясное дело, все самое ценное из военной добычи доставалось великому фараону и его военачальникам. Колесничие тоже не зевали. Они, бывало, первыми врывались в побежденный город и хватали все, что понравится. А уж наш брат, лучник, подбирал остатки. Но все же и я вернулся домой хоть и покалеченный, но с неплохой добычей, на мою долю пришлось два молодых раба, большой кусок полотна и пара новых сандалий.

Дед закашлялся, схватился рукой за грудь. На правой руке у него недоставало пальцев — след серповидного азиатского меча.

Перехватив жалеющий взгляд внука, он сказал:

— Не беда! Я ушел на войну с двумя руками, а вернулся с пятью, — он кивнул на двух стариков рабов, которые под навесом провеивали полбу.

Отец Уны покачал головой:

— По мне, лучше две свои руки, чем десять подневольных. Раб все делает нехотя, глядеть тошно.

Дед сердито стукнул о землю клюкой:

— Скажи спасибо, что я подарил тебе своих рабов, их труд позволяет тебе сводить концы с концами. Не то голодал бы с семьей, как твой брат Нефри.

В это время во двор вошел Нефри, младший брат отца.

— Нет мне удачи, — хмуро сказал Нефри. — Хоть и приношу я исправно жертвы в храм бога Амона, не хочет он мне помочь. Сколько труда я положил, чтобы вырастить урожай! Так на тебе: половину созревшего зерна поклевали воробьи да растащили мыши. Того, что осталось, не хватит и на уплату налога. А ведь вот-вот нагрянут сборщики!

Отец Уны сказал:

— Жаль мне тебя, брат, но чем я могу тебе помочь?

— Знаю, что ты не можешь мне помочь, тебе своих бы как-нибудь прокормить.

Дед покосился на отца и проворчал:

— А ты еще недоволен, что рабы трудятся не так старательно, как ты сам. По крайней мере у тебя есть чем уплатить налог.

* * *

Уна сидел на берегу и плакал, уткнувшись лицом в колени. Вдруг в зарослях что-то зашуршало. Мальчик поднял голову.

К берегу, раздвигая тростник, подплыла лодка. В лодке находились двое — мужчина и мальчик с шестом в руках. Мужчина был в парике, на его руке сверкали кольца, набедренная повязка казалась белее лотоса.

«По всему видно, что важный господин, вроде того писца, что приезжал собирать налоги», — подумал Уна и хотел убежать.

Но господин остановил его властным жестом и приказал:

— Помоги моему Хори подтянуть лодку к берегу.

Уна исполнил приказание. Господин спросил:

— О чем слезы?

— Тия умирает, — чуть слышно ответил Уна. — Тия — дочка моего дяди Нефри.

— Отведи меня к ней, я — лекарь, — сказал господин. — По дороге расскажешь, отчего она заболела.

И Уна сбивчиво стал рассказывать:

— Вчера утром в нашу деревню приехал писец собирать налоги. С ним были стражники. Все заплатили налоги, а у дяди Нефри было нечем платить. Стражники стали бить палками его и жену. Когда стражник замахнулся на Тию, я подбежал и подставил спину. Стражник ударил меня, но Тия почему-то вдруг упала, как мертвая. С тех пор она не ест, не спит и не говорит ни слова...

Подойдя к дому дяди Нефри, Уна услышал, как мать Тии заклинает болезнь:

— Изыди, приходящая из мрака! Входящая крадучись, изыди!

Лекарь, стоя у открытой двери, терпеливо ждал, пока мать закончит произносить заклинания, потом вошел в дом. Мальчики остались во дворе, в тени гранатового дерева.

— Хори, ты слуга этого господина? — спросил Уна.

— Нет, я его сын. Мы с отцом приехали из города собирать лекарственные травы. С чего тебе вздумалось, что я слуга?

— У тебя на спине следы ударов.

— Какой глазастый! Это меня недавно избили плеткой из гиппопотамовой кожи.

— За что тебя избили? Твой отец не уплатил налога?

— Скажешь тоже! Меня избили в школе. Учитель говорит: «Ухо мальчика на спине его. Когда его бьют, он слушает». Мне частенько достается. Зато, когда выучусь, стану писцом!

— Ты будешь собирать налоги?

Хори засмеялся:

— Писец может стать и кем-нибудь повыше сборщика налогов. Учитель постоянно твердит нам, что должность писца — самая лучшая, потому что писец сам не работает, а только заставляет работать других, потому что писец всегда начальник, его почитают и боятся...

Уна вздохнул и отвернулся.

— А мой отец говорит, что быть писцом хорошо, потому что образованного человека все уважают и он может принести людям пользу своими знаниями, — добавил Хори.

В это время из дома вышел лекарь, за ним показался Нефри.

— Да вознаградят тебя боги за доброе сердце, господин,— говорил Нефри, — пусть подарят они тебе сверх назначенного судьбой еще пятьдесят лет жизни. А трава, про которую ты спрашиваешь, растет немного выше по течению. Мой племянник проводит тебя. Уна, покажи господину заросли полыни.

Вчетвером они спустились к Нилу.

— Так не забудь: утром и вечером отвар из мака, — сказал лекарь, садясь в лодку.

— Я запомнил, господин, жена уже разводит огонь в очаге, — ответил Нефри, низко поклонившись.

Уна увидел незажившие раны на его спине. Вчера вечером Уна слышал, как дядя Нефри сказал деду: «Видно, придется бросить хозяйство и перебраться с семьей в город». Дед спросил с сомнением: «Думаешь, в городе будет лучше?» Дядя Нефри махнул рукой и ответил: «Бедному человеку везде плохо».

Уна priналег на шест и оттолкнул лодку от берега.

* * *

Все спали крепким сном, когда в доме вспыхнул пожар. Тростниковая крыша занялась так быстро, что едва успели выскочить во двор. Мать увела младших детей подальше от огня, Уна остался с отцом и дедом.

Оба раба выбежали из сарая, где они спали, и теперь стояли, оторопело глядя на огонь.

— Чего рты разинули? — прикрикнул на них дед. — Скорее!

Старики поспешно схватили кожаные ведра, чтобы бежать к воде.

— Куда?! — закричал дед. — Кошку! Кошку надо сначала спасать, а уж потом огонь тушить, не знаете, что ли?

Кошка — священное животное. Когда умирает кошка, в доме траур. Хозяева в знак печали сбривают брови.

— Пусть уж лучше дом сгорит, — пробормотал дед и подтолкнул рабов к двери, из которой клубами валил черный удушливый дым.

Но тут Уна увидел, что их белая кошка сидит на высоком суку.

— Назад! — крикнул он. — Кошка тут, на дереве.

Не успели рабы отпрянуть от двери, как кровля рухнула. К черному небу взметнулся столб искр.

— Спасибо, молодой господин, — шепнул старик, подойдя к мальчику. — Ты спас нам жизнь.

Наутро отец растерянно бродил вокруг пожарища.

— С тех пор как брат Нефри перебрался в город, его несчастья перешли ко мне, — громко сетовал он. — То стадо бегемотов потравило посевы, то вода прорвала плотину. На прошлой неделе подох вол. А тут еще этот пожар!

— Терпи! — строго сказал дед. — Помни, что после смерти ты будешь землепашцем на полях великого бога Осириса и та жизнь твоя будет хорошей и легкой.

— Так-то оно так, да что мне делать сейчас, как прокормить семью? На постройку дома придется брать в долг у богатого соседа. А я и так кругом в долгах!

— Продай одного раба, — посоветовал дед.

— Нет смысла. Когда рабы были молоды, за обоих можно было взять жеребенка. Теперь, состарившись, они упали в цене.

После долгого раздумья дед сказал:

— Тогда вот что: отвези-ка ты Уну в город к Нефри. Он, слышно, стал гончаром и будет рад помощнику, а у нас — одним ртом меньше.

* * *

Лачуга дяди Нефри служила ему и жильем, и гончарной мастерской. Она стояла на узкой улочке, примыкавшей к базару. Дом мало чем отличался от соседних домишек, таких же приземистых и тесных. В этих домах жили и работали ремесленники. Уна скоро познакомился с каждым из них.

Вот тут, сразу догадаешься, живет кожевник — далеко вокруг разносится смрадный запах шкур, мокнущих в чанах.

Рядом — лачуга сандальщика, горемычного бедняка. Когда

сандальщик дергает дратву зубами, так и кажется, что это он с голоду грызет кожаную подошву.

Прачечник, что живет напротив, редко бывает дома: от зари до зари стирает он белье на берегу Нила. Его жена и дети не знают, вернется ли он вечером домой, или крокодил утащит его в реку, как это нередко случается с прачечниками и рыбаками.

Дядя Нефри целый день крутит колесо гончарного круга. И вечером, когда все ложатся спать, он зажигает светильник и трудится до глубокой ночи.

Чадит тусклый фитилек, поскрипывает гончарный круг... Уне не спится. Он поднимается со своей циновки, становится за плечом у дяди Нефри и внимательно приглядывается к движениям его перепачканных глиной рук.

Когда дяде Нефри случается сделать какой-нибудь особо удачный сосуд, он долго оглядывает его со всех сторон, похлопывает ладонью по звонкому боку и говорит с довольной улыбкой:

— Воистину, славная работа, не стыдно на базар нести. То-то будет радости человеку, который купит этот сосуд. Смотри, Уна, и учись, покуда я жив.

Уна учился.

Но вот наступил день, когда дядя Нефри отправился в царство мертвых. Родные и соседи проводили его на левый берег Нила, где широко раскинулось огромное кладбище.

Нефри зарыли в яму на самой окраине кладбища, где хоронили бедняков, без гроба и одежды, лишь дощечка с заупокойной молитвой к богу Осирису была, по обычаю, положена с ним в землю.

Совсем иначе в это же самое время хоронили какого-то богатого вельможу. Впереди большой погребальной процессии несли статую бога смерти Анубиса, который проводит душу умершего в загробный мир. Носильщики сгибались под тяжестью различных вещей, которые понадобятся богачу в царстве мертвых: они несли лодку, колесницу, сундуки с одеждой, ларцы с украшениями. Нанятые плакальщицы заламывали руки в показном отчаянии, слышались их громкие крики и рыдания. Богато украшенный гроб — саркофаг стоял под балдахином на больших салазках, которые тянули несколько пар быков. Гроб сопровождали жрецы, размахивавшие кадильницами. Следом шли родственники и друзья умершего, его слуги и рабы.

Уна проводил глазами погребальную процессию, которая двигалась к заранее приготовленной гробнице, и с грустью перевел взгляд на свежезакопанную яму. Он подумал, что теперь будет единственным кормильцем Тии и ее матери. Хорошо хоть, что дядя Нефри успел обучить его ремеслу и оставил в наследство добрый гончарный круг.

* * *

Однажды какой-то человек купил сработанный Уной большой кувшин и сказал:

— Отнесешь кувшин — тогда получишь деньги.

Человек оказался слугой богатого вельможи.

— Мой господин, — стал хвастаться он по дороге, — очень важный человек: он царский писец и носитель опахала справа от царя.

Слуга привел Уну в ту часть города, где ему редко приходилось бывать: за высокими заборами прятались особняки богачей.

Подойдя к одному из особняков, слуга толкнул калитку и впустил оробевшего Уну в сад.

— Подожди здесь, — сказал слуга и ушел в дом, забрав кувшин.

Уна с любопытством осмотрелся вокруг.

В саду и во дворе, у конюшни и возле хозяйственных построек, работали люди — по виду слуги и рабы. Одни доставали воду из пруда, другие поливали деревья и цветочные клумбы, кто-то чистил лошадей, кто-то кормил охотничьих собак. Из открытых дверей кухни тянуло незнакомыми, но очень вкусными запахами. Немного погодя слуга вышел из дома.

— Моему господину понравился твой кувшин. Он сказал, что его сделал искусный мастер, и приказал заплатить тебе вдвое против договоренного.

Он протянул Уне несколько медных колец.

Уна взял деньги, крепко зажал их в кулаке и поклонился.

Выйдя на улицу, он припустился бежать, но на углу остановился и пошел дальше степенным шагом. Пусть прохожие видят, что не мальчишка бежит по улице, не чуя под собой ног от радости, а возвращается в свою мастерскую искусный мастер.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ БЛАГОВОНИЙ

Путешествие в страну Благовоний (или, как ее называли египтяне, страну Пунт) известно нам по надписям и рельефам храма Амона, близ Фив. Очевидно, эта страна находилась на территории современного Сомали. Мореплаватели на утлых суденышках проделали путь в две тысячи километров. В 1976 году французские исследователи Рене де Ториак и Жиль Артаньян на корабле древнеегипетского типа под названием «Пунт» повторили знаменитое плавание времен царицы Хатшепсут.

«Обрати свое сердце к книгам!» Я, писец Падиусет, заносил под диктовку учителя на папирус эти слова столько раз, что, казалось, они были выжжены в моей памяти. Шесть лет — день за днем — меня приучали к мысли, что в книгах, и только в книгах, заключена высшая мудрость. Я, подобно другим

ученикам школы в Фивах, думал, что человек, не читавший книг и не овладевший искусством письма, — жалкий червь. Ветер странствий сдул с меня спесь школьной учености. Я стал уважать людей моря, узнал мир. Послушайте мою историю, как я ее запомнил благодаря владычице памяти богине Маат.

Все началось с того, что в школьную комнату ворвался эфиоп Рету, раб нашего учителя. Вращая белками глаз, он делал ему знаки, из которых можно было понять: кто-то срочно хочет видеть учителя.

Надо ли говорить, что мы всегда радовались возможности отдохнуть от его монотонного голоса и пальмового прута, который он жалел куда меньше, чем наши спины. Мы благословляли Тию, тощую и крикливую жену учителя, за ее обыкновение отрывать супруга от занятий. Наверное, и сейчас что-то стряслось в их доме, полном детьми, как сеть рыбами.

Но на этот раз все было иначе. Показался учитель. Лицо его было не столько строгим, сколько торжественным. Глядя поверх наших голов, он почти что пропел:

— Падиусет!

Я вскочил, но ноги не держали меня. В коленях ощущалась отвратительная дрожь. «За что меня будут бить? — думал я. — Стукнул Яхмеса? За это уже били. Наверное, ябеда нажаловался отцу, носителю царских сандалий, и теперь всыпят по-настоящему?»

— Падиусет! Пойдем со мной! — голос учителя звучал, как в тумане.

И, как его отголосок, за спиной раздавалось отвратительное хихиканье Яхмеса. Мало ему одного синяка!

Не помню, как я оказался в прихожей, а затем и в комнатке учителя, справа от входной двери.

Там сидел человек лет сорока, широкоплечий, с коротко остриженными седеющими волосами. На лбу у него был шрам, а на правой руке не хватало мизинца. «Нет, это не отец Яхмеса», — заключил я и, приветствуя незнакомца, почтительно сложил руки на груди.

Разглядывая меня в упор, незнакомец ответил кивком.

— Ваша милость! — обратился учитель. — Это тот мальчик, которого вы хотели видеть, Падиусет. Лучший ученик в моем классе.

Я искоса взглянул на учителя. Что это ему вздумалось меня расхваливать. И ведь только сегодня он назвал лучшим учеником Яхмеса.

Лицо незнакомца осветилось улыбкой.

— В моем деле, — сказал он, — лучший может оказаться худшим. Умеет ли он у тебя драться?

— Этому я не учу! — обиженно отозвался учитель. — Но, насколько мне известно, Падиусет сможет постоять за себя.

— Вот и хорошо, — сказал незнакомец миролюбиво. —

Прошу тебя сообщить родителям этого юноши, что им оказана честь. Я, Хебсен, посол ее величества Хатшепсут, да будет она жива, здорова и невредима, принимаю Падиусета в экспедицию и назначаю писцом.

— У Падиусета нет родителей, у него дядя, — молвил учитель.

Наш учитель любил точность во всем. Мы к этому успели привыкнуть, а царский посол, как мне показалось, не любил излишних подробностей.

— Пусть дядя, — оборвал он раздраженно, — скажи ему, что его племянник отправляется в страну Пунт, где не бывал ни один египтянин.

— Позвольте, ваша милость, — торопливо проговорил учитель.— В древних книгах говорится, что при фараоне Сахура в нашу страну было доставлено 80 тысяч мер мирры[1] и 2600 кустов черного дерева. Кормчий Хви посетил страну Пунт одиннадцать раз...

— А когда жил этот Хви? — перебил царский посол.

— Полторы тысячи лет назад! — выпалил учитель, как хорошо заученный урок.

— О! Так давно! — небрежно отозвался посол. — Кто запомнил дорогу в страну Пунт? Скажи ты, знающий свитки, как туда плыть? Сколько времени отнимет плавание? Будет ли ветер дуть в нос или на корму?!

Учитель молчал.

— Вот видишь. Твой Хви об этом не написал, а он, — посол торжественно ткнул рукой в мою грудь, — напишет. Через много лет люди будут знать, где находится страна Пунт, какой народ ее населяет, какими он владеет богатствами. Идем, Падиусет.

Я простился с учителем, поблагодарив его за то, что он обучил меня грамоте.

Мне показалось, учитель доволен тем, что Хебсен одобрил его выбор. Мог ли он предложить Яхмеса или другого какого-нибудь ученика, у которого знатные и богатые родители? С ними было бы много хлопот. А я не знаю отца. Моя мать не назвала его имени. И Яхмес дразнил меня: «У тебя нет отца!»

Уже на улице я услышал голос учителя:

— Падиусет, привези мне маленькую обезьянку! Не забудь!

* * *

Мы двигались по красным, раскаленным от солнца пескам, изнемогая от жары и жажды. Труднее всего было рабам-носильщикам. Сколько их осталось в пустыне! Не счесть.

[1] Смола дерева, растущего в тропках. Она обладала стойким ароматом, благодаря чему в древности ценилась на вес золота.

На шестой день пути вдали показалась голубая полоска. И только тогда Хебсен нарушил угрюмое, сосредоточенное молчание, в которое был погружен все эти дни.

— Выше голову, мальчик! Вот и наши корабли!

Глаза Хебсена сверкнули яростным блеском, словно в них проснулась усыпленная зноем пустыни жажда странствий.

Я прибавил шагу. Полоска становилась все шире и шире. Уже можно было увидеть покачивающиеся у берега корабли. У них были загнутые носы, невысокие мачты с широким парусом и два весла на корме. Корабли были раза в два больше тех, что плавают по Нилу.

Я обрадовался, решив, что мне придется описывать море, берег, корабли, и вспоминал, какие для этого требуются иероглифы. Но работа оказалась совсем не интересной. Сидя на корточках, я под диктовку Хебсена записывал, что грузилось в трюм каждого из пяти кораблей нашей экспедиции.

— Двадцать мешков ячменя. Шесть бурдюков черного пива. Тридцать бурдюков воды.

Я удивленно повернул голову. К моему стыду, я тогда еще не знал, что в море вода соленая.

— Из моря не напьешься! — пояснил Хебсен. — Воды надо запасти хотя бы на месяц.

— Луков шесть, — продолжал он после паузы. — Колчанов со стрелами двенадцать.

Один из рабов споткнулся и выронил свою ношу. Из мешка высыпались десятки металлических зеркал, и в каждом из них сияло солнце.

— Никогда не видел столько зеркал сразу, — признался я.

— Любят они эти побрякушки, — сказал Хебсен, воспользовавшись перерывом в погрузке. — Однажды меня послали на один из островов, — он показал в открытое море. — Там за каждое зеркальце платили жемчугом.

Поняв, что слово «жемчуг» мне ни о чем не говорит, он добавил:

— Это такие блестящие камешки, которые бывают в раковинах. Чтобы их добыть, нужно спуститься на морское дно. Поэтому они ценятся на вес золота.

Его слова были прерваны появлением шести рабов, согнувшихся под тяжестью какого-то предмета. Да ведь это статуя нашей владычицы Хатшепсут, да будет она жива, здорова и невредима!

Я почтительно склонился. Мне, конечно, никогда не приходилось бывать во дворце и лицезреть лучезарную на троне, но в новом храме Амона, куда меня водил дядя, на каменных стенах было множество рисунков с изображением Хатшепсут.

— За день до нашего отправления из Фив, — сказал Хебсен, — владычица вызвала меня во дворец. В возвышенных

Статуя царицы Хатшепсут из храма Дейр-эль-Бахри. *Начало XV в. до н. э.*

словах, какие приличествуют дочери Амона, она объяснила мне, как важно, чтобы я открыл путь в страну Пунт и доставил оттуда в храм ее отца[1] мирровые деревья. В знак милости царица разрешила взять с собой эту статую, которую я прикажу поставить на носу первого из кораблей, чтобы взор владычицы первым коснулся дорогой ее сердцу страны Благовоний.

Быстро стемнело. Погрузка продолжалась при свете факелов. Полуобнаженные рабы все таскали и таскали мешки, бурдюки, ящики, оружие. Моя рука делала почти механические движения. Ломило спину. Слипались глаза. Потом я узнал, что заснул во время записи погрузки на третий корабль. Хебсен приказал отнести меня на палубу первого судна. Я не видел, как были подняты якоря и как флотилия отправилась в плавание.

* * *

Великая Синь развертывалась, как свиток папируса, и корабли оставляли на ее поверхности иероглифы из белой пены. Корабли писали по морю своими высокими носами, но еще не родился писец, который мог бы прочитать эти письмена.

За время плавания я изучил не только каждый уголок корабля, но и познакомился с людьми моря. Сердца их неустрашимее, чем у льва, а взор острее, чем у сокола. И возвещают они бурю до наступления ее и грозу до прихода ее, находят дорогу по звездам. Один отважнее другого, и не было среди них недостойного.

Большинство моряков были родом из города Библа, славившегося своими ремесленниками и прежде всего строителями кораблей. В Библе были построены и корабли, отправившиеся по приказу владычицы Хатшепсут на поиски страны Пунт. Корабли, как мне рассказали мореходы, прошли вдоль фини-

[1] Храм в Дейр-эль-Бахри, к западу от Фив, был сооружен в скалах по приказу царицы Хатшепсут. Он был украшен привезенными из Пунта мирровыми деревьями, а на стеках его до сих пор сохранилась надпись о плавании.

кийского берега, вступили в восточный рукав Нила и оттуда прошли каналом в Великую Синь. Канал этот был судоходным лишь во время высокой воды, когда разливался Нил.

Справа по борту тянулся пустынный берег. Это жалкая страна Куш[1], которую боги лишили воды. Люди, приходившие сюда за золотом, умирали от жажды. По словам Хебсена, каждый из прежних царей приказывал прорыть здесь колодец, но всех постигала неудача.

Я смотрел по сторонам. Иногда из воды высовывались огромные рыбы с зубастыми пастями, как у крокодилов. Впервые увидев их, я закрыл лицо руками. Хебсен сказал:

— Не закрывай от страха лица своего, Падиусет. Это морские гиены. Не опасны они тем, кто на корабле. Хочешь, я брошу за борт крюк и выловлю одну из этих тварей.

— Не надо, Хебсен, — взмолился я. — Пусть морские гиены плывут своим путем, а мы своим.

После двух месяцев пути вид берега изменился. Повсюду можно было видеть ярко-зеленые деревья, покрывающие холмы. Еще через неделю берег повернул вправо, и корабли, следуя его изгибам, вступили в обширный залив.

— Страна Благовоний! — торжественно проговорил Хебсен.

Он пал на колени, прославляя Амона. Я и все, кто был на палубе, последовали его примеру. И только гребцы мерно поднимали и опускали весла, направляя корабль к берегу.

Нашему взору открылось необычайное зрелище. Мы увидели деревню: тростниковые хижины стояли на столбах, как на ходулях. Люди были чернее смолы. Они удивленно вздымали вверх руки. Видимо, им еще не приходилось видеть корабли.

А еще через некоторое время произошла удивительная встреча, которая запомнилась мне навсегда. Мы стояли на берегу. Навстречу нам двигалась процессия: вождь этой страны, его жена, женщина невероятной толщины (можно было удивляться тому, как она передвигается), несколько менее толстые дочери и придворные. Еще издали я заметил в руках у царя какую-то кривую палку.

— Почему у вождя кривой жезл? — удивился я.

Хебсен не смог сдержать улыбки.

— Какой это жезл? Кривых жезлов не бывает. Это «вернись, дубинка».

— Ты хочешь сказать, что эту палку можно бросить и она возвратится?

— Вот именно. Мне неоднократно приходилось наблюдать, как это делается. Так заносят руку...

---

[1] Находящаяся к югу от Египта Нубия, с давних пор завоеванная фараонами. В египетских текстах она постоянно называется жалкой, поскольку была лишена воды.

Хебсен внезапно замолк, очевидно поняв, что сейчас не время для объяснений.

Вождь обернулся и что-то произнес на своем гортанном наречии. От его свиты отделился человек и, обращаясь к Хебсену, как к старшему, произнес на нашем ломаном языке:

— Пусть хранят тебя боги!

— И тебя также! — ответствовал Хебсен.

— Мой повелитель хочет знать, — продолжал он, — как вы прибыли в его страну — морем или спустились с неба?

— Мы прибыли на кораблях, — невозмутимо ответил Хебсен.

— Кто вы такие? — последовал вопрос.

— Я посол царицы Хатшепсут, владычицы Верхнего и Нижнего Египта, повелительницы страны Куш. По ее приказу я привез вам дары.

Хебсен сделал мне знак. Я развернул свиток и стал его читать, перечисляя захваченные нами товары. Толмач едва успевал переводить. Вождь одобрительно покачивал головой. Его жена и дочери щелкали языками, предвкушая радость обладания невиданными сокровищами. А потом Хебсен назвал то, что хотели бы иметь мы.

Стемнело. Небо покрылось звездами. Мне показалось, что они крупнее, чем у нас в Египте. Воздух был напоен одуряющим ароматом. И даже завывания, уханье и хлопанье каких-то зверей или птиц не могли отвратить меня от сна. Я уснул тут же на берегу.

Едва протерев глаза, я помчался к кораблям. Там уже кипела работа. Гребцы сносили на берег наши богатства и, вынимая из мешков, раскладывали на земле. Моряки наполняли бурдюки водой. Одновременно пунтийцы расставляли свои приношения. Чего тут только не было! Шкуры леопардов, слоновые бивни, деревянные клетки с павианами и мартышками, борзые собаки, ароматная смола, черная краска для глаз. Привели рабов. Это были рослые и сильные чернокожие мужчины в деревянных колодках. Тут же были черные человечки ростом с восьмилетнего мальчика. Но что это? С места двинулся лес? Я не ошибся, носильщики несли кадки с цветущими мирровыми деревцами.

На следующий день мы подняли паруса и распростились с прекрасной страной Пунт. Не буду утомлять вас рассказом о трудностях, которые встретили нас на обратном пути.

Вам может показаться невероятным, но он отнял у нас более двух лет. Не буду рассказывать о буре, посланной враждебными богами, о волнах высотою в десять локтей. Слава Амону, мы вернулись благополучно, и столица встречала нас как победителей. Сама Лучезарная ожидала нас в храме Амона во главе придворных и жрецов. Увидев кадки с мирро-

выми деревьями, она вознесла хвалу своему небесному отцу и воскликнула:

— Теперь ты можешь гулять в своем саду, как в Пунте!

Мне было приказано занести эти слова вместе с кратким рассказом о нашем плавании на стены святилища Амона.

Резец стал моим плугом, а каменные плиты пашней. Я проводил борозды и сеял слова, чтобы посещающие храм могли узнать о стране Благовоний. Но так как не все разумеют божественные знаки, я тем же резцом изобразил берег, заросший невиданными деревьями, хижины на столбах, вождя с «вернись дубинкой», его необъятную супругу и дары, какие мы доставили в Египет. Вот и наши корабли с носовыми канатами, брошенными на сушу. Приглядитесь, и вы увидите меня на палубе рядом с Хебсеном, чье сердце неустрашимее, чем у льва. А вот обезьянка, которую я подарил учителю за то, что он выбрал меня, а не Яхмеса, чей отец был носителем царских сандалий.

Знайте, что все это исполнил я. Владычица похвалила меня и назначила Главным писцом дворца. Мне было милостиво дозволено построить себе гробницу из твердого камня, как человеку, имеющему знатных предков.

БИТВА ПРИ КАДЕШЕ

Кадеш — город на реке Оронт, разделявшей владения Египта и Хеттской державы. В 1296 году до н. э. у Кадеша встретились египетское войско во главе с Рамсесом II и армия хеттского царя Муватала.

На четвертом году своего царствования Рамсес II, фараон Египта, предпринял очередное путешествие. На сей раз в те районы Палестины и Сирии, где, несмотря на походы его отца, Сети I, непрочными были власть и влияние Египетской державы.

Маршрут юного фараона, которому было всего двадцать с небольшим лет, был проложен вдоль береговой линии: неровен час (охрана фараона была вообще невелика), нагрянут вражеские войска. И дабы спокойнее протекало путешествие, плыла вдоль берегов эскадра египетских кораблей, узконосых, под треугольными парусами. В любую минуту в случае необходимости можно было погрузиться на корабли.

Дружеский визит в земли, принадлежавшие финикийцам? Несомненно. Но одновременно и своего рода разведка: от Библа до Кадеша, крупного укрепленного пункта хеттов, по прямой такое же небольшое расстояние, как от Тира до Берита.

Рамсес ни с кем не делится своими планами. Но в горделивых мечтах ему хочется нанести поражение хеттам, восстановить власть Египта над Северной Сирией, расширить египетские границы.

О том, что не худо бы взять реванш за успехи египтян, воспользовавшихся неурядицами в царстве хеттов, в свою очередь, размышляет и хеттский царь Муватал.

...Через некоторое время Муватал объявил недействительными заключенные во времена Сети соглашения.

Хеттскую армию составляли не только хетты, но и отряды подвластных им народов. Кроме того, были еще и наемники.

Большая часть пехотинцев была вооружена копьями и короткими мечами. Но некоторые соединения, в частности те, которые состояли из бедуинов, имели на вооружении луки со стрелами. Всего примерно семнадцать тысяч человек пехоты и десять с половиной тысяч воинов на колесницах, которых насчитывалось три с половиной тысячи.

Вся эта армия была готова к войне.

Готовился и Рамсес, он не собирался ждать, пока хетты начнут наступать. Прежде всего, провели дополнительный набор в армию. Если новобранцы выражали недовольство, их умиротворяли простейшим способом: били палками прямо посреди деревенской площади.

В назначенный день воины получали оружие. Каждому солдату выдали большой деревянный щит, обтянутый шкурой быка или газели. На голове у воинов войлочные шапки, ноги и руки защищают дощечки, привязанные ремнями.

Только фараон, знать и военачальники носили своего рода латы — кожаную рубашку с бронзовыми бляхами, а на голове — шлемы.

Пехота была вооружена копьями, боевыми топорами и боевыми серпами, а те, кто сражался на колесницах, — луками. В специальных ящиках хранились стрелы с различными наконечниками: кремневыми, бронзовыми или сделанными из твердых пород дерева.

В феврале небо над Сирией сумрачно, идут дожди, в горах лежат снега, дороги практически непроходимы. В марте и апреле погода становится лучше, но еще дождливо, сыро. И лишь во второй половине апреля приходит весна: голубеет небо, ярко светит солнце.

Рамсес не теряет ни одного дня. Все рассчитано едва ли не по часам. Надо опередить противника: в горах непогода длится дольше и хетты пока что не могут перейти в наступление.

16 апреля каждый воин получил продукты на десять дней пути. Груз не слишком обременительный: немного хорошо испеченного хлеба и несколько пучков чеснока.

17 апреля египетская армия начала стремительное наступление. Первым покинул «Крепость Рамсеса», новый город, построенный в дельте Нила, головной отряд. Непосредственно за авангардом следовал Рамсес, окруженный своей гвардией. Идут члены семьи фараона, идут военачальники, писцы, идет

отряд шарданов, вооруженных длинными мечами и круглыми щитами с металлическими нашлепками, идут подразделения. Подразделениям присвоены имена богов — корпус[1] Амона, корпус Ра, корпус Сета, корпус Пта.

В каждом корпусе в первых рядах — колесницы. Возничие держат равнение, кони — сама удаль. Затем следует пехота. Замыкает колонну обоз. Тут же осадные орудия.

Двадцать пять километров в сутки. В Газе на один день привал. Потом движение возобновляется. Армия Рамсеса беспрепятственно продвигается вперед. Вот уже земля аморитов. Еще несколько переходов — и виден Кадеш.

Противник то ли не знает о прорыве, то ли отошел.

Вперед, только вперед.

Внезапно к Рамсесу приводят двух бедуинов. Это перебежчики. «Мы хотим, — говорят они, — служить в войсках фараона и не желаем иметь ничего общего с этим трусом Муваталом. При одной вести о том, что египетская армия перешла в наступление, он увел свои войска на север в страхе перед армией фараона».

Значит, противник действительно ушел? Превосходно. Будет не так уж трудно взять Кадеш, вряд ли там оставлен большой гарнизон.

Еще какое-то время Рамсес со своими войсками движется по правому берегу Оронта. Берега становятся низкими, и река мелеет на перекатах — ее можно перейти вброд.

...Левый берег все ближе. Передовые подразделения вступают на хеттскую территорию. Редкий лес, затем снова река, совсем небольшая. Там, где она впадает в Оронт, стоит Кадеш. Со всех сторон крепость окружают водные преграды. С востока — Оронт, на западе и севере — ее приток, с юга — глубокий, наполненный водой ров.

Рамсес продвигается еще немного вперед, а затем останавливается северо-западнее Кадеша — надо подтянуть силы.

Около двенадцати часов дня. Печет солнце. Рамсес отправился поспать в палатку. Там хоть и душновато, но все же не так жарко. Солдаты корпуса Амона тоже отдыхают: кто сидит, кто лежит, кто дремлет. Возничие распрягают коней.

Корпус Ра находится не очень далеко от корпуса Амона. Но от корпуса Пта его отделяет около семи километров. Примерно на таком же расстоянии от него корпус Сета.

А между тем дела обстояли далеко не так просто, как казалось Рамсесу. С того момента, как он вступил в пределы хеттского государства, и даже ранее, когда он шел через земли аморитов, за движением его армии следили десятки опытных

---

[1] Крупный отряд египетской армии назывался «меша» — мы заменяем его словом «корпус».

разведчиков. Когда Рамсес стал подходить к Кадешу, хеттская армия заняла позиции в лесах северо-западнее крепости. А часть ее была послана на подкрепление гарнизона Кадеша. Именно тогда по приказанию Муватала в египетский лагерь отправились перебежчики. Они, как мы знаем, неплохо справились с задачей.

И вот долгожданный час: корпус Амона во главе с Рамсесом расположился на отдых.

...В самый последний момент патрулям Рамсеса удается захватить двух вражеских разведчиков. Несколько ударов палками развязывают языки. «Нам приказано следить за вами и докладывать о всех ваших действиях».

Сообщение настолько важное, что о нем доложили Рамсесу. «Где хеттское войско? — спросил он. — Разве оно не в Алеппо?» «Хеттские войска здесь, — отвечает разведчик. — У царя Муватала столько воинов, сколько песку в пустыне».

...Хетты действительно здесь. Еще не успел прозвучать сигнал тревоги, как началась их атака. Прежде всего они нанесли удар по корпусу Ра, и удар настолько удачный, что египетские колесницы отступили.

Они внесли сумятицу в ряды корпуса Амона, да к тому же здесь тоже не сумели толком приготовиться к битве.

Началась паника. В кольцо окружения попал и сам фараон.

Муватал торжествовал. Пока все идет так, как и было задумано. Его войска в неожиданном броске опрокинули врага. Победа близка. Остальные два корпуса египтян не могут оказать помощь своим попавшим в беду соплеменникам.

Между тем зреет сопротивление. Рамсес бросил в контратаку шарданов. Еще одна яростная контратака. Ее возглавил сам Рамсес. В боевой колеснице несется он на врага, стреляя из лука, и перед ним разбегаются чужеземные воины.

Пока это еще только начало, и хетты не придают особого значения этой контратаке. Часть их отрядов вообще занята тем, что собирает трофеи.

Между тем напор египтян крепнет. В одном месте им удалось прижать противника к реке, даже отбросить его за реку.

Угасшее пламя боя разгорается с новой силой. Муваталу не остается ничего другого, как бросить в бой резервы.

Снова наступает критический момент для египтян. Положение осложняется настолько, что возничий фараона даже пытается повернуть коней.

Воины-шарданы стоят незыблемо. Но силы египтян тают.

И вдруг происходит чудо. Сначала раздается глухой топот, потом в стане врага начинается замешательство. Это корпус Сета. Он поспевает вовремя. С ним — остатки возвращающегося на поле боя корпуса Амона.

Через некоторое время на поле сражения появляется и кор-

пус Пта. Соотношение сил резко меняется. Теперь к обороне переходят хетты.

Переменчиво воинское счастье. В конце концов Муватал прекращает контратаки. Он вообще не хочет больше рисковать. Тем более что крепость Кадеш в его руках, ему есть куда отвести войска. Пусть попробует потерявший так много воинов Рамсес взять крепость.

На поле боя остаются только египетские войска.

...Каждая сторона потом приписала победу себе.

А Рамсес позаботился о том, чтобы о ней напоминали рельефы в Фивах и в знаменитом скальном храме Абу-Симбела.

Каменная летопись Абу-Симбела сохранилась до наших дней.

УТЕС НА НИЛЕ

Существует нечто, перед чем отступает и безразличие созвездий, и вечный шепот волн. Это деяния человека, отнимающего у смерти ее добычу.

Из древнеегипетского папируса

Уступами спускается к Нилу горная гряда из белого и розового песчаника. В ней, прямо в скале, высечен храм, вход в который охраняют четыре двадцатиметровых каменных гиганта, изображающих фараона Рамсеса II в образе бога.

Тридцать три метра в высоту имеет храм, тридцать восемь в ширину. А рядом, отделенный лишь песчаной грядой, еще один храм, поменьше, тоже высеченный в скале, храм жены Рамсеса Нефертари. Эти сооружения построены тридцать три века назад.

* * *

XIII век до н. э. В Египте царствует фараон Рамсес II. Походы, победы, поражения, вновь победы. И наконец, желанный мир. Могучий хеттский царь Хаттусили III, захвативший чуть ли не всю Сирию, отдает Рамсесу в жены свою дочь. Обе стороны обязуются жить в мире и даже помогать друг другу в случае народных восстаний. В различных городах Египта возводят храмы. Но самый величественный из них Рамсес приказывает вырубить у границ Нубии.

Невероятно трудным делом было строительство этого храма.

Многие годы подряд, когда Нил заливал своими илистыми водами прибрежные поля и на время прекращались полевые работы, надсмотрщики сгоняли тысячи свободных земледельцев к утесу, ныне носящему имя Абу-Симбел. Вместе с ними

трудились и рабы. Нещадно пекло солнце. Пыль слепила глаза, попадала в рот и уши.

Сначала в скале высверливали отверстие, чтобы в него мог войти кол, который смачивали в воде, а потом забивали, продолжая лить воду. Дерево разбухало и разрывало камень.

Так двигались вперед, медленно отвоевывая у скалы пласт за пластом, расчищая себе дорогу, вырубая с помощью каменных и бронзовых топоров, а также долот проходы и внутренние помещения. Отколотую породу вывозили на катках, вновь рубили, врезались в скалу, высекали залы, колонны, статуи. День за днем, месяц за месяцем. Немало было иступлено резцов, немало утекло воды в Ниле, прежде чем ожили под искусной рукой ваятелей безгласные камни.

Тридцать два века спустя французский египтолог, один из первых европейцев, увидевший этот храм, писал в восторге: «Постарайся представить себе собор Парижской богоматери, вырубленный в целом утесе... Ни одно европейское сооружение не может дать представление о труде, вложенном в это гигантское святилище».

* * *

Египетским владыкам для устрашения подданных, для усиления своей власти нужно было, чтобы их считали богами. Ни сил, ни средств не жалели фараоны для упрочения своего могущества. Весь храм Абу-Симбела подчинен одной общей идее: поразить воображение, возвеличить власть фараона, показать, что не только земные, но и небесные силы на стороне владыки. Вот он сидит — бесстрастный и спокойный, опустив на колени гигантские каменные руки, устремив в бесконечность холодный и внимательный взор. Царь и бог одновременно, владыка судеб, жизни и смерти. И горе тем, кто посягнет на его власть, кто помыслит не подчиниться ему! Высеченные из цельного камня, эти фигуры торжественны и величавы, они приводили в трепет и внушали суеверный страх.

По два слева и справа у входа разместили мастера гигантов — пропорционально сложенных, с суровыми чертами лиц. Рельефно выделяясь на фоне высеченного в скале прямоугольника (пилона), они видны издалека. У ног каждого изваяния — небольшие фигуры жены и детей Рамсеса, которые еще более подчеркивают необычайную величину колоссов.

Ранним утром лучи восходящего солнца выхватывают из полумглы огромные изваяния. Вначале розоватые, потом темно-красные колоссы особенно четко вырисовываются на фоне иссиня-черных теней, отбрасываемых ими на пилон.

Затем лучи проникают внутрь храма и освещают стоящие здесь в два ряда восемь статуй меньшего размера, тоже изображающих Рамсеса. Луч скользит по холодным волевым лицам запрятанных в пещере каменных двойников. В этом своя

символика: бог солнца приветствует своего земного собрата Рамсеса, царя царей и божество.

Храмы в Древнем Египте состояли из четырех главных частей: огромных пилонов (сужающихся кверху башен), между которыми находился вход, двора, окруженного колоннами, главного зала с массивными колоннами и святилища. И хотя храм в Абу-Симбеле не строился, а высекался в скале, Рамсес приказал вырубить в толще гранита все необходимые помещения.

Трудно представить себе что-нибудь фантастичнее идеи вырубить в скале пещеру, изображающую двор. Но в Абу-Симбеле воплощена эта фантазия. Проход между колоссами ведет в такую пещеру. О том, что это не зал, а храмовый двор, свидетельствуют синее небо, желтоватые звезды и парящие священные коршуны, изображенные на потолке.

И до сих пор по утрам, когда лучи солнца отражаются от полированного пола пещеры, на потолке вспыхивают никогда не меркнущие восковые краски, секрет которых унесли с собой художники Древнего Египта. Восемь гранитных столбов держат этот удивительный потолок, а около каждого из них стоит десятиметровая статуя фараона Рамсеса II в виде бога Осириса с жезлом и плетью в руках. Гигант, упершийся головой в небо, — уже одно это делает статую как будто еще выше, чем она есть на самом деле. А то, что она вырублена из того же куска, что и гранитный столб за ее спиной, создает ощущение сверхчеловеческой мощи.

Следующий проход ведет из пещеры-двора в пещеру-зал с четырьмя приземистыми столбами, занимающими большую часть вырубленного в скале пространства.

Двор храма доступен для всех свободных, а зал — только для знати. Столбы и каменные стены зала от пола до потолка покрыты рельефами, прославляющими победы Рамсеса. Высоко над головой поднимает фараон боевую палицу, и сотнями падают поверженные враги. Чтобы возвеличить владыку, художник изобразил его гигантом, которому простые воины достают чуть повыше колена.

Медленно движется над горизонтом солнце, и вместе с его лучами как будто движутся и изображения на стенах Абу-Симбела. Но это всего лишь игра светотеней. В египетских рельефах поверхность камня, которая служит фоном, оставлена нетронутой, а контуры фигуры врезаны в каменный массив. Линии кажутся как бы прочерченными темной тушью и меняют свою толщину в зависимости от направления солнечных лучей.

Все глубже и глубже внутрь пещерного храма проникает солнечный луч. Вот он выхватил из темноты треугольник двери и на мгновение проник в святилище.

Сюда, в обитель самого бога, могли приходить только

жрецы. А для них незачем было прославлять фараонов. И стены «святая святых» грандиозного сооружения, на пятьдесят пять метров врезанного в глубь скалы, — голый, небрежно выровненный камень.

Колоссы и храмы строились как памятник Рамсесу. Но для нас, людей XX века, они превратились в памятники безвестным строителям, в памятники древней культуры и цивилизации. Сквозь тысячелетия донесли они память о великолепных мастерах Древнего Египта, изваявших эти каменные громады, трудом своим вдохнувшие в них жизнь.

ПИСЬМО ИЗ ФИВ

«Письмо из Фив» написано от имени хетта, попавшего в Египет после битвы при Кадеше. Содержание его соответствует нашим знаниям о быте египтян в XIII веке до н. э.

Сто лет жизни тебе, Мурсили! Да множатся твои стада! Я обещал написать сразу же, как приеду в Египет, но только теперь, по истечении трех лет, посылаю первое письмо. В этой стране так много удивительного и непохожего на нашу жизнь, что для того, чтобы во всем разобраться, требуется время. Я решил — лучше нарушить свое обещание, чем поступать по примеру тех, кто на основании первых беглых впечатлений распространяет всяческие небылицы.

Если ты спросишь, что больше всего меня поразило в Египте, я отвечу тебе: Нил. Поистине, это божественная река! Египет создан Нилом и существует благодаря ему. Летом, когда стоит такая жара, что кажется, могут расплавиться камни, внезапно начинает дуть северный ветер, который все крепчает, превращаясь в ураган. В это же время вздувается Нил и заливает всю страну. Несколько месяцев долина реки напоминает море с зелеными пятнами островов. Осенью река возвращается в свои берега. На освободившиеся от воды земли египтяне пускают стада свиней, а иногда овец и баранов. Погонщики гонят их по жидкой грязи, а сеятель, поддерживая на плече сумку, бросает зерно скоту под ноги. Не подумай, что этим ограничивается труд земледельца. До того как зерно войдет в колос, приходится сооружать плотины, очищать от песка и ила, заполнять их водой из Нила. Я видел сотни полуголых людей, весь день гнущих спины под лучами солнца. Их можно сравнить с муравьями — так они трудолюбивы и упорны.

Египтяне сеют пшеницу, ячмень и лен. Колосья они срезают серпами и связывают их в снопы. После обмолота зерно

Утренний туалет царицы. Роспись храма.

свозят по Нилу в закрома, принадлежащие царю, храмам, господам. Земледельцам и их семьям едва хватает пищи до следующего урожая.

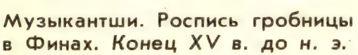
Людям, которые наблюдают за работами, ведут записи, выполняют поручения царя, живется здесь хорошо. Они не знают нужды. В домах у них много красивых вещей, которыми они гордятся. Я видел прекрасную мебель, шкатулки, одежды, затканные золотыми нитями. У тех, кто побогаче, много слуг — садовников, поваров.

А бедняки ютятся в жалких хижинах на краю города. Ничто не защищает их от палящего зноя и пыли, которую несет ветер пустыни. Обитатели этих хижин, как только восходит солнце, бегут к месту работы, где под охраной стражников они ломают камень, месят глину, перетаскивают тяжести. Бичи и палки гуляют по их спинам. Только после захода солнца расходятся они по домам. За свой труд они получают довольствие, которого едва хватает на пропитание одного человека.

Не раз мне приходилось бывать в домах египтян и принимать участие в трапезах. Обычно здесь едят три раза в день. Египтяне любят мясо и дичь. Рыба идет в пищу реже, а в некоторые дни и вовсе запрещается, особенно для жрецов. Украшением стола являются овощи — лук, чеснок, огурцы и зеленый салат. Из фруктов преобладают фиги и финики.

Главный напиток египтян — пиво. Имеется не менее двенадцати его видов, от слабого до крепкого, от которого кружится голова. Очень ценится вино, но его пьют реже, кажется, из-за дороговизны.

Музыкантши. Роспись гробницы в Финах. Конец XV в. до н. э.

Статуэтка «священной» кошки. XV в. до н. э.

Слух гостей часто услаждает музыка. Я заметил, что более всего египтянам приятны звуки арфы и кифары, но среди музыкантов есть флейтисты и барабанщики.

Египтяне любят животных, но, как я заметил, обращаться с ними не умеют. Они не разводят племенных лошадей, а покупают их прямо у нас. Среди конюхов много наших соплеменников. В домах они разводят кошек, которые ведут себя крайне бесцеремонно: прыгают на стол, на колени, царапают когтями дорогую мебель. И хозяева дома не только не гневаются на них, но смотрят на этих тварей с умилением. Когда кошка подыхает, по ней устраивают траур, как по любимому сыну. В некоторых домах я видел обезьян. Их привозят оттуда, где берет начало Нил.

Видел я и нильских белых гусей, разгуливающих по аллеям сада с такой важностью, словно они господа, а другие домашние животные и люди — их рабы. Египтяне считают гусей нечистыми птицами, но забавляются их прожорливостью. Гуси их намного крупнее наших. Прокорм гуся обходится богатому египтянину дороже, чем плата ремесленнику. Птицу кормят отборным зерном. Для нее ловят мелких рыбешек, она глотает их на лету и с грубым криком требует еще.

Не раз у нас в Хаттусе мне приходилось слышать, что египтяне — самый набожный народ в мире. Но только в Египте это суждение, если можно так выразиться, обрело плоть и кровь. В самом деле, в какой стране и каким царям, причисленным к богам, воздвигали более величественные гробницы, чем здесь? А где имеются храмы, которые по величине и великолепию могут сравниться с египетскими? Когда я был в храме Амона в Фивах, меня поразило огромное количество

стоявших рядами колонн. От них темно, как в лесу. За храмом до самого Нила, насколько хватает глаз, тянется аллея сфинксов. Но они совсем не похожи на наших — на львиных туловищах сидят бараньи головы, поскольку египтяне считают барана олицетворением кротости.

О пирамидах я не пишу. О них рассказывают все кому не лень. Лучше я опишу тебе лабиринт, который поразил меня больше пирамид. Представь себе пространство, на котором может уместиться три Кадеша. Оно состоит из трех тысяч помещений, предназначенных для жертвоприношений богам. Лабиринт имеет столько проходов и лестниц, что в нем легко заблудиться. Во всяком случае, я не рискнул бы пойти туда без проводника, даже если бы чужеземцев и пускали туда одних.

Богатства Египта привлекают кочевников из Ливийской пустыни, набеги которых египтянам приходится отражать. За год до моего приезда в Египет нападение ливийцев поддержали с моря наши соседи и враги туршу и шардана. Фараону удалось их разбить, а попавшие в плен служат теперь в дворцовой гвардии. Они щеголяют в шлемах с бычьими рогами, носят круглые щиты и готовы за царское золото воевать против своих соотечественников, если те вздумают напасть на Египет.

Да, золота в Египте что песку. Но не каждому известно, как оно добывается. Мне пришлось разговаривать с иудеем, который за какую-то провинность был отправлен добывать золото в страну Куш. Там несчастные пробивают ходы в скале и, протискиваясь в них, вытаскивают наружу каменные глыбы и обломки. Где ходы слишком узки, это делают дети. Вытащенный на поверхность камень разбивают в ступах медными пестами, пока он не превратится в гору горошин. Каменные горошины мелят вручную на жерновах и полученную муку растирают, добавив воды, на наклонных досках, отделяя песчинки золота от частичек камня. По словам иудея, труд в рудниках так тяжел, что даже самые крепкие люди не выдерживают там более двух-трех лет. Ему и еще двум рабам удалось бежать. Они прошли через весь Египет, а затем попали в нашу страну. На его несчастье, согласно договору, мы выдаем беглецов египтянам. Правда, господин оставил иудея при себе, так как тот, будучи в нашей стране, обучился ухаживать за конями.

Трудно в одном письме изложить все, что я видел за эти годы. Да и длинные письма напоминают тех гостей, которые уже встали из-за стола, но не уходят, надоедая хозяевам своей болтовней. Прощай!

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ В ДРЕВНОСТИ

ГИЛЬГАМЕШ И ЭНКИДУ

«Поэма о Гильгамеше» — величайшее из произведений древней литературы народов Передней Азии. Поэма состоит из ряда эпизодов, связанных с именем и подвигами легендарного царя государства Урук.

Там, где светлый Евфрат к морю воды стремит, высится город Урук[1]. Основали его семь мудрецов, стены сложили из кирпичей, пригнав один к одному, ряд к ряду прижав. И ветру не провеять меж них.

На стены эти взойди, по этим стенам пройдись, вспомни о видавшем все до края мира, о познавшем моря, перешедшем горы.

* * *

Был Гильгамеш царем Урука. Не было ему равного среди людей. На две трети — Бог, на одну — Человек. Оттого он был одинок и не знал, куда приложить богатырскую силу. Он хотел перекопать горы, повернуть течение рек, соорудить башню до грозовых туч и многое другое, что непосильно человеку. Народ же страдал от его затей, от его беспокойного сердца.

И взмолился народ Богине-Матери:

— О, Аруру! Уйми своего сына! Сотвори ему равного, чтобы он состязался с ним в отваге и дал людям отдых.

И вняла Богиня-Мать этой мольбе. Омыв руки, она отщипнула ком глины величиною с холм, бросила его на плоскую землю и по небесному образу Ану[2] вылепила Энкиду. Все его тело покрыто шерстью. Пряди волос как хлеба густые. Был он ростом ниже Гильгамеша, но костью крепче. И сказала она ему: «Энкиду! Иди и живи со зверями степными. Вместе с газелями ешь травы. Со зверями теснись у водопоя. Водой весели свое сердце».

Как-то юный охотник пришел за добычей и видит, что ловушки его сломаны, а ямы засыпаны. На глине след босой ноги, такой же, какой может оставить человек, только раза в

---

[1] Важнейший город шумеров на юге Двуречья.

[2] *Ану* — бог неба, покровитель города Урука.

три больше. Идя по следу, охотник пришел к водопою и замер в удивлении. Над водой склонился великан. Пряди волос его длинны, как у женщины, и густы, как колосья, не тронутые серпом. Ноги его как стволы, что привозят на кораблях из стран далеких.

Не помня себя от страха, охотник бежал. Дома он рассказал отцу о том, что увидел. Старый охотник понял, что услышали боги мольбы народа: у Гильгамеша появился соперник.

— Иди в Урук! — сказал старец сыну. — Пусть узнает гордый, что не один он в мире.

Представ пред лицом Гильгамеша, юный охотник молвил:

— О царь! В степи появился богатырь. Рука его сильна, словно она из небесного металла. Бродит он вместе со зверями, ломает мои ловушки, засыпает ямы, из рук моих уводит тварь степную. Колчан мой полон стрел, а дома нет дичи.

Взыграла печень[1] героя, и он воскликнул:

— Веди меня в степь, охотник. Хочу с богатырем сразиться.

Отправились они в путь и на третий день достигли водопоя. Гильгамеш и охотник засели в засаду. День и другой приходят звери, радуют сердце водою. Но нет среди них Энкиду.

— Где же твой богатырь? — спросил Гильгамеш сурово.— Может быть, он тебе приснился?

Не успел Гильгамеш это промолвить, как словно из-под земли возник Энкиду. Он тоже сидел в засаде, наблюдая за Гильгамешем.

И вот герои схватились, пытаясь свалить друг друга. Ноги в землю вошли по колено. Земля застонала от боли. От напряжения вздулись жилы, из уст вырывалось тяжелое дыхание, но ни на шаг они не сдвинулись с места, ибо были равны они силой.

— Что мы уперлись, словно бараны? — выдохнул первым Энкиду.

Засмеялся Гильгамеш и ослабил мышцы, отпустил руки героя. И вот они стоят, с удивлением глядя друг на друга.

— Ты вразумил меня своею силой, — сказал Гильгамеш.— Я думал, что одолею любого, если равны мы, зачем нам ссора. Станем друзьями.

И они обнялись, как братья, и в Урук зашагали.

Народ высыпал на стены, чтобы встретить героев. К воротам вынесли хлеб и сикеры[2] двенадцать кувшинов.

— Что это? — спросил Энкиду, показывая на хлеб.

— Ешь! — сказал Гильгамеш, разламывая хлеб пополам.— Это людская пища. Вкусивший хлеба, уподобится людям.

— А это? — Энкиду указал на кувшин.

---

[1] Печень в представлении древних народов — вместилище души.

[2] *Сикера* — опьяняющий напиток из ячменя.

— Пей! — молвил царь. — Это питье, веселящее душу. Пьющий сикеру, богам подобен.

Досыта ел хлеба Энкиду. Сикеры испил он семь кувшинов. Веселилась его душа. Лицо сияло. Волосы, покрывавшие его тело, сами сплелись в одежду. И стал он похож на мужа.

Шли дни. Гильгамеш водил друга по Уруку. Показывал дома и храмы. Энкиду ничему не удивлялся. На лице его была скука. И вдруг слезы хлынули из глаз потоком.

— Что с тобою, друг мой? — спросил Гильгамеш.

— Слезы душат мне горло, — отвечал Энкиду. — Без дела сижу. Иссякает сила.

Задумался Гильгамеш.

— Есть дело. Мне одному оно не сподручно. Вдвоем мы его осилим.

— Что за дело? — спросил Энкиду. Слезы его высохли мгновенно, как влага на травах от взора Шамаша[1].

— Я слышал, где-то у моря есть горы, покрытые кедровым лесом. Там живет свирепый Хумбаба. Убить его многие пытались, да никто не нашел туда дороги.

— Пойдем к водопою, — промолвил Энкиду. — Спрошу у зверей, они знают дорогу. У птиц спрошу, они укажут. Найдем тот лес, отыщем Хумбабу. Задушим его руками.

— Я верю тебе, друг мой, — ответил Гильгамеш, — но врага не взять голыми руками. В кедре сила Хумбабы. Срубить его надо и выкорчевать с корнем.

И призвал царь мастеров, которыми славился Урук, огражденный стенами. И сказал Гильгамеш нетерпеливый:

— Разожгите горнила, о мастера! Пусть пылают жарким огнем. Бросьте в них зеленые камни, что привозят с острова в Западном море. И когда выльется медь из печи, отлейте секиры, что нам по руке, кинжалы отлейте, что нам по силе.

Поклонились царю мастера. И взметнулся над степью огонь, и издали казался Урук огненной печью.

Узнав, что замыслил царь, высыпал на площадь народ. Впереди шагали старцы степенно. И шум от людских голосов был подобен говору волн при разливе Евфрата.

И вышел царь из дворца. Рядом с ним Энкиду. Поднял Гильгамеш руку, и стих народ, речи его внимая.

— Слушай, народ Урука! Слушайте и вы, старцы. Мир да меня слышит. Я хочу увидеть Хумбабу, чье имя опаляет страны. В кедровом лесу Хумбабу хочу победить я. Подниму на него я руку и стану в веках прославлен. Все, что есть злого, изгоню из мира.

Отвечали старцы все вместе:

---

[1] *Шамаш* — бог Солнца и правосудия.

— Гильгамеш! Ты молод и следуешь зову сердца. Но кто знает к лесу дорогу? Окружен этот лес рвом глубоким. Голос Хумбабы — вихрь, уста его — пламя, дыханье — смерть. Бой с ним неравен.

И возразил Гильгамеш:

— Мне ль теперь бояться Хумбабы, о старцы! По круче один не пройдет — двое взберутся. Скрученный вдвое канат порвется не скоро. Два львенка льва одолеют. Сильного друга обрел я. С ним вместе я пойду на врага любого.

Старцы царя благословили:

— Да сохранится твоя жизнь. Вернись невредимым в пристань Урука.

Не прошло и семи дней, как мастера возвратились. Топоры весили три таланта[1] каждый, кинжалы по два таланта, луки и колчаны по таланту. Герои примерили оружие. Не показалось оно им тяжелым.

С ворот Урука сняли семь запоров. Взяли герои оружие и за руки взялись. Вышли они за ворота. На небе орел показался. Летел он над их головами, указуя дорогу.

— Знал я его орленком, — молвил Энкиду. — Остался один он. Стрелою убил охотник орлицу степную. Из рук птенца я кормил. И обо мне не забыл он.

У храма своего Эгальмаха повстречала героев Мать-Богиня, увенчанная тиарой, опоясанная лентой.

— Знаю, куда вы идите, — обратилась она к названым братьям. — Удерживать вас я не стану. Вот хлеб, испеченный богами. В дороге он вам пригодится.

Хлеб она протянула огромный, как жернов, и на прощанье, склонившись к Энкиду, шепнула ему потаенное слово.

Шагали они, палимые солнцем. Вечером, останавливаясь на привал, они отламывали ломоть хлеба и, разломив пополам, съедали. К ним возвращались силы.

После шести недель пути они достигли горы, откуда открывался вид на обе реки — Тигр и Евфрат.

Поднявшись на гору, они ломоть отломили.

— Посмотри, как он мягок, — сказал Гильгамеш Энкиду.— Словно сейчас из печи. Давай его сохраним на путь обратный.

Молвив это, он сел, и сон его одолел — удел человека. Среди ночи он пробудился и видит, что Энкиду не спит, его охраняя.

— Друг мой, ты меня звал? — спросил Гильгамеш. — Отчего я проснулся? Я видел во сне: мы стоим под обрывом. Гора упала, нас придавило. Объясни мне, что это значит? Кто в степи рожден, тому ведома мудрость.

Энкиду в лице изменился, но молвил, не дрогнув:

---

[1] *Талант* — самая крупная весовая единица, выполнявшая роль денег, около 30 килограммов.

— Друг мой, твой сон прекрасен. Сон твой для нас драгоценен. Гора, что ты видел, нам не страшна нисколько. Мы схватим Хумбабу и свалим его с обрыва.

И снова двинулись в путь герои.

За день пройдя дорогу, на какую людям обычным шести недель не хватит, видят они в отдаленье храм шестисотколонный. Даже в самом Уруке не было храма прекрасней.

— Энкиду! Какой это храм или город стоит в отдаленье? — спросил Гильгамеш удивленный.

— Это не храм и не город,— другу ответил Энкиду.— Это лес кедровый. Видишь, орел кружится, нам указуя дорогу.

И вот они входят под полог, под сень кедрового храма, что высится зиккуратом[1]. Не люди тот храм воздвигли, кирпичи уложив рядами, а кедры к небу взметнулись, поднявши корнями землю, и создали горы Ливана.

— Где же Хумбаба? — спросил Гильгамеш.

— От мха лесного шагов не слышно, — ответил Энкиду.

— Смотри! Смотри! Орел кружится над этим кедром, — воскликнул Гильгамеш.

Он достал секиру и, размахнувшись, что было силы, ударил по стволу. Кедровый лес задрожал от удара.

Энкиду, закрыв лицо руками, упал на землю.

— Что ты делаешь, друг мой? Зачем губишь живое тело? Я чувствую запах крови. Сходна она с людскою, только иного цвета.

— Смола эта ляжет в щели, — разъяснил Гильгамеш терпеливо. — Днище будет подобно чаше из глины, что воду не пропускает. Кедр этот станет килем, а тот, что потоньше, мачтой. И судно по глади моря отправится в дальние страны, и возвратится в Урук наш, полное всякой снедью.

— Зачем эта снедь Уруку? — молвил Энкиду другу. — В Уруке довольно хлеба, хватит на всех сикеры.

— Если тебя послушать, — сказал Гильгамеш раздраженно, — жили бы люди как звери, домов из глины не знали.

— Под каждой звериной шкурой, — возразил Энкиду, — бьется живое сердце. Звери не терпят обмана. Звери равны человеку.

— Но боги, создав человека, зверей ему подчинили. И в сердце его вложили они беспокойную душу. Он должен открыть все тайны и мир подчинить своей воле.

— Зачем тебе власть над миром, который создан богами? Своей беспокойной душой ты миру приносишь горе. Уж лучше остаться зверем, уж лучше остаться кедром, тесниться у водопоя или качаться от ветра, пока он тебя не сломит.

— Не прав ты, мой друг Энкиду, — сказал Гильгамеш,

---

[1] *Зиккурат* — обычное для Двуречья храмовое сооружение в виде ступенчатой, сужающейся кверху башни.

хватаясь за рукоятку секиры. — Смотри, как сильны мои руки.

Он замахнулся секирой, удар нанести готовясь. И не заметил, что сзади хищник лесной крадется. Тело его полосато, словно он брат пантеры, с которой когда-то Энкиду пил воду у водопоя. Только глаза, как угли, пылают жестокой злобой. Огромная пасть открыта, и острые зубы готовы вонзиться в грудь или горло.

Со свистом упала секира, ребра ломая кедру. Дерево покачнулось и медленно стало падать. Энкиду, спасая друга, кинжал свой в Хумбабу бросил. Подобно стреле, что из лука бросает искусный лучник, кинжал полетел и в горло зверю лесному вонзился.

Гильгамеш оглянулся и увидел Хумбабу, истекающего кровью. Огромные лапы еще шевелились, тело содрогалось от ярости и боли. Но был он уже не страшен.

И только тогда Гильгамеш бросил взгляд на Энкиду. Тот лежал навзничь, запрокинув голову. Рука отброшена назад, и пальцы сжаты, словно еще ощущают рукоять кинжала.

Гильгамеш бросился к другу. Ощупал рукою тело. Нигде ни раны, ни царапины.

— Энкиду! — шептал Гильгамеш. — Ты меня слышишь?

Энкиду спал, и сердце его не стучало.

— Вставай! — кричал Гильгамеш, не понимая, что случилось. — Нам пора в дорогу. Давай поедим!

Он схватил хлеб. Хлеб был, как камень. Рукой его не разломать, секирой не рассечь. Хлеб был мертв, как кедр, как Хумбаба и как Энкиду.

«Как это случилось? — думал герой. — Я срубил кедр, в котором душа Хумбабы. Хумбаба мертв. Но мертв и Энкиду. Может быть, и его душа была в кедре? Недаром он его защищал. А может быть, он нарушил то потаенное слово, что ему шепнула Аруру?» — молнией блеснула догадка.

И с неба послышался голос:

Ты будешь дышать, как люди,
И травы топтать степные,
Покуда рука из глины
Не будет омыта кровью.

И понял Гильгамеш: убивая Хумбабу, знал Энкиду, что и себя убивает.

Бросившись на холодное тело, Гильгамеш зарыдал безутешно:

Младший брат, меня спасая,
ушел ты!
Сестры его антилопы, братья его онагры,
плачьте!
Плачьте росою, травы! Плачьте смолою, кедры!
Нет друга!

Энкиду, друг мой, лежит недвижимо.
Как мне не плакать?!

Нет! Не может мятежное сердце героя примириться с этой потерей! Признать не хочет того, что боги, создавая человека, смерть определили человеку — жизнь для себя одних удержали.

— Я верну твою душу, Энкиду! — крикнул он, накрывая ветвями кедра тело друга. — Обойду я горы, спущусь и на дно морское. Законы жизни и смерти узнаю.

И взмолился Гильгамеш:

Скажите мне, звери степные,
Небесные птицы, ответьте,
Где место, в котором души
Скрываются после смерти?

Молчали звери лесные, молчали небесные птицы. В горы и чащи густые бежали они от убийцы. И только орел благородный, вскормленный другом умершим, кружился над головою, путь указуя герою, путь к преисподней.

* * *

Там, где светлый Евфрат воды к морю стремит, высится холм. Под ним город Урук погребен. Стала пылью стена. Дерево стало трухой. Ржавчина съела металл.

Путник, взойди на холм и по холму пройдись. Видишь, стадо бредет к месту, где был водопой. Песню поет пастух. Нет, не о грозном царе и не о славе его. Поет о дружбе людской.

ЗАКОН

Раскапывая развалины древнего города, археологи нашли высокий каменный столб, испещренный клинописными знаками. Оказалось, что это законы вавилонского царя Хаммурапи, жившего в XVIII веке до н. э. Законы защищали жизнь и имущество рабовладельцев и строго карали тех свободных людей, которые помогали рабам.

Дом наш стоял за городской стеной, у ворот. Отец выбрал это место не случайно. Рабы тамкаров (купцов) несли ему колеса, воины — панцири и мечи, земледельцы из окрестных селений — лопаты и мотыги. Мой отец был кузнецом, и звали его Энхегалом. Я любил смотреть, как он бьет большим молотом по раскаленному металлу, и огненные брызги, подобно рою пчел, разлетаются во все стороны.

Но больше всего мне нравилось беседовать с людьми, посещавшими наш дом. Их одежды пахли далекими странами и удивительными товарами, которые они привозили на продажу.

Видя мое удивление и любопытство, они рассказывали о своих городах, лежавших где-то за морями, и уверяли, что там не знают имени Мардука — главного бога вавилонян — и поклоняются совсем иным богам.

Однажды путник с бородою цвета огня объяснил мне, что в его стране нет финиковых пальм, а вместо них растут огромные деревья, источающие клейкий сок. Полгода там с неба падает холодный пух и, как ковер, застилает всю землю. Тогда останавливаются реки, и по ним можно ездить и ходить.

Когда чужестранец ушел, отец рассмеялся:

— Ты слышала что-нибудь подобное, Шамхат? Там не знают финиковых пальм! И с неба падает пух! И останавливаются реки! Чужеземцы принимают нас за глупцов и рассказывают всяческие небылицы.

— Но он с тобою расплатился, — заметила мать. — Пусть говорят, что хотят, лишь бы давали серебро!

Я знал, на что намекает мать. Отец часто делал работу бесплатно. Да и как откажешь человеку, у которого семеро ртов.

— Бедняку может помочь только бедняк, — говорил отец.

Мать сердилась:

— Ты думаешь только о других. Твой сын не ходит в Дом табличек! Чем ты заплатишь учителю?

— Не ворчи! — отвечал на эти слова отец. — Учителю я уже заплатил. Разве ты забыла про медный круг, который я ему сделал? За это он обещал обучить Хуваша всему, чему он учит сыновей тамкаров.

— А чему учит учитель? — поинтересовался я.

— Не знаю, — отвечал отец. — Только те, что обучены, не пашут, не ткут, не месят глину, не куют. Они во дворцах и в храмах. Одежды у них белы, как день, на ногах — сандалии.

— У них в доме не выводится зерно и масло, — добавила мать. — Они живут в настоящих домах, а не в лачугах, как наша.

Так было решено отправить меня в Дом табличек. С вечера мать выстирала мою одежду, заштопала дыры и помолилась богу Эа, чтобы он наставил меня на путь знаний.

Ранним утром, еще только начало светать, отец повел меня в город. Улицы были пусты. Нам встречались лишь городские рабы с тростниковыми метлами да нищие, которые шли к храму владычицы Иштар.

— Богатство — далеко, бедность — близко, — сказал отец.

Мы вошли в большой дом. Рядами стояли низкие глиняные столы. Напротив двери висела деревянная доска.

— Вот мой круг, — с гордостью сказал отец, показывая пальцем в угол.

Там действительно висел медный круг, похожий на колесо

без спиц. Вся его поверхность была исчерчена ровными линиями.

На шум наших голосов из боковой двери, прикрытой циновкой, вышел немолодой сгорбленный человек. На его заспанном лице было нескрываемое раздражение.

— Даже ночью нет от вас покоя, — сказал человек, подавляя зевоту. — Ну зачем ты пришел, Энхегал?

— Краса Вавилона! Ученейший из учителей! — сказал отец с несвойственной ему высокопарностью. — Я привел к тебе своего отрока, ибо сыновья тянутся к знанию, как растения к свету. Моему сыну Хувашу тринадцать лет, а он еще не видел ничего, кроме кузницы и городской стены, он не слышал еще мудрого слова, ибо какие слова могут быть у тех, кто пашет землю или пасет ослов?

Видимо, эта длинная речь понравилась учителю. На его губах появилась довольная улыбка. Он как-то выпрямился, и спина его не казалась больше сутулой.

— Хорошо, Энхегал, — кивнул учитель. — Я возьму твоего сына. Я сделаю его писцом, и он возблагодарит меня за учение.

— Да будут тебе в помощь боги! — молвил отец, низко кланяясь. — А ты, сын, слушайся учителя и повинуйся ему. Он не научит тебя дурному.

Оставив меня одного, отец и учитель вышли на улицу. Не знаю, о чем они говорили. Может быть, о моем учении или о плате за него?

От нечего делать я стал ходить между столами и прыгать через них. На столе у правой стены были нарисованы человечки. «Видимо, в школе учат рисовать?» — решил я и вытащил из тряпицы, в которую мать завернула лепешку, медный гвоздь. Я взял его на случай нападения разбойников, ибо слышал, что в Вавилоне появились люди, которые крадут детей.

Острием гвоздя я нацарапал большую ослиную морду с открытой пастью. Оставалось дорисовать уши.

Но в это время в комнату ворвалась ватага мальчишек. Все они были моложе меня. На их одежде не было заплат, как на моей.

Мальчишки остановились.

— Новичок! — воскликнул мальчик, курчавый, как баран.

— Что он сделал с моим столом! — жалобно запищал другой, маленький и толстый.

— Он нарисовал тебя! — завизжал худой длиннорукий мальчишка и хлопнул пискуна по затылку.

— Я пожалуюсь школьному отцу! — завопил пискун.

Вздрогнула циновка боковой двери, и мальчишки ринулись к столам.

— Здравствуйте, школьный отец! — загудел нестройный хор голосов.

— Что здесь происходит? — проговорил учитель, входя в комнату.

Его взгляд остановился на столе, украшенном моим рисунком.

— Это он, — сказал пискун, показывая на меня. — Он испортил мой стол.

— Н-да! — выдавил учитель, подходя к столу пискуна.— Новая порода животного! Такой не видывал и Утнапишти[1], когда выбирал чистых и нечистых в свой ковчег.

Школьный отец поманил меня пальцем. И только тут я заметил, что у него в руке гибкий хлыст. Не успел я опомниться, как хлыст обрушился на мою спину.

— Вот тебе за осла! — учитель снова замахнулся. — За безухого!

Можно подумать, что мое преступление состояло в том, что я не успел дорисовать ослу уши.

— Вот тебе за самовольство! За непослушание!

Было очень больно, но я молчал. Отец говорил, что мужчина не должен плакать.

— Вот тебе первый урок, — выдохнул учитель и бросил хлыст на земляной пол. — А теперь ступай на место, — сказал он, вытирая ладонью вспотевший лоб. — Ты будешь сидеть с ним. Подвинься, Бализану.

Он показал на курчавого. Я обрадовался, что не попал за стол к пискуну.

Наступила тишина, нарушаемая лишь монотонным голосом школьного отца.

— Сегодня мы будем учиться грамоте, ибо грамота — мать мудрости, она — отец учителей. Тот, кто умеет писать, не думает о хлебе для своего пропитания, в доме невежды — всегда голод. Начнем со слова «абу»[2], ибо абу в семье, что царь в стране и Мардук на небе. Для написания абу надо шесть клиньев, два, еще три и один вниз.

— Абу, — повторил учитель и подошел к столу пискуна.

Взяв из его руки палочку, он что-то поправил.

— Клинья должны быть острыми, как копья баирума — воина, служащего царю. Пусть они не расходятся в стороны, когда им приказано идти в ряд. Вот так!..

— Руку держи под углом, — сказал он моему соседу. — Надо не царапать, а выдавливать. А ты, Хуваш, не забудь завтра принести тростниковую палочку. Глина у нас во дворе, мальчики покажут, как делать таблички.

— Я ему покажу! Я, — послышались голоса.

---

[1] *Утнапишти*, согласно легенде древних вавилонян, единственный человек, уцелевший во время всемирного потопа. Боги предупредили его о потопе, посоветовали построить плот (ковчег) и взять на него по паре животных.

[2] *Абу* — на языке вавилонян «отец».

Глиняная клинописная табличка.

— Тише! — молвил учитель. — Не отвлекайтесь. Сейчас я научу вас писать «шуму» [1].

Он подошел к деревянной доске, висевшей на двух гвоздях, и взял в руку уголь.

На доске появилось три косых клина.

— Как твое шуму? — спросил учитель пискуна.

— Мое шуму Римуш, школьный отец, — ответил пискун.

— А твое? — обратился он к длиннорукому.

— Набушар.

— А какое шуму у нашего царя, повелителя четырех стран света?

— Самсудитана, — выкрикнул курчавый.

— Правильно, Самсудитана сын Аммисудаги. Шуму имеют все — простые смертные, цари и небесные боги. У каждого свое шуму. Если человек будет прославлять богов и благословлять царя, его шуму будут произносить с уважением.

В полдень, когда я вернулся домой, отец спросил:

— Чему ты научился в Доме табличек?

— Писать слово абу.

Я взял из ящика несколько медных гвоздей и разложил их на столе в том порядке, в каком были расположены штрихи на глиняной табличке.

— Подумать только, — сказал отец, покачивая головой.— Всю жизнь я кую гвозди и столько их выковал, что на небе звезд. А ведь не знал, что из гвоздей можно складывать слова.

— А чему еще научил тебя учитель? — спросила мать.

— Школьный отец сказал, что у каждого есть свое шуму.

Я взял три гвоздя и положил их косо.

— И если прославлять богов и благословлять царя, то твое шуму будут произносить с уважением.

— Это так, сын мой, — сказал отец, — только учитель забыл добавить, что уважения достоин каждый, кто добросовестно трудится и помогает ближним.

На следующий день я учился писать вместе со всеми. Учитель вбивал в нашу память слова, как гвозди. Рыба, звезда, плуг, гора. Но куча кирпичей еще не дом. Надо научиться складывать слова, связывать их в речь. Мы записывали по-

[1] *Шуму* — на языке вавилонян «имя».

говорки: «Твой союзник только бог», «Народ без царя — овцы без пастуха», «Войско без начальника — поле без земледельца», «Царь — это зеркало бога».

Я удивлялся, почему ни разу не слышал эти поговорки из уст отца или тех, кто посещал наш дом. И кажется, учителю не были известны те поговорки, которые произносились в нашем доме. Смысл их был порой противоположен смыслу поговорок учителя: «На бога надейся, а сам не спи», «В городе, где нет собак, шакал — надзиратель!», «Вол врага ест траву, свой вол ляжет голодным».

Вскоре наши таблички стали напоминать небо, усеянное звездами. Слова соединялись в фразы, и речь учителя едва умещалась на табличке.

А он был все недоволен.

— Вы черепахи, а не писцы. Сколько успеваете написать за полдня? Две таблички! А нужно — десять. Тот, чья рука отстает от уст, не писец!

Как-то я принес домой глиняную табличку, которую должен был выучить наизусть. Я положил ее на колени и стал читать по складам:

«Шамаш, когда ты восходишь над великой горой,
Когда ты восходишь над фундаментом неба...»

Я не заметил, как мать подошла сзади и положила руку мне на плечо.

— Скажи, сынок, откуда ты берешь эти слова?

— Отсюда, — сказал я, протягивая ей табличку.

Она взяла ее у меня из рук и осторожно перевернула, словно бы ожидая, что за нею что-то есть.

— Эти слова в глине, — сказал я, проведя пальцем по клинышкам.

— И Шамаш тоже? — спросила мать.

— Да, — ответил я и повторил на память: «Шамаш! Когда ты восходишь над великой горой...»

Мать посмотрела на меня с умилением.

— Ты уже знаешь священные слова, как жрец. Если бы у меня была эта глина, я бы ее положила на видное место. Пусть будет Шамаш и в нашей хижине.

— Хорошо, мать, я перепишу табличку для тебя.

Мать поклонилась мне до земли. Я почувствовал себя неловко и, взяв табличку, принялся за урок:

Люди, сколько их есть на земле, ожидают тебя, Шамаш!
Всякий скот на земле с четырьмя ногами
Навстречу твоим лучам открывает глаза.

Однажды школьный учитель рассказал нам, как устроены небо и земля. Вот это было интересно! Оказывается, солнце не бесцельно бродит по небу, а, как путник, входящий в город, ищет ворота. Эти ворота из чистого золота, и охраняют их не стражи, а чудовища с головами скорпионов. Учитель объяснил,

почему идет дождь. На тверди имеются небесные окна, боги открывают их, когда хотят пролить на землю влагу.

— А как они пускают холодный пух? — спросил я.

— Пух? — удивился школьный отец. — Какой пух?

— Тот, что идет в стране больших деревьев, где не знают о финиковых пальмах, где можно ходить по рекам, как по земле, — выпалил я.

— Что ты мелешь! — рассердился учитель. — В священных книгах говорится только о дожде, который впускает в небесные окна Мардук.

— Но в той стране, где идет пух, не знают о Мардуке. Там живут люди с огненными бородами. Они поклоняются другим богам.

— Сосунок! — рассвирепел учитель. — Ты смеешь спорить со мною. Пойди домой и приведи отца.

Этот день запомнился мне на всю жизнь. Я шагал и думал, как объяснить отцу гнев учителя. Ведь я ничего не выдумал, а рассказал то, что слышал от огненнобородого!

И вдруг я увидел отца. Он шел мне навстречу, бледный, со спутанными волосами. Руки у него были связаны за спиной. Справа и слева шли стражники.

— Отец! Что случилось? — крикнул я и бросился к нему.

Стражник толкнул меня так, что я упал.

Отец сказал с горечью:

— Закон!

Я лежал на камнях и смотрел вслед отцу. Что он хотел сказать этим словом — «закон»? Кто мне может помочь? Учитель! Правда, он зол на меня. «Но когда у человека горе, зла не таи!» — так говорил отец.

— Я уже все знаю! — сказал учитель, когда я предстал перед ним. — Энхегал снял оковы с раба. Он нарушил закон.

— Какой закон? — спросил я.

— Тот, что на площади, у дворца.

Тогда я пошел на площадь. Она была полна людей. До моего слуха доносились слова: «Продам!.. Куплю!..» Разносчики вареного гороха расхваливали свой товар. «Свежая вода! Свежая вода!» — кричали водоносы.

— Где тут закон? — спросил я у человека с черепом, голым, как яйцо, который держал за руку мальчика лет десяти. У мальчика было одно ухо. Он вырывался и плакал.

— Вон там! — отмахнулся от меня лысый.

Так я оказался перед законом. Я был маленьким, а он большим и страшным. Закон был из черного камня и весь исписан такими же клиньями, каким меня учили в школе. Только на самом верху, там, где у человека голова, у закона был рисунок. Человек, сидящий в кресле, протягивал другому судейский жезл. Да ведь это сам бог Шамаш, верховный судья. А кто стоит перед ним? Я обратил взор на подпись и прочел:

— Я, царь Хаммурапи, справедливейший из царей.

Теперь мне стало ясно: человек, стоящий перед Шамашем, — мудрый и справедливый царь Хаммурапи, давший закон и написавший его на каменном столбе. Вчитываясь, я обратил внимание, что чаще всего встречается слово шумма[1]. Этим словом начинается каждый новый закон, а один из них касается моего отца.

В самом низу было написано: «Если раб скажет своему господину «ты не господин мой», то он должен уличить его в том, что он — его раб, а затем его господин может отрезать ему ухо».

«Так вот почему у мальчика одно ухо? — догадался я. — Это раб. И он не признал власти господина. Лысый поступил по закону!»

А тот раб, которого освободил отец? Что заставило раба бежать? Может быть, у него не было обоих ушей? Господин надел ему на ноги медные кольца и соединил их цепью?

Наконец, я нашел то, что искал:

— Если человек укрыл в своем доме беглых раба или рабыню и не вывел их на зов глашатая, предать его смерти.

Да, это была «смерть», слово, которое я умел писать.

Верхняя часть базальтового столба с текстом законов царя Хаммурапи.

[1] *Шумма* на языке вавилонян «если, когда».

Вспомнилась поговорка, которую диктовал учитель: «Прекрасна смерть за царя». Но при чем тут мой отец? Он не воин, а кузнец. «Отец» и «смерть» — кто поставил эти слова рядом? Закон? Хаммурапи? Он еще называет себя справедливым! Разве для этого Шамаш вручил ему судейский жезл? Смерть за раба. Но ведь и раб — человек. У него имя и два уха.

Я шел домой, как в бреду. Клинья, из которых составлялись слова, плясали перед моими глазами.

А город жил своей обычной жизнью. Ослики бодро тянули повозки, груженные кожаными мешками. Слышался свист бичей, дребезжание колес. Казалось, никто не замечал моего горя. Никому не было до меня дела!

У нашего дома я увидел толпу. Люди стояли молча. Но при моем появлении женщины заголосили.

— Сирота! Бедняжка!

Кто-то взял меня за руку. Кто-то гладил по голове и шептал слова утешения. Я ничего не понимал.

— Где мать? — спросил я. — Покажите мне мать.

— Нет у тебя матери! — сказала Баштум, наша соседка.— Сердце твоей матери не выдержало, — продолжала она со слезами. — Твоя мать была настоящей женой своему мужу...

Прошло две недели, как я лишился отца и похоронил мать. Молот для меня еще тяжел, но все же я пытался ковать гвозди. За этой работой и застал меня человек с огненной бородой. Я узнал его сразу: такой бороды нет ни у кого в Вавилоне.

— Мальчик, где кузнец? — спросил огненнобородый.

Я потупился. Слезы готовы были хлынуть из моих глаз.

— О, я вижу, что произошло несчастье. Кузнец умер?

— Отца убили, убили! — закричал я и, захлебываясь, рассказал обо всем.

Чужеземец слушал, покачивая головой.

— Я не думаю, что это справедливо, — молвил он, когда я закончил свой рассказ. — У кузнеца было доброе сердце, он снял оковы с человека. Кто же его убил?

— Закон, — отвечал я, — закон на каменном столбе.

— Нехорошо, — сказал огненнобородый, — нехорошо, когда закон на камне, надо, чтобы закон был здесь, — он ударил себя в грудь.

И тут боги посетили меня. Я бросился в ноги чужеземцу.

— Возьми меня с собой — я буду твоим рабом, нагрузи, как осла, бей — только забери отсюда.

— Мне не надо раба, — сказал чужеземец. — Мне надо...— Он запнулся, силясь подобрать подходящее слово. На его лбу выступил пот. — Мне надо друга! — воскликнул он. — Маленького друга, то есть большого друга.

Он радостно засмеялся, видимо, оттого, что нашел такие слова, которые не противоречили друг другу.

КУДА МЧАЛИСЬ КОЛЕСНИЦЫ?

Боевые колесницы исчезли, словно их и не было. Но обитые железом колеса оставили следы, делавшие степь похожей на исполосованную спину. Казалось, и она попала в рабство «курчавобородым», как тогда называли ассирийцев.

Там, где они прошли, стоял стон. Вереницы пленных с деревянными колодками на шеях тянулись по дорогам в Ниневию. Ассирийские цари, избравшие этот город своей столицей, были могучи и беспощадны. Они переселяли целые народы из одной части света в другую. Их цари похвалялись в надписях: «Горячие кони моей упряжки погружались в кровь как в реку».

Куда же мчались колесницы? Кто на этот раз поднял оружие против ассирийцев? Ведь сдался Тир, твердыня финикийцев. Стерта с лица земли непокорная Самария, и горное гнездо Иерусалим смирилось и уплатило дань. И даже цари могущественного северного соседа Урарту уже не мыслят об опустошительных набегах.

В семидесятых годах VII века до н. э. в Переднюю Азию через Кавказ вторглись кочевые племена, обитавшие в степях Северного Причерноморья. Ассирийцы называли их гимиррай, греки — киммерийцами. Киммерийцы двинулись на юг под давлением кочевников-скифов, занявших их места[1]. Часть скифов присоединилась к киммерийцам, усилив их натиск. В тяжелой борьбе с пришельцами Ассирия ослабела. Этим не преминули воспользоваться покоренные ею народы. Борьбу возглавила Вавилония, к которой присоединились многочисленные племена, обитавшие в Аравии и на плоскогорье к востоку от Ниневии. Положение свободных земледельцев Ассирии ухудшилось, что не могло не сказаться на боевом духе ассирийской армии. Ассирийским полководцам становилось все труднее и труднее восполнять потери в живой силе. Да и противники овладели оружием и навыками боя, приносившими ассирийцам победу.

В середине VII века до н. э. у Ассирии появился новый сильный противник. Полукочевые мидийские племена, населявшие плоскогорье к востоку от Ниневии, объединились под властью своего царя Киаксара. Он и его сын и преемник Астиаг создали войско, в котором были и колесницы. И главное, Астиаг заключил союз с Вавилонией, только что сбросившей ассирийское иго.

Свидетель величия и гибели Ниневии, произведение которого включено в Библию, писал: «Поднимается на тебя разрушитель. По улицам несутся колесницы, гремят на площадях. Блеск от них, как от огня. Сверкают, как молния».

---

[1] В древности Керченский пролив назывался Боспором Кимерийским.

Ниневия, полная награбленных сокровищ, не была подготовлена к борьбе с серьезным противником, каким оказались объединенные силы вавилонян и мидян: Поднявшись вверх по Тибру, союзники остановились у Ниневии и после недолгой осады взяли ее штурмом. В вавилонской летописи значится: «Цари мидян и Аккада совершили сильное нападение на город. Город был захвачен. Ассирийский царь погиб. Большую добычу из города и храма они унесли и превратили город в развалины».

И вот плачевный итог великой ассирийской державы в описании библейского автора: «Разграблена, опустошена и разорена она, — и тает сердце, колени трясутся... Где теперь логовище львов и то пастбище для львят... по которому ходили лев, львица и львенок, и никто не пугал их. Разорена Ниневия. И кто о ней пожалеет?»

Ниневия пала в 612 году до н. э. Место это осталось необитаемым. Развалины великой столицы вобрал в себя глиняный холм. Холмы возвышались на месте других ассирийских городов.

В 1846 году Астон Лэйярд, британский консул в турецком городе Мосуле, стоял у подножия холма Куюнджик. Позади годы учения и странствий. Еще в Лондоне юный Лэйярд мечтал об открытии Ниневии. Но француз Ботта, как считалось, опередил его. Три года назад, в 1843 году, он раскопал подобный холм и громогласно объявил всему миру, что открыл Ниневию. Что же таится под Куюнджиком, самым обширным из искусственных холмов во всей округе?

После месяца раскопок из земли показались большие ворота. Они были украшены рельефными изображениями крылатых быков с человеческими лицами — хранителей царского дома. Следовательно, царский дворец здесь. И не Ботта, а он, Лэйярд, открыл Ниневию, последнюю столицу ассирийских царей! [1]

Во внутренних покоях дворца были обнаружены остатки стенных росписей, многочисленные изваяния, предметы быта. Раскопки были прерваны для того, чтобы иметь возможность перевезти находки в Лондон. Англия и Европа должны были убедиться в том, что Лэйярд действительно открыл столицу Ассирии.

При тогдашних технических средствах вывезти каменные статуи, достигавшие пяти с половиной метров в высоту, было трудной задачей. Пришлось использовать быков и мускульную силу сотен полуголодных местных жителей. Наконец, крылатые быки на плотах. Им предстоит плыть к устью Евфрата, где их ожидают британские корабли.

---

[1] Ботта раскопал дворец-крепость царя Саргона II (722—705 годы до н. э.) Дур-Шаррукин, в предместье Ниневии.

Через три года раскопки возобновились. Перед глазами археологов предстала картина страшного опустошения древнего города. Куски обгорелого дерева лежали вперемешку с обломками кирпичей. Все говорило о пожаре, в котором погибла Ниневия. И все же, разбирая мусор и щебень, удалось выявить план дворца, расположение помещений, оказавшихся узкими, длинными и высокими. Как впоследствии стало ясно из найденных письменных документов, это был дворец царя Синаххериба (705—681 годы до н. э.).

На облицовывавших стены каменных плитах были вырезаны различные картины. Одна из них изображала строительство дворца: сотни фигур — одни копают землю и несут кирпичи, другие с помощью рычагов и канатов передвигают статую огромного крылатого быка. Рядом сцены битв в камышовых зарослях, в лесу, на фоне гор. Царские лучники и копейщики угоняют скот. Видно, что они спускаются с гор. Один из рельефов изображает штурм крепости. Воины поднимаются по штурмовым лестницам. Тараны на колесах подкатываются к башне и вгрызаются в ее стены. С максимальной точностью изображены детали вооружения — остроконечные медные шлемы лучников, металлическое покрытие тарана, круглые щиты и короткие копья в руках штурмующих.

Холм таил еще один дворец, как было выяснено впоследствии, принадлежавший царю Ашшурбанипалу (669—630 годы до н. э.). Стены дворца также покрыты плитами с резными изображениями, целью которых было рассказать о величии «царя Вселенной, царя Ассирии», прославить его могущество.

...Царь на колеснице, запряженной четверкой коней. Он натянул огромный лук, что требует невероятного напряжения. Но лицо, обрамленное курчавой бородой, спокойно и невозму-

Раненый лев. Часть рельефа из дворца царя Ашшурбанипала в Ниневии. 669—630 гг. до н. э.

Охота на львов. *Рельеф из дворца царя Ашшурбанипала в Ниневии. 669—630 гг. до н. э.*

тимо. Стрела готова сорваться с тетивы. Стоящий рядом возница едва сдерживает вожжами богато украшенных лошадей.

Все богатство своих наблюдений, весь свой опыт художник вложил в изображение животных, раненных царскими стрелами львов и львиц. Переданы тончайшие нюансы переживаний — от ощущения своего могущества до чувства бессильной ярости и страдания от боли. Рельефы дворца Ашшурбанипала не загромождены множеством фигур. Действующие лица как бы окружены воздухом и от этого кажутся более значительными и жизненными.

В этом же дворце помощнику Лэйярда удалось раскопать помещение, полное клинописных табличек. Их оказалось не менее 20 тысяч. Это была огромная по тем временам библиотека царя Ашшурбанипала. Летописи, эпические поэмы, астрономические, медицинские, религиозные сочинения писались на глине. Поиск нужной глиняной книги облегчался списками наподобие каталогов с указанием названия сочинения и числа строк в каждом «листе» — табличке. На всех табличках стоял библиотечный штамп: «Дворец Ашшурбанипала, царя Вселенной, царя Ассирии».

Глиняные книги были, разумеется, менее удобными для чтения, чем те, какими пользуемся мы. Но они обладали необыкновенным преимуществом — прочностью. Бумажные книги не выдержали бы пожара. А глиняным можно сказать, он пошел на пользу. Они стали еще крепче, ибо огонь превращает мягкую глину в кирпич.

Таблички с нанесенными на них клинописными знаками помогли ученым, разгадавшим тайну ассирийского письма, мысленно построить великолепный дворец, с которым не может сравниться ни один из царских дворцов. На его стенах начертана тысячелетняя история человеческих исканий и заблуждений — первые наблюдения за звездами, первые словари и грамматические справочники, первые медицинские учебники. Но тут же и царские летописи, где ликование победителя, плач и слезы побежденных. Сами того не зная, ассирийские писцы работали на вечность. Выполняя приказ царя Ашшурбанипала, желавшего иметь в своей библиотеке все, что было написано на земле, они сохранили для будущих поколений сокровища человеческой культуры.

Сам царь Ашшурбанипал гордился своей грамотностью и начитанностью не меньше, чем меткостью стрельбы из лука и умением править колесницей. «Я, Ашшурбанипал, — писал он, — постиг мудрость Набу, все искусство писцов, усвоил знания всех мастеров, сколько есть, научился стрелять из лука, ездить на лошади и колеснице, держать вожжи. Я постиг скрытые тайны искусства письма, я читал о небесных и земных постройках, размышлял над ними... Я решал сложные задачи с умножением и делением».

Разумеется, во всем этом немало преувеличения, как и в донесениях об охоте на львов. Царь не мог постичь все науки и добиться высших степеней во всем, за что бы ни брался. Но, во всяком случае, его честолюбию, а может быть, и интересу к знаниям мы обязаны уникальным собранием клинописных текстов, а также, надо думать, и высокому искусству рельефных изображений в его дворце.

Собранные Ашшурбанипалом глиняные книги были сокровищем, которое не могло быть расхищено. Оно пережило Ниневию и ее царей, так как свет человеческой культуры и людской труд переживают бессмысленные войны.

ПОЛУОСТРОВ ЗАГАДОК

Благодаря археологическим раскопкам Малая Азия предстает перед нами как один из древнейших центров человеческой культуры. Очерк знакомит с историей раскопок и расшифровкой письменности народов Малой Азии.

Малая Азия — обширный полуостров, омываемый волнами двух морей, Средиземного и Черного. Она напоминает мост, соединяющий Двуречье и Кавказ с Балканами. Долгое время считали, что на территории Малой Азии культура появилась позднее, чем в других странах Переднего Востока, и что вообще народы там долго не задерживались, как это бывает с теми, кто стоит на мосту.

В наши дни эта точка зрения отброшена, как ошибочная. Малая Азия предстала перед нами как древнейший очаг человеческой культуры. Но сколько для этого потребовалось усилий от историков, археологов, знатоков древних языков и представителей других научных профессий!

В 1906 году немецкий ученый Гуго Винклер начал раскопки на крутом берегу реки Кызыл-Ирмак, известной в древности под именем Галис. Здесь, близ турецкой деревушки Богазкёй, еще в 30-х годах XIX века европейские путешественники обнаружили развалины какого-то древнего города, а в нескольких часах ходьбы от него — отвесную скалу с высеченными на ней изображениями богов, крылатых демонов, воинов в длинных одеждах и остроконечных шапках. Местные жители называли это

Наскальное изображение двуглавого орла, схватившего зайцев. Герб хеттских царей. XIII в. до н. э.

место Язылыкай — «расписные скалы». В первые же дни раскопок археологи вскрыли помещение, наполненное клинописными табличками. Рабочие выносили их корзинами. Последующий подсчет показал, что табличек было около десяти тысяч. Целый архив, как в Ниневии. Архив могли иметь лишь цари. Следовательно, здесь находилась столица государства. Но какого?

Ответ на этот вопрос дали таблички, написанные клинописью на уже знакомом ученым языке вавилонян. Одна из этих табличек была договором Египта с хеттским царем Хаттусили III, который был заключен через шестнадцать лет после битвы при Кадеше. Египетский текст этого договора был высечен иероглифами на стене храма в Карнаке и давно уже прочитан египтологами. А теперь был найден клинописный текст того же договора. И где? В глубине Малой Азии. Не было сомнений. Здесь, в излучине реки Кызыл-Ирмак, четыре тысячи лет назад находилась столица Хеттского царства.

Это решение породило десятки других вопросов: кто такие хетты — исконное население Малой Азии или пришельцы? Если исконное, то на каком языке оно говорило? Если пришельцы, то откуда и когда явились? Каковы размеры государства? Если оно было обширным, то какие племена и народы

жили на его территории и платили дань хеттским царям? Много ли было этих царей? И ведь не цари же строили этот город? И не они с риском для жизни высекали рисунки на скалах Язылыкая?

Ответ на эти вопросы могли дать лишь таблички, написанные клинописью, но на непонятном языке. На нем, очевидно, говорили хетты. Эти таблички не смог прочитать ни Винклер, ни кто-либо другой из ученых того времени.

* * *

Этой империи уже нет на политической карте современного мира. Она распалась, а на ее развалинах выросли такие современные государства, как Чехословакия, Австрия, Венгрия и частично Югославия и Польша. Но до 1918 года эта империя существовала. Она называлась Австро-Венгрия и имела две столицы — Вену и Будапешт. Богемия с ее древней Прагой была лишь провинцией, пусть не самой захолустной, но все же провинцией. И если тебя зовут Бедржих и фамилия твоя Грозный, то двери научных учреждений в прекрасной Вене откроются перед тобой не так легко, как перед обладателем немецкой фамилии.

Молодого чеха, блестяще окончившего Венский университет и овладевшего шестью новыми и десятью древними языками, в Академию наук не пустили. Зато его приняли в Императорскую Венскую библиотеку на должность ассистента, но без жалованья.

Питаясь впроголодь, не досыпая, Грозный шел к своей цели и был уже недалек от нее, когда разразилась первая мировая война. На Грозного надели военную форму. Правда, на фронт его, к счастью, не послали. Он остался в тылу, на складе военного обмундирования.

Еще до войны Грозный начал изучать в музее Стамбула находившиеся там хеттские клинописные таблички из Богазкёя. Он переписывал их на картонные карточки латинскими буквами. Вскоре у него образовалась целая картотека, с которой можно было работать и вне музея.

Разбирая свою картотеку, Грозный обратил внимание, что, помимо непонятных слов, имелись клинописные идеограммы, указывающие, о чем говорится в надписи — о человеке, царе, городе и т. д. В последнее августовское воскресенье 1915 года Грозный рассматривал одну из своих старых карточек. Она содержала следующую фразу, которая звучит так, если заменить клинописные значки (кроме идеограммы) буквами нашего алфавита: ну [клинописная идеограмма] ан езатени вадар ма екутени.

Клинописная идеограмма имела значение «хлеб».

Что можно делать с хлебом? Разумеется, есть! Эта мысль сразу пришла в голову ученому. И в тексте имеется слово,

которое напоминает русское «есть», немецкое «эссен» — «езатени». Может быть, это случайное совпадение? Анализу подвергается следующая группа знаков. «Вадар». Если бы это слово не стояло рядом с «хлебом», ученый не обратил бы внимания на его близость к русскому «вода», старонемецкому «вадар» и современному немецкому «вассер». Определив это слово, Грозный прочитал всю фразу: «Сейчас хлеб будете есть, воду потом будете пить».

Скудна была добыча хеттологии. В результате гениальной догадки Грозного и предшествующей ей многолетней подготовки удалось правильно понять два существительных и два глагола. Но новорожденная наука не долго держалась на «хлебе» и «воде». Постепенно открывалось слово за словом, новые языковые формы и законы. Небольшой доклад Грозного, прочитанный 24 декабря 1915 года, к концу войны разросся в целую книгу. Грозного сравнивали с Шампольоном. Некоторые ставили его даже выше. Ведь о величии египетской культуры было известно еще Геродоту. А о хеттах не сообщал ни один из древних авторов.

Открытие тайны хеттского языка дало ученым возможность познакомиться не только с историей хеттского народа, но и с его мифами и законами, религиозными, дипломатическими документами и даже с руководством по тренировке скаковых лошадей. Но этого мало. В хеттских табличках оказались сведения и о других народах Малой Азии, а также о предках греческого народа, с которыми хетты то поддерживали мирные отношения, то воевали.

Открытие Грозного стало началом новой науки — хеттологии. Но впереди было еще много других загадок. Чтобы получить хотя бы общее представление об их сложности, надо знать, что тот язык, который удалось прочитать Грозному, был лишь одним из семи языков, на котором говорило население обширного Хеттского государства. Некоторые из них были ему родственны и принадлежали к той же индоевропейской группе языков. Другие же полностью были ему чужды и столь же не похожи на языки соседних Вавилонии, Сирии, Палестины.

Наряду с клинописными таблчиками, заполнившими архивы хеттской столицы, на территории Хеттской державы ученые находили и иероглифические письмена, проникнуть в тайну которых пытались многие ученые, в том числе и Б. Грозный. Будучи уже профессором Пражского университета, он исходил пешком половину Турции. Всюду он искал и копировал иероглифические надписи. В 1933—1937 годах он издал полный свод известных к тому времени иероглифических текстов.

На основании окончаний слов, которые ему удалось выявить, Грозный установил, что язык хеттских иероглифических знаков родствен языку хеттских клинописных табличек.

Но та смелость, с которой великий ученый брался за перевод иероглифических текстов, может быть оправдана лишь психологически: человеку, взявшему одну крепость (да еще какую), кажется, что он может своротить горы. Грозный брался также за дешифровку критского линейного письма Б, индийских иероглифических надписей. Всюду он предлагал грамматику, давал переводы. И всюду ошибался.

Загадка, перед которой спасовал даже Грозный, была разгадана другими учеными. Не потому, что они были более эрудированными или более талантливыми. Просто в их распоряжении оказался ключ к иероглифическому замку с секретом, которого не было у Грозного: этот ключ — плита из Каратепе, на которой наряду с хеттскими иероглифами была длинная надпись алфавитным финикийским письмом. А его умели читать!

Открыл надпись Хельмут Теодор Боссерт, выходец из аристократической немецкой фамилии, антифашист. Вынужденный покинуть родину, он поселился в Турции, а с 1934 года стал ее гражданином и профессором Стамбульского университета, одновременно он был директором Института исследований древних культур Малой Азии. Не только в силу своих научных интересов, но и выполняя прямые обязанности, Боссерт в течение многих лет обследовал пустынные местности Турции и вел раскопки.

Надпись на двух языках и в двух системах письменности была открыта им в 1947 году. Тексты не совпадали, но в финикийской части упоминалось имя царя дананийцев Азитаванды, основателя города, получившего его имя.

После открытий Шампольона нетрудно было понять, что первым делом надо отыскать имя Азитаванды среди иероглифов. Сложность заключалась в том, что на плите из Каратепе, в отличие от Розеттского камня, царское имя не обводилось картушем. Многие месяцы Боссерт и его ученик Ф. Штайнхерр были заняты этой загадкой. Они уже знали иероглифический текст по памяти и могли его перерисовать, не глядя на копию текста.

Внимание Штайнхерра привлекла фраза в финикийском тексте: «И сделал (в значении «поставил») я коня к коню, щит к щиту, войско к войску». Группа хеттских иероглифов со значением «делать», «сделать» была к тому времени установлена другими учеными, но смысл иероглифического текста, соответствующего финикийской фразе с упоминанием коней и щитов, был неясен.

Решение загадки пришло Штайнхерру во сне. Нет, ему не снилась хеттская богиня мудрости, указывающая перстом иероглифы с именем Азитаванды. Он увидел силуэты двух голов коней из хеттской надписи, а между ними... знаки, имевшие значение «делать»! Когда ошеломленный Штайнхерр за-

менил изображение коня в хеттской надписи словом «конь», а впереди мысленно поставил уже известный глагол «делать», то не поверил своим глазам: начало строки в финикийском и хеттском иероглифических текстах полностью совпадало: «Сделал я коня к коню». Смысл других иероглифов было уже нетрудно установить. Два из них представляли собой рисунки щита. Итак: «И сделал (поставил) я коня к коню, щит к щиту, войско к войску».

Теперь ученые были уже «на коне», «со щитом» и «с войском». С этими силами они повели новую атаку на иероглифическую крепость. Боссерту удалось пробить в крепостной стене брешь — установить значение пятнадцати слоговых знаков. Иероглифическая крепость пала.

* * *

Среди вопросов, поставленных великими открытиями в Богазкёе, был, если мы вспомним, вопрос о древности Хеттского государства и культуры. Ученым удалось установить, что хетты появились в Центральной Анатолии на рубеже III и II тысячелетий до н. э. Их следами были уничтоженные и опустевшие поселения по всей центральной части Малой Азии. Будучи нанесены на карту, они образуют темную полосу на путях от Кавказа к Эгейскому морю. Болгарские и греческие археологи находят продолжение этой зоны уничтожения в северной части Балканского полуострова. «Можно подумать, что по Малой Азии и Балканскому полуострову прошел огненный вихрь», — писал видный английский археолог Джеймс Мелларт.

Вихрь этот зародился где-то в степях за Каспием. Народы, родственные ариям и иранцам, по неясным для нас причинам покинули места своего первоначального обитания и двинулись на запад. Тут были не только хетты, но лувийцы и палайцы.

Разрушенные этим вторжением города и сельские поселения принадлежали хаттам, говорившим на особом языке, понять который не мог ни хетт, ни финикиец, ни египтянин, ни грек. Возможно, потомками этого народа были этруски, переселившиеся из Малой Азии в Италию.

Хетты оставили завоевателям свою мифологию, религию, навыки строительства и многое другое. Они продолжали жить среди завоевателей, сохраняя долгое время свой язык.

Таким образом, древность собственно хеттской культуры по масштабам Древнего Востока не велика. Какой же древностью обладает культура коренного населения Малой Азии — хаттов и их предшественников?

Тут мы переходим к одному из самых удивительных открытий не только в Малой Азии, но и на всем Переднем Востоке. Оно было сделано в 1958 году на холме Чатал-Гуюк (Центральная Турция). Автором открытия был уже известный

нам Мелларт, тогда молодой ассистент, ныне маститый ученый.

По находкам Мелларт понял, что нижние слои холма относятся к неолиту. Но почему поселение окружено стеной с воротами? Ведь давно установлено, что первые города — современники плавки металлов. Новая техника позволяет по сгоревшему дереву, зернам и другим органическим остаткам определять дату памятника. Оказалось, что зерна Чатал-Гуюка вызрели в VII тысячелетии до н. э. Древнейшие города Шумера появились в IV тысячелетии до н. э. Выходит, что Чатал-Гуюк старше их на три тысячи лет! Невероятно! Анализ делали вновь и вновь! И все та же дата. Приборы могут ошибиться на двести — триста лет, но не на три тысячи.

Но Мелларта, а за ним весь ученый мир удивила не только древность поселения, а его характер. Двухэтажные дома поднимались по склону холма один над другим, так что попасть к себе в дом можно было только по чужим крышам. Это было важно при обороне.

Кроме жилых зданий, имелись небольшие помещения для почитания богов — древнейшие в мире храмы! Стены их покрыты рисунками белой и черной краской — древнейшие фрески в мире! И не менее удивительно их содержание. Мы видим высоких стройных людей с луками в руках и леопардов, на которых велась охота. В других местах нарисованы разноцветные прямоугольники, а в них рога быков и кресты — символы плодородия.

Святилища Чатал-Гуюка знамениты не только фресками, но и рельефами, также древнейшими в мире. Их лепили из сырой глины и покрывали растительными красками. Сделанные из хрупкого материала, они были недолговечны и, как выяснилось в ходе раскопок, часто подновлялись.

Стену одного из святилищ покрывает рельеф с леопардами, расположенными друг над другом и совершенно одинаковыми. Это говорит о религиозном значении изображения. Другую стену украшал рельеф головы быка — священного животного.

Бронзовая посеребренная фигурка оленя, служившая предметом религиозного почитания. Конец III тысячелетия до н. э.

Главным божеством земледельцев и скотоводов Чатал-Гуюка была Богиня-Мать. Статуэтки изображали ее сидящей на троне в окружении посвященных ей леопардов.

Ученых немало удивило, что обитатели Чатал-Гуюка, строившие двухэтажные дома и святилища, украшавшие стены рисунками и рельефами уже в VII тысячелетии до н. э., не имели глиняной посуды. Они изготавливали чашки и миски из дерева, кости, камня, а не из глины.

Таким было одно из древнейших городских поселений Земли. Его открытие не только опровергло мнение о том, что древнейшими очагами человеческой культуры были Двуречье и Египет, но пролило свет на раннюю историю Европы и Азии.

САМСОН И ФИЛИСТИМЛЯНЕ

Тот, кто побывает в Петродворце под Ленинградом, на всю жизнь запомнит могучую фигуру великана, разрывающего пасть льву. Из пасти зверя льется не кровь, а вода.

Это один из фонтанов, образующих каскад. Плеск падающей воды заглушает человеческие голоса и напоминает о тех давно отшумевших временах, о которых говорят страницы старинных книг.

Одна из них носит название Библия, что значит «книги». Верующие люди молятся по ней, ошибочно полагая, что она написана пророками по божьему вдохновению. Они считают ее источником мудрости. Для ученых Библия — ценный исторический источник, сохранивший сведения об обитателях древней Палестины и о ее соседях — ассирийцах, египтянах, хеттах.

В Библии имеются и законы, сходные с законами вавилонского царя Хаммурапи, и легенды о начале мира, и сказания о героях. О вавилонских героях узнали только после раскопок и прочтения древних письмен в XIX веке библейские же герои на протяжении многих столетий были единственными древними героями, о которых знали европейцы. Поэтому так часто они изображались великими живописцами и скульпторами.

Благодаря критике Библии мыслителями разных стран на протяжении многих столетий мы знаем, что она была не более священной, чем религиозные книги других народов о богах, которые мало кто знает и по которым никто не молится. Выяснено, что книги Библии писались людьми и не обладают какой-то особой мудростью.

Герой, разрывающий пасть льва, носит имя Самсон. В Библии говорится, будто его рождение было возвещено богом. Матери Самсона привидилось, что ее посетил ангел, возвестив о рождении божественного младенца. Ангел наказал, чтобы ребенка не стригли, не объяснив зачем это нужно.

Было ему уже лет шестнадцать, но никто не знал, в чем его божественность. Однажды с матерью и отцом он шел к винограднику. И вдруг со страшным ревом выбежал огромный лев и набросился на них. Самсон смело двинулся навстречу льву и разорвал его на части, словно это был не лев, а козленок.

Отец и мать обрадовались, поняв, что ангел не обманул: их сын был наделен сверхчеловеческой силой. Но вскоре юноша огорчил родителей. Он полюбил девушку из другого народа, имя которому филистимляне, и захотел взять ее в жены. Филистимляне в то время занимали побережье Палестины и часто воевали с народом Самсона, древними евреями, побеждая их. Иметь невестку из народа, само имя которого было ненавистно, родители героя не хотели. И ушел Самсон к филистимлянам, потому что полюбил девушку, но она его не любила и вышла замуж за другого.

Вскипело сердце Самсона. Он стал убивать ни в чем не повинных филистимлян. Более того. Он поймал триста лисиц и привязал к их хвостам горящие факелы. Разбежавшись, лисы подожгли хлеб, сады и виноградники. И не было у филистимлян героя, который мог бы одолеть Самсона.

Тогда филистимляне пошли на хитрость. Они подослали Самсону красивую девушку, поручив ей выведать, откуда у него такая нечеловеческая сила. И открыл ей Самсон свое сердце:

— Бритва не касалась головы моей. Если же меня остричь, то отступит сила моя.

Узнав эту тайну, филистимлянка дождалась, пока Самсон уснет, а потом позвала пославших ее мужчин. Те явились с цирюльником. Отрезал он семь косиц на голове Самсона. Пробудившись, богатырь увидел врагов и бросился на них. Но они легко его одолели. И понял Самсон, почему он лишился силы.

Филистимляне связали героя, выкололи ему глаза и бросили в дом узников, где он должен был вместе с другими вращать тяжелый каменный жернов.

Так он жил несколько месяцев, пока волосы его не стали отрастать.

Приближался праздник великого бога филистимлян Дагона. Было решено отметить его торжественным жертвоприношением. Народу собралось видимо-невидимо, и все ликовали. В разгаре веселья кому-то пришло в голову привести Самсона. Его поставили между каменными колоннами и издевались над ним, как могли.

Самсон все сносил молча. Когда же враги насытились его унижением, он сказал мальчику-поводырю:

— Подведи меня к колоннам, на которых покоится кровля, чтобы я мог к ним прислониться.

Мальчик исполнил его просьбу. И тогда Самсон напряг всю свою богатырскую силу и уперся правой рукой в один столб, а левой — в другой.

Храм закачался. Те, что наблюдали за праздником с крыши, — а их было три тысячи — попадали на землю.

И тогда Самсон воскликнул:

— Умри, моя душа, вместе с филистимлянами!

Он еще раз толкнул колонны, и храм обрушился, погребая под своими развалинами филистимлян и героя.

* * *

Рассказ о Самсоне — это одно из многочисленных свидетельств Библии о филистимлянах и борьбе с ними древних евреев. Другой не менее известный эпизод — это сражение юноши Давида с филистимлянином Голиафом. Всего в Библии слово «филистимляне» упоминается 275 раз. Мы узнаем, что они пришли с острова Крит и умели обрабатывать железо, что они населяли пять городов, управляемых пятью правителями, что они одерживали победы над евреями и захватили ряд их городов. Но многое в истории этого загадочного народа оставалось бы неясным, если бы не открытия, сделанные сначала на территории Египта, а затем и Палестины.

В Мединет-Хабу, недалеко от египетской столицы Фив, был раскопан храм бога Амона. Стены его сплошь покрыты рисунками и надписями. Один из рисунков изображает жаркий морской бой с людьми, отличающимися по своему облику как от египтян, так и от азиатов, ливийцев, эфиопов, часто изображаемых на египетских рельефах. Противники египтян — люди высокого роста, светлокожие, безбородые, с прямыми носами и так называемым греческим профилем. На них передники, поддерживаемые на бедрах ремнями. У одних шапки с высокими козырьками, украшенные пучками перьев или стеблями тростника, у других головы защищены шлемами с бычьими рогами. И все они вооружены короткими мечами и небольшими круглыми щитами. Корабли их отличаются от египетских. На них паруса, но не видно весел. На центральной мачте вверху сооружение, напоминающее воронье гнездо. Нос судна изогнут, а корма несколько приподнята по сравнению с кораблями египтян.

На другом рисунке видны тяжелые подводы, запряженные волами. На них женщины, дети, домашний скарб. Ясно, что это не просто нападение морских разбойников, а переселение каких-то народов. В надписях, сопровождающих рисунки, пришельцы названы МС, ЛК, ТРС, ТКР, ПЛСТ. Египтяне в написании слов проглатывали гласные. Потребовалось немало времени, чтобы установить соответствие этих согласных букв с названиями народов, известными из других источников.

Филистимляне в этом списке обозначены иероглифами в значении ПЛСТ.

Несколькими годами позднее, при фараоне Рамсесе III, вновь сообщается о вторжении чужеземцев. Кроме выше названных, упоминаются СКЛ (сикулы, будущие обитатели Сицилии) и ДНН (данайцы). Последние известны греческому поэту Гомеру как враги знаменитого города Трои. Это они коварно оставили у стен Трои деревянного коня, наполнив его чрево вооруженными воинами. Троянцы внесли коня в город, и Троя пала. Среди вторгшихся мы вновь видим ПЛСТ. На этот раз они в полном вооружении, на боевых колесницах.

Появление ПЛСТ на колесницах, а не на кораблях заставляет предположить, что они после первого нападения обосновались где-то неподалеку от Египта с согласия египтян. Как мы знаем из Библии, это было побережье Южной Сирии, получившее по ПЛСТ (филистимляне) название Палестина.

Раскопки одного из городов филистимлян — Бет-Шамеш («Дом Солнца») показали, что он возник задолго до филистимлян и был населен еврейским населением. Вторжение филистимлян удостоверено слоем золы. Город был сожжен завоевателями. Затем идет слой с обломками посуды неведомого ранее типа. Кубки и кувшины украшены черными и красными фигурами по светло-желтой глазури. Такую же посуду находят на Крите и на юге Балканского полуострова. Называя Крит родиной филистимлян, Библия правильно указала направление, откуда пришел этот народ.

Во время раскопок городов филистимлян обнаружено много железных изделий и печи, где выплавлялось железо. Тогда оно было новинкой. Обладая железными мечами, стрелами и копьями с железными наконечниками, филистимляне могли победить даже Самсона, разрывающего льва как козленка. Вряд ли Самсон был реальным человеком, но легенды о нем отражают реальность борьбы, которую вели древние евреи с филистимлянами.

ФИНИКИЯНКА

Легенда об основании древней финикийской колонии Карфагена дошла до нас в изложении греков и римлян. Они рассказывали об Элиссе, сестре финикийского царя, бежавшей от преследований своего брата в Африку и основавшей там город Карфаген.

Двое вошли в шатер, стены которого были сделаны из выделанных бычьих шкур. Одна из таких шкур покрывала пол. На ней, скрестив ноги, сидел человек в кожаной тунике и высоких сапогах. На голове его колыхались птичьи перья. Это был Миципса, вождь «кожаных», — так называли нумидий-

цев мореходы, заходившие в их гавань запасти воду или обменять свои товары на шкуры быков и баранов.

Нумидиец с нескрываемым удивлением разглядывал вошедших. Ему не раз приходилось встречаться с финикийцами, но финикиянку он видел впервые. Чужеземцы оставляли своих женщин дома.

У женщины были правильные черты лица, а кожа не так смугла, как у мужчины. На губах блуждала приветливая улыбка.

— Пусть будут могучи твои быки и плодовиты коровы, — начал первым финикиец. — Пусть твои стрелы рассеют львов, как шакалов.

— Пусть ветер надувает паруса твоих судов, — отвечал вождь. — Пусть тебя минуют бури, а твоя жена, — он поклонился в сторону финикиянки, — пусть родит тебе много сыновей.

Финикиец протестующе замахал руками.

— Ты ошибаешься, вождь. Это моя госпожа Элисса. Я увез ее из царского дома, где на нее ополчился брат и захватил ее царство. Теперь ее держава — неспокойное море, а трон — мой корабль. Но где-то должна же быть и гавань со сладкой водой.

— Я понял тебя, чужеземец, — сказал вождь. — Мои люди дадут тебе воды, сколько ты пожелаешь.

— Вода иссякнет, — молвил чужеземец, прищуривая глаз. — Корабль даст течь. Да мало ли что еще ожидает нас, мореходов. Не продал ли бы ты моей владычице землю, чтобы она могла вести жизнь, достойную женщины и царицы?

— У меня нет свободной земли, — ответил вождь, разводя руками. — В этом году выпало мало дождей, и всю траву съели козы. А для того, чтобы устроить твоих людей, не хватит всего берега.

— О нет! — вмешалась в мужской разговор финикиянка. — Мне бы хватило столько земли, сколько можно покрыть шкурой быка.

Вождь взглянул на женщину и улыбнулся, подумав, что она могла бы обойтись шкурой барана.

Финикиянка, видимо поняв улыбку как недоверие, сняла с пальца перстень, блеснувший голубым пламенем, и протянула его нумидийцу.

— Вот тебе плата за землю!

Вождь взял перстень и стал вертеть его в руках. «Такой дорогой камень за клочок земли, истоптанной козами? — подумал он с недоумением. — Но ведь это царица, и она расплачивается по-царски».

— Я согласен, — сказал он, протягивая финикиянке ладонь. — Пусть твои люди возьмут бычью шкуру и накроют ею землю, где хотят.

Финикиянка положила на ладонь нумидийца свою маленькую ручку, мягкую и нежную, наверное от благовонных масел.

На следующее утро он увидел, что на холме над бухтою Черепахи копошатся финикийцы. Гнев охватил его, и он поскакал на холм.

— Что вы здесь делаете?! — воскликнул он, спешиваясь.

— Отмеряем свою землю! — невозмутимо ответила финикиянка. — Мои люди разрезали твою шкуру на ремни, и их хватило для всего холма. Теперь это моя земля, и я приказала заложить здесь Кархадашт[1].

Нумидиец достаточно знал речь чужеземцев, чтобы понять, что на их языке это слово означает «Новый город».

«Это бессовестный обман», — подумал вождь.

Молча, вскочив на коня, он поскакал вниз, где его ожидали воины.

— Пусть живут, — сказал он им, беспомощно пожимая плечами. — Ведь я никогда не нарушал своего слова.

Финикийцы были мореходами. Летать по воздуху они не умели. Поэтому им пришлось протоптать к холму, где жила их опальная царица, дорогу. Чтобы дорога была безопасной, они отрезали справа и слева от нее, а также за холмом еще немного земли и окружили все пространство крепостной стеной, похожей на ту, что защищала Тир — родину финикиянки, только более мощной. Стена имела в глубину тридцать локтей. Она была сделана с запасом. Впоследствии в ее толще были сооружены помещения для 300 слонов и 4000 боевых коней, а также склады для катапульт и баллист — военных машин, выбрасывавших каменные ядра и тяжелые железные стрелы.

Холм, на котором обосновалась Элисса, стал городской крепостью. Ее в память о бычьей шкуре стали называть Бирсой (это слово означает шкура). В крепости появились царский дворец и не менее великолепные храмы богам — покровителям нового города.

Под холмом вырыли огромную круглую яму и заполнили ее морской водой, пущенной по специально вырытому каналу. Образовалась внутренняя гавань, предназначенная для военных кораблей. В случае опасности корабли выходили в открытое море по каналу, оснащенные для боя.

Для того чтобы прокормить возрастающее население города, у нумидийцев впоследствии отняли всю долину реки Баград. Там разбили сады и виноградники. Оставшись без земель, нумидийцы пошли на службу городу-государству, которое нуждалось в сильных и крепких людях для ведения войн за морем. За службу в наемных войсках нумидийцы по-

[1] Финикийское название города Карфаген.

лучали жалованье, которое они с горькой иронией называли «платой Элиссы».

Так расплатилась финикиянка со свободолюбивыми нумидийцами за землю размером в бычью шкуру. Город начался с обмана. И поскольку на обмане долго не проживешь, он просуществовал только шестьсот шестьдесят восемь лет, пока в 146 году до н. э. не был разрушен римлянами.

КУРТАШИ

В VI веке до н. э. персы завоевали Двуречье, Малую Азию, Сирию, Египет и создали могущественную державу. Персидские цари взимали с побежденных дань и сгоняли их на работы по строительству дорог и дворцов. Герой рассказа — юноша из греческого города Малой Азии.

Знаете ли вы, что такое дорога на чужбину? Порою она напоминает клинок персидского акинака[1], нацеленного вам в грудь. Иногда же похожа на извивающуюся змею с пестрой шкурой. Она тянет за собой, и ты превращаешься в песчинку, бессильную противостоять этому вечному и враждебному тебе движению.

Возвращаясь к его истоку, я вспоминаю гудящую площадь моего приморского города.

— Где же справедливость? — вопрошал мой отец, обращаясь к окружающим.

Он был в фартуке, сером от каменной пыли: приказ сатрапа[2] застал его в мастерской.

— Старший сын — в царском флоте. Средний охраняет царскую крепость. А теперь забирают меньшего. Кто же возьмет из моих рук резец? Кто будет ваять статуи для нашего храма?

— Надо царю жаловаться, — вставил кто-то. — Царь милостив. А у нашего сатрапа камень вместо сердца.

— Пожалуешься! — раздался чей-то голос. — Сам слышал, как седоволосый лидиец, пав на колени, умолял Дария, чтобы тот отпустил из войска старшего из пяти сыновей. «Обещаю тебе это, — ответил Дарий. — Возвращайся домой! Ты его увидишь».

Царь не обманул, ибо персы считают себя самым правдивым народом. Вернувшись в свое селение, лидиец увидел сына повешенным на воротах дома.

Люди ахнули, но сразу же стихли. Послышался цокот копыт. На площадь, тесня толпу, въехали всадники в высо-

---

[1] *Акинак* — короткий меч, употребляемый персами, а также скифами.

[2] *Сатрап* — высокопоставленный персидский чиновник, правитель крупной области Персидского царства.

ких шапках, с колчанами стрел на боку. За ними уныло брело несколько десятков юношей.

Я присоединился к ним, стараясь сдержать рыдания. Рядом со мною встали Аристей, сын кузнеца, и Ксанф, сын ткача. Отныне мы были на царской службе и должны были следовать, куда укажут.

Так начался наш путь в Парсу. Название это произнес старший стражник, но он не объяснил, где эта Парса и зачем нас туда ведут.

Дорога не утомляла однообразием. То и дело нас обгоняли царские гонцы на взмыленных конях. Они меняли их на станциях, отстоявших на равных расстояниях друг от друга. Путь от Эфеса[1] до Суз[2] занимал у них семь дней. Так что царь, не выходя из дворца, мог узнать, что делается на краю его необозримой державы.

Несколько раз встречались отряды царских стрелков и пращников. Они возвращались в свои сатрапии после смотра, который устроил Дарий. Я слышал, что такие смотры проводились ежегодно. Начальники, представлявшие большие отряды хорошо вооруженных и крепких воинов, награждались, а те, кто приводил мало воинов или плохо их снаряжал, смещались.

По обе стороны дороги то и дело возникали живописные селения. Там шла своя жизнь, не похожая на ту, которую мы покинули. Судя по диковинным одеждам поселян, это были люди, говорившие на неведомых нам языках. Каждый день кто-нибудь из них молча выносил нам на дорогу пшеничные хлебы или ячменные лепешки, амфоры[3] с козьим молоком или жидким красным вином, корзины с орехами или фруктами, ибо кормить проходящих по дороге воинов и царских людей тоже было царской службой.

На одном из привалов к нам, сидящим у обочины дороги, подошел молодой бойкий эллин[4]. Он был в дорожном хитоне[5] с рукавами, какие носят в Сирии, на плече у него висела кожаная сумка.

— Куда держите путь, земляки? — спросил он.

— В Парсу, — пробурчал Аристей, — а вот где она, одному Гермесу известно.

---

[1] *Эфес* — один из крупных греческих городов на побережье Эгейского моря. В конце VI и начале V века до н. э. Эфес входил в Персидскую державу.

[2] *Сузы* — одна из четырех столиц Персидской державы, зимняя резиденция персидских царей. Другие столицы: Экбатаны, Пасаргады и Парса (Персеполь). Последняя во время действия рассказа еще строилась.

[3] *Амфора* — глиняный сосуд емкостью в несколько литров.

[4] *Эллины* — самоназвание народа, известного римлянам под именем греков. Последнее сохранилось и в наши дни.

[5] *Хитон* — греческая одежда наподобие длинной рубахи.

— Сейчас посмотрим, — сказал юноша, вытаскивая из своей сумки какой-то предмет.

Это была небольшая медная доска с нанесенными на нее очертаниями материков и островов, рек и морей. Длинная линия, соединяющая края доски, была той самой дорогой, по которой мы шли.

— Такую доску, — пояснил наш собеседник, — впервые вычертил мудрец Анаксимандр[1], живший полвека назад. А теперь ею пользуются не только эллины, но и варвары[2].

— Вы оставили Лидию с ее древними Сардами, — продолжал он, водя по линии пальцем с длинным, ярко окрашенным ногтем.

— Впереди Фригия, которую называют Великой. Здесь вы переправитесь через реку Галис и войдете в Каппадокию. Потом спуститесь в Киликию, рождающую белых коней. Мутный Евфрат отделяет ее от Армении. Будьте осторожны! Здесь нападают разбойники. Миновав Армению, вы окажетесь в суровой Мидии. Затем вы пересечете еще четыре реки и подойдете к Сузам. Здесь кончится царская дорога. А вот где ваша Парса, тут не обозначено. Признаться, впервые слышу город с таким именем.

Новость эта была малоутешительной. Парса — это, наверное, какая-нибудь дыра на границе с Индией, куда даже и дороги нет.

Легко водить пальцем по медной доске. А каково идти, изнемогая от усталости и зноя. Каково спать на голой земле под чужим небом, слышать вой шакалов и зловещий рык львов. У некоторых истерлась обувь, и они брели босиком. Я с благодарностью вспоминал отца, положившего в мешок лишние сандалии. Видимо, он догадывался, что наша дорога далека.

Однажды нам повстречался старик, по виду похожий на торговца орехами или сушеными фруктами. Он ехал верхом на ослике. Ослик помахивал головой, отгоняя мух, длинные уши болтались и били по волосатой морде.

Старик внимательно оглядел нас и кивнул одному из персов. Тот моментально спешился. Я был поблизости и услышал:

— Царю царей посылают свежую рыбу. Ему нужны крепкие курташи, а не гниль.

— Слушаю и повинуюсь, — отвечал воин, целуя подставленную ему руку.

В тот же день нам устроили дневной привал в камышовых

---

[1] *Анаксимандр* из Милета (610—546 годы до н. э.) — греческий ученый, создавший карту, солнечные часы и астрономические инструменты.

[2] Греки называли варварами всех негреков, в том числе египтян и вавилонян.

зарослях у реки. Какое наслаждение погрузиться в холодную воду и смыть вместе с пылью усталость.

Выйдя на берег, я вознес молитву богам, пославшим нам доброго старца.

Ксанф, знавший персидские порядки лучше меня, уверял, что этот старичок — высокопоставленный вельможа, наблюдающий за всем, что происходит в царстве, один из тех, кого называли «глаза и уши царя». По его словам, царь понатыкал этих глаз и ушей столько, что каждый должен держать язык за зубами, если не хочет отведать царских плетей или попасть на острова.

Это был мудрый совет. И ему вы обязаны тем, что можете узнать о моих приключениях. Ибо я никогда не откровенничал с малознакомыми людьми, предполагая в каждом царский глаз или ухо.

Перед Сузами мы сошли с царской дороги. Я подозреваю, что наши стражники опасались, что кто-нибудь из нас убежит, воспользовавшись многолюдием города, который остался справа от нас. Мы видели лишь стены из обожженного кирпича, скрепленного асфальтом, да кровли каких-то храмов или дворцов.

После Суз нам пришлось еще долго идти каменистой равниной. Порой мы обгоняли повозки, груженные стволами кедра, слоновыми бивнями, слитками бронзы. Но никто не обгонял нас. На десятый день пути мы достигли долины, ограниченной с обеих сторон голыми горами. Возделанные поля встречались все реже. На песчаных полосах пламенели редкие кусты терновника. Высоко в небе парил орел с распростертыми крыльями. И внезапно мне пришла мысль, которая вам, наверное, покажется дикой, что это тоже царский глаз, высматривающий, что делается внизу. Ведь недаром персидские цари избрали своим гербом эту хищную, зоркую птицу.

И вдруг на повороте мы увидели что-то сверкающее белизной. Наши стражники спешились и, пав на колени, вознесли молитву сначала огню, а затем другим богам. Из этого я понял, что наш путь завершен.

Впереди высилась Парса, цель нашего пути. В этой бесплодной местности город казался каким-то сказочным видением.

Он не был похож ни на один из городов. Это был город-храм, созданный скорее для поклонения богам, чем для земной жизни. Лестница из белого камня вела к воротам, охраняемым юношами в златотканых одеждах. Их оружие ослепляло глаза. За воротами открывался дворец с колоннами высотою не менее чем в 40 локтей[1]. Стены дворца были из кедровых досок, окна из слоновой кости.

[1] *Локоть* — мера длины.

Зачем же нас ведут сюда? Не затем же, чтобы мы могли полюбоваться этой красотой и рассказать о ней тем, кто ее не видал?!

И словно бы отвечая на этот вопрос, стражники приказали свернуть влево и идти в обход еще не достроенной городской стены. У подножия горной гряды мы увидели другой город, так не похожий на царский.

Сотни, а может быть, тысячи людей заполняли пространство, образованное горой и наполовину пересохшей рекой. Египтян можно было узнать по рукам, белым от глины, ибо в отличие от других они месят глину руками, а тесто ногами. На груди и ногах у фракийцев[1] были диковинные узоры, выколотые иглой и заполненные краской. Согдийцы[2] были в кожаных штанах, саки[3] — в остроконечных шапках. Одни с помощью длинных кольев переворачивали каменные глыбы, другие что-то лепили из глины. В нескольких местах поднимались столбики дыма. Из медных котлов тянулся дразнящий запах вареного мяса и бобов.

— Курташи, — сказал стражник, показывая на лагерь.

Так нам стало ясно, что персы называют курташами людей, согнанных на царские работы. И наша служба будет состоять в том же. Мы должны будем сделать новую царскую столицу еще прекраснее, пристроить к старым дворцам новые, вырыть цистерны для воды, укрепить стены башнями. Мало ли найдется работы в городе, который должен превзойти столицы других царей настолько, насколько персидский царь превзошел их своим могуществом.

На следующее утро для меня началась новая жизнь. Совершив молитву Гелиосу[4], я брался за молот, ибо начальник над курташами определил меня в десятку каменотесов, а моих земляков в десятки златокузнецов и ткачей. Пока я обтесывал мраморный столб, чтобы он блестел, как серебро, Аристей ковал золотые кольца для завес, а Ксанф ткал из шерстяных нитей завесы белого и яхонтового цвета. И хотя то, что выходило из наших рук, было задумано как часть целого, мы, творцы единой красоты, не могли встретиться друг с другом, чтобы обменяться словами утешения и вспомнить о родине, ибо начальник над курташами определил — людям разных десятков жить и работать порознь.

И были в моем десятке, кроме меня, три киликийца, два финикийца, три лидийца и египтянин по имени Небвер. И стоял над нами десятник по имени Багапата, рыжеборо-

---

[1] *Фракийцы* — обитатели Фракии, области Северной Греции, пограничной со Скифией и Македонией.

[2] *Согдийцы* — обитатели Согдианы, одной из персидских сатрапий, расположенных на территории современного Туркменистана.

[3] *Саки* — персидское название скифских племен.

[4] *Гелиос* — у греков бог Солнца.

дый перс с колючими глазами и гибкой палкой. Он бил ею по спине, по бокам, куда попало, если молот медлил в наших руках. В первые дни больше всех доставалось мне, и по ночам я стонал от боли и обиды. Тогда Небвер показал мне, как обращаться с молотом, чтобы меньше тратить сил и создавать вид, что работаешь. Я внял его совету, и палка Багапаты почти не свистала над моей головой.

Каждую неделю на верблюдах и быках подвозили наш «гал», как персы называли паек. И мы получали полбарана, бар[1] ячменя, ка[2] масла, четыре горсти фиников. Десять женщин с младенцами мужского пола получали вдвое меньше, а женщины с младенцами женского пола в четыре раза меньше, потому что персы дороже ценили мужчин. Одна из женщин — ее звали Ануну — была приставлена к нам, чтобы молоть зерно и печь хлеб. Это была ее работа. Она кормилась вместе с нами, но жила в женском шатре вместе с четверодольницами, как называли женщин, родивших девочек.

Как ни старались разобщить нас Багапата и стоящие над ним, мы вскоре научились понимать друг друга. Ибо, кроме языков, каким нас обучили матери, есть язык товарищества, и кроме богов, каким поклоняются многочисленные народы земли, есть единое для всех угнетенных божество. Имя его — Свобода. Оно звучит по-разному на разных языках, но желанно для всех.

Небвер к тому же знал мой родной язык, поскольку он был родом из города, где жило много эллинов.

Сколько удивительных историй услышал я от Небвера. Более всего мне запомнилась одна. Я передам ее слово в слово, ибо эллины рассказывают ее по-другому.

Однажды царь Камбиз отправился завоевывать Египет и, покорив его, возвращался в Персию. Случилось так, что он упал с коня и накололся на свой же меч. Пока он лечился от раны, на престол сел его брат Бардия. Узнав об этом, Камбиз был охвачен яростью и от нее умер. Бардия был хорошим царем и облегчил тяготы простого люда, уменьшил налоги, перестал сгонять людей на строительство дорог и дворцов. Это не нравилось знатным персам, и они распустили слух, будто бы вместо Бардии правит какой-то самозванец — маг, похожий на него и принявший его имя. В конце концов семь знатных персов ворвались в его дворец и убили Бардию, выдав его за самозванца. Потом они стали решать, кому из них быть царем, и постановили отдать престол тому, чей конь в праздник солнца заржет первым.

Был среди этих семерых некий вельможа Дарий. Он поставил в конюшне вместе со своим конем кобылицу, а потом

---

[1] *Бар* — десять литров.

[2] *Ка* — около литра.

увел ее. В ночь перед праздником солнца он привязал кобылицу за городской стеной, и когда семь персов выехали на равнину перед городом, конь Дария увидел кобылицу и приветствовал ее радостным ржанием. Тогда шестеро спешились и, пав ниц, провозгласили Дария царем.

— Неужели с помощью такой хитрости можно было встать во главе огромного государства? — удивился я.

— Можно! — с нескрываемой яростью прошептал египтянин. — В горах Мидии есть неприступная скала. Я сам видел ее. На ней изображены Дарий и перед ним девять мятежников со связанными сзади руками.

— Если правда все, что ты поведал, — отозвался я,— Дарий — величайший из царей. Ибо величайшими называют тех, у кого нет ни совести, ни благодарной памяти. Так учил меня мой отец. Вот бы посмотреть хоть одним глазком на этого Дария!

— Завтра ты увидишь его, — сказал Небвер.

— Завтра? — удивился я.

Но египтянин накрыл мне ладонью рот.

— Спи! Мы и так проговорили полночи.

Наутро, когда мы гуськом тянулись на работу, Небвер обратил мое внимание на плиту с рельефным изображением человека в длинной одежде с короной на голове. Он восседал на троне с витыми ножками. У него было лицо мудреца.

— Вот и он! — шепнул мой друг. — Смотри в оба.

— Ну и хитрец! Я хочу увидеть живого!

— Курташу не положено видеть царя. Да и бывает он в Персеполе раз в году.

— Раз в году! — воскликнул я.

Багапата подошел к колоннам, над которыми мы работали вчера, и, не останавливаясь, повел нас дальше.

Через несколько минут мы стояли у разложенных на земле каменных плит. Они были вдвое меньше той плиты, на которой был изображен Дарий. Плиты были гладкими, но на одной из них вычерчены клетки, как на доске для игры в шашки. И в клетках кто-то наметил фигуру воина.

— Насколько я понял, это царский гвардеец? — сказал я.

Персидские воины. *Рельеф лестницы в Персеполе.*

— Бессмертный! — поправил Небвер. — Так их здесь называют. Впрочем, бессмертным его сделаем мы. Бери резец и молот. Смотри, как на нас смотрит Багапата.

И застучали наши молотки. Я работал с одной стороны плиты, Небвер с другой. Кусочки камня отлетали в сторону. Бессмертный выходил из клетки, приобретая все большее сходство с живым воином.

— Подумай! — сказал Небвер, не оставляя молотка. — Через тысячу лет, когда нас с тобой не будет и никто не узнает, жили мы или нет, он будет жить, как живут древние цари на стенах наших храмов.

— Да! Да! Да! — вторил я в такт ударам. — Вот вырисовывается его кулак, бессмертный кулак.

— Ба-га-па-ты ку-лак! — подхватил Небвер, стуча молотком. — Вот его палка, вот копье.

— А я не хочу бессмертия копья, бессмертия палки. Пусть будет бессмертна красота. Я хочу высекать изваяния богов, как мой отец. Я хочу быть свободным.

— Да! Да! Да! — колотил Небвер своим молотком.— Я с тобой заодно. Мы найдем путь к свободе.

ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ

МЕРТВЫЙ ГОРОД ДОЛИНЫ ИНДА

До наших дней дошло огромное количество литературных произведений, дающих представление об отдаленном прошлом Индии. Но это не исторические труды, а гимны богам, героические легенды, объединенные в огромные поэмы, сборники законов, политические сочинения, медицинские справочники и многое другое. Вся эта литература относится ко времени после завоевания долин Инда и Ганга воинственными племенами ариев (XIV—XIII века до н. э.). Поэтому ученые в прошлом считали, что в период, предшествующий арийскому завоеванию, коренное население полуострова жило племенами, не имея государственной организации и письменности.

Ошибочность этого мнения стала ясна после раскопок в долине Инда. На протяжении последних шестидесяти лет археологи выявили городские центры, не уступающие по развитию городам Двуречья и Египта. Культура, существовавшая в III—II тысячелетиях до н. э., получила название индской.

Давайте вслед за археологами совершим путешествие в один из древних городов Индии. Имя его Мохенджо-Даро, что означает «холм мертвых».

За крепостной стеной начинается прямая широкая улица, образованная двухэтажными кирпичными домами. Углы домов несколько закруглены, для того чтобы повозке легче было повернуть. Недавно прошел дождь. Но мы не видим луж. Куда же девалась вода, которая стекла с плоских крыш во внутренние дворики? Слышите, она шумит у нас под ногами. В канавах ближе к стенам домов проложены глиняные трубы. Канализация! Такого удобства не знали жители ни одного из городов Древнего Востока!

Войдем в один из домов. Владелец его не богач, но и не бедняк — человек среднего достатка. Он позаботился, чтобы хозяйке и ее помощницам — служанкам было удобно готовить пищу на всю семью. Очаг огорожен. В углу двора в землю вкопан большой сосуд. На дне его немного воды, но она исчезает у нас на глазах. Мы догадываемся, что в сосуде нет дна. Это слив для помоев. В стене дверь. Она открыта, будто

бы приглашая нас войти. В комнате никакой мебели, но на земляном полу несколько кувшинов. Из одного идет пар. В стенку вбита палочка, на которой висит льняное полотенце. Да это же ванная, или, как тогда говорили, комната для омовений. Мылись жители индских городов стоя, лили воду из кувшина себе на голову. Помещения для омовений имели водосточные трубы с выходом в канализацию.

Обитатель города мог помыться не только у себя дома, но и в купальне, расположенной в верхней части города. Это был продолговатый бассейн глубиною до двух метров, сложенный из красивого кирпича. Отверстия между кирпичами для водонепроницаемости были залиты асфальтом. Неподалеку от бассейна находилось здание бани, обогреваемой горячим воздухом. Возможно, помимо заботы о гигиене, все это сооружение преследовало и религиозные цели — впоследствии индийцы верили в очистительные свойства воды.

Кроме общественного бассейна, в Мохенджо-Даро и других раскопанных археологами городах долины Инда имелись общественные зернохранилища. В городе Хараппе обнаружено зернохранилище размером 61×46 метров. Оно находилось на кирпичной платформе для защиты от сырости. Вблизи были расположены специальные платформы для помола зерна. Земледелие имело большое значение в жизни населения. На это указывают находки большого количества зернотерок. Основными сельскохозяйственными культурами были пшеница, ячмень, горох и сезам (масличное растение). Уже в то время индийцы выращивали и использовали хлопок. Точных сведений об использовании риса у нас нет. Рис в диком состоянии рос в болотистой долине Ганга, и его начало культивировать местное население.

Города долины Инда были центрами ремесленного производства. Они славились своими гончарами, ювелирами, резчиками по кости и по металлу. Сосуды выделывали на гончарном круге, затем обжигали в гончарных печах, обнаруженных археологами. Поверхность керамики покрыта кружками, треугольниками, изображениями птиц и зверей. Населению были известны медь и бронза. Из этих металлов изготавливались орудия производства, оружие, украшения.

Во время раскопок обнаружено множество украшенных изображениями пластинок квадратной формы из белого камня (стеатита). Если приложить пластинку к глине или воску, она даст отпечаток. Это штемпель-печать, знак собственности. Имеются группы печатей с одинаковыми или похожими изображениями какого-либо животного. Чаще всего встречается «единорог»[1], реже индийский бизон, индийский зебу, за ними

---

[1] Некоторые ученые полагают, что это обычный бык, у которого второй рог скрыт за первым.

буйвол, слон. Мы не находим изображений льва, лошади, верблюда. Индия в те времена, очевидно, не знала этих животных.

На трех печатях мы видим бога, сидящего на троне или прямо на земле. На его шее, руках и ногах многочисленные браслеты и ожерелья. На голове два рога. Лицо у бога свирепое, напоминающее морду тигра. Он окружен животными. Перед нами какая-то религиозная сцена.

На печатях имеются надписи иероглифами. Прочитать их и даже просто установить значение иероглифов нельзя. Неизвестна не только система письма, но и язык, слова которого передавались иероглифами. Мы знаем лишь, что у древнейшего населения долины Инда существовала письменность. Это может служить указанием на существование государственной власти. Но что представляло собой государство? Управлялось ли оно народом? Стояли ли во главе цари?

А нельзя ли найти интересующие нас сведения в клинописных текстах того времени?

* * *

Вооружившись лупой, старый человек вглядывается в глиняную табличку. Он внимательно изучает каждый клинышек, след мысли. Табличке пять тысяч лет. И наверное, поэтому человек так осторожен. Но вот глаза его загораются молодым блеском, морщины на лбу разглаживаются, и он уже не кажется нам старым. Наверное, он прочитал что-нибудь очень интересное.

Отойдем в сторону. Знакомство наше будет заочным. Американский ученый Самуэль Крамер, знаток языка шумеров. В поисках шумерских табличек он побывал во многих странах и работал во многих музеях. Его можно было видеть и в музеях Москвы и Ленинграда. Книги его переведены на многие языки.

Но что же так обрадовало ученого? Табличка содержит песнь о боге Энки. Она заканчивается рассказом о том, что этот шумерский бог мудрости построил ладью «Макурру» и совершил на ней плавание по водам Персидского залива. После этого три страны — Маган, Дильмун и Мелухха — послали в города Шумера ладьи с богатыми дарами.

На карте, которую можно составить из названий, упоминаемых в вавилонской литературе, ассирийских текстах и Библии, Маган, Дильмун, Мелухха появляются то в одном, то в другом месте. Это исторически непостоянные, сменяющиеся понятия. Но до того, как они стали такими, они должны были существовать как реальные страны. Их должны были посещать шумеры. Шумерские мифы древнее царей Вавилона почти на тысячу лет, а Библии — на две тысячи.

Ученый начинает поиски сведений древних шумеров об

этих трех странах. Мелухха — боги благословили ее деревьями и тростником, рогатым скотом, птицами, золотом, оловом и бронзой. Еще красочнее описывается Дильмун. Это «чистая», «непорочная», «светлая» «страна живых», не знающая ни болезней, ни смерти. Описание страны Маган в табличке отсутствует. Но Крамеру достаточно и двух. Мелухха или Дильмун? Крамер останавливается на Дильмуне. Ход его рассуждений ясен. Дильмун — это райский сад, описанный шумерами за две тысячи лет до того, как его описание появилось в Библии. Библия помещала райский сад Эдем на Востоке, заимствуя его описание из легенд шумеров. Дильмун, райский сад шумеров, находился к востоку от долины Тигра и Евфрата, причем оттуда можно было добраться к устью этих рек морем. Этим условиям удовлетворяет долина Инда с ее уже известными нам городами бронзового века. Так считает Самуэль Крамер.

Норвежский ученый и путешественник Тур Хейердал не читал клинописных табличек шумеров. Но он знал книгу С. Крамера и его версию о Дильмуне как древнем названии Индии. Он знал и о том, что другие ученые считают, что этим названием была Мелухха. Тур Хейердал — человек действия. Однажды он уже построил корабль из папируса и пересек Атлантический океан, чтобы доказать возможность плавания людей древнего Старого Света в Новый, то есть в Америку. Если шумерологов занимает вопрос, под каким именем обозначается в клинописных текстах Индия, то Хейердала интересует другое — могли ли шумеры морем достигнуть устья Инда, а жители Мохенджо-Даро отдать ответный визит.

Тур Хейердал построил большую лодку из тростника и назвал ее «Тигр», так как тростник рос на берегу этой реки. Он стал кормчим, а матросами были ученые разных стран (в том числе и Советского Союза). Они плыли по Персидскому заливу, заходили на Бахрейнские острова, где были найдены знакомые нам печати, что говорит о посещении их индийскими мореходами. Высадились они на побережье Пакистана, близ современного поселения Лотхалы, где археологи раскопали кирпичные причалы для древних судов, и отправились в Мохенджо-Даро. Это путешествие произошло в 1978 году. Весь мир следил за ним по газетам и телеэкранам.

Итак, связи между городами Инда и городами Тигра и Евфрата доказаны не только на материалах мифов и археологии, но и опытным путем.

Мы совершили прогулку по городу, оставленному жителями. А где же они, строители этих домов, гончары, возчики, торговцы, дети? Что заставило их покинуть свой город? Этот вопрос уже многие десятилетия волнует ученых. Раньше считали, что в город вторглись воинственные племена ариев. Но опустошение города отделено от арийского завоевания по

крайней мере двумя столетиями. Может быть, город был захвачен не ариями, а другими племенами? В пользу вторжения как будто говорит и то, что у входа в некоторые дома обнаружены скелеты людей. Но эти же находки дают основание и для другого толкования. В захваченном городе трупы не остались бы там, где людей захватила смерть. Для завоевателей естественным было бы желание если не предать их земле, то, во всяком случае, оттащить куда-нибудь в сторону, чтобы мертвые не мешали живым.

Причиной смерти людей и опустения города скорее всего была естественная катастрофа, например землетрясение, сопровождавшееся разливом рек. Кстати, о том, что в древности Инд повернул однажды вспять, сообщает греческий географ Страбон. Он сам не бывал в Индии, но знает о том, что посол греческого царя, направленный с каким-то поручением в Индию, видел тысячи городов и селений, оставленных жителями. Объясняя это, Страбон считал, что опустение страны — результат разлива Инда, повернувшего в другое русло.

Ученые-геологи выяснили, что в начале II тысячелетия до н. э. в ста сорока километрах от Мохенджо-Даро находился эпицентр гигантского землетрясения, которое могло выбросить могучую реку из русла. Геологи подсчитали, что Инд пять раз заливал город, и каждый раз Мохенджо-Даро возрождался вновь, население строило плотины. Одна из них обнаружена археологами.

Только где-то в XVII—XVI веках до н. э. древнейшие городские центры долины Инда погибли окончательно. Очевидно, на население, ослабленное борьбой с неуемной стихией, обрушились нашествия соседних племен. Это было за два столетия до вторжения ариев. Теперь уже некому было бороться с наводнениями. Города занесло илом, засыпало песком. Благодаря этому и сохранились дома. В них больше никто не жил. Они не подвергались перестройке, не сносились, как это бывает в тех городах, которые существуют тысячелетиями. Они сохранились, как археологический памятник древней культуры великого народа.

ОТДАННЫЙ В ЗАЛОГ

Я бежал так, словно меня догоняли слоны. Но они и не думали за мною гнаться. Слоны пришли ночью, когда наша деревня спала, и превратили побеги риса в голую безобразную землю с ямами и рытвинами от огромных ног. Особенно пострадали участки у леса, и среди них клин моего отца.

На краю деревни я обогнал Рихаса. Участок его отца, кшатрия[1] Пентара, также пострадал от слонов. Но, кроме

[1] Каста воинов в Древней Индии, занимавшая по правовому положению второе место, после брахманов.

риса, семье Рихаса принадлежало небольшое ячменное поле в лощине, куда слоны не зашли. Для нас же рисовое поле было единственной надеждой. Двадцати мер едва хватало от урожая до урожая, а теперь и одной не собрать.

— Куда ты несешься! — прокричал мне вдогонку Рихас.— Все равно беды не обгонишь.

Но я не остановился, хотя пот заливал мне глаза и ноги подкашивались от усталости. Меня гнали вперед волнение и страх. Что скажет отец? Ведь это я вместе с Рихасом караулил рисовое поле. Я должен был бить в медный гонг, чтобы поднять тревогу. А вместо этого уснул и не заметил слонов.

Выслушав мой сбивчивый, прерывавшийся всхлипываниями рассказ отец побледнел. Но ни слова упрека не вырвалось из его крепко стиснутых зубов.

— Жди меня здесь! — сказал он и решительно двинулся в сторону леса.

Весть о несчастье облетела деревню. На площадь у дома брахмана[1] высыпали стар и млад. Старцы, поглаживая белые бороды, вспоминали о бедствиях прежних лет — градах, пожарах, наводнениях. Много лет назад в соседнем лесу поселился тигр-людоед, похищавший женщин и детей. Но слоны никогда еще не нападали на нашу деревню. Наверно, кто-нибудь прогневал богов.

Тем временем вернулся отец. За этот час он постарел. Спина его сгорбилась, плечи стали острыми, глаза потускнели.

— Пойдем! — сказал он строго.

Мне стало страшно. Я поднял голову, стараясь прочесть в глазах отца его решение. Не хочет ли он принести меня в жертву, как это делали древние герои со своими непослушными сыновьями?

Поняв мои страхи, отец опустил ладонь мне на лоб. И я понял, что он не гневается.

— Когда я был в твоем возрасте, — продолжал он мягко,— наше поле сожгла засуха. Твой дед, да воплотится он в своей следующей жизни в брахмана, отправился со мною в город. Мы достали зерно для урожая. Я хорошо запомнил дом ростовщика.

Так я впервые услышал это слово: «ростовщик». Я решил, что это городской колдун, умеющий выращивать рис даже на раскаленных камнях. Иначе бы откуда он мог иметь рис в городе и раздавать его тем, кто испытывает нужду.

Дом ростовщика стоял за каменным забором. Внутрь вела скрипучая железная калитка. Таким же скрипучим был го-

---

[1] Высшая каста в Древней Индии. Как жрецы, брахманы жили на приношения верующих. Согласно верованиям древних индийцев, каждый после смерти в зависимости от соблюдения установленных жрецами законов мог перевоплотиться в человека более низшей или более высшей касты или даже в животное.

лос лысого человечка, не очень любезно пригласившего отца во внутренние покои.

Оставшись во дворе, я разглядывал гладкие каменные плиты с растущими в щелях чахлыми травинками. Затем внимание мое привлек большой железный котел, висевший на палке между двух столбов. Из котла валил пар, и я не сразу заметил стоявшего у стены мальчика. «Наверное, это подручный колдуна», — подумал я. Я слышал, что колдуны собирают травы и вываривают их вместе с жабами и змеями.

— Подойди сюда! — крикнул мне мальчик.

Вблизи я удивился его худобе.

— Нет ли чего поесть? — спросил он.

Я отломил кусок лепешки, которым снабдила меня мать.

Поев, мальчик рассказал, что отдан в залог живоглоту, и выразительно показал на дом.

Слово «живоглот» было мне понятно. В сказках говорилось о великанах, живьем проглатывающих людей.

— А какой он из себя? — спросил я.

— Да ты же его видел! — отозвался мальчик. — У него голова лысая, как колено, а нос крючком.

— Так это и был ростовщик! — воскликнул я.

В это время открылась дверь и на пороге показался отец.

— Вот мы и с зерном для посева, — сказал он, когда мы вышли наружу. — Завтра я приеду за ним в город. Полторы меры за меру.

Я не сразу понял смысл последних слов, и отец пояснил:

— За каждую меру зерна, которую мне ссудит ростовщик, после получения урожая надо будет отдать полторы.

И тогда я догадался, почему мальчик назвал ростовщика живоглотом.

На следующее утро я уже играл с Рихасом и, конечно же, рассказал ему о том, что был в городе у ростовщика, о дворе, мощенном каменными плитами, железном котле и мальчике, которого не кормят.

— Мой отец тоже был в городе, — сказал Рихас. — Он взял у ростовщика рис — четыре меры за три.

— Четыре за три? — удивился я. — Мой отец должен отдать полторы за одну.

— А мой — четыре за три, — настаивал Рихас.

— Почему же мой отец должен отдать больше? Он же беднее. У него нет ячменного поля.

— Не знаю. Наверное, надо было найти доброго ростовщика.

В тот же день я рассказал отцу о нашем разговоре.

— Не может быть! — сказал он. — Ты что-то напутал.

— Но Рихас говорит — четыре за три. Зачем ему врать?

Это объяснение не убедило отца, и он вышел, чтобы узнать, как было на самом деле.

Вернулся он мрачнее тучи.

— Ты прав, — сказал он. — Ростовщик тот же. С меня он взял полторы за меру, а с него четыре за три.

Мать набросилась на отца с плачем:

— Вечно тебя обманывают!

— Успокойся! — сказал отец. — Я пойду жаловаться царю. Ведь царь — защитник слабых. Не даром ведь говорится: «Если бы царь не наказывал сильных, они изжарили бы слабых, как рыбу на вертеле»[1].

Слова эти успокоили мать, и она сказала:

— Попроси царя, чтобы он отогнал слонов, ведь они снова растопчут наш рис. Это же несправедливо, чтобы люди работали, а лесные звери уничтожали их труд.

— Обязательно скажу, — пообещал отец.

Через несколько дней мы отправились в столицу. Это был очень большой город, наверное в десять раз больше того, где жил ростовщик. Дом царя — отец назвал его дворцом — находился за стеной, такой высокой и крепкой, что ее не смогли бы сломать даже слоны. Во дворец можно было войти через огромные ворота, но мы туда не вошли, потому что воины преградили нам путь копьями, а их начальник сказал, что если у отца есть дело к царю, то он может обратиться к царскому судье на базарной площади.

Базарная площадь была полна людьми, сновавшими в разных направлениях, что-то продававшими и покупавшими или просто бродившими без дела. От толчеи, обилия невиданных товаров, гомона у меня закружилась голова. Я прижался к отцу, боясь отстать от него и затеряться в толпе.

— Дорогу! Дорогу! — послышались чьи-то голоса.

Мы отступили, чтобы пропустить быков. Они везли большую клетку на колесах. За решеткой из кольев были видны люди в жалких лохмотьях. Некоторые высовывали руки, прося милостыню.

— Кто это? — спросил я. — Почему они в клетке, как звери?

— Преступники, — шепнул отец. — Они нарушили закон, и теперь их возят по городу для примера другим.

Я живо представил себе, как в клетку бросят ростовщика. Мне стало его жалко. Лучше уплатить лишнюю меру зерна, чем подвергать человека, пусть даже плохого, таким мукам.

Надо было видеть возмущение отца, когда я поделился с ним мыслями.

— Чего его жалеть! — кипятился он. — Ведь он нас не пожалел. Пусть себе сидит рядом с ворами и убийцами.

Наконец, мы подошли к месту, где вершился суд. Царский судья сидел на возвышении, так что виден был всем. Его

---

[1] Это изречение взято из законов Ману, которыми в Индии пользовались вплоть до III века н. э.

одеяние сверкало золотыми нитями, шапка — драгоценными камнями. По обе стороны от него сидели на корточках писцы и что-то царапали на пальмовых листьях.

Прошло немало времени, пока очередь дошла до моего отца, и он предстал перед очами царского судьи. Я был недалеко и слышал все, о чем они говорили.

— Из какой ты касты? — спросил судья.

— Из вайшьев[1], — ответил отец.

— И что же ты хочешь от закона?

— Справедливости. Ростовщик ссудил мне меру зерна за полторы, а моему соседу три за четыре.

— А кто твой сосед?

— Кшатрий Пентар.

— Тогда ростовщик прав, — отозвался судья. — Процент взят в соответствии с кастой, к которой ты принадлежишь. Но если бы он и не был прав, разве тебе не ведомо, что закон запрещает должнику жаловаться на человека, давшего ссуду. За жалобу ты уплатишь в царскую казну штраф, равный стольким мерам зерна, сколько ты взял в долг.

Отец словно онемел. У него не нашлось слов, чтобы сказать о слонах, растоптавших наш рис.

— Следующий, — произнес судья, и отца оттолкнули.

Так мы ни с чем вернулись в деревню.

В день сбора урожая к нам явился писец с пальмовым листом и, показывая пальцем на нацарапанные значки, потребовал зерно для царя. Отец не стал спорить, потому что боялся попасть в клетку на площади. А после того, как рассчитались еще и со сборщиком налога, зерна осталось едва на посев. И отец сказал мне и матери, чтобы мы держали дом на запоре и никого не пускали.

Прошло время отдачи долга, а ростовщик не появлялся, словно он о нас забыл. Я стал выходить из дому и, как прежде, играл с Рихасом. Однажды, когда я прятался от него за деревом, на дорогу выехала повозка, запряженная парой волов. У возчика был такой вид, словно он кого-то искал. И хотя это был незнакомый человек, я его не испугался. Мне показалось, что он просто заблудился. Когда я подошел на его зов, он молча схватил меня и заткнул ладонью рот. Через несколько мгновений я оказался в повозке. Рихас так и не нашел меня и не догадался, что со мною. И только через несколько дней меня отыскал в городе отец. Как вы понимаете, человек, который меня схватил, был послан ростовщиком. Этот живоглот взял меня хитростью вместо долга[2].

Теперь я живу в доме ростовщика и выполняю тяжелую

---

[1] *Вайшьи* — каста земледельцев, скотоводов и торговцев.

[2] Законы Ману, определявшие все стороны жизни древних индийцев, разрешали получать долг любыми средствами, в том числе и хитростью.

и однообразную работу. От голода я стал таким же худым, как тот мальчик.

Прошло уже два года, а отец все не может отдать свой долг, и он растет, как тесто в деревянной бадье. Давно уже я забыл о наших деревенских играх и развлечениях. Дни длинные, а хозяин суров, хотя он и не заставляет меня выполнять нечистую работу — для этого есть шудры[1]. Они живут отдельно и едят свою особую пищу. Но я им завидую: их много, а я один, и мне не с кем обменяться словом. Сначала я пробовал подходить к ним, но надсмотрщик каждый раз больно бил меня, напоминая, что я из касты дваждырожденных и не должен осквернять себя общением с шудрами.

Иногда ко мне подходит ростовщик. У него колючие глаза и скрипучий голос.

— Работай, мальчик, работай! Не даром же я кормлю твоего отца и тебя, — твердит он, и глаза суживаются, тонкие губы растягиваются.

И опять я мешаю варево в котле, а когда солнце понуро спускается за каменный забор, я падаю на свою истертую циновку и жду, когда придут слоны. Они явятся ночью, когда все уснет в доме ростовщика. Слоны раздавят каменные стены своими огромными ногами и найдут хозяина. Они гневно протрубят на весь город. И тогда я проснусь, чтобы бить в медный гонг.

ЛЕГЕНДА О БУДДЕ

Во второй половине VI — начале V века до н. э. в Северной Индии жил Гаутама — Будда, основатель одной из широко распространенных и в наши дни религий — буддизма. В позднейших легендах о жизни Будды немало вымыслов и преувеличений, но они в поэтической форме объясняют сущность учения и причины его успеха.

У подножия седых Гималаев раскинулась страна Кошала. Испокон веков ее занимали сакья, считавшие себя внуками Солнца. У царя этого племени родился первенец, которому дали имя Гаутама. На седьмой день после рождения сына умерла его мать.

Отец решил посвятить свою жизнь сыну. Он приказал огородить дом высокой стеной, чтобы ничто не могло смутить юную душу. В ворота пропускали только красивых и хорошо одетых людей. Прожив двадцать девять лет, став мужем и отцом, Гаутама ни разу не выходил за ворота и наивно полагал, что всюду живут так же беззаботно, как он.

---

[1] Обязанностью касты шудр считалось услужение «дваждырожденным», то есть людям из первых трех каст. На шудр обычно возлагались работы, которые религия считала нечистыми.

Он бы и дольше пребывал в этом счастливом неведении, если бы от стены не отвалилось несколько камней. Гуляя по саду в сопровождении верного слуги, Гаутама обнаружил отверстие и выглянул в него. Его взору предстала каменистая дорога и бредущий по ней человек. Спина его была согнута, словно он нес какую-то невидимую тяжесть.

— Кто это? — спросил Гаутама у своего спутника.

— Старец, — отвечал слуга.

— Почему он согнулся?

— От долгих лет, — ответил слуга.

— Значит, и я буду таким, — задумчиво промолвил Гаутама.

Его прекрасный лоб впервые прорезала морщина.

Слуга промолчал, вспомнив, что ему было приказано не говорить ни о чем, что могло бы огорчить царевича.

С того дня словно какая-то сила тянула Гаутаму к месту, откуда открывался неведомый мир.

Как-то он увидел странное зрелище. Четверо несли на плечах ящик, в котором недвижимо лежал бледный человек. Сзади шло несколько десятков мужчин и женщин. Слышался плач.

— Что делают эти люди? — спросил Гаутама слугу.

— Они несут мертвого, — отвечал слуга.

— И я умру? — спросил Гаутама.

Слуга молча отступил, вспомнив о приказе царя. Никто не заметил первой горькой складки у рта царевича.

Вечером того же дня, отослав слугу, Гаутама сам подошел к стене. Он увидел, что по дороге идет человек и звенит колокольчиком.

— Подойди сюда! — крикнул Гаутама.

Человек сделал несколько шагов и остановился. И тогда царевич увидел, что лицо незнакомца сморщено, как кожура печеного яблока, а грудь в язвах и струпьях.

— Кто ты? — спросил Гаутама.

— Разве не слышишь, я прокаженный.

— И ты зовешь людей на помощь?

Из уст прокаженного послышался звук, напоминающий бульканье кипящей воды. Это был смех.

— Нет! Я звоню, чтобы они разбегались. Много лет я не слышал человеческого голоса.

Гаутама был пронзен состраданием. Из глаз его хлынули слезы. В них расплылись очертания стены, отделявшей его от людей. Мир, полный горестей, звал к себе. И царевич шел, повинуясь этому зову.

С тех пор во многих городах и селениях Индии видели удивительного странника. Судя по остаткам дорогой одежды, он происходил из богатой семьи. Но его не привлекали дома, откуда доносились музыка и веселый смех. Он появлялся в хи-

жинах бедняков, где слышались плач и стоны. Став добровольным помощником лекаря, он поил больных, обмывал раны. Для слепых он был поводырем. Юноша стоял у шалаша чандала[1], питающегося одними отбросами из разбитой посуды, и на его лице не было отвращения.

Однажды Гаутама, прося подаяние, пришел в главный город страны магадхов. Царь увидел его с террасы дворца.

— Взгляните! — воскликнул царь, показывая на юношу приближенным. — Он держится прямо. Чело его прекрасно. Нет, не низкого он рода! Эй, слуги! Приведите его ко мне!

Пока слуги выбежали за ворота, незнакомец исчез. Царь обещал вознаградить каждого, кто укажет, где живет юноша царственного вида в нищенских отрепьях.

Прошло немало времени, пока одному из царских пастухов не удалось удовлетворить любопытство владыки.

Склонясь перед троном, пастух сказал:

— О, великий царь! Юноша, которого ты ищешь, — отшельник. Он живет в горах, в жалкой хижине.

Услышав эти слова, царь приказал запрячь коней и отправился в горы. Когда дорога кончилась, он сошел с колесницы и двинулся к хижине пешком.

Переступив порог хижины, царь приветствовал отшельника и обратился к нему со следующей речью:

— Я увидел тебя, когда ты проходил мимо моего дворца. Твоя красота достойна лучшей доли. Брось эту хижину и переходи в мои покои. Но сначала скажи, откуда ты родом.

— Я из славного племени сакья, рожден в царском доме и покинул его, чтобы узнать, как живется людям. Нет лучшей доли, чем та, что я выбрал.

И ушел царь, поняв, что отшельник тверд в своем решении. А Гаутама вновь пустился в странствия, чтобы познать людские горести. И когда его душа переполнилась ими через край, он отыскал в горах дерево, защищающее от палящих лучей, и ходил вокруг него. Прохожий мог бы подумать: «Этот человек охраняет зарытый под деревом клад». Но мудрец оберегал свою мысль, как еще не окрепшую молодую веточку на древе жизни.

Семь дней росла мысль, охраняемая неусыпным стражем, пока не стала истиной. Мудрец прошептал ее пересохшими губами: «Человек — это сосуд страданий. Страдание неизбежно. От него надо избавиться. Путь к спасению — в искоренении желаний».

А потом он впал в глубокий сон. И явился к нему во сне враг истины Мара. Искушая мудреца, он воздвиг благоуханный сад.

---

[1] *Чандалы* — группа людей, стоящих вне кастового деления.

— Отрекись! — вещал сладкоречивый волшебник. — Разве эти деревья и цветы не лучшее, чем обладает человек?

— Нет, — отвечал мудрец. — Из цветов можно сплести много благоуханных венков, но они высохнут и опадут. Добрые дела — это венки, украшающие нас вечно. Аромат лотоса и жасмина распространяется по ветру. Добродетель проникает во все места, и нет аромата, который был бы ей равен.

И отступил Мара, раненный истиной. Но вскоре он вернулся. С ним были его юные и прекрасные дочери. Глаза у них были подобны чашечкам лотоса.

— Отрекись! — сказал злой волшебник. — И их красота будет твоей. Они отведут тебя во дворец и будут услаждать плясками.

— Нет! — отрезал мудрец. — Во время странствий я видел фокусника с размалеванной деревянной куклой. Она танцевала так забавно. Но развяжи ниточки, и она распадется на кусочки. Что в ней пленит сердце? Красота истины не увядает.

И зашипел Мара, как кобра, когда ей наступают на хвост, и скрылся с глаз. Потом он сводил с неба молнии, гремел громом, обрушивал скалы, но не мог сокрушить мудреца: человек, верный истине, крепче каменной горы.

Мудрец поднялся и твердым шагом спустился в долину. Там были люди, словно бы ожидавшие его прихода. Их было пятеро. Они были первыми, кому Гаутама возвестил истину. С той поры его стали называть Буддой (просветленным). На самом деле Просветленным он стал уже тогда, когда впервые был пронзен жалостью к людям.

Прошло много лет, и Просветленный, уже глубокий старец, пришел со своими учениками к тому самому дереву, близ которого он открыл первую из истин. Один из учеников, самый преданный и любимый, пал на колени, чтобы поклониться месту, где родилась истина. Просветленный поднял его и, взяв с земли горсть листьев, спросил: «Скажи, юноша, есть ли еще листья, кроме тех, что у меня в руке?» — «Осенние листья падают повсюду, — ответил ученик. — Их не счесть». — «Вот так и я, — сказал Просветленный, — дал вам лишь горсть истин, но, кроме них, есть бесчисленное множество других, которых не счесть».

* * *

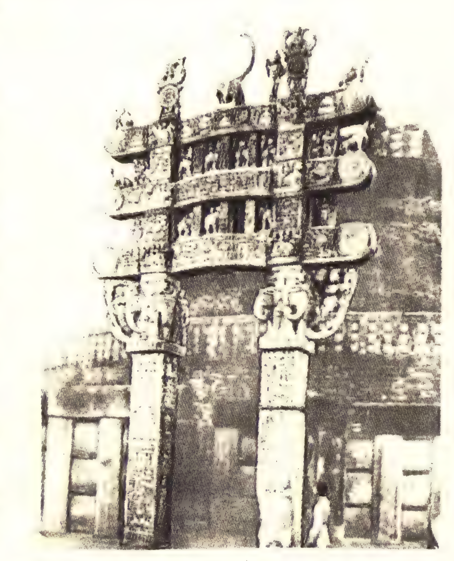
Проповедь Будды и его учеников имела в Индии небывалый успех. Она была обращена к народу, к простым людям независимо от того, на каком языке они говорили, к какой касте принадлежали, каково было их имущество. «Не рождение, а лишь поведение делают человека либо членом низшей касты, либо брахманом», — учил Будда. Не нужно было обращаться с молитвами к богам, приносить им жертвы, как это предписывали брахманы. Достаточно, учил Будда, убедиться в том,

что причина страданий, составляющих основу жизни, — в желаниях, в стремлении к власти, к богатству, к любви, к счастью. Тогда, поняв ничтожность и невыполнимость человеческих желаний, легко освободиться от привязанности к внешнему миру, от страха жизни и в полном равнодушии к ней достигнуть блаженного состояния успокоенности — нирваны.

Достижение нирваны буддизм связывал с выполнением правил праведного поведения и образа жизни — с отказом от лжи, нарушения прав собственности, пролития крови живых существ. Не убивать живое существо! А как быть с тигром-людоедом? Или с муравьем, на которого можно случайно наступить, идя по дороге? Ведь убивший муравья так же не достигнет нирваны, как и тот, кто убил тигра. Последователи Будды ходили зимой и летом босиком, чтобы не убить насекомое. Они пили процеженную воду, ибо в ней также могли оказаться живые существа. А как быть земледельцу, добывавшему себе пропитание трудом? Ведь взрыхляя землю плугом, он мог нанести вред земляным червям. Истинные сторонники Будды вообще не занимались производительным трудом. Они жили за счет подаяний. Считалось, что конечного «спасения» может достигнуть лишь нищий монах, живущий милостыней.

Не брать чужой собственности? Земля и богатства уже принадлежали богачам и рабовладельцам. Будда не проповедовал возвращения труженикам того, что у них было отнято. Он призывал отказываться от желаний. Отказ от желаний означал отказ от борьбы, примирение с несправедливыми порядками.

На первых порах буддизм был «религией без богов». Будда не отрицал существования богов, от имени которых проповедовали брахманы. Но он считал, что боги не могут облегчить человеку его страданий, ибо сами не избавлены от них. Буддизм отрицал существование «вечной души», признание которой составляло основу большинства религий классового общества. Новое учение выражало пусть бессильный и пассивный, но все же протест против существующих в обществе порядков, при которых низшие слои были обречены

Каменные ворота ступы, украшенные резьбой.

на унизительное служение высшим. Не будучи воинственным отрицанием предшествующей религии, буддизм считал ее недостаточной, не обеспечивающей «спасения». Сторонники Будды считали, что до его появления мир был погружен во мрак и невежество.

Буддизм недолго был «религией без бога». Богом стал сам Будда. Было установлено поклонение его праху. Во многих местах Индии и на острове Шри-Ланка (Цейлон) появились курганы, в которых будто бы были захоронены частицы тела Будды (зуб, локон и т. п.). Эти курганы назывались ступами. Возле ступ от отростков смоковницы, близ которой учитель будто бы достиг просветления, выросли священные деревья. В храмах появились изваяния Будды. Сидящий на цветке лотоса с неподвижным каменным лицом и опущенными веками, спокойный и безмятежный, как он не похож на того юношу, который окунулся в бездну страданий для того, чтобы познать истину, и на того старца, который тщетно предостерегал учеников, готовых его обожествить: «Надо искать истину, а не поклоняться тем, кто ее открыл».

УЧЕНИК ВРАЧА

Индийские хирурги умели вправлять кости, лечить переломы, восстанавливать носы, уши, губы, потерянные или искалеченные в бою или по приговору суда. Широко использовались лекарства растительного и минерального происхождения. Впервые в мире в Индии в III веке до н. э. были созданы больницы.

Мы шли правой стороной улицы, потому что там была тень. Учитель, как всегда, впереди, я — в двух шагах за ним. Ларец с инструментами и лекарствами оттягивал мне руку. Привычная ноша! Ведь я уже третий год живу у Чараки и сопровождаю его по городу, если больные нуждаются в срочной помощи. Городские мальчишки уже не дразнят меня деревенским олухом, а почтительно глядят вслед. Иногда я слышу завистливый шепот:

— Это Свами, ученик Чараки.

Конечно, вам не терпится узнать, как я стал учеником самого знаменитого врача Индии? Тогда слушайте.

Два года назад мы с отцом шли этой же улицей, по ее солнечной стороне. Не спрашивая ни у кого дороги, отец отыскал дом, ставший мне теперь родным. Впрочем, я думаю, его нетрудно было найти по толпе у входа. Мне никогда не приходилось видеть стольких людей с повязанными головами или на костылях, охающих и стонущих. Многие рассказывали о своих болезнях. И все сердились, если кто-нибудь пытался пройти раньше своей очереди. Без очереди пропускали лишь укушенных змеями.

Уже вечерело. Зал был просторным, с чисто выбеленными

стенами. Шкафы и стулья отбрасывали по полу длинные тени. Старец у окна показался мне тогда высоким и стройным, как юноша. Лицо его было строгим и задумчивым. Бросив на меня взгляд, он спросил:

— Мальчик! На что ты жалуешься?

— Он ни на что не жалуется, мой спаситель! — ответил за меня отец.

Чарака провел ладонью по лбу и грустно улыбнулся.

— Зрение мое ослабело: я тебя не узнал. Но голос твой мне знаком. Ты Ваянатха из деревни Лахаури. А это твой сын. И все-таки что с ним?

— Что может быть с мальчиком, когда ему десять лет?— сказал отец. — Он не нуждается в здоровье, как мы с тобою. Я привел его затем, чтобы ты указал ему путь к истине. Ведь никто...

— Постой, — перебил Чарака. — Ты ведь знаешь, что у меня не школа, а больница. Я не учу, а лечу, точнее, исправляю изъяны в теле человека. И могу ли я указать путь к истине, если сам с трудом нахожу дорогу к дому своих пациентов. О прежних операциях остается только вспоминать. Мои глаза!

— Свами будет твоими глазами! — подхватил отец. — Он будет твоим посохом. Может быть, и он вернет кому-нибудь отнятое несправедливо.

Разговор этот решил мою судьбу. Со слезами на глазах я простился с отцом. Я не мог понять, что руководило им, когда он отрывал меня от родного дома и оставлял в чужом городе, у незнакомого человека. Ведь другие родители отдавали сыновей в обучение кузнецам или плотникам в нашей или соседней деревне. Потом уже много раз я спрашивал Чараку, как он познакомился с отцом. Но учитель переводил разговор на другую тему, словно это было тайной.

Итак, с главной улицы мы свернули в проулок, стиснутый невысокими домами. Здесь жила беднота, люди, которые не могли купить лекарства, не говоря уже о том, чтобы заплатить врачу. Но дом Чараки был открыт и для них. На деньги, которые он получал от богатых пациентов, покупались лекарства для бедняков. Некоторых в дни хеманты[1] Чарака снабжал и теплой одеждой.

На углу двухэтажного дома с закрытыми ставнями учитель внезапно остановился и, взглянув на меня, сказал:

— Вот этот дом. Он принадлежит хорошему человеку. Теперь он очень болен. Вряд ли мы сможем ему помочь. Но я должен попытаться. Хозяин этого дома помогал твоему отцу. Здесь он скрывался с повязкой, закрывавшей рот. Здесь же я ему сделал операцию.

---

[1] У древних индийцев было шесть времен года, по два месяца каждое. Хеманта охватывала декабрь — январь.

— С повязкой! — воскликнул я. — У него болели зубы? Ты ему их вылечил? И почему он скрывался?

Как бы прячась от этого града вопросов, Чарака отступил к тенистому дереву и прислонился спиной к его стволу.

— Это удивительная история, — молвил он. — Может быть, пришло время ее рассказать.

— Пожалуйста! Я очень тебя прошу! — взмолился я.

— Твой отец, — начал учитель, — не был в числе моих постоянных пациентов. Вряд ли он даже слышал обо мне. Но свалилась беда. Ваш дом сгорел от удара молнии.

— Наш дом не сгорал, — вставил я.

— Это было задолго до твоего рождения, — продолжал Чарака. — И жили вы в другой деревне. После пожара мать переселилась в дом своих родителей, а отец отправился в город, чтобы продать один из двух золотых браслетов. Это все, что осталось от имущества.

— У моей матери два браслета, — сказал я. — Значит, он не нашел покупателей?

— Он их не дождался. К месту в ювелирном ряду, где стоял твой отец, подошли стражники. Они схватили отца за локти и отняли браслет. Собралась толпа. Послышались крики: «Украл! Вор!» Жару в огонь подлил какой-то человек, оказавшийся царским ювелиром. Он уверял, что узнал браслет царевны, пропавший два дня назад, и стал кричать, чтобы отец вернул другой браслет. Негодяю поверили. Кому, как не царскому ювелиру, знать, какие у царевны драгоценности! Пошли за судьей. Суд был скорым и несправедливым. Палач приготовил раскаленные щипцы, и преступление совершилось. Твой отец остался без нижней губы.

— У моего отца губы на месте, — сказал я.

— Терпение — первое из достоинств врача, — молвил Чарака. — Учись выслушивать до конца, не перебивая. Итак, когда к твоему отцу вернулось сознание, он решил больше не возвращаться в деревню. В городе легче скрыться от позора.

Чарака пошатнулся и, теряя равновесие, схватился рукой за нижнюю ветвь дерева.

— Не знаю как, — продолжил он после паузы, — но твоя мать узнала о случившемся и, захватив браслет, отправилась в город. Каждый, кто видел ее, обезумевшую от горя, не мог ее не пожалеть. Вскоре образовалась толпа. Возможно, в ней были и те, кто совсем недавно требовал наказания невинного. Люди сокрушались и укоряли царя, судью и стражников в несправедливости.

Толпа двигалась ко дворцу. Все хотели видеть царя. Но стражники пропустили только твою мать.

Подойдя к трону, она сказала: «Ты царь, называющий себя справедливым. А в твоем государстве творятся беззакония. Моему мужу безо всякой вины оторвали губу».

«Нет, женщина, — ответил царь. — С ним поступили по закону. Он украл браслет у моей дочери».

Царь сделал знак, и слуги показали твоей матери браслет, тот самый, что отняли у отца.

«Тебя обманули», — ответила мать, доставая свой браслет.

Взяв оба браслета в руки, царь понял, что женщина права. «Приведите ювелира!» — приказал он.

Через час ювелир был во дворце. Под страхом смерти негодяй признался, что украл браслеты у царевны и, чтобы замести следы, оговорил незнакомца.

«Потерянного не вернешь!» — так обычно говорят люди, склоняющиеся перед злом. Но боги дали нам ум и руки не для того, чтобы мы бездействовали.

Я отыскал твою мать и предложил помощь. Видел бы ты ее глаза! «Это возможно?» — спросила она. «Разумеется, — отвечал я. — Операция несложная». На самом деле такой операции не делал еще ни один из хирургов. Но я держал сомнения при себе. Правило врача — поддерживать дух больного и его близких.

Мы, как я уже говорил, нашли твоего отца в этом доме, ибо я знал, что хозяин этого дома помогает людям в беде. Твоя мать чисто вымыла стол. Отец пожевал траву, снимающую боль. И я приступил к операции. Пришлось вырезать часть кожи с бедра.

— Да! Да! — закричал я. — Там у него шрам. Когда я спросил, что это, отец ответил, смеясь: «Укусил добрый тигр». А разве бывают добрые тигры?

— Видимо, бывают, — засмеялся Чарака. — Итак, я пересадил кожицу вместо губы, окурил рану, чтобы не было заражения. Наложил повязку. Через месяц отец твой был здоров. Я сам был благодарен возможности совершить такую операцию. Потом я исправлял носы и уши и даже вскрывал черепную коробку. Но я никогда не забывал твоего отца. Он был первым, кому я вернул несправедливо отнятое.

Я долго не мог ничего сказать. Слезы текли из моих глаз, и я их не утирал.

— Учитель! — пробормотал я, всхлипывая. — Если бы ты знал, как я благодарен тебе. Да что я? Тысячи людей считают тебя спасителем, те, кого ты лечил, те, кто прочел твои книги.

— Приготовься, Свами,— строго молвил Чарака, прерывая мои излияния. — Когда входишь в дом к больному, ты должен направлять мысли, разум, чувства не к чему иному, как к своему больному и его лечению. Ни о чем, что происходит в доме больного, не следует рассказывать в другом месте, и о состоянии больного не следует говорить, чтобы кто-нибудь, пользуясь полученным знанием, не мог повредить больному. Поэтому я долгое время не хотел говорить тебе об отце. Достаточно того, что он пережил в тот год.

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

ИСТОРИЯ НАЧИНАЕТСЯ С МИФОВ

Царь-Просо

У древних китайцев имелись легенды о героях — распространителях культуры. Начало земледелия они связывали с именем Хоу-цзы (Царь-Просо).

Давным-давно людей на земле было мало. Жили они в лесах, среди диких зверей, насекомых и гадов, спали прямо на земле, дрожа от холода и страха. Один мудрый человек увидел, как птицы вьют гнезда, и соорудил себе жилище на ветвях, а потом научил этому других. Люди возликовали, сделав его государем, и нарекли именем Ючао ши, что значит «хозяин гнезда».

Но людям жилось все еще плохо. Они питались дикими плодами и семенами трав, моллюсками и устрицами. Если им случалось убить какого-нибудь зверя, они съедали его мясо сырым. Люди часто болели и рано умирали. Один мудрый человек заметил, что птица долбит длинным клювом кору сухого дерева и от коры исходит свет. Не зная, что это от живущих в коре светлячков, он тоже захотел, чтобы было светлее. И, взяв деревянную палочку, стал крутить ею в коре. Появился дым, и загорелся сухой мох. Огонь стал отгонять зверей. На нем стали жарить мясо, и оно изменило свой запах. Люди возликовали, сделав того человека государем Поднебесной, и нарекли его именем Суй Жэньши, что значит «добывающий огонь».

Люди стали реже болеть и дольше жить. Но не хватало им на земле пищи. И не нашлось такого мудрого человека, который смог бы им помочь. Тогда праматерь людей, государыня Цзянь Юань отнесла на землю своего сына.

Шли буйволы на водопой и услышали пронзительный крик. Видят они, лежит младенец, и такой прекрасный, какого свет еще не видывал. И подошла одна из буйволиц, и поднесла ему вымя. Когда сосал он, то не плакал, и так кормили они его по очереди все лето.

Осенью стадо должно было покинуть эти места. Младенец остался на берегу. Не могли взять буйволы его с собой — у них не было рук. Оставшись один, младенец стал кричать

еще громче, чем прежде, потому что пока еще не мог добывать себе пищу сам. На крик прибежали волки. Беззащитный человеческий детеныш был для них желанной добычей. Волки уже подходили к нему, как вдруг с неба спустились две большие птицы на длинных ногах. Они подхватили младенца и унесли из-под носа разъяренных зверей.

И стал чудесный младенец жить в большом гнезде. Птицы приносили ему с лугов зернышки трав, и вскоре он привык к этой пище.

Однажды птицы полетели за кормом, а когда вернулись, увидели, что гнездо пусто. Кружась над лесом, они увидели малыша то поднимающимся на ноги, то ползущим, и поняли птицы, что человеческий детеныш уже не нуждается в их помощи. И, помахав ему на прощание белыми крыльями, они полетели на юг, где зимовала их стая.

Малыш тем временем приполз на луг, где нашли его буйволицы и выкормили молоком. Был он еще совсем мал, но наделен разумом мудреца, ибо матерью его была богиня. Подобрав себе по силам палку с сучком, он стал царапать ею влажную землю. В образовавшиеся борозды он сыпал зерна, какими кормили его птицы.

Прошло несколько месяцев, и на луг в поисках пищи забрели люди и остановились в изумлении. По краям, словно зеленые стяги, тянутся к небу бобы. Крупные тыквы желтеют поодаль. Ровным строем густеют золотые колосья пшеницы. Зеленеет конопля. Но особенно пышно раскинулось просо. Колосок к колоску. Зерно к зерну. Черное просо — с двойным зерном. Красное просо — с густым колоском. Белое просо радует глаз человека. Знали люди и раньше эти вкусные плоды и злаки. Но раньше тонули они в травах, от которых не было проку. Не могли понять люди, почему побежденными оказались сорняки, покрывающие землю. Вдруг раздвинулись колосья проса, и перед ними появился чудесный младенец.

— Хоу-цзы! Хоу-цзы! — возликовали люди.

Назвав младенца Царем-Просо, люди стали ему поклоняться и служить, а он научил их пахать, сеять, очищать землю от сорняков.

Хуанди и железнолобые

Легенда объясняет создание компаса.

Как-то в горах, на юге Поднебесной, появился разбойник Чи-ю. Туловище у него было человеческим, ноги как у быка, голова медная, лоб — железный. Если Хоу-цзы научил людей пахоте и обращению с плугом, то Чи-ю выковал железное оружие и вооружил им своих братьев, — а было их восемьдесят один, и они не уступали ему в силе и жестокости. Нападая

на земледельцев, они убивали их, вытаптывали поля, уводили скот.

Тогда поднялся против разбойников повелитель Поднебесной Хуанди. Обучив людей владеть оружием, он повел их на Чи-ю и его братьев и в открытом бою одержал победу. Однако Чи-ю удалось бежать, и он вновь стал заниматься разбоем.

Вновь собрал Хуанди ополчение и двинулся против разбойников. Понимая, что в честном сражении он опять будет разбит, коварный Чи-ю начал колдовать. Земля покрылась туманом, так что не видно было, куда идти. Хуанди приказал воинам остановиться и ждать, пока рассеется туман. А он не рассеивался. В войске был мудрый человек. Император попросил у него совета.

— Дай мне подумать, — ответил мудрец.

Он думал три дня, и еще три дня он что-то мастерил, а что — в тумане не было видно.

А потом он пришел к императору.

— Железо притягивает железо! — он дал царю маленького железного человечка, укрепленного на колесике.

Сколько ни крутил Хуанди колесико, человечек все равно показывал ручкой туда, где находился Чи-ю и его железнолобые братья.

Прошло несколько дней, и близ стана железнолобых появился Хуанди с войском. Удивился Чи-ю, не понимая, как его сумели найти. Сделав туман еще гуще, он бежал вместе со своими братьями в горы. Но как бы он ни хитрил, куда бы ни прятался, всюду за его спиной слышались шаги и звон оружия преследователей.

Разбойники были схвачены и казнены. С тех пор земледельцы жили спокойно. А железный человечек показывал путь торговым караванам.

Десять Солнц и стрелок И

Засуха породила в китайской мифологии образы десяти Солнц и стрелка И.

Говорят, далеко на Востоке из бездны морской поднимается огромное дерево. На ветвях его, покачиваясь, дремлет Солнце. Утром, набравшись сил, оно взбирается на колесницу и гонит огненных коней по небесной колее. Было время, когда на этом дереве жило десять Солнц, сыновей матери Ночи. Они сменяли друг друга, и так как они были близнецами, людям казалось, что им всегда светит одно солнце.

За многие тысячи и тысячи лет порядок этот братьям-Солнцам изрядно надоел. И как-то они все вместе взлетели на вершину миррового дерева и стали шептаться, чтобы не услышала мать:

— К чему нам эта колесница? Почему мы выходим в небо по одному? Зачем нам эта колея? Разве на небе мало места?

Утром братья с шумом поднялись с дерева, которое от этого покачнулось, и земля задрожала, как яблоко, когда трясут ствол.

Резвясь, как малые дети, Солнца разлетелись по небу. Напрасно мать Ночь кричала им вслед:

— Что вы делаете? Вернитесь!

Небо сияло в десять солнц. В мире наступила засуха. Загорелись леса, и удушливый дым стлался по земле. Звери бежали из лесных дебрей и искали спасения в реках. Но и реки вскипели от солнечного жара. Рыба всплыла брюхом вверх. Птицы, опалив крылья, падали сверху обуглившимися комочками. Толпы почерневших от нестерпимого зноя людей собирались на равнинах. Ударяя в каменные гонги, они кричали что было сил, надеясь испугать небесные светила. Но Солнца, заигравшись, не слышали шума или, может быть, думали, что люди радуются, глядя на их проказы.

Видя страдания людей и земных тварей, Великий Владыка решил послать на землю стрелка с коротким именем И. Он дал ему красный лук и десять белых стрел с твердыми и острыми наконечниками.

Когда И явился на землю, многие люди уже умерли, другие укрылись в глубоких пещерах. Услышав шум шагов, они высунули головы и стали приветствовать стрелка.

Снял стрелок И из-за спины свой лук, наложил на него стрелу и натянул тетиву до отказа. Стрела улетела в небо, и люди увидели, что одно из Солнц лопнуло, как багровый бычий пузырь. Вновь и вновь натягивал И свой лук, и стрелы летели в Солнца, которые, дрожа от страха, хотели скрыться, но стрелы И настигали их, и они лопались, как огненные шары.

Люди радовались и подбадривали стрелка криками. Только мудрый правитель Яо понял, что, если не остановить И, тот перебьет все Солнца и земля погрузится во тьму. Он тихонько подошел к И и вытащил из колчана одну из стрел.

На небе, обезумев, металось последнее Солнце. От страха у него побелело лицо. Хотел убить и его стрелок И, да не нашел стрелы. Спасаясь от стрелка, бросилось Солнце в объятья своей матери Ночи. И с тех пор оно больше не смеет сходить с предназначенной ему колеи и долго задерживаться на небе.

ИМПЕРАТОР

Действие рассказа относится ко времени правления Цинь Шихуанди (221—210 годы до н. э.). Вскоре после его смерти созданная насилием и жестокостью держава распалась в пламени восстаний крестьян и рабов.

Где-то в Южной стране жила прекрасная Мэн Цзян. Ей от силы миновало три раза по пять лет. Лицо у нее напоминало персик, голос был прекрасен, как пение иволги.

В те времена правил Ши Хуан. Во всей Поднебесной не было земли, которой бы он не владел, города, который не платил бы ему дань. И даже пастухи, живущие в пустыне, склонились перед его величием и прислали подарки. Из всех правителей, которых называли Сыновьями Неба, Ши Хуан был самым могущественным. На Западе он приказал построить дворец Уфан, на Востоке — осушить бескрайние болота, на Севере — возвести стену длиною в десять тысяч ли и высотою в десять жэней.

Жил тогда же благородный юноша по имени Ци-Лян. Однажды за ним пришли стражники, чтобы увести на постройку стены. Ци-Лян убежал и скрылся в саду, куда еще не входил ни один посторонний человек. Юноша спрятался за горкой из камня и видит, как по дорожке к пруду идет девушка, красивая, словно фея. На цветок у ее ног села пестрая бабочка, девушка хотела ее поймать. Она вытащила шелковый платок и бросила его, но платок упал в пруд, а бабочка улетела. Девушка пошла к пруду.

— Что я вижу! Что я вижу! — закричала она вдруг. Это она заметила отражение юноши в воде.

Не знал Ци-Лян, как поступить: бежать — стражники схватят, оставаться с незнакомой девушкой — неловко. Наконец, он решился: вышел вперед и поклонился красавице.

— Спаси меня! Умоляю, спаси! — молвил он.

— Как ты сюда попал? — спросила девушка.

— Меня зовут Ци-Лян. Я прячусь от стражников,— отвечал юноша.

Девушке (ее звали Мэн Цзян) приглянулся незнакомец. Он статен и лицом пригож. В сердце у нее родилась любовь.

— Пойдем к отцу, — сказала она.

Отцу тоже понравился юноша. Расспросив его о родных и проверив знания, старый Мэн решил сделать юношу своим зятем и приказал в тот же день сыграть свадьбу.

Но не успел Ци-Лян поблагодарить будущего тестя, как в дом ворвались стражники. Они увели юношу, и печаль охватила всю семью. Мэн Цзян уединилась в спальню и запела грустную песню: «Холодный ветер ворвался в мой дом, в лед превратилась чаша с вином, подушка с циновкой холодны, как снег. Живу я в мире, словно во сне».

* * *

Шло время, старя людей и накладывая морщины на их лица. И даже сам могущественный император был бессилен против времени. Кожа на его лице сморщилась, как кожура печеного яблока, а щелки глаз сделались еще более узкими. Он почти не покидал своего главного дворца Уфан и все реже показывался в беседке, где жила У-и, самая юная и прекрасная из его тысячи жен. Но по-прежнему Сын Неба правил, не советуясь ни с кем. Все склонялись перед ним ниц, обманывали и лгали, чтобы добиться его милости. А он становился все более надменным и жестоким. К прежним девяти казням он прибавил еще три новые, и города Поднебесной наполнялись воплями бросаемых в котлы, раздираемых колесницами, разрубаемых пополам. Казнили не только признанных преступниками, но и всех их родственников до четвертого колена трех ветвей родства.

По-прежнему придворными льстецами сочинялись стихи о добродетельнейшем из императоров, о благодетеле и отце подданных, сочинялись по укоренившейся привычке, потому что песни и стихи больше не радовали императора. Он их не требовал и больше не награждал тех, кто их писал.

«Все, что рождается между небом и землей, смертно», — сказал один древний мудрец. Но Ши Хуан считал себя единственным и неповторимым, надеясь, что для него судьба сделает исключение. Он запретил говорить о смерти. И бесчисленные чиновники следили за выполнением этого указа столь же ревностно, как за уплатой податей. Даже из документов древних царей, написанных на бронзовых досках или бамбуковых табличках, тщательно выскабливали или замазывали тушью иероглиф «смерть». О человеке, который умер, стали говорить: «он отжил», «он ушел к предкам». Все кладбища было приказано загородить высокой стеной из камня, а если в местности не имелось камня, разрешалось использовать для этой цели стволы деревьев и бамбук не ниже человеческого роста.

Император не удовлетворился тем, что запретил говорить о смерти. Он созвал ученых и магов, приказав им найти линчжи, дарующий бессмертие, ибо он знал песню: «Я линчжи рву в восточной стране, в краю бессмертных, у границ Пэнлая; ты снадобье прими, — сказали мне, — и будешь вечно жить, не умирая». Ученые обошли все леса, перерыли все горы Поднебесной и даже побывали в сопредельных странах, но лишь одному из них в указанный срок удалось отыскать какой-то необыкновенный гриб — красный, как императорская мантия, но с белыми точками. Как оказалось, гриб не даровал бессмертия. Ученый, которому приказали отведать гриб бессмертия, умер в страшных муках. Других ученых император на этот раз помиловал: правда, они не выполнили его воли, но

они не сделали ничего, что бы могло укоротить его жизнь.

Кто-то рассказал императору о праведниках, живших двести и триста лет. Ши Хуан приказал найти праведников, чтобы узнать у них секрет долголетия. Вновь ученые разошлись по Поднебесной. После долгих поисков они привели во дворец какого-то древнего старца, будто бы не сделавшего ни одного злого дела и поэтому прослывшего праведником. Но когда старец открыл рот, все увидели, что у него нет языка. Язык был отрезан еще тридцать лет назад за то, что он порицал императора.

Ученые давно уже были на подозрении. Они кичились мудростью, должно быть, с тайной целью показать превосходство перед всеведущим монархом. Они восхваляли старину не иначе как затем, чтобы нанести ущерб новому. Они сеяли кривотолки, осмеливаясь обсуждать императорские указы. Теперь же они привели во дворец человека, который, даже зная секрет долголетия, не мог его передать.

Император призвал к себе сановника Ли Сы и попросил его помощи и совета. Император не был беден мудростью и мог расправиться с учеными сам. Но он знал, что в случае успеха на долю правителя приходится слава, а за ошибки несут ответственность чиновники.

Ли Сы, угадав волю императора, предложил: 1) Сжечь все книги, кроме тех, которые посвящены медицине, гаданиям и земледелию. 2) Публично казнить на городской площади тех, кто будет рассуждать о содержании крамольных книг. 3) Казнить со всем родом тех, кто, ссылаясь на древние времена, порицает настоящее. 4) Сослать на строительство Великой стены тех, кто в течение тридцати дней с момента опубликования указа не представит своих книг для сожжения.

Указ был одобрен императором и исполнен на тридцать четвертом году его правления. Сановник Ли Сы получил награду и стал Первым Советником.

Мудро рассудив, что уничтожение книг — это только лишь половина дела, завещанного ему Небом, император приказал Ли Сы собрать всех пишущих книги и живьем закопать их, поскольку от тех, кто в земле, нет никакого вреда. Указ был составлен Ли Сы и исполнен на тридцать пятом году правления императора.

В этом же году был разорван колесницами Ли Сы, так как его действия вызвали осуждение. И всех тех, кто его порицал, было так много, что их нельзя было сослать на постройку Великой стены, не нанеся ущерба государству.

Император стал совсем дряхл. Нос его запал, голос сделался хриплым, как у шакала. Уже поговаривали о его скорой смерти и мечтали о захвате его трона. Вот тогда и явился во дворец ученый по имени Лу Шен. Он остался в живых, потому что искал праведника за пределами Поднебесной, и

возвратился в столицу, когда уже с другими учеными было покончено.

Допущенный пред царственные очи, почтительно целуя протянутую ему милостиво ногу, Лу Шен сказал:

— О божественный! Я твой верный слуга Лу Шен. Много лет я искал для тебя гриб долголетия и праведников. Я обошел чуть ли не всю землю и возвратился, преисполненный мудростью. На земле нет и не было иного праведника, кроме тебя. И никого нет мудрее тебя. Ведь ты первый открыл великую истину: лишить жизни другого легче, чем продлить себе жизнь. Так как ты оставил меня в живых, я открою тебе секрет бессмертия. Праведник не мокнет в воде, не горит в огне, парит в облаках и тумане. Он невидим и всеведущ, как божество. Пусть ни один чиновник не знает, в каком из дворцов ты живешь, ни один слуга не зайдет в покой, где ты спишь, и никто не видит, как ты ешь, — в этом секрет бессмертия.

Император редко верил людям, но поверил Лу Шену. Он и сам знал: чем меньше подданные видят владыку, тем большим величием он пользуется. Если же они не увидят его совсем, он добьется уважения, доступного лишь богам, и император скрылся с глаз своих подданных, издав указ о казни всякого, кто разгласит его местонахождение. Начались страшные годы правления невидимки. Ужас охватил чиновников. Говорили, что император инкогнито разъезжает по всей стране и никто не знает, когда придет гибель. Никогда еще в Поднебесной не выполнялись так императорские законы и указы. Воины не снимали доспехов и не ослабляли луков. Купцы везли провиант. Никогда еще сопредельные народы так не трепетали перед властью императора Поднебесной, который, даже невидимый, заставлял дрожать весь мир. И хотя больше никто не угрожал границам империи, Великая стена росла с невиданной быстротой. Стало не хватать старых дорог. Строились новые. И по тем и по другим шли тысячи обреченных на труд и на смерть.

По-прежнему придворные льстецы возносили хвалу императору, но никто не запомнил их лживых слов, потому что лживые слова подобны бабочкам, живущим один день, а правда вечнее камня. Народ сохранил в памяти песни, рожденные горем и ненавистью. «Уфан! Уфан! Сдохни, Ши Хуан! — пел народ. — Родится мальчик — не расти его, девочка родится — рубленым мясом корми ее: не увидишь, как под стеной трупы валяются один на другом...»

Пролетели весна и лето, наступила осень. Во дворце Шацю появился удушливый запах. Он шел из императорской спальни. Придворные в страхе перед шпионами, могущими неверно истолковать их любопытство, долгое время боялись подходить к двери. Потом, когда вонь сделалась невыносимой, некто

Цзинь У высказал предположение, что в императорской спальне находится воз соленой рыбы. Болтуна схватили и доставили к главному палачу. Надо было выяснить источник слухов, позорящих императора, который никогда не ел соленой рыбы. Но так как во время пыток Цзинь У оклеветал чуть ли не половину чиновников Поднебесной, утверждая, что и они чувствовали запах соленой рыбы, было решено открыть дверь и проверить, что находится в императорской спальне. Соленой рыбы за дверью не оказалось. Там был труп владыки Поднебесной.

* * *

Идет Мэн Цзян по размытой дождями дороге и поет свою песню: «Без тебя я — как лютня, у которой лопнули струны; как дикий гусь, потерявший стаю; как воздушный змей, у которого оборвалась нить». Идет Мэн Цзян по дороге, засыпанной колючим снегом. Безбрежная белизна сливается с небом. Голодные коршуны парят в вышине. В оврагах воют волки. Идет Мэн Цзян и поет свою песню: «Как мне холодно! Как мне тяжело. Но муж мой в северных землях, где ветер сильнее. Без одежды теплой как он теперь?»

Ведет любовь Мэн Цзян через леса и горы. Отступают перед ней пропасти. Не трогают ее звери. Птицы указывают ей путь.

Вот она у стены. Как тени, бродят люди с лопатами и кирками. Ветер валит их с ног. Свистит бич стражника.

— Моего мужа зовут Ци-Лян. Я принесла ему теплую одежду, — сказала Мэн Цзян стражнику.

Расхохотался стражник и показал на белые кости, лежавшие под стеною, словно горы.

Участок Великой китайской стены.

И поняла женщина, что напрасно проделала свой путь: не нужна костям теплая одежда. Упала Мэн Цзян на землю и зарыдала.

В то же мгновение налетел сильный ветер, черный туман окутал стену, и стена обрушилась, обрушилась от плача и слез. И остались от Великой стены одни жалкие обломки, а Мэн Цзян и ее любовь живут в песне. Поют эту песню уже две тысячи лет.

ЖЕЛТОЕ НЕБО

Герой рассказа — участник восстания Желтых повязок, вспыхнувшего в 184 году н. э. и продолжавшегося почти четверть века. Это было единственное восстание древности, которое началось не стихийно, а готовилось не меньше десяти лет. В течение этого времени была организована армия в несколько десятков тысяч человек, во главе которой намечено 36 начальников. И все это удавалось сохранять в тайне, пока в самый последний момент, когда уже ждали сигнала к началу восстания, не нашелся предатель.

В темном углу послышалось движение. Человек поднял голову. В пробивавшемся сквозь зарешеченное оконце слабом свете лицо его было серым. Только на лбу пламенел шрам, делавший узника еще старее, чем он был.

Со вчерашнего дня, когда во время прогулки по тюремному двору дядюшка Су, как все его здесь называли, упал и ударился о камень, сознание к нему вернулось впервые. И поэтому сосед по камере, положив палочки и глиняную миску, поспешил к больному.

— Дядюшка Су, дать тебе воды? — спросил он, помогая старику прислониться к стене.

— Нет, — послышался слабый голос. — Мне уже ничего не надо. Но я не могу уйти к предкам со своей тайной. Она нужна живым. И тебе, Вэй!

Тот, кого назвали Вэем, недоверчиво помотал головой.

— Ты не веришь, что станешь свободным, — продолжал старик бесстрастно. — Но день Желтого Неба близок. Еще пять зарубок на моей палке, и наступит год Цзяцзы[1]. В Поднебесной воцарится великое счастье.

— Скажи еще, что бедняки больше не будут гнуть спину на богачей. Или что на тех, кто сорвет колосок с господского поля, не будут составлять красную запись[2]. Лучше выпей воды.

Вэй повернулся, чтобы подать воду. Но старец остановил его голосом, в котором ощущалась властная сила.

---

[1] *Цзяцзы* — 184 год до н. э., на который было назначено восстание Желтых повязок.

[2] *Красная запись* — запись о преступлении, за которое человек порабощался. Она заводилась на каждого осужденного на отдельной бамбуковой дощечке.

— Я тебя не обманываю. Среди пороков обман самый страшный. Когда придет Желтое Небо, ложь будет изгнана вместе с корыстью, насилием, хвастовством и пятью другими пороками. Так учит Чжан Цзяо!

— Я вижу, твой Чжан Цзяо — добрый человек, — отозвался Вэй. — Но ведь не даром люди говорят: у зла тысячи рук, а у правды две.

— Нет, не две, а миллионы. Я знаю лишь девятерых. И другие знают только людей своей десятки. Один Чжан Цзяо знает всех.

— Пусть так, — сказал Вэй. — Но в стаде отыщется паршивая овца. И царю станет известно, что есть такой Чжан Цзяо, который учит борьбе со злом. И тогда...

— Нет. Среди нас нет предателей. Видишь шрам. К моим глазам поднесли раскаленный железный прут. Я мог потерять зрение, но не совесть. Так и другие.

Старец протянул ладонь и нащупал плечо Вэя.

— Я знаю, у тебя честное сердце. То, чем ты занимался раньше, недостойно эры Желтого Неба. Грабить богачей — та же корысть. Ты хотел блага для себя одного, а оно нужно всем. Поклянись, что, выйдя на свободу, ты станешь воином Чжан Цзяо вместо меня.

Вэй повернул голову, прислушиваясь.

— Что там? — спросил дядюшка Су.

— Какие-то голоса.

— А мне казалось, что кровь шумит по моим жилам и приливает к голове.

Шум за стеной усиливался. Вэй, подойдя к двери, разбежался и уцепился обеими руками за железный штырь. Его глазам предстала площадь, заполненная толпой. На головах у людей были яркие желтые повязки. Словно бы солнце сошло на землю.

— Что ты там видишь, Вэй? — послышалось за спиной.

— Желтое Небо!

— Но ведь еще пять зарубок...

Старик уронил голову. Он умер от счастья.

Дядюшка Су не сбился со счета. Восстание было назначено на пятый день третьей луны года Цзяцзы. Но в стаде нашлась паршивая овца. Презренный Тан Чжоу из Цзинани выдал планы восстания императору. Были схвачены многие из тех, кто слушал великого, мудрого и доброго учителя. Им отрубили голову или, привязав к колеснице, разорвали на части.

Тогда Чжан Цзяо приблизил день Желтого Неба. Он провозгласил себя царем Неба, а его братья Чжан Бао и Чжан Лян назвали себя царями земли и людей.

О! Что это было за время! Желтое пламя полыхало по всей Поднебесной, пожирая все, что в ней было темного и же-

стокого. Пылали казенные палаты и царские склады. Сгорали долговые расписки бедняков. Превращались в пепел богатства, добытые неправедным путем. От света, отбрасываемого желтыми повязками, слепли царские чиновники, и многие из них, чтобы избежать справедливой кары, сами бросались в колодцы и реки.

Юноша, после того как он поклялся над телом дядюшки Су, стал воином Чжан Цзяо. Су Вэй — так теперь называли юношу — был одним из тех, на кого Чжан Цзяо мог рассчитывать как на самого себя. Сначала он был рядовым воином, а после того, как показал храбрость в битве с царским полководцем Цао Цао, был назначен командиром сотни, а затем и малого фана[1]. Су Вэя и его людей стали называть неуловимыми, так как они уходили из засады и наносили удар там, где этого не ждали.

Двадцать лет длилась справедливая война. В осажденной врагами крепости заболел и умер Чжан Цзяо. Вслед за этим пали в боях два его брата. Цао Цао громил отряды восставших порознь. Среди убитых и взятых в плен повстанцев не было Су Вэя.

Однажды ему удалось разгадать хитрость царского полководца. Заметив, что в лагерь приводят быков в количестве, большем, чем это необходимо для пропитания, Су Вэй выдал каждому из своих воинов по барабану. Когда ночью враги погнали на повстанцев быков, привязав к их хвостам горящие факелы, повстанцы стали бить в барабаны. Быки, испугавшись, повернули назад и растоптали царских воинов.

Непобежденным Су Вэй ушел от врагов. Никто в Поднебесной больше его не видел. Но много лет спустя люди, ввергнутые в рабство, с надеждой смотрели на закат. Они знали, что солнце восходит с востока. Но там, на западе, были горы, где, как они верили, скрывается Су Вэй.

И когда царские чиновники или богачи отнимали у людей плоды их труда, они шептали сквозь зубы: «Да падет на вас Желтое Небо!»

---

[1] В малом фане (отряде) было от шести до семи тысяч повстанцев.

В ЦАРСТВЕ МИНОСА

Остров есть Крит посреди виноцветного моря прекрасный.

Гомер

Сначала были легенды.

...У Агенора, царя финикийского города Сидона, росла дочь, прекрасная, словно бессмертная богиня. Европой звали красавицу дочь. Однажды утром, облачившись в пурпурные одежды, пошла Европа с подругами к морю. Вдруг на берегу, где они резвились, появился бык. Шерсть у него сверкала, словно золото, на лбу горело серебряное пятно, напоминавшее сияние луны, а рога были изогнуты подобно молодому месяцу. Он едва касался травы, этот чудесный бык, казавшийся смирным, как ягненок.

Ласкаясь, он лег у ног прекрасной Европы. Но как только она, смеясь, села на его широкую спину, бык вскочил и бросился вместе со своей ношей в волны. Сам Посейдон, бог моря, плыл впереди него, укрощая трезубцем стихию.

Спокойно безмятежное море, безоблачна синь небес. На спине Зевса, принявшего бычий облик, плывет к берегам Крита красавица Европа.

Там у нее появятся на свет трое сыновей.

Старшего из них назовут Миносом.

* * *

...Прекрасен был юноша Тесей, сын Эгея, властителя Афин, и превосходил силой всех сверстников. До шестнадцати лет воспитывался он у своего деда, царя Арголиды, а потом пришел в Афины, к отцу.

Явился он в тяжелый для города день. Не только Афины — вся Аттика находилась в глубоком трауре. Уже в третий раз от могущественного критского царя Миноса прибывали послы за тяжелой и позорной данью. Семь юношей и семь девушек до́лжно было каждые девять лет посылать на Крит. Там их запирали в Лабиринте, где жило чудовище с телом человека и головой быка — Минотавр. Никому не удавалось уйти отсюда живым.

Помочь своему отцу, помочь Афинам решил Тесей. Он понимал: лишь смерть Минотавра может освободить Афины от ужасной дани. И хотя отец молил не рисковать собой,

Тесей отправился на корабль, стоявший в гавани под черными парусами, — тот, который должен был плыть на Крит.

«Если все будет удачно, мы сменим паруса и вернемся под белыми», — сказал он на прощание отцу.

Тесею удалось победить Минотавра. И он не погиб в Лабиринте: Ариадна, дочь Миноса, вручила ему в знак любви клубок ниток, чтобы он не запутался в ходах и переходах.

Но не суждено было Ариадне счастье с Тесеем. Она стала женой бога Диониса — так решили боги еще при ее рождении.

А Тесей, опечаленный утратой, забыл заменить паруса на корабле. Увидев, что они черные, с горя бросился со скалы Эгей.

«Это все сказки, небылицы, легенды, плод неуемной фантазии», — говорили еще не так давно.

* * *

В 1886 году один из холмов Крита южнее Кандии посетил Шлиман, чье имя уже было известно во всем мире. Этот удивительный человек обладал каким-то редкостным чутьем на древности, которые тысячелетиями были скрыты от глаз людских под толщей земли. К тому времени он успел пробудить от векового сна Микены и Трою и втянул в споры о греческих древностях чуть ли не весь мир.

Теперь он подумывал и о раскопках на Крите.

Но ему так и не удалось их осуществить. Владелец облюбованного им участка запросил баснословную цену.

Шлиман отказался от покупки, а тем самым и от возможности сделать еще одно блестящее открытие.

* * *

Через три года после того, как Шлиман побывал на Крите, некий торговец древностями попросил аудиенцию у директора Ашмола — музея в университетском английском городе Оксфорде.

Занимал эту должность Артур Эванс. Он немало поездил по белу свету и многое повидал еще в молодые годы.

Теперь этот ученый со всевозрастающим удивлением слушал то, что ему рассказывал посетитель.

Впрочем, торговец древностями надеялся не столько на свой дар убеждения, сколько на впечатление, которое произведет на господина директора музея та необыкновенная находка, что лежала сейчас перед Эвансом на письменном столе среди других древних безделушек.

Это была печать. Древняя печать, что само по себе было не так уж удивительно. Любопытно было иное: на всех четы-

рех плоскостях камня были вырезаны какие-то знаки, иероглифы, заключенные в овалы.

Даже без лупы Эванс разглядел воловью голову с высунутым языком, звезду, руку с кинжалом, оленьи рога, похожие на ветку...

Эванс купил печать. И, как выяснилось, не зря. Во всяком случае, у него было с чем сравнивать свои новые приобретения, когда четырьмя годами позже другой торговец, на этот раз в Афинах, показал ему три или четыре такие же печати.

— Они с Крита, — утверждал купец.

Эванс сделал то, что на его месте сделал бы, наверное, любой настоящий ученый. Он поехал на остров Крит.

Высадился он в Кандии, попутешествовал по острову, посетил и гору Иду. И повсюду скупал древности, которые жители то ли находили, то ли выкапывали в местах, ведомых им одним. И может быть, именно тогда пришла Эвансу в голову простая мысль: а не покопать ли ему здесь самому?

* * *

Свои надежды Эванс прежде всего связывал с Кноссом, большим древним городом на Крите, о котором упоминал еще Гомер. И Эванс даже примерно знал, где следует искать этот город. Вблизи от Кандии, на холме Кефала, издавна находили куски штукатурки с росписями, черепки, золотые кольца, сосуды из стеатита, обломки глиняных сосудов.

Эванс был полон решимости приобрести интересовавший его участок. И хотя он встретился с теми же препятствиями, что и Шлиман (сначала с ним не хотели иметь дела, потом запросили бешеные деньги), ученый и не думал отступать.

Восемьдесят лет назад, в марте 1900 года, Эванс приступил к раскопкам. Он сам впоследствии говорил, что не очень надеялся на крупные открытия: Кносс погиб много тысячелетий назад, весьма возможно, что последующие поколения давно уже по камешку разнесли и остатки домов, и городскую стену.

Все, однако, обстояло иначе. Убедиться в этом Эвансу и его помощникам пришлось буквально в течение ближайших нескольких дней.

...С большим тщанием работали нанятые Эвансом тридцать землекопов. Они просеивали и просматривали землю самым внимательным образом. Ни один, даже мельчайший черепок не ускользал от археологов.

Обломки ваз, чашек, плошек, тарелок... Но не только черепки попадались исследователям. Вот какая-то стенная роспись, вернее, часть росписи — кусочек сада с изображениями ветвей и красивых листьев. Вот кусок плоского кирпича или, скорее, табличка, покрытая письменными знаками и, ве-

роятнее всего, цифрами — чем же иным могут быть значки, расположенные рядами.

А вот кусок стены, да еще с явными следами пожара! Удастся ли когда-нибудь узнать о ней что-нибудь более определенное?

Несколькими днями позже новая сенсация. Присмотревшись к остаткам извлеченной на свет штукатурки, покрывавшей некогда стены, исследователи вдруг обнаруживают фрагмент человеческой фигуры в натуральную величину. Девушка? Конечно. Посмотрите только, какая у нее узкая талия!

Незнакомка с иссиня-черными волосами и коричневатой, загорелой кожей несла высокий, суживающийся книзу сосуд. Правой рукой она держала его за ручку, левой, на уровне пояса, поддерживала внизу. И, судя по тому, как она откинула свой корпус назад, сосуд был нелегким.

Лишь впоследствии удалось установить, что этот обломок фрески был частью фриза с изображением какого-то, вероятно праздничного, шествия — с цветами, сосудами, ящичками.

Но скоро оказалось, что и Эванс, и его помощники ошиблись: на найденном обломке был изображен мужчина, вернее, юноша. Внимательное изучение подтвердило: на Крите, так же как в те времена и в Египте, именно мужчин изображали с красновато-коричневой кожей, а женщин наделяли молочно-белой.

...У юноши было вполне европейское обличье, и он в общем

Тронный зал дворца в Кноссе.

ничем не отличался от молодых людей, которых Эванс знал на острове, — черты лица во всяком случае были примерно такими же.

Месяцем позже в одном из коридоров было найдено еще одно изображение шествия: двадцать два человека были нарисованы на цоколе стены! И все в натуральную величину. Все без сандалий. Это могло означать только одно: процессия была священной.

Через две недели после начала раскопок Эванс уже стоял перед остатками строений дворца. Потом рабочие натолкнулись на такое, о чем вряд ли кто-нибудь мог и мечтать.

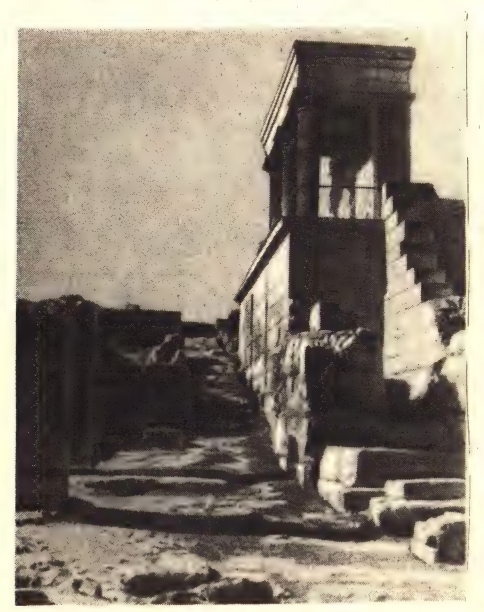
Когда они раскопали небольшое помещение, а в нем углубление в три метра длиной и в два — шириной, похожее на ванну, к которой вели вниз восемь ступеней, Эванс решил, что обнаружена ванная комната. Но рядом оказалось еще одно помещение, примерно в четыре метра шириной и шесть метров длиной. В этой комнате у стен с трех сторон стояли каменные лавки, в четвертой стене — западной — была дверь, а возле обращенной на север стены археологи увидели высокий каменный трон!

Сиденье покоилось на высеченных из камня стеблях каких-то растений, связанных в узел и образующих дугу. Высокая спинка была накрепко приделана к стене. На ней были изображены волны.

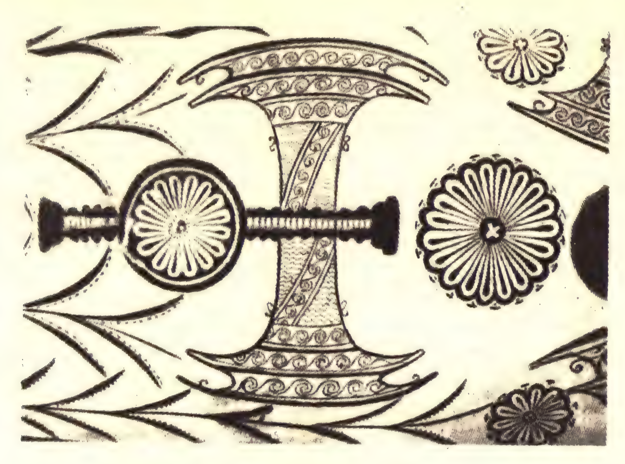
И такие же волнистые белые линии, как и на троне, археологи увидели на стене. Эти линии красиво гармонировали с ее красным фоном. Здесь же находились изображения двух лежащих грифонов — полуорлов, полульвов. Лапы у грифонов были вытянуты, головы гордо подняты. Между фигурами грифонов гибкие стебли и цветы папируса.

Три коричневато-красные блестящие колонны, сужающиеся книзу, отделяли тронный зал от помещения, в котором стояла ванна.

Вскоре после того как исследователи нашли царский трон, они обнаружили мощнейшую кладку стен дворца. И большой

Дворец критских царей в Кноссе.

Фрагмент росписи.

прямоугольный центральный двор — пятьдесят на тридцать метров. Вокруг него в самых причудливых сочетаниях, соединенные коридорами, группировались различные постройки и пристройки.

Потом были и другие находки.

...Во весь опор мчится великолепный бык. Он весь — порыв. Голова у него опущена, шея выгнута, хвост задран. А спереди, обеими руками схватившись за рога, повисла на них девушка с черными локонами. На ней желтый с полосами передничек, красные носочки и легкие туфельки с плоской подошвой.

...В смертельно опасном прыжке головой вниз взвихрился над быком, обеими руками касаясь его спины, молодой атлет. Сзади быка, приготовившись, вытянув вперед и немного разведя руки, чуть приподнявшись на носки, стоит белокурая женщина — помощница акробата. Кисти рук у нее крепко стянуты бинтами. Артисты? Участники религиозной сцены? Этого никто не знал.

На фресках, найденных Эвансом, были и другие изображения.

...Взирая на прыжки, на странные для нас игры с быками, развлекается публика. Восседающие на переднем плане дамы полны любопытства. Они оживленно жестикулируют. А в промежутках, в паузах и антрактах поправляют прически, критически осматривают туалеты друг друга, ведут (как это видно на фреске) непринужденные беседы.

В Кноссе не было крепостных стен. Только, быть может, в самом начале этот дворец напоминал бастион. Но время это прошло давным-давно. Тот Кносский дворец, что все явственнее выступал под заступами археологов, не был защищен ничем, если не считать могущественного критского флота.

...Видимо, нелегко приходилось кносским мастерам: шли

столетия, возникали все новые и новые строения. Их надо было соединить с уже существующими. Следовало позаботиться о свете, воздухе, воде. Так, вероятно, появились длинные коридоры и лестничные пролеты, связанные со световыми колодцами — источником косвенного освещения: из-за палящего зноя во многих помещениях дворца не делали окон.

Воздух проникал через специальные вентиляционные устройства, а разветвленная и хорошо организованная подземная водоотводная система выводила излишнюю воду, например дождевую. Трубы входили одна в другую и скреплялись известковым раствором. Система была так устроена, что чуть ли не в любом месте ее можно было в случае необходимости легко и быстро отремонтировать. К ней примыкали сточные трубы.

Да, не следует все то, о чем рассказывают древние легенды, считать сказками — в этом Эванс лишний раз убедился на Крите. К тому же, ведь не только в легендах встречается упоминание о могучей державе Миноса. Разве не говорил о том же «отец истории» Геродот? О грозном царе Миносе, царствовавшем на Крите, о его мощном флоте и о том, что критяне послали экспедицию на Сицилию?

То же самое сообщал Фукидид, объективнейший и осторожнейший в своих суждениях греческий историк V века до н. э.: Минос приобрел флот, овладел большей частью моря, которое называется теперь Эгейским, достиг господства над Кикладскими островами.

Только относительно высокая техника, высокое для своего времени развитие ремесла, сельского хозяйства могли послужить фундаментом для критской культуры. И то, что Крит был островом, не мешало ему (а может быть, даже помогало) вести обширную торговлю. Из Африки либо из Индии доставляли слоновую кость, асфальт скорее всего из Двуречья, лазурь, вероятно, из Египта.

Кносский дворец был самым большим на Крите, но, как выяснилось, отнюдь не единственным. Сейчас уже хорошо известно, что примерно в 2000 году до н. э. в разных уголках Крита воздвигнуты были владыками Кносса, Феста, Малии дворцы с большим числом комнат, со складами, мастерскими.

Сравнив найденные им при раскопках хорошо изученные и датированные предметы, попавшие на Крит из Египта и Двуречья, с которыми Крит имел постоянные торговые связи, Эванс сумел установить для своего острова загадок хронологию, хотя бы в самом общем виде. Он вычислил, что бронзовый век длился примерно до 2800 года до н. э. Под слоями с культурой бронзы оказались слои со следами неолита — новокаменного века. Вплоть до X тысячелетия проследил их Эванс.

...Народ, населявший этот остров, любил море, во многом

был связан с ним. Моряки, рыболовы, скотоводы, пахари составляли значительную часть населения Крита. Критяне были и искусными ремесленниками. Они строили хорошие суда, отлично умели обходиться с камнем, бронзой, железом, золотом, знали гончарный круг, обработку дерева, ткачество.

...К XVI веку до н. э. Крит стал великой державой такого же примерно значения, как Египет и Вавилон. Впрочем, между Критом и этими странами существовало весьма важное различие. Египет и Вавилон были державами континентальными, Крит же — державой морской. Критские поселения существовали на островах Эгейского моря и побережья Малой Азии. Морская торговля Крита охватывала восточное Средиземноморье и распространялась на запад вплоть до Сицилии.

Помните, мы уже говорили о том, что Эванс разыскал довольно много иероглифических символов, имевших некогда хождение на Крите. Именно это и заставило его отправиться на загадочный остров — «царство ста городов».

Коллекция каменных печатей и гемм[1] Эванса с этого момента начала быстро расти. Но одновременно ему стали попадаться таблички и предметы, покрытые иными письменами — линейными.

Здесь, так же как и на ранних табличках, были начертаны примитивные условные изображения. Но рисунки оказались с более простым контуром. Когда Эванс присмотрелся повнимательнее, он убедился: перед условными изображениями (идеограммами) обособленно стояли группы знаков, отделенные друг от друга черточками. Таких знаков насчитывалось не то 87, не то 89: явно недостаточно для такого письма, где каждое слово обозначается отдельным знаком, и, безусловно, слишком много для алфавита. Так он пришел к выводу, что перед ним письмо, в котором каждый знак обозначает определенный слог.

Итак, линейное слоговое письмо. И между прочим, не всегда одинаковое.

Уже с самого начала Эванс заподозрил, что есть таблички более ранние — с одним видом письма и более поздние — с другим. Те, что казались ему древнее (впоследствии выяснилось, что так оно и было), ученый назвал линейным слоговым письмом «А»; остальные он зачислил в класс «Б».

...Ему, наверное, очень хотелось расшифровать загадочные письмена самому. И он не спешил с опубликованием скопившихся в его руках богатств. В 1935 году он издал копии примерно ста табличек, написанных линейным письмом «Б». До того им было обнародовано всего лишь четырнадцать! И это

---

[1] *Гемма* — драгоценный резной камень для перстня, используемый в качестве печати.

в то время, когда было найдено чуть ли не три тысячи табличек. Немного опубликовал он и образцов письма «А».

Проблема была нелегка.

Неизвестна была система письма. Неизвестен язык, на котором сделаны надписи, а сами записи очень коротки.

В тот счастливый для науки день, когда английскому архитектору Майклу Вентрису удалось доказать, что таблички с письмом «Б» написаны на греческом языке, был нащупан путь к разгадке. И не только одной из письменностей, существовавшей на острове Крит во второй половине XV века до н. э., но и целого ряда вопросов, связанных с историей древнего Крита.

Дело в том, что в 1939 году, в ту пору, когда Вентрис меньше всего думал, что ему придется на долгих шесть лет стать штурманом английских военно-воздушных сил, за два месяца до того, как немецкие бомбардировщики и танки ринулись в поход против Польши, в Греции при раскопках большого дворца близ Пилоса, к немалому удивлению археологов, было обнаружено шестьсот табличек со знаками критского письма «Б»!

Таблички, разысканные в Пилосе, относились к XII веку до н. э. (об этом имелось достаточно свидетельств). А найденные на Крите были древнее — XV—XIV веков до н. э.

И не только в Пилосе оказались таблички с письмом «Б», но и в Микенах. Их случайно обнаружили в 1952 году при раскопках. И в том же 1952 году в Пилосе было найдено еще 400 табличек, а двумя годами позже еще 50.

Но к тому времени все уже было ясно. 10 июля 1952 года состоялось знаменитое выступление Майкла Вентриса, который заявил: кносские таблички написаны на древнегреческом языке.

Это могло означать только одно: в XV веке до н. э. Кноссом правили говорившие на греческом языке чужеземцы. И эти чужеземцы пришли с материка. На материк же письменность попала с Крита.

Почему такой вывод? А вот почему: письменность «Б» — во многом просто видоизмененная и приспособленная к нуждам греческого языка более древняя письменность «А», которой жители Крита пользовались, начиная с XVII века до н. э.

Получается вполне логично: народ, издревле населявший Крит (какой именно народ, мы просто еще не знаем), изобрел свою письменную систему. Два или три века спустя ее приспособили для своих нужд пришельцы из материковой Греции, примерно в тот самый период, когда на Крите случилась катастрофа.

ВЕЛИКАЯ КАТАСТРОФА

В 1932 году километрах в шести к северу от знаменитого Кносса начал раскопки тогда еще безвестный греческий археолог Спиридон Маринатос.

Раскопки начались удачно: и на вершине холма, и на его склонах сразу же стали находить участки стен, остатки домов, алтарей, расписные глиняные сосуды. Полностью раскопав виллу, украшенную фресками тончайшей работы с изображениями лилий, начали освобождать от земли обнаруженную у самого моря довольно значительную постройку конца XVI века до н. э.

Короче говоря, все сулило находку еще одного центра времен морского могущества Крита, что само по себе было удачей для начинающего ученого. Но имя его затерялось бы, подобно именам многих археологов, которые копали на Крите вместе с Эвансом и после него.

И вдруг... была сделана находка, которая заставила Маринатоса бросить удачно начавшиеся раскопки и посвятить жизнь исследованию небольшого островка Феры, лежащего в ста двадцати километрах к северо-востоку от Крита.

Собственно говоря, на первый взгляд это даже нельзя назвать археологической находкой: в одном из обращенных к морю помещений была обнаружена осыпь камней пемзы.

Пемза — вулканический камень. А на Крите и в непосредственной близости от него нет ни одного не только действующего, но и погасшего вулкана. Как же попала эта груда пемзовых камней на северное побережье острова?

Маринатос стал вспоминать все, что он знал из греческих легенд о времени, в слое которого была сделана необычная находка. И сразу на память пришел миф о Девкалионовом потопе. Весь мир, в том числе и Крит, рассказывали греки, залило потоками воды, и лишь двух людей — Девкалиона и его жену Пирру — пощадили боги, чтобы не остановилась на земле жизнь и не перестали небожители получать от людей положенные им жертвы. В Афинах даже называли дату этого потопа — в переводе на наше летоисчисление 1528 года до н. э., то есть как раз конец XVI века до н. э.

Показали же, размышлял Маринатос, открытия Артура Эванса, что в основе мифов о Миносе лежит память о прошлом могуществе Крита. Так почему бы и мифу о Девкалионовом потопе не иметь под собой исторической основы? Ближайший к Криту вулкан — более чем в ста километрах. Это Фера, сплошь покрытая той же пемзой, которую обнаружил Маринатос на северном берегу Крита. И если воздушная волна могла перенести вулканические камни на такое расстояние, какова же должна была быть сила извержения?! Каково же должно было быть землетрясение, сопровождавшее деятельность раз-

бушевавшегося вулкана, и размеры поднятого им морского вала?

Когда на небольшом островке Кракатау, лежащем в Тихом океане между Явой и Суматрой, в августе 1883 года произошло извержение, о котором долго писали газеты и журналы как о самой крупной катастрофе века, пар, в который превратилась хлынувшая в пылающий кратер вода, разорвал остров и взметнул 50 тысяч кубических километров раскаленных каменных обломков и песка на тридцатикилометровую высоту. Остатки острова разбросало на расстояние до двух тысяч километров, земля и море покрылись толстым слоем пепла, а гигантская волна (цунами) докатилась до Южной Америки, где в населенных пунктах побережья погибло около сорока тысяч человек. От Кракатау до Америки — несколько тысяч километров. Что же должно было твориться на островках Эгейского моря, когда пробудился вулкан Феры?! Ведь до самого дальнего из островов Эгейского моря — Крита — было всего 120 километров.

В 1934 году Маринатос впервые официально высказал идею о том, что катастрофа, в результате которой в конце XVI века до н. э. погибли критские дворцы, была вызвана извержением вулкана Феры.

Это была только гипотеза. Чтобы проверить ее правильность, нужно было по научным геологическим трудам изучить деятельность вулкана Кракатау, чтобы сопоставить с геологическими условиями Феры. Нужно было доказать, что три с половиной тысячи лет назад одновременно с гибелью критских дворцов на острове Фера была уничтожена жизнь.

Греческое правительство, охотно выделявшее средства для ведения работ в землях Балканского полуострова, Крита или островов Эгейского моря, считавшихся перспективными, менее всего было склонно поддерживать «фантазии» начинающего археолога.

Маринатос не сдавался. Он тщательно изучил еще несколько современных вулканов, напоминавших по типу Феру, что позволило ему уверенно проводить сопоставление с Ферой тех последствий, какие имело извержение Кракатау. Он детально изучил все археологические отчеты, связанные с раскопками Феры и Крита. После этого в 1939 году он счел вправе опубликовать в одном из ведущих научных журналов Англии статью, где, сведя воедино весь геологический и археологический материал, касающийся Феры и гибели критских дворцов в конце XVI века до н. э., доказывал прямую связь извержения вулкана на Фере с критской катастрофой.

Ученому удалось рассчитать, что извержение, имевшее место на Фере около 1520 года до н. э., в четыре раза по своей мощи превышало извержение Кракатау. Он восстановил геологическую картину катастрофы.

Когда началось извержение, верхушка вулкана, расплавившись, заполнилась водой, взрыв образовавшегося парового котла выбросил почти втрое больше камней и пепла, чем это было на Кракатау. На месте горного массива с вулканом, на два километра возвышавшимся над уровнем моря, осталась плоская коса длиною в одиннадцать километров. Кратер, возникший при извержении, занял 83 квадратных километра, практически почти весь остров как бы превратился в невероятных размеров кратер. И этот кратер, и те части острова, которые сохранились после катастрофы, покрылись многометровым слоем белой пемзы и розового и красного вулканического пепла. Удушливые газы, обильный пепел и пожары, вызванные обломками разлетевшихся раскаленных камней, должны были уничтожить жизнь по крайней мере в радиусе до 170 километров. Взрыв острова сопровождался волной — цунами до 25—30 метров высоты, которая, довершив разрушения от пожаров, смела все критские города восточной и северной части острова, не говоря уже о мелких портовых городках Кикладских островов.

Было большой смелостью выступить в английском журнале, на родине Эванса, с гипотезой, по-новому решающей одну из самых загадочных страниц критской истории. Первооткрыватель критской цивилизации, чей авторитет был для англичан непоколебим, ревниво относился ко всему, что появлялось в области изучения Крита. Может быть, именно поэтому редактор нашел необходимым снабдить статью греческого исследователя предисловием, в котором подчеркивалось, что редакция отнюдь не разделяет этой точки зрения, идущей вразрез с мнением Эванса.

В 1946—1947 годах шведская геологическая экспедиция обнаружила на дне моря у северного берега Крита мощный слой пепла. Химический анализ показал, что это пепел Феры.

Теперь уже и историкам мысль о связи извержения Феры с критскими катастрофами перестала казаться фантастической. Стали внимательнее присматриваться к руинам критских дворцов и поселений. Под новым углом зрения было исследовано несколько близлежащих островов Эгейского моря. И было доказано одновременное уничтожение более сорока поселений, дворцов, островов, совпадающее по времени с катастрофой Феры.

В 1967 году Маринатос приступил, наконец, к раскопкам острова Фера. Ученый высадился на острове еще до начала археологического сезона, чтобы наметить место, где начнутся работы. Где же искать столицу этого небольшого островка? Непосредственно в окрестностях Акротири неподалеку от крошечной современной деревушки Феры, где уже в конце прошлого века вели раскопки французы, или в километре к востоку от него, где тогда же немецкими археологами были открыты руины какого-то дома?

Пока Маринатос готовил план экспедиции в своем кабинете, он склонялся к последнему варианту. Именно к этому месту относилось наибольшее количество из опубликованных до него памятников. Но после тщательного обследования острова мнение его изменилось, и он решил начинать с Акротири. «Непосредственное изучение местности, когда красноречиво говорят сами природные условия, гораздо полезнее и значительнее, чем археология письменного стола», — вспоминал он впоследствии в своем дневнике. Интуиция подсказала, что главный город острова и по климатическим условиям, и по условиям морского сообщения должен был быть именно здесь, на южном побережье Феры.

В мае 1967 года на остров высадилась экспедиция, а уже к 1969 году стало ясно, что Акротири может стать эгейскими Помпеями. Маринатос собрал на самом острове международный конгресс по вулкану Феры и вынес на суд археологов, историков и геологов свое открытие.

Под двойным слоем пемзы и пепла на глубине от трех до семи метров перед глазами участников конгресса вырисовывался город, жизнь которого оборвалась, как можно было заключить по стилю керамики, очень похожей на критскую, около 1520 года до н. э.

Теперь это была уже не гипотеза. Факты были неопровержимы. Стало просто невозможно отрицать связь катастрофы на Фере с критской катастрофой. И одновременно стало ясно, что не случайна та дата, которую афиняне приписывали Девкалионову потопу, — 1528 год до н. э.

На пятый год раскопок перед археологами лежал настоящий город. Город эпохи бронзы. Большинство зданий — двух-трехэтажные. Город небольшой, потому что невелик и сам остров.

Стены многих зданий украшены фресками ничуть не менее выразительными, чем во дворцах Крита. Особенно хорошо сохранились великолепные росписи дворца или святилища, состоявшего из целого ряда помещений различной величины, некоторые из которых сплошь заполнены религиозными принадлежностями (жертвенными расписными столиками, культовыми сосудами, амулетами).

Вот стадо голубых обезьян, карабкающихся в гору, и испуганно озирающиеся антилопы, и панорама весны со свойственным ей богатством красок и парящими в воздухе ласточками, и торжественно идущие с какими-то дарами женщины в нарядных одеяниях, и кулачный бой двух подростков, и юноша-рыбак, с некоторым удивлением рассматривающий свой улов.

А вот и целое развернутое действие — возвращение флота. На шестиметровой полосе стены изображены три города, две реки и флотилия, входящая в гавань одного из городов.

Видимо, одержана победа — иначе бы корабли не были украшены гирляндами. На балконах и крышах домов женщины и дети. Они приветствуют победителей высоко поднятыми руками. Возвращаются корабли из дальнего плавания: один из городов явно находится в Африке (это видно по пальмам), другой — на Крите, судя по тому, что здания украшены бычьими рогами: такие рога археологи постоянно встречают при раскопках критских дворцов.

В домах найдено большое количество сосудов. Некоторые из них, судя по стилю, привезены с Крита, встречаются и сосуды из Микен. Но больше всего местной керамики. По художественному уровню она не уступает ни критской, ни микенской, но отличается от них по сюжетам. Наряду с растениями, обычно изображавшимися на сосудах Крита и Микен, жители Феры очень любили ласточку, приносившую весну на своих крыльях, и часто изображали ее полет.

Найдены в городе и предметы домашнего обихода, вернее, пустоты, образовавшиеся в пепле на месте сгнившего дерева. Заливая такие пустоты гипсом по методу, примененному в середине прошлого века во время раскопок Помпей, ученые получили гипсовые слепки кроватей, табуреток и другой мебели, служившей жителям города до дня катастрофы.

С самого начала раскопок археологи поставили целью оставить после себя музей, а не разграбленные руины. Все сохраняли по возможности на местах, чтобы создать впечатление живого города.

А между тем условия работы создавали дополнительные трудности для решения этой задачи. Большая часть города лежит на глубине 9—11 метров от поверхности земли. Здания метра на два покрыты слоем пемзы, а затем на 7—9 метров идет масса вулканического пепла. В этом пепле, хотя и состоящем из мельчайших пылинок, но очень эластичном и прочном, археологи проделывали тоннели. Прощупывая пространство при помощи шахт и тоннелей, находили улицы, переулки, дома. В шахты, окружающие раскапываемые здания, вставляли металлические столбы, на которые накладывали крыши. В этих крышах часть секций делали прозрачными. Так к концу каждого археологического сезона раскопанная часть города оказывалась под крышей. Значит, вполне обеспечивалась сохранность фресок: их можно было оставлять на месте, не опасаясь изменчивости погоды.

К 1972 году стало ясно, что на город обрушились две катастрофы — одна за другой всего с полувековым интервалом. Около середины XVI века до н. э. город был разрушен сильным землетрясением. Пришлось отстраивать его заново. И многие жители к старым, разрушенным землетрясением стенам пристраивали новые, более тонкие. Иногда новую стену строили просто рядом со старой. Это объяснило, почему во многих до-

мах оказались двойные стены (вначале такая особенность строительства ставила археологов в тупик).

Город быстро поднимался из руин. Дома строились частично из остатков старых зданий, частично из нового материала. Над их росписью трудились незаурядные художники. И уже по тому, как быстро возрождался полностью разрушенный город и какие великолепные дома смогли себе построить многие горожане сразу же после катастрофы, можно судить о процветании города и острова.

Благосостояние его жителей основывалось не только на плодородии земель, на которых разводили маслины и виноград, но главным образом на торговле. Находки больших сосудов, которые размещались обычно на палубах торговых судов, говорят о широком размахе морской торговли. Как выглядели эти корабли, видно на фреске-миниатюре, изображающей возвращение флота. Это длинные многовесельные суда. И на фреске-миниатюре, и на другой фреске, изображающей отдельно корабль командующего флотом, хорошо видна фигура кормчего с огромным кормовым веслом в руках. Какой-то корабельный начальник направляет работу гребцов. Из люка каюты высовывается голова капитана.

Многие постройки и фрески не были еще завершены, когда на город обрушилась вторая катастрофа. На этот раз, около 1520 года до н. э., после землетрясения началось страшное извержение вулкана. Теперь уже некому было восстанавливать город, да это было бы и невозможно: многометровый слой пемзы и вулканического пепла полностью скрыл под собой следы жизни.

Обе катастрофы легко находили себе параллели в разрушении дворцов Крита. Оставалось неясным лишь одно. И после землетрясения 1580 года до н. э., и после страшной катастрофы 1520 года до н. э., археологически совершенно четко прослеживаемой на Крите, основные центры Крита с их великолепными дворцами возродились, как возродились они и после землетрясения, зафиксированного в 1750 году до н. э., и с Ферой не связанного. Окончательное разрушение и запустение критских дворцов, после которого удалось возродиться лишь Кноссу, падает на промежуток времени между 1470 и 1450 годами до н. э., когда уже более полустолетия не было жизни на Фере. Не противоречит ли это предложенной Маринатосом теории?

Внимательное изучение пепла, покрывающего остров, показало, что покров не является единым. Он состоит из двух слоев. Между ними сравнительно большой промежуток времени, судя по тому, что на первом слое заметны следы эрозии. Это значит, что прошло не менее полувека после гибели острова, когда в последний раз проснулся его вулкан и волны нового землетрясения докатились до Крита.

Так Маринатос доказал, что извержения на Фере были при-

чиной тех тяжелых последствий, которые испытал Крит. Но Крит, находившийся более чем в сотне километров от Феры, пострадал главным образом от землетрясений. Опыт показывает, что, сколь бы разрушительным ни было землетрясение, гибнет меньше, чем остается в живых. И хотя после 1450 года многие поселения так и не поднялись из руин, это произошло еще и потому, что, воспользовавшись вызванными очередной катастрофой разрушениями, на Крит вторглись ахейские племена Балканской Греции. Жизнь вскоре взяла свое — отстроился кносский дворец, возобновилась деятельность художественных мастерских. А возобновилась ли жизнь на Фере, или люди пришли туда вновь лишь в VII веке до н. э., когда островок заселили спартанцы во главе с неким Фером, который и оставил острову свое имя?

На этот вопрос Маринатос ждал ответа от новых раскопок. Он не успел его получить. В 1975 году в самом разгаре археологического сезона плохо закрепленный камень оборвал жизнь ученого.

Теперь работу продолжают ученики Маринатоса. Раскапываются новые дома, открываются новые фрески, сосуды, предметы домашнего обихода. Обследуется дно у южного берега острова, где под водой лежит часть осевшей при катастрофе территории города. Пройдет немного лет, и город, освобожденный от пепла, откроется для посетителей, подобно Помпеям. Город, который возник по крайней мере за две и погиб за полторы тысячи лет до гибели Помпей.

ГЕНИЙ БЕЗ БИОГРАФИИ

В начале истории греческой литературы стоит поэт Гомер, автор «Илиады» и «Одиссеи». Эти поэмы являются прекрасным источником для изучения древнейшей истории Греции. Но личность поэта и точное время его жизни являются загадкой.

Семь городов спорили за честь считаться его родиной, но ни один не был ее удостоен. Величайший из греческих поэтов Гомер не имел родины в том узком смысле, который делал принадлежность к роду или племени источником соперничества, вражды и войн. Более того, он вообще не имел биографии; подобно своему герою Одиссею, вырвавшемуся на свободу из мрака пещеры, он дерзко крикнул:

— Я никто!

И так же как ослепленный Одиссеем Циклоп бросил глыбу в Одиссея без всякой надежды в него попасть, так и сотни критиков Гомера метались, пытаясь схватить его ускользаю-

щий образ. В отчаянии они навязали ему свою слепоту. Один древний историк остроумно заметил по этому поводу: «Тот, кто считает Гомера незрячим, сам слеп».

Гомер не мог рассказать о себе в поэмах по двум причинам.

В его время считалось кощунством выставлять себя рядом с богами и героями. Люди были уверены в том, что художник должен оставаться незаметным. Другая причина — это то, что не он придумал героев «Илиады» и «Одиссеи», не он дал им имена. Сама форма повествования, медлительного, с повторами, с постоянными эпитетами, также существовала до Гомера. Возможно, ему принадлежит сюжетная линия, но не исключено, что он разработал уже существовавшие сюжеты. Но как! Какая философская глубина вложена им в бесхитростные напевы аэдов! И все же ему казалось неудобным заслонить собою своих собратьев-певцов. Может быть, у него были и иные причины не говорить о себе. Об этом мы никогда не узнаем.

Гомер был современником расцвета культуры в Двуречье, Египте, городах-государствах финикийского побережья. И хотя он не мог прочитать клинописного или иероглифического текста, он мог что-либо слышать о великих произведениях древневосточной литературы и знать некоторые восходящие к ней сказки. Поэтому в его произведениях появляется мотив нисхождения героев в подземное царство (он присутствует в поэме о Гильгамеше). Удивительные приключения Одиссея кое в чем напоминают рассказы египтян о мореходе, потерпевшем кораблекрушение, и Синухете, бежавшем в страну бедуинов. Сюжеты, переходящие от одного народа к другому, называют «бродячими». Используя их, великий поэт, однако, оставался самим собой и опирался на художественные традиции своего народа.

Гомер с воодушевлением воспевал подвиги героев-предков аристократических родов, с восхищением и любовью описывал роскошь их дворцов, высмеивал смутьянов, призывающих к неповиновению басилеям. На этом основании его можно было бы считать певцом современной ему аристократии. Однако почти одинаковой симпатией поэта пользовались греческие и троянские герои. У него нет предубеждения к троянцам, врагам ахейцев. Очевидно, его идеалом был весь тот мир, богатство которого нам известно по раскопкам в Трое, Микенах, Кноссе. Он восхищался великолепием древних городов, не делая между ними различия. Герои, выходцы из этих городов, микенский царь Агамемнон, уроженец Итаки Одиссей, троянец Гектор, пилосец Нестор, несмотря на все различие их характеров и судеб, дороги Гомеру.

Впервые в мировой литературе Гомер показал оборотную сторону победы — рабство побежденных. Более того, Гомер выявил пороки, присущие рабскому труду:

Раб нерадив. Не принудь господин повелением строгим
К делу его, за работу он сам не возьмется с охотой.
Тяжкую долю печального рабства избрав человеку,
Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет.

Все это характеризует Гомера как личность. Благодаря своему высокому гуманизму человек без рода и племени, без биографии занял в духовном мире древних людей одно из первых мест. Силой своего таланта он покорил всю Элладу. Не было греческого города, где бы не читали Гомера. Каждый мало-мальски грамотный грек знал наизусть множество его строк. Веками «Илиаду» и «Одиссею» изучали в греческих школах. Великий драматург Софокл назвал свои трагедии «крохами с пиршественного стола Гомера», подчеркивая этим, что он заимствовал у поэта сюжеты своих произведений. Историки древности называли Гомера своим учителем — он дал им материал по истории, географии, этнографии. Ораторы учились у него искусству построения речи. Художники и скульпторы пытались воплотить его описания в красках и мраморе.

Но еще более удивительным было победное шествие Гомера в негреческих странах. Первым шагом римской литературы был перевод Гомера на латинский язык (III век до н. э.). Второй ее шаг — создание собственного эпоса по образцу гомеровского (поэт Энний, II век до н. э.) и знаменитая «Энеида» Вергилия — конец I века до н. э. Обучение греческому языку было обязательным в римских школах, а оно зачастую сводилось к чтению Гомера. «Владыки мира» — так называли себя римляне,— с презрением относились к покоренным народам. Грек был для них «гречонком». Но они преклонялись перед гением Гомера. Известный римский полководец Корнелий Сципион Эмилиан, наблюдая за тем, как по приказу сената разрушают взятый им Карфаген, читал гомеровские строки — «Будет день, и погибнет священная Троя» — и плакал.

Во II в. затерянную в сарматских степях греческую колонию Ольвию посетил один из высококультурных людей того времени, знаменитый оратор Дион Хрисостом. Он увидел полуразрушенный город. Жители говорили на каком-то полуварварском наречии, так что греку трудно было их понять. Но когда речь зашла о Гомере, жители этой колонии стали наперебой читать его стихи. Они говорили об Ахилле с такой живостью, словно бы это был их современник и земляк. Гомер не был для них какой-то далекой стариной, хотя он жил за тысячу лет до них. Они оставались греками, поскольку знали Гомера.

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

Гомер довел рассказ о войне греков с троянцами до гибели троянского героя Гектора в сражении с греческим героем Ахиллом. О взятии Трои известно из произведений более поздних авторов.

Ахейский лагерь гудел. Чинили корабли, рассохшиеся от долгого пребывания на берегу, снимали палатки, кричали воины, ревел скот, рыдали пленницы, которых гнали к чернобоким кораблям. Перед самым заходом солнца все было погружено на суда, подняты якори, загремела дружная песня гребцов, и ахейские корабли покинули гавань.

Когда в городе стало известно, что осада снята и губительная война, стоившая обеим сторонам стольких жертв, прекратилась, все жители выбежали за ворота. На этом обширном поле почти ежедневно десять лет бились греки и троянцы. Теперь на поле было полно народу. Радостно шумя, троянцы приблизились к покинутому лагерю. Всем хотелось взглянуть на места, где стояли палатки знаменитых ахейских вождей. Толпа в изумлении окружила громадного коня: зачем нужен был ахейцам этот деревянный конь почти с гору величиной, почему они оставили его на берегу. В толпе возникли споры.

Один из молодых воинов, с копьем в руке и щитом за спиной, без шлема, горячился больше всех.

— Ахейцы уже не раз хотели бежать из-под Трои. Они не меньше нашего устали от десятилетней войны. Они уже не вернутся. Коня же надо перевезти в Трою и поставить на Священном холме. Пусть он напоминает потомкам о наших славных делах.

Воину так же горячо возражал седобородый старик:

— Зачем нам тащить в город такую громаду? Лучше сжечь его или сбросить в море. Забавно будет посмотреть, утонет он или поплывет.

Троянский царь Приам молча слушал споры. Он не знал, на что решиться.

В этот момент, расталкивая толпу, к Приаму приблизились несколько пастухов. Они вели худого оборванного юношу, который весь был вымазан тиной и болотным илом. Под глазом у него был синяк, вся спина и плечи в кровоподтеках и царапинах. Руки были скручены за спиной. Он шел понуря голову, подталкиваемый пинками пастухов. Когда вся группа приблизилась к царю, один из пастухов резким толчком поставил пленника на колени.

— Кто ты такой? — спросил Приам.

— Я несчастный ахеец Синон, — ответил пленник, — мой старый враг, хитроумный Одиссей задумал погубить меня. Ахейцы, утомленные войной, давно хотели отплыть от ваших негостеприимных берегов, но мешали противные ветры. Жре-

цы сказали, что боги требуют человеческой жертвы, иначе ветры не утихнут и никто не вернется домой. Одиссей указал на меня. Я бежал из-под стражи и скрывался в болотах. Сегодня на рассвете я увидел, что лагерь ахейцев опустел. Меня схватили, когда я брел по равнине к Трое. Путь домой мне закрыт, и я надеялся найти у вас новую родину.

— Скажи, перебежчик, зачем ахейцы построили это чудище да еще оставили его нам? — спросил Эней, стоявший рядом с Приамом.

— Этого коня ахейцы построили в дар богине Афине, — ответил Синон. — Я открою вам тайну. Может быть, за это вы пощадите меня и дадите приют. Ахейцы рассчитывают, что вы уничтожите его и тем навлечете на себя гнев богини. Было предсказание: неприступным сделается город, в котором встанет посвященный Афине конь. И ахейцы не жалели трудов, стараясь сделать коня таким, чтобы он не мог пройти в ворота Трои.

Приветливо смотрели теперь троянцы и сам Приам на жалкого пленника. Царь приказал развязать ему руки, и, подняв их к небу, Синон воскликнул:

— Клянусь богами Олимпа, что все сказанное мною — истинная правда! Пусть мне не жить, если клятва моя — ложь!

— Зачем вы слушаете этого обманщика? — раздался громкий голос.

Все обернулись. С высокого холма, на котором стоял храм бога морей, колебателя земли Посейдона, сбегал почитавшийся всеми троянцами за мудрость жрец Лаокоон. В руке он держал боевое копье. Волосы его развевались от быстрого бега. За ним едва поспевали оба его сына.

— Что за безумие овладело вами?! — крикнул он, расталкивая толпу. — Неужели вы верите, что дары ахейцев могут быть без обмана?

Обернувшись к стоявшим в растерянности пастухам, он повелительно крикнул:

— Ну-ка быстрее несите факел. Посмотрим, из сухого ли дерева этот конь!

— Стоит ли так торопиться? — возразил Приам.

— А что медлить? Противно и страшно все, сделанное руками ахейцев.

И с этими словами метнул Лаокоон в коня свое копье. Со свистом полетело пущенное могучей рукой копье и впилось в бок чудовища. Странный звон раздался внутри коня.

Но в этот момент вспенилось море, и на поверхности его показались две огромные змеиные головы. Змеи стремительно приближались, оставляя за собой след в волнах. Выбравшись на берег, извиваясь блестевшими на солнце кольцами, они кинулись на сыновей Лаокоона. Несчастный отец бросился на помощь детям. Змеи охватили своими огромными кольцами

и сыновей, и отца. Вмиг все трое были задушены, а змеи, никого больше не тронув, проскользнули в храм Афины и скрылись там в ногах статуи богини.

Все стояли, пораженные страхом.

— Оскорбитель святыни понес возмездие по заслугам. Ведь он хотел уничтожить дар, поднесенный Афине! — закричал Синон.

Гибель Лаокоона убедила суеверных троянцев. Она показалась им знамением свыше. Все теперь спешили втащить коня в город. Под него подвели катки, пеньковыми канатами обвязали огромное тело. Как и предупреждал Синон, конь не проходил в ворота, и пришлось сломать часть стены.

Радостно провели вечер троянцы. Песни и веселье не смолкали до поздней ночи. Наконец, валясь с ног от усталости и выпитого вина, разошлись по домам. Лишь небольшая стража осталась у ворот и пролома в стене.

В это время далеко в открытом море в ночной мгле вспыхнул огонь. Это был сигнальный фонарь на корме ахейского корабля.

Ахейцы лишь сделали вид, что покидают троянский берег. Когда наступила ночь, весь флот повернул обратно к Трое и войско в полном молчании стало высаживаться на берег.

В Трое было тихо. Но как только в море засветился фонарь, чья-то темная фигура скользнула к храму богини Афины, возле которого стоял деревянный конь. Закутанный в плащ человек приблизился к коню и постучал три раза в деревянный бок. Внутри опять послышался звон, а затем приглушенный голос спросил:

— Это ты, Синон?

— Выходите! — отвечал стучавший.

Из коня один за другим стали выскакивать воины. Затем весь ахейский отряд во главе с Одиссеем, придумавшим эту военную хитрость, в полной тишине двинулся к воротам. Сонная стража, никак не ожидавшая нападения из города, была перебита раньше, чем успела поднять тревогу. Ворота широко раскрылись, и ахейское войско, высадившееся с кораблей, подобно многоводному потоку, прорвавшему плотину, беспрепятственно ворвалось в спящую Трою.

Пожар быстро охватил город. Пламя, вздымавшее к небу тучи багровых искр, отражалось в водах залива, освещая ряды ахейских судов. Сонные жители, застигнутые в постелях, были беспомощны. Среди рушившихся домов небольшие кучки троянцев бились с врагами на узких улицах. Перевес был явно на стороне ахейцев. Уже был взят высокий дом Приама, один за другим гибли защитники города.

Когда рассвело, на месте Трои виднелись лишь дымящиеся руины, среди которых в поисках добычи бродили ахейские воины.

ПОЭТ АРХИЛОХ

Гомер в поэмах, состоящих из десятков тысяч строк, не счел нужным сказать о себе и своей родине. Греческие поэты VII—VI веков до н. э. делали темой своих коротких стихотворений мельчайшие события собственной жизни и мимолетные настроения. В центре поэзии становилась личность. Это говорит об общественных переменах.

Перенесемся мысленно более чем на 2600 лет назад — в VII век до н. э., в Древнюю Грецию, где впервые возникло большинство современных стихотворных размеров и даже само слово «стихи». Первоначально оно означало (по-гречески) «боевые шеренги» — строй, в котором каждому воину отведено свое строго определенное место. Постепенно, однако, слово «стихи» стали применять и по отношению к рядам слов, связанных, подобно воинам, особым строем — ритмом. Слово «ритм» (или «рифм») по-гречески означает «стройность». По-русски это слово применяется для обозначения равномерного чередования. От того же греческого слова происходит и русское слово «рифма» (в древнегреческой поэзии рифмы не употреблялись).

Прозаические произведения, если они не записаны, быстро исчезают из памяти. Долгое время песни аэдов были если не единственным, то во всяком случае наиболее распространенным видом поэзии. Однако бурная эпоха VII—VI веков до н. э., характерная ожесточенной социальной борьбой, привела к перевороту в литературном творчестве, к возникновению новых литературных форм, многие из которых живут и поныне.

VII век до н. э. был для Греции временем быстрого развития производства и общественной жизни; совершенствовалась техника изготовления и раскраски гончарной посуды, все больше производили железных изделий и оружия, корабли бороздили воды Эгейского моря, доходили до северных берегов Черного моря, называвшегося тогда Понтом Эвксинским. Повсюду: на востоке, на западе, на юге и на севере от Балканского полуострова — возникали новые греческие поселения — колонии, куда устремлялись поселенцы из материковой Греции, Малой Азии, с островов Эгейского моря, чтобы избегнуть голода и долгов, которые грозили превратить их в рабов собственных сородичей. В этот период разрушались старые, установившиеся родовые связи.

Родовая знать, владевшая лучшими участками земли, вынуждена была уступать свое руководящее положение новым людям, разбогатевшим на морской торговле или на доходах, получаемых с ремесла. Но знать не желала добровольно уступать свои преимущества. Разгорелась ожесточенная борьба. Литературные произведения той поры отражают взгляды и интересы борющихся групп. Это резко отличает произведения

VII—VI веков до н. э. от литературы предшествующего времени. Если раньше литературные произведения рассказывали о великих событиях далекого прошлого, прославляли подвиги родовой знати и ее предков, то теперь стихи и песни слагались на темы сегодняшнего дня. Произведения приобретали индивидуальный характер, передавали факты из жизни сочинителя, его отношение к событиям, личные переживания — все, что раньше считалось совершенно недопустимым. Менялась и форма литературных произведений. Поэзию, возникшую в этот период, принято называть лирикой. Слово это происходит от названия лиры, игра на которой сопровождала исполнение песен поэтов того времени.

История литературы связывает появление и развитие лирической поэзии с именем величайшего из стихотворцев Греции — Архилоха, которого древние считали мудрейшим и прекраснейшим из поэтов и сравнивали с самим Гомером. Архилоху приписывали изобретение многих стихотворных размеров.

Не следует, конечно, думать, что все эти новые размеры — результат работы одного Архилоха. Поэт находил их в народных песнях и прибаутках. Но благодаря Архилоху элегии и ямбы, трохеи и стихотворные басни получили законченное оформление.

* * *

Архилох родился на острове Парос — одном из Кикладских островов в центре Эгейского моря. Отец его происходил из старинной знати, а мать была рабыней. Мальчик не унаследовал почета и богатства своего отца. Всю жизнь он испытывал нужду, и ему пришлось заниматься тяжелым и опасным ремеслом наемного воина, рискуя жизнью за кусок хлеба.

> Острым копьем у меня замешан мой хлеб, и копьем же
> Я добываю вино. Пью, опершись на копье.

Горький это был кусок хлеба. Наемный воин был нужен, пока шла война и он мог сражаться. Больной или раненый, он становился лишним, и о его судьбе никто не беспокоился.

> Главк, до поры лишь покуда сражается, нужен наемник,—

говорил Архилох своему другу Главку в единственной дошедшей до нас строке какого-то стихотворения. Не удивительно, что именно эта строка пробилась к нам сквозь толщу тысячелетий. Вероятно, не один воин, погубивший молодость и здоровье ради чужого дела, повторял эту фразу, прежде чем три столетия спустя ее включил в свою книгу один греческий писатель.

Время жизни Архилоха не удается определить с полной точностью. Греческие ученые III века до н. э. писали, что поэт

жил в начале VII века до н. э. Время его творчества скорее всего приходится на середину этого столетия.

В это время сограждане Архилоха, паросцы, решили захватить плодородный остров Фасос, лежащий на севере Эгейского моря, у самого побережья Фракии. На острове были богатые золотые россыпи, которые привлекали завоевателей больше, чем плодородная земля.

Гонимый нуждой у себя на родине, Архилох отправился на Фасос в надежде разбогатеть. Однако надеждам его не суждено было осуществиться. За богатые земли началась борьба между колонистами из различных государств Греции, да и местные жители, свободолюбивые фракийцы, отчаянно сражались за свою родину. Скоро Архилох понял, что воюет ради чужой выгоды, и это определило его отношение к войне.

Фракийцы сражались с многочисленными врагами, борьба была неравной, и в стихах Архилоха ясно слышится злая ирония, не щадящая его самого:

Мы настигли и убили счетом ровно семерых,
Целых тысяча нас было...

Свои мысли Архилох облекает в чеканные фразы, связанные четким ритмом, выражающим настроение поэта. Даже в пылу битвы его не оставляет меткая наблюдательность. Недаром он говорит:

Войнолюбивого бога Ареса я верный служитель,
Также и сладостный дар муз хорошо мне знаком.

Что же это за размер, который избрал Архилох, чтобы рассказать о своих занятиях? В первой строке ударения чередуются регулярно: шесть раз повторяются они через каждые два слога на третьем. Такой шестистопный размер называется *гекзаметром.* В «Илиаде» и «Одиссее» все строчки одинаковы, и это придает поэмам величавое спокойствие, подходящее для описания событий далекого прошлого. Но когда речь идет о современных событиях, торжественная монотонность гекзаметра не подходит. Чтобы передать напряжение минуты, надо иногда столкнуть сильные ударные слоги. Мы видим это во второй строке примененного Архилохом размера:

Та́кже и сла́дostный да́р му́з хорошо́ мне знако́м.

Мысль от этого стала острее и вся строка более напряженной. Такое сочетание двух строк — одной медленной и тягучей, а другой страстной и напряженной — называется *элегическим размером.* Этот восходящий к народным песням размер Архилох и использовал для передачи своих чувств, одним из первых введя его в письменную поэзию.

Архилоху же принадлежит, вероятно, мысль использовать элегический размер и для эпиграмм. Эпиграмма означает по-

гречески «надпись». В ту древнюю эпоху это был единственный род поэзии, который предназначался не для слушателей, а для читателя — либо как надпись на могильной плите, либо как посвящение на вещах, подаренных божеству. Вслед за Архилохом элегическим размером для обоих видов эпиграмм стали пользоваться все античные авторы.

Главным изобретением Архилоха в области стихотворных размеров считают *ямбы*. Этот размер, гораздо более близкий к разговорной речи, существовал в народных прибаутках с незапамятных времен, но только Архилох ввел его в литературу. Архилох, а за ним и другие древние поэты использовали этот ритм для язвительных, полемических стихов.

Архилох погиб в битве с врагами родного острова, будучи еще в расцвете сил. Но его стихи продолжают жить в памяти людей спустя столетия.

СПАРТА И СИБАРИС

В древности существовало два города, в равной мере знаменитых и в то же время столь не похожих друг на друга,— Сибарис и Спарта. И поныне спартанец — синоним неприхотливости и сурового мужества, а сибарит — изнеженности и чрезмерной любви к роскоши.

Возник Сибарис, по сообщениям античных авторов, в конце VIII века до н. э., в начале которого в Лаконике окончательно сложилось государство Спарта. Вывели эту колонию на плодородные земли Южной Италии скорее всего жители расположенной по соседству со Спартой Ахайи, которая столетие спустя вошла в возглавленный Спартой Пелопоннесский союз. К VI веку до н. э. Сибарис превратился в самый богатый город греческого мира, превосходивший своими богатствами даже могущественные Афины.

Насколько можно судить по тем сведениям, которые имеются в нашем распоряжении, абсолютно все в жизни этого города было полной противоположностью Спарте.

Пожалуй, единственной общей чертой Спарты и Сибариса было то, что досуг был провозглашен главной привилегией граждан.

Но если спартанцы, считавшие всякий труд, и физический, и умственный, унижением полноправного гражданина, использовали свой досуг для военных упражнений и закалки, необходимой воину, то сибариты предпочитали проводить время в пирах и праздности.

Спартанец с раннего детства приучался к суровому быту. В семь лет отобранные у родителей дети жили небольшими отрядами под руководством подростков. Спали они на подстилках из колючего тростника, который должны были сами же выламывать незащищенными руками на берегах протекавшей

через Лаконику реки Эврота. Пища их была неприхотливой и скудной. Ходили они босиком. На целый год получали один хитон. В двенадцать лет хитон заменялся плащом, выдававшимся также раз в год и одевавшимся на голое тело. Волосы им полагалось стричь почти наголо. Обычных для детей игрушек они не имели, а их игры напоминали военные упражнения и схватки. Взрослые внимательно следили за тем, чтобы дети чаще ссорились, считая, что только в драках закаляется характер и появляется мужество, необходимое в бою.

Маленький сибарит в отличие от спартанца не знал в своей жизни никаких неудобств и имел вдоволь пищи, одежды, игрушек. Его тщательно причесанные волосы украшала золотая повязка. Он не мог появиться на улице в дешевой ткани — детей в Сибарисе было принято одевать в пурпурные, самые дорогие тогда одежды.

Не смягчалась в Спарте суровость быта и с выходом из детского возраста. Правда, став взрослым, спартанец жил дома, но весь день он все равно проводил среди сограждан, по так называемым *сисситиям*[1]. Время, свободное от военных упражнений и спорта, проходило в совместных трапезах, на которых часами расхваливали достойные поступки и порицали дурные, пели песни, прославляющие мужество и смерть в сражении, говорили о государственных делах и никогда ни о чем, связанном с наживой или искусством (что считалось в равной мере предосудительным).

Спартанцы строго следили за тем, чтобы роскошь не затронула членов сисситии: питались вскладчину, и позором считался отказ от какой-либо пищи за общим столом (не захотел есть простую пищу со всеми вместе, значит, пришел из дома, насытившись изысканными блюдами!). Ели блюда, установленные для этих трапез законом: приготовленное предельно простым способом мясо или принесенную с охоты дичь и знаменитую черную похлебку, которую остальные греки находили совершенно несъедобной. Понятно, что для приготовления простого обеда не нужен был искусный повар, и в Спарте держали только таких поваров, которые не умели готовить ничего, кроме мяса и черной похлебки. Поваров же, чье искусство оказывалось более разносторонним, просто выгоняли из пределов Спарты.

Сибариты, напротив, были известны как ценители самой изысканной кухни. Недаром им приписывалось изобретение целого ряда греческих блюд, отличавшихся особой сложностью приготовления. Повар в Сибарисе был чуть ли не главной фигурой. Придумав новое блюдо, он получал право один поль-

[1] *Сисситии* — группы мужчин, связанных дружбой и воинской дисциплиной. Такое товарищество состояло обычно из пятнадцати человек, и в него не принимали никого, кто мог быть неприятен хотя бы одному из членов сисситии.

зоваться своим изобретением в течение года, что приносило баснословные прибыли. Повара освобождались от налогов. Не платили налогов и те, кто разводил угрей, потому что угри были излюбленной пищей сибаритов. Сибариты не могли представить себе жизни без хорошего повара.

Спартанцы, даже самые знатные, ходили в простой одежде. У них не было дорогих тканей и даже существовал закон, запрещающий носить одежду неподобающего для мужчины цвета. Считалось, что законодатель Ликург запретил «ненужные» ремесла, и в Спарте остались лишь те ремесленники, которые производили предметы первой необходимости и оружие. Но если бы и не было такого запрета, все равно ремесленники, производившие предметы роскоши, покинули бы ее пределы. Чем бы спартанцы расплачивались за товары? Кому нужны были их громоздкие деньги в виде железных прутьев? Для перевозки небольшой суммы требовалась целая телега!

Ежедневно должностные лица осматривали одежду юношей, следя, чтобы все в ней соответствовало установленным предписаниям. Украшать одежду и следить за волосами спартанцам разрешалось только во время военных походов, а в пурпур спартанец мог быть одет лишь в бою или по завершении своего жизненного пути, когда тело его, обернутое, по спартанскому обычаю, в пурпурный плащ и увитое зеленью оливы, предавалось земле.

В Сибарисе, напротив, жители города гордились тем, что даже тонкие косские ткани (напоминающие наш шелк) носили будто бы лишь беднейшие из них, а человеку зажиточному неприлично было появиться на людях в чем-либо, кроме тончайшей милетской шерсти. Если кто-либо из сибаритов хотел торжественно отпраздновать какое-то событие в своей жизни, он обязан был, согласно закону, объявить об этом не менее чем за год: иначе приглашенные не смогли бы заказать себе соответствующего блестящему празднику наряда. Года едва хватало. Ведь ткань для одежды, приобретаемую обычно в Милете, предпочитали не купить готовую, а заказать. А до Милета в Малую Азию почти два месяца пути и столько же обратно, да и исполнение заказа не могло быть завершено быстро, поскольку, как правило, ткань имела замысловатые узоры и рисунки, вытканные с учетом пожеланий и вкуса заказчика. Сохранилось описание пеплоса, заказанного в Азии одним из сибаритов для участия в какой-то торжественной процессии. На фоне реки Сибарис среди греческих богов был изображен сам заказчик. Над этой полосой, занимавшей, естественно, центральное место, шел ряд священных животных Индии, а под нею — диковинных персидских зверей. Полтора столетия спустя, когда уже исчез с лица земли Сибарис, пеплос этот был продан карфагенянам за невероятную сумму — 120 та-

лантов[1]. На такую сумму все население Сибариса могло бы прожить почти целый месяц, если бы сибариты приняли образ жизни спартанцев!

Спартанские дома не имели украшений и богатой утвари. Существовал даже специальный закон (введение которого также приписывалось Ликургу), запрещающий употребление каких-либо инструментов, кроме пилы для дверей и топора для кровли дома. Волей-неволей, — замечает Плутарх,— приходилось прилаживать и приспосабливать к дому ложе, к ложу постель, к постели прочую обстановку и утварь. В дом, сработанный просто и грубо, не было смысла ввозить ложа на серебряных ножках, пурпурные покрывала, золотые кубки и спутницу всего этого роскошь.

Сибариты не отказывали себе ни в чем. Они соревновались друг с другом в приобретении самых изысканнейших предметов роскоши. Во многих домах держали рабов-карликов и таких же карликовых собачек, за которых платили невероятные деньги. Греки считали сибаритов изобретателями навесов, защищающих от солнечных лучей. Приписывали им и создание искусственных гротов за городом, где можно было проводить жаркие часы дня, и навесы, прикрывающие не только дворики домов, но и дороги, ведущие в город, чтобы путь к городу роскоши не утомлял пешеходов. Некоторые древние авторы даже уверяли, что и вино поступало в дома сибаритов по глиняным или свинцовым трубам — винопроводам. Говорили также, что в Сибарисе запрещалось держать петухов и заниматься теми ремеслами, которые были связаны с шумом. Все ремесленные мастерские, работа в которых могла нарушить покой граждан, выводились в предместья.

Спартанцы славились мужеством в бою и полным презрением к боли, опасности и смерти. Они гордились тем, что их город, единственный в Элладе, не имел стен, ибо стенами его было мужество юношей-воинов. Основой спартанской армии была пехота, не знающая, что такое усталость и отступление.

Сибариты же были настолько изнежены, что вступать в бой пешими считали слишком утомительным. Основой войска Сибариса была конница: на военных смотрах и в процессиях участвовало не менее 50 тысяч изящно одетых всадников. Но даже кони сибаритов были больше пригодны для парадов и развлечений, чем для битв.

Один из древних авторов рассказывает, что когда на Сибарис в 510 году до н. э. напало войско соседнего Кротона и конница сибаритов вышла ему навстречу, то кони при звуках музыки (обычной в древности перед боем) будто бы затанцевали на месте, вместо того чтобы, подчиняясь воле седоков,

---

[1] *Талант* — самая крупная денежная единица в Греции; в разных городах колебался от 26 до 30 килограммов серебра.

устремиться на неприятеля, что и решило исход сражения. Хотя остальные авторы не повторяют этого рассказа, но и они единодушны в убеждении, что Сибарис погубила изнеженность его жителей.

Победители сожгли город дотла, а затем отвели на его еще не погасшие руины воды двух протекавших рядом рек, чтобы навсегда смыть с лица земли следы ненавистного соперника. От Сибариса осталась лишь память об изнеженности его жителей, рассказы о которой передавались из уст в уста наподобие анекдотов. Так что теперь трудно понять, что в них правда, а что вымысел.

Единственный способ узнать, насколько близки к истине дошедшие до нас сведения об этом городе, — раскопать его. На первый взгляд задача казалась не столь сложной. Ведь географ Страбон оставил нам сравнительно точное указание его местоположения — между реками Сибарис и Кратис. Кроме того, все авторы утверждали, что именно на месте Сибариса в 444 году до н. э. афиняне основали новую колонию Фурии, как бы желая подчеркнуть преемственность с прославленным городом, а в римское время на том же месте находилась колония римлян Копии.

Археологи знают, что как бы ни был разрушен город, следы его всегда остаются, и чем больше были украшены дома и богаче были жители, тем больше сведений о нем хранит земля. Поэтому, когда в конце XIX века начались поиски города, находки обещали быть обильными.

В это же время приступили и к раскопкам в Спарте. Еще древний историк Фукидид утверждал, что если город этот когда-либо исчезнет, а затем будет раскопан будущими поколениями, то по найденным следам никто не сможет определить, насколько могуществен был этот полис.

Но, как ни удивительно, получилось наоборот. В Спарте не рассчитывали найти ничего примечательного в дополнение к тому, что было известно по многочисленным сведениям древних авторов, и ее почти не искали. Но нашли ее раньше Сибариса, на поиск которого были направлены немалые усилия. И оказалось, что город содержит гораздо больше следов благоустройства, чем следовало ожидать от суровых лакедемонян. Объяснялось это тем, что та Спарта, суровость которой обращала на себя внимание древних, — несколько идеализированный образ. Это воспоминание, к тому же приукрашенное, о временах, предшествующих Пелопоннесской войне, во время которой писал свою историю Фукидид. После победы над афинянами в Спарту хлынул поток золота, особенно разрушительно подействовавший на город, где долгое время в интересах сохранения единства и военного могущества искусственно сдерживался рост роскоши. Первым человеком, который ввез в свой дом награбленные во время войны богатства, был царь

Архидам. Он был казнен. Но страсть к обогащению нельзя уже было остановить. Именно этим и объясняется наличие вполне благоустроенных домов с остатками дорогой коринфской посуды, статуй и украшений, которые вначале несколько озадачили археологов.

Итак, Спарта, раскопки которой вначале не обещали ничего примечательного из-за простоты быта ее жителей, была открыта, а Сибарис, славившийся богатством и роскошью, продолжал манить археологов своей загадочностью.

В долине реки Кратиса, на том месте, где, согласно сведениям древнего географа Страбона, следовало искать город, на километры тянулась малярийная топь, не внушавшая археологам никакого доверия. Не обнаружили следов VIII—VI веков до н. э. и на окружавших Кратис холмах. Лишь полстолетия спустя после начала поисков, в 1932 году, удалось найти несколько погребений и участок греческого водопровода из глиняных труб. Но эти находки датировались временем существования Фурий и к Сибарису не имели никакого отношения.

Полное отсутствие каких бы то ни было следов Сибариса в том месте, на которое совершенно определенно указывал древний географ, известный своей скрупулезной точностью, вызывало недоумение. Одно время даже возникло мнение, что Сибариса вообще никогда не существовало, а полные преувеличений рассказы о нем были выдуманы как бы в качестве противопоставления излишней суровости Спарты. Ведь и эта суровость, как мы видели, была несколько преувеличена для того времени, к которому относится большинство свидетельств древних. Такое мнение вполне могло опереться и на явную странность тех сведений, которые донесли до нас о Сибарисе древние авторы. Действительно, о нем упоминало более семидесяти авторов, но ни один из них не был современником существования этого города и ни один не дал хотя бы краткого связного рассказа о его истории. Все они, словно сговорившись, приводят лишь отдельные эпизоды, примечательные какой-либо необычностью, а главным образом — явно гиперболические случаи, подчеркивающие невероятную лень и изнеженность сибаритов. Поневоле можно было задуматься над вопросом: а существовал ли на земле такой город — Сибарис?

Но поиски продолжались. Продолжались, несмотря на скептицизм тех, кто перестал верить в существование Сибариса. Наконец, в 1960 году в эти поиски включился уже известный тогда в научном мире Карло Леричи.

Леричи не был археологом, когда впервые столкнулся с археологией. Он был инженером. В 1955 году он предложил испробовать для поиска подземных гробниц Этрурии[1] гео-

---

[1] О предшественниках римлян — этрусках см. в разделе «Рим».

физические методы, которыми давно уже пользовались геологи. Там, где в толще земли имеются пустоты или, наоборот, уплотнения (стены сооружений, скопления предметов), приборы фиксируют изменение магнитного поля. Леричи сразу же без раскопок удалось найти столько этрусских гробниц, сколько не находили за все предшествующие столетия исследования Этрурии. Обнаружив прибором пустоту, бурили отверстие и вводили в него на кончике бура фотоаппарат. Съемка показывала, стоит ли производить раскопки. Особенно шумный успех принесло Леричи начатое в 1958 году обследование некрополя[1] этрусского города Тарквиний. Более четырех тысяч погребений, из которых в тридцати сохранилась настенная живопись! И вот в 1960 году Карло Леричи совместно с археологом Джузеппе Фоти начал исследование предполагаемого района расположения Сибариса с применением прибора, используемого в последнее время для исследований в космосе. Этот прибор отмечает изменение магнитного поля даже от присутствия сравнительно небольших предметов на глубине до восьми метров!

В первые же два года в песке под илистой почвой той самой болотистой равнины Кратиса, которая всегда казалась малоперспективной для поиска, на глубине по крайней мере 6—8 метров стали обнаруживать и высасывать мощными насосами сначала фрагменты дорогой греческой посуды, а затем карнизов, черепиц и кирпича. Все это относилось как раз к VII—VI векам до н. э. Но немногочисленные фрагменты керамики и даже строений сами по себе еще не могли доказать, что здесь был город (а, скажем, не случайная постройка) и что находки относятся именно к Сибарису. Вопрос продолжал оставаться открытым. И чтобы решить его окончательно, после нескольких лет разведок, показавших, что копать стоит, в 1969 году начались планомерные раскопки.

В первый же год они дали такое количество материала, что ни у кого больше не оставалось сомнений: Сибарис найден. Обнаружен он был ниже уровня подпочвенных вод, отчего его так долго и не могли разыскать. Отведенные на город воды соседних рек, в свое время довершившие его разрушение, превратили территорию Сибариса в болото, и подпочвенные воды прочно отгородили от последующих поколений тайну погребенного города.

Сейчас, когда планомерные раскопки идут уже более десяти лет, в распоряжении археологов множество архитектурных фрагментов, масса монет города Сибариса, десятки тысяч черепков сосудов, значительная часть которых украшена художественной росписью. В слое, относящемся к самому концу

---

[1] *Некрополь* (от греческих слов «некрос» — мертвый и «полис» — город) — кладбище: дословно «город мертвых».

VI века до н. э., обнаружены ил, песок, глина, кусочки угля, обильные следы пепла и растворившегося в воде кирпича. А затем находки обрываются и возобновляются лишь в том слое, который относится ко второй половине V века до н. э. Значит, подтвердился рассказ древних историков о том, что город погиб в 510 году до н. э., сожженный пожаром и затопленный потоками воды, и что более полустолетия не возобновлялась жизнь в этих землях, куда лишь в 444 году до н. э. пришли афинские колонисты, чтобы основать Фурии, ничем не напоминающие своего знаменитого предшественника.

А образ жизни сибаритов? Подтвердились ли рассказы об их утонченной роскоши и изнеженности, о жизни, не похожей на жизнь других древних городов?

До настоящего времени не найдено ничего, что бы резко отличало Сибарис от других греческих городов. Удивительно тонкой работы керамика с целыми мифологическими сценами, изображенными на сосудах, производившаяся в Афинах и особенно Коринфе, ввозилась и в другие греческие города. Наряду с ней в Сибарисе, как и всюду, встречается и грубая посуда, и, как и всюду, ее больше, чем дорогих сосудов. Произведений искусства, которые могли бы сказать о многом, пока почти не найдено. Архитектурные фрагменты хотя и позволяют говорить о каком-то своем архитектурном лице города, не могут ничего рассказать о той жизни, которая протекала внутри украшенных этими лепными украшениями домов: ведь архитектура Сибариса никогда не фигурировала в рассказах древних авторов — ее не считали чем-то необычным.

Короче говоря, раскопки пока еще не дали ответа на вопрос, были ли сибариты «сибаритами». Но они, по существу, только еще начались. Археологическая зона города, установленная путем обследования магнитометрами и пробных бурений, охватывает около 9 квадратных километров. Работы ведутся одновременно в пяти местах, но идут они чрезвычайно медленно, потому что все время приходится откачивать воду, набирающуюся в траншеи. Рабочие и ученые стоят по колено в жидкой грязи, одетые в специальные костюмы из водонепроницаемой ткани. Может быть, дело пойдет несколько быстрее, когда пустят в ход осушающую установку. Это будет целая система труб вокруг одного из участков раскопок. Они войдут в землю на восьмиметровую глубину, и механические насосы на их концах непрерывно будут откачивать воду в установленный вокруг руин сток и выводить за пределы раскопок по отводному каналу. Но и тогда, чтобы полностью раскопать город и узнать его настоящую историю, потребуется, как считают археологи, не меньше двадцати лет.

ИЛОТЫ

Действие рассказа относится ко времени, предшествующему великому восстанию илотов против Спарты (464 год до н. э.).

Забившись в угол, под рогожи, Прокл видел, как вывели из дома отца. Отец не кричал, не сопротивлялся, он шел, наклонив голову, как бык, которого ведут на убой. Конечно, он мог бы дорого отдать свою жизнь, убить двух или трех юнцов, но тогда остальные подожгли бы хижину.

Прокл затрясся в рыданиях. Он знал, что отец больше никогда не вернется, как не возвращались те, кого уводили спартиаты. Тела уведенных находили в роще за деревней или на берегу реки. Их хоронили молча, словно это были какие-нибудь преступники. На похоронах не было никого, кроме родных. Вообще люди в деревне сторонились друг друга и, словно по молчаливому уговору, никогда не вспоминали о тех, кого уже нет.

Так уж повелось, что весной спартиаты приходили в деревню и убивали, кого им вздумается. Впрочем, они никогда не трогали женщин и стариков. И на детей они не обращали никакого внимания. Они выбирали лишь молодых и сильных мужчин, тех, которые могли дать отпор. Для юных спартиатов это была игра. Целыми сутками они лежали на огородах, в стогах сена. Как волчата, притаившись, они высматривали добычу. Ночью они подкрадывались к хижине жертвы, убивали ее на месте или уводили с собой. Эта игра называлась криптией. Она была началом священной войны, которую Спарта ежегодно объявляла илотам.

Давно уже Прокл задумывался над тем, почему спартиаты нападают на сельчан и убивают их. Но никто не смог или не хотел ответить на мучившие мальчика вопросы. «Так уж повелось, — говорили обычно старики. — Спартиаты всегда убивали, кого им вздумается».

Даже мыслить об иной жизни считалось преступлением. Отец рассказывал, что однажды спартиаты предложили всем, кто желает получить свободу, внести небольшой выкуп — три овцы. Нашлось немало пожелавших освободиться. Спартиаты собрали у них овец, надели выкупившимся в знак освобождения на головы венки и увели с собой. Несколько дней спустя их видели в храмах. Потом их никто не видел и никто не мог объяснить, как они погибли.

В прошлом году Проклу удалось побывать в городе, где жили спартиаты. Он назывался Спартой. Дома, в которых жили спартиаты, были не намного лучше, чем хижина Прокла. Но Спарта многим отличалась от его родной деревни. В ней не было ни одного фруктового дерева, ни одного возделанного клочка земли. Во всяком случае, Проклу они не встречались.

Да и зачем спартиатам возделывать землю, ухаживать за яблонями и грушами, если им принесут все готовое. У большого дуба, в самом центре Спарты, где дома крыты черепицей, а не соломой, стоял длинный деревянный стол. Здесь под открытым небом обедали мужчины и юноши. Коротко подстриженные, в одинаковых высоко подпоясанных плащах они ели свою неизменную черную похлебку и пили разбавленное вино. Здесь они пели воинственные гимны и обсуждали, на кого им напасть или какую дань взять с илотов. Илотами они называли жителей окрестных деревень. Маленький Прокл тоже был илотом. Илотами были его отец и дед. И каждый, кто рожден в селениях на берегу говорливого Эврота и кто не был спартиатом, назывался илотом.

Более всего Прокла поразило, что в Спарте народу не больше, чем в трех-четырех деревнях. А по пути в Спарту он прошел через семь деревень. Но были и еще деревни, где жили илоты. Илотов было раз в десять больше, чем спартиатов. Наверное, поэтому спартиаты и убивали молодых и сильных илотов.

Со смертью отца Прокл стал старшим в семье, хотя ему не было и четырнадцати лет. Теперь ему приходилось не только выгонять овец на луг, но и пахать землю, молотить зерно и выполнять другие мужские работы. Правда, у отца были братья, которые могли бы помочь, но у них были свои семьи, свои заботы. И самое главное, жители деревни, даже близкие родственники, боялись помогать друг другу.

В тот памятный для Прокла, да и для всей деревни день он косил траву. Было знойно, и мальчик, утомившись, лег отдохнуть. Его внимание привлек ровный стук, напоминающий удары дятла по стволу дерева. Стук доносился со стороны дороги. По дороге шел высокий седой человек с каким-то непонятным предметом на боку. В правой руке странника был посох, и он, выставив его, стучал по земле, словно ощупывая дорогу. Прокл догадался, что это слепец.

В деревне было не принято подходить к чужому человеку. Но Прокл подумал, что незнакомец не знает дороги и, наверное, заблудится, если ему не помочь.

Прокл пошел навстречу слепцу. Теперь, когда тот был почти рядом, Прокл увидел, что это старик с длинной седой бородой чуть ли не до пояса, а предмет, висевший на боку у старца, оказался кифарой.

Старик услышал, что к нему кто-то идет, и отпрянул в сторону. Он чего-то испугался.

— Это я, Прокл, — тихо сказал мальчик. — Хочешь, я доведу тебя до деревни?

— Подойди ко мне ближе, — попросил старик.

Он положил руку на плечо мальчика и быстрым привычным движением провел пальцами по его лицу.

— Я вижу, ты добрый мальчик, — произнес старик после недолгой паузы. — Ты не похож на тех, кто бросал в меня камни. Ты видишь, как изранены мои ноги?

Прокл взглянул на ноги старца. Они были в ссадинах и крови.

— Ты, наверно, илот? — спросил старик, когда они подошли к самому дому.

— В нашей деревне все илоты, — ответил мальчик.

Посадив гостя на пороге хижины, Прокл сбегал за глиняной миской с водою и поставил ее возле его ног. Старик погрузил ноги в воду, и на его суровом утомленном лице появилось выражение удовлетворенности и спокойствия. Он понял, что здесь его не обидят и в эту ночь у него будет кров над головой.

Введя старика в дом, Прокл предложил ему лепешку с куском овечьего сыра.

— Прости, что мне больше нечем тебя угостить, — сказал мальчик. — С тех пор как спартиаты убили моего отца, жить нам стало трудно.

Старик снял с себя кифару и, усевшись удобнее, взял из рук мальчика еду.

— Дорог не обед, а привет! — молвил старец и улыбнулся. Насытившись, слепец обратился к мальчику.

— Я беден, у меня нет даже такой хижины, и единственное мое богатство — кифара и песни. Ими я хочу отплатить тебе за доброту.

Старик положил кифару себе на колени и тихо провел по струнам рукой. У певца был красивый сильный голос.

Прокл никогда не слышал песен. Не слышали их и другие жители деревни. Петь могли только спартиаты. Песни, которые они пели на пирах, прославляли силу и жестокость. С воинственными песнями они шли в бой.

Размеренная речь заворожила мальчика. Прокл сидел не шелохнувшись, с широко раскрытыми глазами и ловил каждый звук. Он не заметил даже, как хижина наполнилась людьми. Те, кому не хватило места в хижине, стояли у дверей. А старик все пел и пел. Люди слушали, и по щекам у многих текли слезы. Они плакали не потому, что была грустна песня — старик пел о схватках, приносящих победу, о веселых пирах, о прекрасных женщинах, перед красотою которых не могли устоять даже боги. Люди плакали потому, что их жизнь была так не похожа на жизнь героев песни. Они вспоминали погибших и впервые подумали, что их можно было бы спасти, если взять в руки мечи.

А старик все пел и пел. Он пел о златообильных Микенах и об их могущественном царе Агамемноне, осаждавшем крепкостенную Трою. Он пел о приключениях властителя Итаки Одиссея, о сыне его Телемахе, посетившем песчаный Пилос.

И ни слова в его песне не было про Спарту. Словно во время рождения песни не было ни спартиатов, ни илотов.

Старик кончил. Долго царило молчание. Наконец кто-то спросил старца:

— Где находился город Микены? Где был Пилос и другие города твоей песни? Или это все выдумка?

— Боги лишили меня света, — отвечал старец, — но настоящие слепцы — это вы. Разве вы не видели на полях огромные отесанные камни? Разве вам не приходилось выкапывать из земли раскрашенные черепки?

Илоты кивали головами:

— Да, мы видели огромные камни, отесанные циклопами. Их не поднять и десятерым. Да, мы находили яркие черепки, заржавленные мечи и кинжалы. Мы ломали и бросали их в Эврот. Мы знали, что спартиаты убьют каждого, у кого найдут оружие.

— Слепцы вы, слепцы! — сказал старый певец сокрушенно. — Эти камни — остатки древних городов. Близ Эврота находился город Амиклы, ближе к морю — Микены, Тиринф. Эти камни обтесывали не циклопы, а ваши предки. И мечами владели ваши предки. И Трою осаждали они. Вы живете в стране своих предков. Ваша земля была матерью героев. Однажды к вам вторглись воинственные дорийцы. Они захватили и разграбили города. Многих они перебили и продали в рабство, а оставшихся в живых поселили на берегу Эврота, заставив платить дань.

— Так ты пел песню о наших предках? — взволнованно спросил Прокл.

— Да, мой мальчик! — ответил старик.

Прокл не спал всю ночь. Он думал об отце, погибшем так же, как погибали другие. Жаль, что отец не слышал песни старца. Он не пошел бы на смерть безропотно, как овца. И другие, если бы они раньше слышали песню, пришли бы отцу на помощь. Они не дали бы его убить.

Было еще темно, когда поднялся старец. Лишенный света, он не знал, длится ли еще ночь или уже наступил день. Тихо он вышел из хижины. Палка застучала по земле.

И тут Прокл понял, что он не может больше оставаться в этих стенах. Он не может работать, чтобы другие пользовались его трудом. Он не может ждать, пока он вырастет и спартиаты убьют его, как убили отца. Жаль мать и сестер, но он должен их покинуть. Его зовет песня, пробудившая его к жизни.

Где-то там за рекой, недалеко от места, где стоял песчаный Пилос, столица мудрого Нестора, есть высокая гора. Ее имя Итома. Старик сказал, что на эту гору бегут все, кто не может вынести издевательств и насилий спартиатов. Прокл отыщет эту гору. У него зоркие глаза и сильные ноги. А потом он при-

ведет на Итому мать и сестер. Он укажет туда дорогу всем илотам.

Долго длилась ночь. Но уже забрезжил свет. Старик и мальчик шли рядом. Песня звала их вперед.

ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

Историю греко-персидских войн греки пересказывали, как сказку. Даже современники и участники событий с трудом верили, что им, растерянным и разобщенным, удалось победить великого царя. Это казалось чудом, и рассказывали об этом, как о чуде, с преувеличениями.

Велика была ненависть Дария к грекам. Как это они осмеливаются не повиноваться ему — «царю царей», «повелителю четырех стран света», государю, владения которого раскинулись от Индии до пустыни Сахары и от Нильских порогов до Понта Эвксинского (как называли в древности Черное море)! Рассказывали, что Дарий повелел своему слуге ежедневно во время обеда трижды восклицать:

— Владыка, не забудь о греках!

Два года спустя после того, как посланный царем в Грецию персидский флот во главе с Мордонием был разбит бурей у мыса Афон, в 490 году до н. э., персы начали свой второй поход.

Большой флот двинулся прямо через Эгейское море по направлению к Греции. Как утверждали греческие историки, у персов было пятьсот кораблей, на которые погрузили двести тысяч пеших воинов и десять тысяч всадников вместе с лошадьми. Командовали войском испытанный полководец Датис и племянник царя Дария Артаферн.

Была уже осень, когда персы, расправившись с жителями соседнего с Аттикой острова Эвбеи, переправились через узкий пролив, отделявший Эвбею от Аттики, и высадились на Марафонской равнине. Как всегда, на берег вытащили корабли, чтобы в случае шторма их не унесло в открытое море.

Известие о высадке врага быстро достигло Афин. Народ тотчас же собрался на рыночной площади — агоре. Народное собрание было бурным. Раздавались голоса, призывавшие не начинать безнадежную войну: пока не поздно, надо сдаться персам. Однако больше было таких, которые готовы были биться с врагом.

Народ решил сопротивляться.

Во главе войска встали недавно избранные полководцы (стратеги). Их было десять. Всех свободных афинян призвали к оружию. Опасность была настолько велика и страх перед варварами так велик, что правители Афин решились на крайнюю меру — освободили всех рабов, которые согласны были сражаться с персами. Им обещали свободу и гражданские права.

Во все города Греции были посланы гонцы с просьбой о помощи. Скороход Фидиппид сбегал в Спарту и вернулся — за два дня он проделал путь почти в двести километров. Спартанцы велели ему передать афинянам, что пришлют своих воинов, но не ранее, чем наступит полнолуние. Древний религиозный закон, говорили они, запрещает выступать в поход, пока луна убывает. В действительности, были другие причины не торопиться. Спарте выгоднее было оттянуть выступление, посмотреть, как пойдут дела у афинян.

Не пожелали прийти на помощь Афинам и другие греческие государства. Только соседний небольшой городок Платеи (в Беотии) ответил, что его воины будут сражаться в битве в одном строю с афинскими гоплитами.

В это время пришло известие: персы высадились у Марафона. Снова зашумело народное собрание. Яростно спорили: выступать ли навстречу врагу или обороняться за стенами города. Второму плану решительно воспротивился стратег Мильтиад.

Это был знатный афинянин. Когда-то его предки бежали из Афин от тирана Писистрата, и свою молодость Мильтиад провел в далеком Херсонесе, на границе персидских владений.

Хорошо знавший как сильные, так и слабые стороны персидского войска, Мильтиад был убежден, что с персами можно бороться и в конечном счете добиться победы. Но для этого не следует ждать, пока враги подойдут к стенам города, а немедленно идти на них и преградить им путь к Афинам.

Утром воины стали собираться у городских ворот. Прозвучали молитвы, были принесены жертвы богам. Архонт напомнил воинам о клятве, которую они принесли богам в том, что будут храбро сражаться и не покинут в бою своих товарищей. Говорил архонт о родине, которую им предстояло защищать.

Зазвучали флейты. Поход начался.

Дорога на Марафон шла вдоль западного склона гор, огибала подошву богатой мрамором горы Пентеликона и выходила к морю. Дальше путь резко поворачивал к северу и до самой Марафонской долины шел по берегу моря.

Афинское войско растянулось длинной колонной. Вперемешку с отрядами двигались запряженные быками телеги. На них везли необходимую в походе поклажу, разную снедь. Многие из тяжеловооруженных воинов клали на повозки оружие, чтобы идти налегке — надо было беречь силы перед сражением.

Солнце нещадно палило с безоблачного неба. Сухая трава шуршала и ломалась под ногами. От раскаленных скал дышало жаром. Тысячи ног поднимали клубы пыли — она садилась на телеги, на быков, на людей и их одежду. Но афинянам

это было привычно: они шли бодро, да и путь до Марафона был недалекий.

Вскоре афинское войско достигло цели: перед ним лежала Марафонская долина. С трех сторон ее замыкали горы. На горных склонах кое-где росли редкие деревья, встречались и рощицы, а на западной вершине синел лес. Виднелись немногочисленные хижины, окруженные виноградниками, слышалось блеяние овец. Иногда доносились голоса людей.

В северо-восточном углу долины росла зеленая осока — она обрамляла большое болото. За болотом — берег моря. На берегу лежали вытащенные на сушу корабли персов. Был виден и вражеский лагерь.

Персидское войско, как потом говорили, раз в десять превышало греческое. При виде такого огромного числа врагов среди афинян начались колебания: не лучше ли уйти отсюда, вернуться назад и укрыться за стенами города.

На совете военачальников за такое решение высказались пять стратегов из десяти. Столько же стратегов придерживалось другого мнения. Среди них был и Мильтиад. Голоса разделились поровну, и решающим стал голос Каллимаха — в этот день была его очередь командования. Мильтиад обратился к нему:

— От тебя, Каллимах, зависит гибель или победа и вечная слава нашего города. Если мы не начнем битву первыми, наступит перелом в настроении граждан. Если же мы нападем, воодушевление воинов заменит недостаток численности и боги даруют нам победу!

Речь Мильтиада убедила Каллимаха, и он высказался против отступления. С этого дня стратеги, командовавшие обычно по очереди по одному дню, стали уступать свою очередь Мильтиаду, и он фактически превратился в главнокомандующего греческим войском.

Персы были настолько уверены в своих силах, что решили наступать силами одной пехоты, без всадников.

Наблюдатели в афинском лагере заметили движение в стане врага. Раздался сигнал тревоги. Гоплиты поспешно становились в боевые ряды. Воины строились на склонах гор.

Как всегда, греческий строй — фаланга — состоял из нескольких рядов. В первом находились самые сильные и храбрые воины, за ними остальные. Обычно восемь рядов вооруженных воинов создавали достаточно прочную стену, сквозь которую врагу было трудно пробиться. Чтобы многочисленный противник не мог обойти греческую фалангу с боков, а затем ударить с тыла, Мильтиаду пришлось сильно растянуть боевые линии. Но греков было слишком мало, чтобы можно было построить их в несколько плотных рядов по всей линии.

На флангах гоплиты стояли в восемь рядов, а в центре всего в три, а то и в два ряда. Это ослабляло центр войска.

При нападении врагов возникала опасность, что его прорвут и это приведет к общему поражению. Опасность усиливалась еще тем, что у персов в центре стояли самые отборные воины.

Персы медленно приближались. Они подошли к небольшой речке, лежавшей на их пути, и стали переходить на противоположный берег. Передние ряды уже перешли. Враги были всего в восьми стадиях (около полутора километров) от лагеря греков.

Вскоре стали различимы странные одежды варваров, их оружие, даже лица. И тогда Мильтиад дал сигнал. Сомкнутые ряды греческой фаланги медленно, постепенно ускоряя шаг, плечом к плечу, щит к щиту, выставив вперед копья, двинулись вперед. От топота тысяч ног загудела земля. Звуки флейт задавали ритм, и все воины шагали равномерно, в ногу. Казалось, железная волна медленно сползала в долину.

Все ближе и ближе сходились враги. Уже персидские лучники стали натягивать тетивы своих луков, готовясь осыпать греков тысячами смертоносных стрел. Это была обычная тактика персов: выпустить по врагу тучу стрел, расстроить его ряды и затем обрушиться на него всеми своими силами.

Снова раздался сигнал. Греки, не разрывая рядов, с грозным криком: «Алала́! Элалеу́!» — стремительно ринулись на врагов. Они бежали с такой быстротой, что персидские стрелы почти не успевали причинить им вреда. Персы никак не думали, что в десять раз меньшее войско осмелится ударить первым. Завязалась рукопашная схватка.

Теперь персидские лучники были уже не страшны. В рукопашном бою греки могли использовать преимущества своего вооружения, свой боевой опыт, привычку сражаться в тесно сомкнутом строю.

Копья и мечи греческих воинов поражали ошеломленных персов, которым пришлось отражать бегущих на них с горы врагов.

Но случилось то, чего опасался Мильтиад. Растянутый, слабый центр греческой фаланги не устоял под натиском многочисленного противника и стал подаваться назад. В нескольких местах персам даже удалось прорвать ряды греческих воинов.

Но фланги афинян держались стойко.

В результате греческие линии стали постепенно изгибаться: центр подавался вглубь, а фланги оставались на своих местах. Построение греков стало напоминать собою серп.

Но скоро временный успех врага обернулся для него бедой: прорвавшиеся персы оказались зажатыми с двух сторон. Еще немного — и грекам удалось зайти в тыл врага, окружить его. Афинские воины поражали персов, скучившихся, не имеющих свободы маневра. Прошло еще немного времени — и персы

дрогнули, потеснились и, наконец, побежали. Греки преследовали бегущих.

Множество беглецов было загнано в болото, находившееся в северо-восточной части долины. Они вязли в болотной топи, их кололи копьями, рубили мечами, топили, придавливая тяжелыми щитами.

Уцелевшие от побоища персы достигли берега моря. Они старались столкнуть с прибрежного песка свои корабли. На берегу завязались ожесточенные схватки. Грекам удалось захватить несколько кораблей. Остальные были спущены на воду и отплыли.

В битве у кораблей многие афиняне показали себя героями. Так, один воин схватился за борт вражеского корабля рукой, а когда ее отрубили мечом, успел ухватиться другой рукой, вскочил на судно и убил врага. Это был Кинегир, брат великого драматурга Эсхила.

Персидским полководцам так и не пришлось пустить в дело свою главную ударную силу — кавалерию. В рукопашной схватке конница была бессильна. К тому же многие всадники так и остались вместе с лошадьми на кораблях, разгружать которые было поздно.

Афиняне нанесли персам серьезный удар. Миф о непобедимости персов был рассеян.

* * *

Персы не забыли о своем поражении. Прошло десять лет после Марафонской битвы, и новый персидский царь Ксеркс вел войско и флот на Грецию.

Войско было такое огромное, что подсчитать его поголовно было немыслимо. Сделали так: выстроили в поле десять тысяч воинов бок к боку, плечо к плечу и очертили по земле чертой. По черте построили кирпичную стену по пояс человеку. Этот загон стали заполнять воинами снова и снова, всякий раз до отказа. Так пришлось сделать 170 раз: у Ксеркса оказалось миллион семьсот тысяч человек одной пехоты. А вместе с конницей, с моряками, с носильщиками, с обозом — греки любили точные цифры — было будто бы пять миллионов двести восемьдесят три тысячи двести двадцать человек.

Между Азией и Европой был пролив Геллеспонт, ширина его в самом узком месте — верста с третью. Здесь навели для войска два моста: от берега до берега протянули канаты, на них положили брусья, скрепили поперечинами, засыпали землей. Налетел ветер, поднялась буря и разнесла мосты. Ксеркс пришел в ярость. Он приказал высечь море. На середину пролива выплыли в лодке царские палачи и триста раз ударили по воде плетьми. Строителям отрубили головы, а мосты навели новые.

Отряд за отрядом, народ за народом шло царское войско, Шли персы и мидяне в войлочных шапках, в пестрых рубахах, в чешуйчатых панцирях, с плетеными щитами, короткими копьями и большими луками. Шли ассирийцы в шлемах из медной проволоки, с дубинами, обитыми гвоздями. Шли ликийцы в шапках, украшенных перьями, и с длинными железными косами в руках. Шли халибы, у которых вместо копий рогатины, на шлемах — бычьи уши и медные рога, а на голенях — красные лоскуты. Шли эфиопы, накинув барсовы и львиные шкуры; перед сражением они окрашивали половину тела гипсом, а половину суриком. Шли пафлагонцы в лыковых шлемах, шли каспии в тюленьих кожах, шли парфяне, согды, марионы, мариандины и алародии. Плыли трехпалубные триеры, приведенные финикийцами, киликийцами, египтянами, киприотами и греками из малоазиатских городов.

Войско двигалось вдоль моря тремя дорогами. Небольшие реки были выпиты воинами до капли. Одного озера едва хватило, чтобы напоить вьючный скот, а окружность этого озера была пять верст. Когда становились лагерем, то от края до края лагеря был день пешего пути.

Ксеркс шел на Грецию с севера. Природа поставила перед ним три преграды: как бы вал, стену и ров. Вал — это Пиерийские горы, за ними лежала Северная Греция. Стена — это Этейские горы, за ними лежала Средняя Греция, в ней Дельфы, в ней Фивы, в ней Афины. В стене — единственная калитка: Фермопилы, проход меж горами и морем в шестьдесят шагов ширины. Ров с водой — это длинный узкий Коринфский залив, за которым лежал четырехпалый полуостров Пелопоннес, а на нем Коринф, Олимпия, Спарта. Через ров — единственный мост: Коринфский перешеек шириною в пять верст от моря до моря.

Казалось, что спорить не о чем: надо оборонять сперва вал, потом стену, потом ров. Но греки спорили. Вала не хотел оборонять никто: Северную Грецию отдавали врагу без боя. Стену и калитку в стене — Фермопилы — призывали защищать афиняне: стена эта защищала их собственную землю. А спартанцы не желали тратить на это силы: они хотели сразу отойти за ров и принять бой на перешейке, на пороге своей родины.

Вовсе отказаться от битвы в Фермопилах спартанцы не могли. Но победить в ней они не хотели. Они выслали туда ничтожный отряд: триста человек во главе с царем Леонидом. Когда эти триста человек выступили из Спарты, дрогнуло сердце даже у спартанских старейшин. Они сказали Леониду: «Возьми хотя бы тысячу». Леонид ответил: «Чтобы победить — и тысячи мало, чтобы умереть — довольно и трехсот».

Ксеркс прислал в Фермопилы гонца с двумя словами: «Сложи оружие». Леонид ответил тоже двумя словами: «Приди,

возьми». Гонец сказал: «Безумец, наши стрелы закроют солнце». Леонид ответил: «Тем лучше, мы будем сражаться в тени».

Кто воевал, знает, что самый страшный бой на войне — рукопашный. В древности все бои были рукопашные. Сойтись на длину копья, на длину меча, ударить мечом, отбить щитом, сделать выпад, уклониться, рассечь панцирь, ранить, убить, добить — таков был бой. Он был бешен и кровав.

Персы привыкли биться конными, греки — пешими. У персов копья были короче, у греков — длиннее. Персы нападали врассыпную, греки принимали удар сомкнутым строем. Строй был священен: покинуть место в строю, чтобы броситься на врага или от врага, было одинаковым преступлением. Это была железная стена сдвинутых щитов и щетинящихся копий, и об нее разбивался и откатывался каждый натиск персов. Воины уставали, но Леонид быстро отводил усталых назад, отдохнувших вперед, и бой продолжался. Груды трупов громоздились в ущелье.

Бились два дня. В ночь перед третьим перебежчики донесли, что царское войско нашло обходную тропу и идет грекам в тыл. Человека, который показал персам этот путь, звали Эфиальт; кто он был и почему пошел на это черное дело, так и осталось неизвестным. Еще было время отступить. Со спартанцами было три с половиной тысячи союзников из других городов. Леонид их отпустил, чтобы ни с кем не делить славную гибель. Персы ударили с двух сторон. Спартанцы приняли бой и погибли все до предпоследнего. Последний уцелел: он лежал больной в ближней деревне и не участвовал в бою. Он вернулся в Спарту — его заклеймили позором, с ним не разговаривали, ему не давали ни воды, ни огня. Он погиб в следующем году при Платее и сам искал смерти.

Имя царя «Леонид» значит «львенок». На том холме, где пали триста спартанцев, греки поставили каменного льва и высекли знаменитую надпись:

Путник, весть отнеси всем гражданам воинской Спарты:
Их исполняя приказ, здесь мы в могилу легли.

Персы заняли Среднюю Грецию. Дельфийские жрецы их приветствовали, фиванские старшины открыли им ворота. Спартанцы достраивали стену на Коринфском перешейке и не хотели выходить ни на шаг. Афины оставались беззащитны. Взрослые мужчины перешли на остров Саламин в Аттическом заливе; женщин и детей перевезли через залив в пелопоннесский город Трезен. Там их приняли по-братски, женщинам назначили пособие на прокорм, детям позволили рвать плоды где угодно, а чтобы время не пропадало зря, для детей наняли учителя.

Греческий флот стоял у северного берега Саламина, лицом к Аттике. Здесь было четыреста кораблей из двадцати горо-

дов, половина из них — афинские. Двадцать военачальников держали совет на Саламине в палатке главного — спартанца Эврибиада. Где принимать бой? Один за другим вожди говорили: надо плыть к Коринфскому перешейку и сражаться там. Против был лишь начальник афинян — Фемистокл. Он понимал, что если отступить, то каждый город уведет свои корабли к себе и персы разобьют их поодиночке.

Фемистокла не слушали. «Ты — человек без родины, поэтому молчи!» — сказал ему сосед и показал через пролив — туда, где из-за холмов клубами вставал дым над горящими Афинами. «У меня есть родина, и она — вот!» — отвечал Фемистокл и показал на пролив — туда, где борт к борту стояли двести афинских триер. «Если вы покинете Саламин, — мы покинем вас и всем народом отплывем в заморские земли!» Лишаться афинского флота было нельзя — мнение одного перевесило мнение многих.

Фемистокл понимал: решимости хватит ненадолго. Ночью он послал в лагерь персов своего раба. Часовые отвели его к царю. Раб сказал: «Царь, меня прислал афинянин Фемистокл, желающий тебе победы. Греки хотят бежать: отрежь им выход, окружи их и разбей. Они враждуют друг с другом и не устоят против вас». Царь выслушал и поверил. Той же ночью персидский флот занял оба выхода из залива, где стояли греки: и западный пролив, и восточный. Теперь греки должны были принять бой — не охотой, так неволей.

Царь поставил свой трон на высоком берегу Аттики над восточным Саламинским проливом. У подножия трона сидели писцы, готовые записывать для потомства все подробности будущей победы. Как на ладони, они видели плотный строй персидских кораблей, вдвигающийся в узкий водяной коридор, и видели длинный ряд греческих кораблей, ожидающих их на выходе, — бортами друг к другу, окованными носами к врагу. Наступающим нужно было проскользнуть далеко вперед, развернуться и встать лицом к греческому строю. Это было трудно: места было мало и времени еще меньше.

И вот, когда головные корабли персов уже развернулись, средние еще плыли вперед, а задние теснились в проливе, со стороны греков грянула труба, вспенилось море под веслами, и вся цепь их медноносых судов двинулась вперед, разбегаясь с каждым взмахом гребцов. Царский флот принял удар. Все смешалось в проливе: треск бортов, скрип весел, крик бойцов, лязг оружия, стоны раненых взлетели над битвой к золотому Ксерксову трону. Суда сцеплялись крючьями, проламывались под таранами, бились о берега, рассыпались обломками, тонули. Люди, убитые, раненые, живые, громоздились на бортах, скользили, падали в море и захлебывались в кровавой воде, а над их головами с треском сшибались новые и новые корабли.

Бились так: корабль проходил борт о борт мимо вражеского корабля, в щепы ломая его торчащие весла, а потом разворачивался и тараном, носом в бок, прошибал и топил беспомощного, безвесельного врага. Нужно было суметь ударить во вражеский борт, не подставив врагу собственного борта. Корабли у персов были не хуже, чем у греков, и финикияне были моряки не хуже, чем афиняне. Но за греческими кораблями было больше простора для поворота, а за персидскими было тесно от новых и новых судов, подходивших из пролива и рвавшихся отличиться перед царем. Больше царских кораблей погибло друг от друга, чем от греческих.

Близился вечер. Остатки персидского флота собирались в афинской гавани. Их не преследовали: греки еще не верили собственной победе. Ночь они провели на Саламине, огородив лагерь обломками кораблей: ждали нападения. Наутро стали собирать добычу — персидское золото, корабельную утварь, богатую одежду с трупов — все, что море выбрасывало на берег. Десятую долю послали в Дельфы: этого хватило, чтобы отлить статую Аполлона в двенадцать локтей вышины, с корабельным носом в руке. А на следующий день пришла весть: персидские корабли оставили Афины.

Но до полной победы было еще далеко. Нужен был еще год, чтобы разбитые при Платее персы оставили Грецию, и еще тридцать лет, чтобы после лихорадочной, то бурно вспыхивающей, то надолго замирающей войны заключить обессиленный мир, как бы вничью, и еще полтораста лет, чтобы Александр Македонский нанес Персии ответный удар и разорением персидской столицы расчелся за разорение Афин. Но начало этому пути уже было положено.

СОКРОВИЩА ПАРФЕНОНА

В жестокой борьбе был разгромлен сильный и опасный враг — Персия. Первое место среди эллинских городов-государств заняли окруженные ореолом победы Афины. На какой-то период им удалось оттеснить на второй план Спарту. В их распоряжении находилась казна союзных городов.

Перикл, «первый среди афинских граждан», имя которого неразрывно связано с эпохой расцвета афинской демократии, не жалел ни сил, ни средств для возвеличения родного города. У него возникла великолепная идея: восстановить разгромленную персами крепость Афин — Акрополь.

Перикл понимал: в глазах всей Греции восставшие из руин храмы станут памятником общеэллинской победы. Он хотел привлечь на свою сторону ремесленников города, предоставив им работу.

Древнегреческий историк Плутарх писал: «У государства были лес, камень, медь, слоновая кость, золото, черное дерево

и кипарис; у него были ремесленники для обработки всего этого: плотники, гончары, медники, каменщики, красильщики, золотых дел мастера и резчики слоновой кости, художники, вышивальщики, чеканщики».

У него были поистине гениальные архитекторы: Иктин, Калликрат, Мнесикл. И, может быть, самый великий скульптор того времени — Фидий.

Мы не знаем, когда и при каких обстоятельствах познакомились Перикл и Фидий. Но в том, что они были знакомы, разумеется, ничего удивительного нет. И когда Перикл приступил к осуществлению своих планов, то руководство строительством он поручил Фидию, отдавая, видимо, дань его талантам и опыту. Фидий же должен был изваять и статую Афины-Девы, покровительницы города, для возводимого на Акрополе Парфенона, главного храма Афин.

Фидий, засвидетельствовал Плутарх, руководил всем. И от него получали наставления все, хотя были среди строителей и великие архитекторы, и превосходные художники.

Плутарх же рассказывал и о тех яростных спорах, которые вызвало строительство. Против планов Перикла выступили его политические противники, накал страстей был велик. Перикла, в частности, упрекали в том, что он злоупотребляет союзной казной, что на те деньги, которые союзники Афин были обязаны вносить на военные нужды, он, «как тщеславная женщина, золотит и украшает свой город».

...Дорого сердцу каждого афинянина было имя Афины — охранительницы города, могучей воительницы, богини мудрости и знания, богини, которая, как рассказывали, в полном вооружении, в блестящем шлеме, с копьем и щитом появилась на свет прямо из головы Зевса-Громовержца.

В Акрополе все напоминало об Афине. Это для нее был сооружен великолепный Парфенон, расположенный на самом высоком месте Акропольской скалы; это ей и Посейдону, богу морей, был посвящен и восхитительный в своей асимметричности храм Эрехтейон с его знаменитым портиком Кариатид; это ее статуя — Афины-Воительницы — возвышалась на высоком пьедестале, лицом к Пропилеям.

...Раз в четыре года, так повелось с древнейших времен, торжественная процессия во главе с наиболее знатными и доблестными гражданами города подносила своей богине тканое, украшенное вышивками, священное покрывало — пеплос, на котором были изображены сцены борьбы богов с гигантами.

В процессии участвовали все. Шли в белых развевающихся просторных одеждах стройные девушки с сосудами для жертвенных возлияний; шли бородатые жрецы и юные служаки; ехали запряженные четверками колесницы; шли почтенные старцы с символами мира — оливковыми ветками; шли

флейтисты и погонщики круторогих жертвенных быков; ехали, сдерживая нетерпеливых норовистых коней, всадники.

Процессия начинала свой путь из Керамика, предместья Афин, населенного ремесленниками, в первую очередь горшечниками, и двигалась по городу таким образом, что на протяжении всего пути к Акрополю ее участники видели возвышающуюся над Афинами скалу. А на ней на фоне синего южного неба отчетливо вырисовывался беломраморный прямоугольник — шестьдесят девять метров в длину, тридцать один в ширину, окруженный многочисленными колоннами и увенчанный кровлей из беломраморной черепицы, сверкавший на солнце великолепный храм Афины-Девы, гордость всей Аттики — Парфенон! Удивительная соразмерность была в этом храме, сдержанная мощь, величавость.

И сейчас незабываемое впечатление производит Парфенон. Пусть упали многие его колонны, разрушена чуть не вся средняя часть храма — стройность и гармоничность его линий безупречны.

В Парфеноне, который кажется таким стройным, нет ни одной прямой линии, ни строго горизонтальной, ни строго вертикальной — все чуть-чуть незаметно для глаза изогнуто, с учетом особенностей нашего зрения, и именно это дает эффект «идеально правильных» линий. И колонны храма, его великолепные колонны, потому и кажутся одинаковыми, что совсем не одинаковы — угловые колонны, те, что видны на фоне неба, чуть массивнее тех, которые видны на фоне стены, и пролеты увеличиваются к центру. И стоят колонны не прямо, они чуть-чуть наклонены внутрь. И ступени храма чуть выпуклые, и карнизы чуть выгнутые, чуть наклоненные. Сделано все это согласно точнейшим расчетам: диву даешься, как тонко учтены и законы оптики, и законы зрительного восприятия.

Но об этом ли думаешь, когда стоишь перед Парфеноном? Нет! О величии истинного искусства. О том, как редки истинные шедевры и как они нужны людям.

Возводили Парфенон Иктин и Калликрат. Но самое непосредственное участие в создании великого храма принимал и Фидий.

Отблески его гения лежат на знаменитом фризе с изображением Панафинейских торжеств, который тянулся по наружной стене центральной части храма. Словно здесь на стене реальная процессия, застывшая на века и в то же время вечно живая. И среди всех этих жрецов, должностных лиц, воинов две группы производят особое впечатление: юноши верхом на быстрых конях и, конечно же, девушки, ткавшие священное покрывало. Совсем еще юные, медленно и торжественно шествуют они, робко, даже чуть боязливо.

Они идут на встречу с богами, и эту встречу Фидий или

мастер, работавший под его руководством, запечатлел на восточном фризе храма над входом.

Боги и люди! Они рядом, между ними нет расстояния! И люди такого же роста, что и боги. Это было вполне в духе времени: философы говорили о том, что человек — мера всех вещей, учили уважать и ценить достоинство человека.

Но боги все-таки оставались богами. Именно потому они сидят или полулежат, а люди стоят.

Впечатляющие сцены были и на фронтонах: на одном — рождение Афины, на другом — спор Посейдона и Афины за обладание Аттикой, завершившийся, как известно, победой Афины.

А снаружи над колоннадой были другие скульптуры. На метопах — мраморных скульптурных композициях, заполняющих интервалы между триглифами, выступающими верхними плитами колонн, — были изображены сцены из легенд, рассказывающих о благосклонном покровительстве богов и о победах греков над варварами, о битвах богов с гигантами, греков с троянцами, одного из греческих племен, лапифов, с кентаврами и греков с амазонками.

Внутри, в святилище, в святая святых храма, находилось, быть может, самое величественное изображение Афины, когда-либо созданное в Древней Греции. Это было одно из лучших творений Фидия — громадная, двенадцатиметровая статуя из золота и слоновой кости. Афина стояла во весь рост, в длинном, до пят, одеянии и хитоне, подчеркивавшем естественность позы, в высоком золотом шлеме, украшенном изображением сфинкса и грифонов, на груди была эгида, своего рода щит из козьей кожи с прикрепленной к нему головой медузы; левой рукой Афина держала копье, а на ладони правой руки была двухметровая статуя Ники — Победы.

Спокойной, торжественной, величавой изобразил Фидий охранительницу города, горделивое олицетворение верховной власти Афин.

Благодаря сохранившимся надписям мы можем буквально по годам проследить за ходом строительства Парфенона. Оно началось в 447—446 годах до н. э., при архонте Тимархиде. В 446—445 годах работы на какое-то время были приостановлены из-за военных действий на Эвбее, в которые оказались втянутыми и афиняне. А в следующем году продолжены вновь. В 443—442 годах было завершено создание нового флота и остатки средств истрачены на дополнительное финансирование работ в Парфеноне. В 442—441 годах все средства ушли на создание статуи богини из золота и слоновой кости. В 441—440 годах была закончена отделка колонн и начаты потолочные и кровельные работы.

Но на этом расходы не закончились. Известно, что в храме шли работы еще в 433—432 годах. Метопы и фриз были

к тому времени уже завершены, однако статуи на западном фронтоне все еще находились в работе.

Фидию, вероятно, не было суждено их увидеть. Случилось так, что против прославленного скульптора выступил один из его помощников, Менон. Суть обвинения заключалась в том, что мастер якобы обворовал Афины, утаив часть того золота, которое было отпущено на сооружение статуи богини.

Ни современники, ни последующие поколения не сомневались: навет был сделан по наущению врагов Перикла.

Согласно Плутарху, при разборе этого дела в народном собрании Фидию нетрудно было отвести клевету. Ведь по совету Перикла он прикрепил к статуе золото так, что его можно было снять и проверить вес. Перикл и предложил это сделать обвинителям.

Сделали они это или нет, Плутарх не говорит. Но он говорит о том, что тут же последовало еще одно обвинение — на сей раз в святотатстве. Утверждали, что на круглом щите у ног Афины, на котором скульптор изобразил битву греков с амазонками, он вычеканил свой собственный портрет — плешивого старца, поднявшего обеими руками камень. И портрет Перикла — воина, державшего перед лицом поднятое копье.

Изображать простых смертных, да еще при жизни, на щите богини и в самом деле не полагалось. К тому же богиня стояла в главном храме Афин. Но кто, собственно, доказал, что и это обвинение было верным? У Плутарха сказано лишь, что Фидий был обвинен, отведен в тюрьму и там умер, то ли от болезни, то ли от яда.

А другой античный автор, Филохор, пишет, что великому скульптору удалось бежать в Элиду. Там он изваял статую Зевса в Олимпии, а когда закончил, был убит жителями Элиды.

Фидий, действительно, был в Олимпии! И даже создал там свое, быть может, самое выдающееся творение — Зевса, ту знаменитую скульптуру, которая считалась в древнем мире одним из семи чудес света. Об этом шедевре пять веков спустя один из писателей древности — Эпиктет сказал: «Идите в Олимпию, великое несчастье умереть, не увидев подобного чуда!»

И судя по некоторым данным, похоже, что статуя Зевса создана после статуи Афины, украшавшей Парфенон. Известно и то, что потомки Фидия пользовались привилегией следить за сохранностью статуи Зевса в Олимпии. Утверждают, что там сохранялся его дом (и действительно, археологическими раскопками последних десятилетий выявлены остатки здания, которое можно считать домом или мастерской великого скульптора, поскольку там обнаружен фрагмент сосуда с надписью, свидетельствующей о принадлежности его Фидию). Как-то не очень это вяжется с версией, будто его убили в Элиде. Тем

более что, наряду с мнением Плутарха и Филохора, уже в древности утверждали, что жители Элиды, с нетерпением ждавшие, пока Фидий завершит работы в Парфеноне, узнав об осуждении скульптора, выкупили его из тюрьмы за огромную сумму — в 40 талантов.

Сменялись века, а Парфенон стоял незыблемо. Около 426 года н. э. была куда-то увезена статуя Афины. В ту пору вышел указ о языческих храмах: их предписывалось разрушать и уничтожать. Парфенон, хотя и лишился своей знаменитой богини, все-таки уцелел, это свидетельствует о том, что и в римские времена замечательный храм властвовал над умами.

МЕЧТА О МИРЕ

С 431 по 404 год до н. э. велась крупнейшая в истории Греции война между Афинской державой и Пелопоннесским союзом, возглавляемым Спартой. В Афинах к 425 году до н. э. обострилось недовольство войной, от которой более всего страдало крестьянство. Выразителем его интересов был выдающийся афинский драматург Аристофан.

Не по-праздничному пусто было в Афинах в январе 425 года до н. э. во время праздника в честь Диониса. Шестой год тянулась опустошительная Пелопоннесская война. Многие из соседних государств, жители которых обычно посещали Афины по праздникам, теперь воевали на стороне врага. Из союзных Афинам государств также мало кто приехал на праздники — пускаться в путешествия не позволяли военные действия.

Огромный театр Диониса, вмещающий 17 тысяч зрителей не полон, но народу в нем все-таки было много. Здесь находилось почти все свободное мужское население города (женщин детей и рабов в театр не пускали).

Театр был расположен под открытым небом у афинской крепости — Акрополя. Места для зрителей уступами спускались к открытой круглой площадке — орхестре. На орхестре выступали актеры и хор, участвовавший во всех спектаклях — и в трагедиях, и в комедиях. За орхестрой маленькое помещение для переодевания актеров — скене. Скене была закрыта от взоров зрителей колоннами, а к ним прислонено несколько досок с намалеванными стенами домов — своего рода декорации.

Представление началось с утра, и зрители уже просмотрели две пьесы — грубоватую, но смешную комедию Кратина и остроумную комедию Эвполида. После окончания третьего, последнего в этот день представления группа из десяти человек, выбранных по жребию по одному от каждой филы, должна была присудить награду. Кто выйдет победителем? Вероятно, один из прославленных авторов — Кратин или Эвполид. Третий автор — Аристофан, пьеса которого была третьей, еще мо-

лод, он даже не решился выступить под собственным именем: пьесы его шли от имени почтенного актера Каллистрата.

Представление началось. Выступив на середину орхестры, глашатай воскликнул: «Каллистрат! Введи свой хор!» На орхестру вышел Каллистрат, а за ним хор из 24 человек. По амфитеатру пробежал легкий шум: на хористах зрители узнали знакомые одежды жителей одного из селений в Аттике — Ахарны. Когда-то ахарняне пользовались большим почетом в Афинах — они доставляли в город уголь, необходимый в зимнее время. Но теперь Ахарна выжжена и опустошена врагом, а обездоленные жители переселились в Афины. Их хорошо знают в городе, когда-то важных и зажиточных, а теперь оборванных и голодных, вечно сетующих на разорительную войну, живущих ненавистью к пелопоннесцам и мечтами о победе. Их и сейчас много в театре. Хор новой пьесы будет изображать ахарнян, и сама пьеса называется «Ахарняне».

Хор прошел через орхестру, и снова она пуста. На пустой площадке в задумчивой позе сидит только один человек, в такой же крестьянской одежде, как и хористы. Это главный герой комедии, старый крестьянин Дикеополь, а площадка, на которой он сидит, изображает площадь афинского народного собрания.

По крестьянской аккуратности Дикеополь пришел очень рано, а горожане еще и не думают собираться: большинство из них еще только встает. Старик недоволен городской жизнью, бранит проклятую войну, пригнавшую его в город. Но вот орхестра наполняется людьми, толкающими друг друга и дерущимися из-за лучших мест. Глашатаи созывают народ на площадь, огороженную веревкой. Собрание начинается.

Дикеополь многого ждет от этого собрания, — может быть, он узнает там, когда, наконец, кончится война. Но нет! Собрание занимается не вопросами мира, а новыми военными союзами. Торжественно выступает посол персидского царя «Царев Глаз». Он принес ответ царя на просьбу афинян помочь им и прислать деньги на войну со Спартой.

Появление на орхестре персидского посла вызывает громкий смех зрителей. «Царев Глаз» в пышном восточном одеянии, на голове у него маска с огромным глазом. Вдобавок он лопочет на каком-то непонятном наречии, из которого с трудом можно разобрать только, что у царя денег для Афин нет. Один из зрителей, старик, в такой же, как у Дикеополя, деревенской одежде, вздыхает. Ему не нравится, что афиняне обращаются за помощью к персам — тем самым персам, с которыми он, старик, когда-то воевал. Но что же делать? Как выйти из войны?

Дикеополь, оказывается, нашел такой выход. Недовольный затянувшейся войной, он решается на неслыханное дело: один, лично от себя, он отправляет посла к врагам Афин и предла-

гает им заключить мир. Спартанцы, оказывается, тоже хотят мира: посол приносит Дикеополю в трех амфорах под видом вина три сорта мира. В одной амфоре мир на пять лет, в другой — на десять, в третьей — долгий, тридцатилетний мир.

Первая амфора не по вкусу Дикеополю — пятилетний мир, по его словам, пахнет смолой: надо готовиться к новой войне, смолить корабли. Вторая тоже недостаточно хороша. Зато третья, в которой долгий, прочный мир, сладостнее всех. Он выбирает ее: пусть остальные афиняне воюют, он, Дикеополь, заключает мир.

На орхестре появляется хор. Ахарняне возмущены предательством Дикеополя. Как смеет он заключать мир с врагом, разрушившим их дома, разорившим виноградники? Они хотят побить его камнями. Но Дикеополь оправдывается. Пусть только его выслушают, и он докажет, что не за что так ненавидеть спартанцев, не они одни повинны в войне.

Тут же начинают возмущаться не только артисты в хоре, но и зрители в амфитеатре.

— Ишь ты! — кричит тот старик, который вздыхал, глядя на персидского посла. — Мириться хочет! А мои виноградники?

Восклицания раздаются с разных мест: возмущаются Дикеополем, возмущаются и дерзким автором пьесы.

— Тише! — говорит зритель поспокойнее. — Дайте ему высказаться.

Но Дикеополь не торопится. Чтобы убедить упорных ахарнян, грозящих ему смертью, а заодно и зрителей, надо как следует приготовиться и приодеться. Он решает пойти к Еврипиду, автору трагедий, занять у него подходящий наряд.

Еврипид был в то время знаменит. Любимыми героями его трагедий («Медея», «Ипполит» и другие) были одинокие люди, гибнущие под ударами судьбы; таким же одиночкой, мрачно смотрящим в будущее, был и сам Еврипид. Аристофан не любил Еврипида: крепко связанный со старым крестьянским бытом Аттики, он возмущался тем, что Еврипид не считается с этим бытом, не уважает его. Уже в первых своих комедиях Аристофан стал осмеивать страдания героев Еврипида, их заумные речи, всевозможные театральные машины, которые использовал Еврипид, чтобы произвести большее впечатление на зрителей.

Дикеополь идет к дому Еврипида. Раб, встречающий его на пороге, на вопрос, где господин, отвечает: «И дома и не дома, — понимай, как знаешь!» Оказывается, Еврипид дома, но слишком занят, чтобы выйти! Но Дикеополь умоляет принять его, и Еврипид, наконец, дает согласие. На орхестру выкатывается платформа на колесах. На ней, задрав ноги кверху, сочиняет свои трагедии Еврипид. Дикеополь умоляет дать ему лохмотья какого-нибудь из своих несчастных героев: ему надо

разжалобить хористов и зрителей, чтобы они его выслушали. «Какого же?» — спрашивает Еврипид. У него все герои несчастные и все в лохмотьях. Дикеополь берет рваный плащ одного героя, нищенскую шапку другого, клюку третьего, дырявую корзину четвертого и до тех пор клянчит и пристает к Еврипиду, пока тот не прогоняет его.

Теперь приготовления окончены. Одетый в лохмотья, готовый к смерти, если ему не удастся убедить слушателей, Дикеополь начинает защитительную речь. Он больше не шутит, он серьезен и красноречив. Он тоже пострадал от спартанцев не меньше, чем остальные, ему не за что их любить. Но ведь здесь все свои, на праздник не приехал никто из чужих. Будем откровенны. Ведь в войне повинны не одни пелопоннесцы. Не афиняне ли начали вражду, запретив торговлю с Мегарами и захватив мегарские товары? Что же было делать мегарцам, как не обратиться за помощью к своим союзникам спартанцам? Если бы кто-нибудь захватил афинские товары, разве афиняне не начали бы воевать? Да разве в Афинах нет людишек, которые рады раздувать войну, так как она приносит им выгоды? Посмотрите на них — раньше у них обола[1] за душой не было, а теперь они получают награды, должности...

— Но их выбрало народное собрание! — кричит с места какой-то хорошо одетый зритель, видимо один из тех, в кого метит Дикеополь.

— Три кукушки выбрали! — отвечает Дикеополь. — Почему всегда выбирают тех, кто похитрее и половчее, а честных людей не выбирают? — Дикеополь вскидывает голову и обращается прямо к амфитеатру:

— Вот ты, например, Марилад, — кричит он старику, который протестовал против мира со Спартой, — ты честный человек, ты защищал родину под Марафоном, а тебя выбирали когда-нибудь в послы или на другую выгодную должность?

— Нет! — отвечает старик с места.

— А тебя, Дракил?

— Нет! — слышится с другой скамьи амфитеатра.

— А тебя, Евфорид? Тебя, Принид?

— Нет! Нет! — разносится по театру.

Зрители волнуются, вскакивают с мест, кое-где начинаются споры и даже потасовки. Комедия задела за живое, заставила вспомнить о многих несправедливостях, которые пришлось вытерпеть не от врага, а от сограждан.

Представление продолжается. Покончив с войной, Дикеополь начинает пользоваться плодами мира. К нему, единственному афинянину, который не воюет, приходят с товарами жители пелопоннесских городов. Вот они, эти «враги», «чужеземцы» —

---

[1] *Обол* -- мелкая греческая монета.

такие же измученные войной, такие же изголодавшиеся, как и афиняне!

Вот мегарец — ему нужны афинская соль, чеснок и смоквы, но в обмен предложить ему нечего; он решает продать Дикеополю под видом поросят своих дочерей. Они тоже мечтают о сытной еде, о теплом крове и при виде смокв, маслин и других вкусных вещей принимаются изо всех сил хрюкать.

Вот беотиец. Он принес любимое лакомство афинян — маринованного угря. Взамен он требует то, чего «нет в Беотии, а есть в Афинах». Что могут предложить беотийцу обедневшие Афины? Дикеополь догадывается: он предлагает доносчика, всюду вынюхивающего измену, — этого добра в Афинах довольно, и от него не жалко избавиться! Беотиец согласен на обмен.

— На что он тебе? — недоумевает один из участников хора.

— Пригодится! — говорит запасливый беотиец.— Посажу в клетку взамен обезьяны.

Амфитеатр гремит. Афиняне забыли, что они только что возмущались Дикеополем и автором пьесы, забыли свои повседневные заботы и огорчения. Сейчас они поглощены той чудесной сказкой о мире, которую показал им Аристофан, мечтой о прекрасном времени, когда кончится, наконец, война.

А Дикеополь торжествует. Сытый и беззаботный, он идет к друзьям на веселую пирушку и смеется над горе-воякой, полководцем Ламахом, отправившимся на войну и свалившимся по дороге в канаву. Веселой песней Дикеополя и печальным оханьем Ламаха кончается комедия.

Возбужденные и веселые возвращались зрители домой по темнеющим улицам Афин. Первую награду за лучшую комедию получил молодой Аристофан, дерзко выступивший за мир во время войны и сумевший внушить зрителям такую же мечту о мире. Сейчас они вместе с Аристофаном верят в близость мира, в возможность его заключения.

Но уже завтра они поймут, что дело не так-то просто, как толкует его Аристофан. Конечно, большинство пелопоннесцев так же, как и афиняне, хотят мира. Конечно, и в Афинах, и всюду есть люди, стремящиеся к войне. Может ли существовать Афинское государство без привозного черноморского хлеба, без заморских колоний и подневольных «союзников»? Господство Афин над морем приносит большие выгоды богачам, но кое-что получают и небогатые граждане — почти все, кроме рабов, у которых и не спрашивают их мнения о войне и мире. А другие государства не могут допустить господства Афин над морем.

Мечта Аристофана о мире не осуществилась. Правда, через четыре года после постановки «Ахарнян» Афины заключили долгожданный мир с пелопоннесцами. Аристофан написал по этому поводу комедию «Мир», где рассказывал, как крестья-

нин Тригей верхом на жуке взлетел на небо и освободил богиню Мира из пещеры, куда ее заточил Раздор. Но мир 421 года оказался как раз тем миром, о котором Дикеополь говорил, что он пахнет смолой и подготовкой новой войны. Война возобновилась вскоре после его заключения.

СУД НАД СОКРАТОМ

В 404 году до н. э. поражением Афин завершилась Пелопонесская война. Болезненно воспринимая неудачу, правящая верхушка Афин в 399 году до н. э. организовала суд над мудрецом Сократом, необоснованно обвиняя его во враждебности демократии.

В Афинах заседает суд. В большом открытом доме возле рыночной площади сидят пятьсот человек судей. Здесь все суды такие большие: это чтобы труднее было подкупить заседателей на неправый приговор. Вокруг толпой стоит любопытный народ. В Афинах любят судиться, за что над афинянами все подшучивают. Но этот суд особенный, таких не бывало уже лет двадцать. Судят философа Сократа. Речь идет не о воровстве, не об обиде, не об обмане, не о государственной измене. Его обвиняют в том, что он портит нравы юношества и вместо общепризнанных богов поклоняется каким-то новым.

Сократу семьдесят лет. Это невысокий крепкий старик в грубом бедняцком плаще, босой. Вид у него смешной: лысый череп, крутой лоб, курносый нос, толстые губы. Когда-то в Афины приехал ученый знахарь, умевший по чертам лица безошибочно угадывать характер. Его привели к Сократу, и он сразу сказал: «Жаден, развратен, гневлив, необуздан до бешенства». Афиняне расхохотались и уже хотели поколотить знахаря, потому что не было в Афинах человека добродушнее и неприхотливее, чем Сократ. Но Сократ удержал их: «Он сказал вам, граждане, чистую правду: я, действительно, чувствовал в себе и жадность, и гнев, но сумел взять себя в руки, воспитать себя и вот стал таким, каким вы меня знаете».

Сократ спокойно сидел перед судьями и с улыбкой слушал, что говорили один за другим три обвинителя: Мелет, Анит и Ликон. А говорили они сурово, и народ вокруг шумел недоброжелательно. Всего пять лет, как кончилась поражением долгая война со Спартой, всего четыре года, как удалось сбросить власть спартанских ставленников — «тридцати тиранов», государство с трудом приводит себя в порядок. Как это случилось, что при отцах и при дедах Афины были самым сильным городом в Элладе, а теперь оказались на краю гибели? Может быть, в этом виноваты такие, как Сократ?

— Сократ — враг народа, — говорили одни. — Наша демократия стоит на том, чтобы всякий гражданин имел доступ

к власти: всюду, где можно, мы выбираем себе начальников даже не голосованием, а по жребию, чтобы все были равны. А Сократ говорит, что это смешно — так же смешно, как выбирать кормчего на корабле по жребию, а не по знаниям и опыту. А у кого из граждан есть досуг, чтобы приобрести в политике знания и опыт? Только у богатых и знатных. Вот они и трутся около Сократа, слушают его уроки, а потом губят государство. Когда была война, нас чуть не погубил честолюбец Алкивиад, уведя весь наш флот в гибельный поход на Сицилию; а когда кончилась война, нас чуть не погубил жестокий Критий, глава «тридцати тиранов», а оба они были учениками Сократа.

— Сократ — друг народа,— говорили другие.— И Алкивиад, и Критий были хорошими гражданами, пока слушали Сократа, и стали опасными, лишь когда отбились от него. Разве «тридцать тиранов» любили Сократа? Нет, они тоже боялись его и тоже уверяли, что он портит нравы юношества. Тайных уроков он не давал, жил у всех на виду, разговаривал со всеми запросто, даже с рабами, если тем было интересно. Да, он всегда говорил: «Государством должны управлять только люди хорошие»; но он никогда не добавлял, как это любят знатные: «а быть хорошим можно только от рождения, научиться этому нельзя». Он как раз и учил людей быть хорошими, будь ты богач или бедняк, лишь бы сам хотел учиться. А что это трудно, его ли вина?

— Сократ — мудрец, — говорили третьи. — Недаром дельфийский оракул прямо сказал: «Сократ мудрее всех меж эллинов». Он не философствует о строении мироздания, как другие, он говорит: «О столяре судят не по тому, как он рассуждает о столах, а по тому, как он их делает. Я могу очень хорошо рассуждать о солнце и звездах, но разве я могу в доказательство сделать хоть маленькую звезду? А когда я рассуждаю о хороших и дурных поступках, то и сам стараюсь делать хорошие и не делать дурных, и это — лучшее доказательство моих рассуждений». Поэтому рассуждает он только о делах человеческих, зато так тонко, как никто. Хорошо ли красть? Нехорошо. Всегда? Всегда. А украсть оружие у врагов перед сражением? Да, надо уточнить: «У друзей красть нехорошо». А украсть меч у больного друга, чтобы тот в отчаянии на него не бросился? Да, надо уточнить... а как? Этими вопросами он и учит нас понимать все предметы глубже, чем раньше.

— Сократ — чудак, — говорили четвертые. — Он задает вопросы и не дает ответов: сколько ни отвечай, а все чувствуешь себя в тупике. Ему мало просто выполнять законы государства, он доискивается, что такое истинная справедливость, а зачем? Разве ему от этого будет лучше жить? Живет он беднее всякого нищего; ходит по рынку и приговаривает: «Как приятно, что есть столько вещей, без которых я могу

обойтись!» Жена его корит: «Что о нашей бедности люди скажут?», а он отвечает: «Если они люди разумные, то им это все равно, а если неразумные, то нам это все равно». Она в крик, а он улыбается; она окатывает его водой, а он отряхивается и говорит: «У моей Ксантиппы всегда так: сперва гром, затем дождь». Богам он молится так: «Пошлите мне все хорошее для меня, хотя бы я и не просил о том, и не посылайте дурного, хотя бы я и просил о том». Иногда застынет на одном месте и часами стоит, а потом объясняет: «Внутренний голос слушал». Разве мудрецы такие бывают?

— Сократ — насмешник, — говорили и первые, и вторые, и третьи, и четвертые. — Другие философы говорят: «Думай то-то!», а он: «Думай так-то!» Додумаешься до чего-нибудь, скажешь ему, а он переспросит раз, и видишь: нужно дальше думать. А нельзя же без конца думать, надо когда-то и дело делать. Начнешь, недодумав, а он улыбается: «Не взыщи, коли плохо получится». Понятно, что так ни дома, ни государства не наладишь. Интересно с ним, но неспокойно. Обвинители говорят: «Казнить его смертью»; это, конечно, слишком, а проучить его надо, чтобы жить не мешал.

Но вот обвинители кончили, и Сократ встал говорить защитительную речь.

— Граждане афиняне, — сказал Сократ, — против меня выдвинуты два обвинения, но оба они такие надуманные, что о них трудно говорить серьезно. Наверное, дело не в них, а в чем-то другом.

Говорят, будто я не признаю государственных богов. Но ведь во всех обрядах и жертвоприношениях я всегда участвовал вместе со всеми, и каждый это видел. Говорят, будто я поклоняюсь новым богам, — это про то, что у меня есть внутренний голос, которого я слушаюсь. Но ведь верите же вы, что дельфийская пророчица — пифия слышит голос бога и что гадателям боги дают знамения и полетом птиц, и жертвенным огнем; почему же вы не верите, что и мне боги могут что-то говорить?

Говорят, будто я порчу нравы юношества. Но как? Учу изнеженности, жадности, тщеславию? Но сам я ведь не изнежен, не жаден, не тщеславен. Учу неповиновению властям? Нет, я говорю: «Если законы вам не нравятся, введите новые, а пока не ввели, повинуйтесь этим». Учу неповиновению родителям? Нет, я говорю родителям: «Вы ведь доверяете учить ваших детей тому, кто лучше знает грамоту; почему же вы не доверяете их тому, кто лучше знает, что такое добродетель?»

Нет, афиняне привлекают меня к суду по другой причине, и я даже догадываюсь по какой. Помните, когда-то дельфийский оракул сказал странную вещь: «Сократ — мудрее всех меж эллинов»? Я очень удивился: я-то знал, что этого не может быть — ведь я ничего не знаю. Но оракула надо слушаться,

и я пошел по людям учиться уму-разуму: и к политикам, и к поэтам, и к гончарам, и к плотникам. И что же оказалось? Каждый в своем ремесле знал, конечно, больше, чем я, но о таких вещах, как добродетель, справедливость, красота, благоразумие, дружба, знал ничуть не больше, чем я. Однако же каждый считал себя знающим решительно во всем и очень обижался, когда мои расспросы ставили его в тупик. Тут-то я и понял, что хотел сказать оракул: я знаю хотя бы то, что я ничего не знаю, — а они и этого не знают; вот поэтому я и мудрее, чем они.

С этих самых пор я и хожу по людям с разговорами и расспросами: ведь оракулу надо повиноваться. И многие меня за это невзлюбили: неприятно ведь убеждаться, что ты чего-то не знаешь, да еще столь важного. Эти люди и выдумали обвинение, будто я учу юношей чему-то нехорошему. А я вовсе ничему не учу, потому что сам ничего не знаю; и ничего не утверждаю, а только задаю вопросы и себе и другим; задумываясь над такими вопросами, никак нельзя стать дурным человеком, а хорошим можно. Потому я и думаю, что совсем не виноват.

Судьи голосуют. Как видно, они тоже не принимают всерьез обвинений Мелета и Анита: правда, они признали Сократа виновным, но лишь малым перевесом голосов. Теперь надо проголосовать за меру наказания. Закона на такие случаи нет: обвинитель должен предложить свою меру наказания, обвиняемый — свою, а суд — выбрать. Обвинители свою уже предложили: смертную казнь. Пусть Сократ со своей стороны предложит достаточный штраф, и наверняка он этим и отделается. Но Сократ говорит:

— Граждане судьи, как же я могу предлагать себе наказание, если я считаю, что я ни в чем не виноват? Я даже думаю, что я полезен государству тем, что разговорами своими не даю вашим умам впасть в спячку и тревожу их, как овод тревожит зажирелого коня. Поэтому я бы назначил себе не наказание, а награду — ну, например, обед за казенный счет, потому что я ведь человек бедный. А то какой же штраф могу я заплатить, если всего добра у меня и на пять мин[1] не наберется? Пожалуй, одну мину как-нибудь заплачу, да еще, может быть, друзья мои добавят.

Это уже похоже на издевательство. Народ шумит, судьи проголосовали и назначили Сократу смертную казнь. Приговоренному предоставляется последнее слово, и он говорит:

— Я ведь, граждане, старый человек, и смерти мне бояться не пристало. Что приносит людям смерть, я не знаю. Если загробного мира нет, то она избавит меня от тяжкой дряхло-

---

[1] *Мина* — 437 граммов серебра; на одну мину в это время можно было купить пару быков.

сти, и это хорошо; если есть, то я смогу за гробом встретиться с великими мужами древности и обратиться со своими расспросами к ним, и это будет еще лучше. Поэтому давайте разойдемся: я — чтобы умереть, вы — чтобы жить, а что из этого лучше, нам неизвестно.

Его казнили не сразу: был праздничный месяц, и все казни откладывались. Друзья предлагали ему бежать из тюрьмы, но он говорил: «Куда? Разве есть такое место, где люди не умирают?» Ему сказали: «Но ведь больно смотреть, как ты страдаешь незаслуженно!» — он ответил: «А вы бы хотели, чтобы заслуженно?» Его спросили: «Как тебя похоронить?» — он ответил: «Плохо же вы меня слушали, если так говорите: хоронить вы будете не меня, а мое мертвое тело».

Казнили Сократа в Афинах ядом. Ему подали чашу — он выпил ее до дна. Друзья заплакали, он сказал: «Тише, тише: умирать надо по-хорошему!» Он лег, тело его стало холодеть. Когда холод подступил к сердцу, он сказал: «Принесите жертву богу здоровья». Это были его последние слова.

В ПЕСТРОМ ПОРТИКЕ

Паррасий — известный греческий художник, живший в Афинах между 440 и 390 гг. до н. э.

Эпизод, положенный в основу сюжета рассказа, сохранился у поздних авторов.

Фокион увидел его сразу, как только вступил в помещение, где много лет обучал афинских мальчиков. Человек лежал на полу, у самой кафедры, лицом вверх. Это был дряхлый старик с изможденным лицом. Редкие седые волосы слиплись от пота. Хитон, покрывающий тощее тело, — весь в дырах. Приглядевшись, Фокион различил рубцы от бичей и ожоги на руках и ногах незнакомца. Конечно, это раб, бежавший от жестокого господина. Наверно, он надеялся найти защиту в храме, но силы изменили ему, и он заполз в школу. Хорошо, что еще ранний час и нет учеников. Надо дать этому несчастному воды и указать дорогу к храму.

Фокион наклонился к рабу, чтобы помочь ему подняться.

— Чей ты? — спросил он.

— Паррасий, — прохрипел старик, — художник Паррасий. Вот, вот... — Он показывал на следы от ожогов и рубцы.

— Так вот оно что... — подумал Фокион. — Значит, это Паррасий пытал старика. Но зачем?

Фокион усадил раба спиною к кафедре и взял с полу амфору. Вода — в бассейне недалеко. И Фокион сделал знак, что скоро придет.

Когда он вернулся, раб лежал на спине с запрокинутой головой. Фокион приложил ладонь к его груди. Сердце не билось.

Весь день учитель был рассеян, не замечал проделок своих питомцев. А они, как всегда, были изобретательны на шалости. Недаром в Афинах говорят: легче выдрессировать дикого зверя, чем обучить мальчишку. В портике двадцать сорванцов, и каждый норовит придумать такое, чтобы казаться героем. Но сегодня учитель забыл о своей трости, обычно гулявшей по пальцам непослушных.

Фокион знал Паррасия, сына Эвенора. Художник часто прогуливался под платанами агоры и, случалось, заходил в школу, чтобы послушать, чему учат маленьких афинян. На нем был всегда щегольской, расшитый золотом гиматий, который он высоко подпоясывал, по ионийской моде. Волосы тщательно завиты. В дни праздников их покрывал знаменитый золотой венок.

Кто в Афинах не знал его истории! Однажды прославленный художник Зевксис принес в портик свою новую картину, изображавшую голубей на черепичной кровле. Голуби казались живыми. Вот-вот взмахнут крыльями и поднимутся в воздух. Среди восхищенных зрителей находился и Паррасий, тогда еще молодой, никому не известный живописец. Зевксису показалось, что в помещении недостаточно светло, и он подошел к колонне, у которой стоял Паррасий, чтобы отдернуть занавес. И тут только заметил Зевксис, что занавес нарисован на деревянной доске, нарисован так искусно, что его не отличить от настоящего. Это была картина Паррасия. При всех Зевксис обнял молодого художника и подарил ему золотой венок — свою награду за «Голубей». Так к Паррасию, сыну Эвенора, пришла слава, а по пятам за ней поспешило богатство.

— Неужели этот любимец богов оказался негодяем — замучил несчастного старика? — размышлял учитель. — Закон разрешает пытать рабов, чтобы добывать у них показания для судей, если господина подозревают в каком-либо преступлении. Ведь свидетельства человека, раздираемого бичами или растягиваемого колесом, считаются более вескими, чем добровольные признания. Но Паррасий не был под следствием. Зачем же ему понадобилось превращать свой дом в камеру пыток? — думал Фокион. — Конечно, кто не наказывает своих рабов! Но убивать их запрещено законами божескими и человеческими.

Шло время. Фокион начал забывать о взволновавшем его происшествии. Да и самого Паррасия он долго не встречал. Одни говорили, что художник заболел, другие — что он дни и ночи работает над какой-то картиной, которой хочет потрясти Афины. Вскоре слухи стали более определенными: Паррасий заканчивает картину «Прикованный Прометей» и вскоре покажет ее народу. Проступок Паррасия теперь казался Фокиону не таким уж страшным. Наверное, раб совер-

шил какое-нибудь преступление, за что и был наказан по заслугам. Человек, решивший воплотить в красках образ Прометея, не может быть подлецом.

Прометей был любимым героем Фокиона. Когда старый учитель рассказывал о нем своим ученикам, он весь преображался: глаза его загорались, в голосе появлялись незнакомые нотки.

— Прометей — величайший из благодетелей человечества! — говорил он притихшим ученикам. — Правда, он не задушил немейского льва и не победил Лернейскую гидру. Но он сделал большее: он пожертвовал собою для блага людей.

В то утро, когда новая картина Паррасия должна была быть выставлена на публичное обозрение, Фокион отменил занятия.

Радость мальчишек была неописуемой. В одно мгновение они оказались на агоре, и Фокион повел их к Пестрому портику, где была выставлена картина Паррасия.

Пестрый портик был полон людей. Прикрепленная к колоннам картина еще закрыта полотном. Все ждали художника. Свое новое творение покажет народу сам прославленный Паррасий. А вот и он, как всегда роскошно одетый, в щегольских сандалиях с серебряными пряжками, с золотым венком на голове. У художника красивое выхоленное лицо. Да, этот человек сроднился со славой.

Медленно и торжественно приподнял Паррасий полотно. Показались обнаженные ноги, мощное туловище Прометея и изможденное лицо — лицо страдальца. Высокий лоб испещрен морщинами. Губы сжаты.

Фокион вздргнул. На него смотрел тот самый раб, который умер у кафедры. В глазах у Прометея сквозили ужас, боль и еще что-то, чему Фокион не мог сразу дать название. Учитель понял, почему художник пытал своего раба. Он стремился правдивее изобразить страдания Прометея. Раб был натурщиком.

Видимо, в толпе не оказалось тех, кто являлся завсегдатаями Пестрого портика и считал себя ценителями искусства. Никто не выражал восхищения вслух. Все молчали, рассматривая прекрасно выписанные детали картины. И тогда в тишине прозвучал голос Фокиона.

— Идемте отсюда, дети! Картина эта не может научить вас добру. Она написана кровью и окроплена слезами. Живописец пытал человека, чтобы правдивее передать муки Прометея. Но разве таким живет в нашей памяти Прометей? В этом образе нет ни любви к людям, ни возвышенного страдания. Взгляните в эти глаза! Видите, в расширившихся зрачках застыли ужас и недоумение? Да, недоумение! Человек, который здесь изображен, умер в нашей школе, так и не поняв, почему его пытают.

Паррасий, ожидавший услышать похвалы и одобрения, оторопело смотрел на Фокиона, осмелившегося порочить его творение из-за ничтожного раба, купленного за несколько драхм.

— Не слушайте этого глупца! — воскликнул Паррасий, обернувшись к толпе, обступившей его картину. — Это был раб и варвар! Вы слышите, граждане, — варвар и раб!

— Всю жизнь я учу детей на агоре, — продолжал Фокион. — Пусть это не принесло мне золотого венка. Но я знаю, что люди верят мне, старому учителю, и никто из вас не называл меня лжецом. Скажите вы, мои ученики, разве Прометей дал божественный огонь одним эллинам? Разве он не облагодетельствовал варваров и все человечество? Вспомните ту сцену у Эсхила, когда исполнители воли Зевса Власть и Сила подводят к утесу пленного Прометея. Вот они заставляют Гефеста приковать его руки и пронзить грудь железным острием. Не просит о милости страдалец, не сожалеет о том, что совершил вопреки воле Зевса. Из его уст вырываются гордые слова, он вспоминает о своих заслугах:

...Раньше люди
Не строили домов из кирпича,
Ютились в глубине пещер подземных, бессолнечных,
Подобно муравьям.
Я научил их первой из наук, науке чисел и грамоте,
Я дал им и творческую память, матерь муз.
И первый я поработил ярму животных диких,
Облегчая людям тяжелый труд.
Я научил их смешивать лекарства,
Чтоб ими все болезни отражать!

Вы слышите! Это все сделано для людей, а не для эллинов или варваров!

— Он выжил из ума! — закричал исступленно Паррасий.— Какой-то жалкий учитель берется судить о служителях муз! Что он понимает в искусстве?! Какое ему дело, как создавалась моя картина и кто был натурщиком? Взгляните на лицо моего Прометея! Обратите внимание на живость глаз. Кому еще так удавалось передать страдание? Знатоки скажут: «Паррасий, ты превзошел самого себя!»

Люди молчали. Но в этом молчании таилось что-то враждебное Паррасию. И он почувствовал это.

— Идемте, дети, — сказал Фокион. — Этот человек — не художник. Художник и в жизни должен быть Прометеем. Его сердце должно истекать кровью при виде зла и несправедливости. Он не опустит головы перед Властью и Силой. Не тщеславие и жажда почестей должны двигать им, а любовь к человеку. Только тогда внутренним взором, а не со стороны

увидит, почувствует он муки титана и сумеет рассказать о них людям.

Учитель повернулся. Толпа почтительно расступилась, чтобы пропустить его и детей. А когда он был уже у выхода, все последовали за ним. Это были старые ученики Фокиона и те, кто видел его впервые. Это были люди, читавшие Эсхила, и те, которые, может быть, и не слышали о нем,— воины и ремесленники, разносчики воды и матросы. Это были граждане Афин, знавшие, что не только в великих сказаниях старины надо черпать примеры благородства и мужества.

Люди выходили наружу, где шумела агора, где сияло солнце, освещая камни древнего Акрополя и поднятое к небу острие копья Афины Паллады.

ВЕНОК ИЗ ОЛИВЫ

Древняя Олимпия была школой мужества и справедливости. После возобновления Олимпийских игр в 1896 году к Олимпии мысленно возвращаются современные народы, видящие в спорте путь к дружбе и миру.

Тимн прекрасно помнил тот казавшийся таким далеким день. Корабль медленно входил в гавань Галикарнаса[1]. Огромная толпа вышла встречать его отца Диокла, ставшего олимпиоником — победителем на знаменитых состязаниях в Олимпии.

Отец с улыбкой взошел на приготовленную для него парадную колесницу. Он был в сверкающей на солнце лиловато-красной одежде, а его голову украшал венок из ветвей оливы. Тимн знал, что это и есть венок победителя, о котором смолоду мечтают все эллины.

Около стен домов, в дверных проемах, на черепичных крышах виднелись люди. Казалось, все жители города — от маленьких детей до седовласых стариков — приветствовали Диокла.

Колесница добралась до площади, где возвышался главный храм. Отец спрыгнул на землю, снял с головы венок и возложил его на жертвенник, посвятив богам — покровителям города. Этого требовал обычай.

Потом был пир в здании городского совета. Звучали флейты. Хор юношей славил олимпионика:

— Имя отныне твое, о Диокл, на устах у сограждан!

Диокл был освобожден от налогов, получил почетное право бесплатно посещать театр, ежедневно обедать за счет города.

---

[1] *Галикарнас* — греческий город в Малой Азии.

Тимн любил отца и с детства помнил его рассказы. Диокл отличился в морском сражении, однажды едва не утонул во время страшной бури. Он побывал в чужих странах, видел многобашенные стены Вавилона и похожие на горы египетские пирамиды. Но вершиной всей его жизни стала победа в Олимпии, где он взял верх над лучшими панкратистами[1] Эллады.

Тимн твердо решил стать панкратистом. Но увы, он был не по годам мал ростом. Едва взглянув на него, учитель гимнастики понял, что в кулачном бою сын Диокла успеха не добьется. Однако мальчик был настойчив, да и учитель дело свое знал.

В палестру[2] часто приходил отец. Садился где-нибудь в тени колоннады, окружавшей большой прямоугольный двор, где упражнялись атлеты. Молча наблюдал за тренировкой. Учитель гимнастики, друживший с отцом, в таких случаях хвалил Тимна:

— Малыш хитер, как лис, а с годами превратится в льва. Держись тогда, Диокл, в панкратии он превзойдет тебя!

Когда отца не стало, Тимн и его мать Ада, еще не старая женщина, худощавая и стройная, остались почти без средств. Тимн стал зарабатывать на жизнь в мастерской, где делали корабельные канаты. Времени для гимнастических занятий оставалось мало.

Наступил год Олимпийских игр. В Галикарнас прибыли вестники из далекой Элиды[3]. В дорожной одежде, с посохом в руке и венком на голове они проделали немалый путь. Вестники обошли все населенные эллинами земли, чтобы возвестить об играх.

— Священный мир объявлен по всей Элладе! — звучным голосом возвестил глашатай. — Дороги на суше и на море безопасны. Ступайте же в Олимпию!

В палестре в этот день тренировались с удвоенной энергией и рвением.

— Клянусь Зевсом, — говорил тяжело дышавший юноша, — венок принесу я, Клеоним!

Совершенно обнаженный (так как юноши упражнялись без одежды), он стоял на посыпанной песком площадке для борьбы и не скрывал торжества. Клеоним выиграл схватку с Тимном. Выиграл уже не в первый раз и тем же способом: сзади, со спины схватил противника за руки, вывернул их

---

[1] *Панкратий* — состязание, соединявшее борьбу и кулачный бой. Панкратистам разрешалось применять болевые приемы.

[2] *Палестра* — место для тренировок.

[3] *Элида* — область в Южной Греции, где расположена Олимпия.

и стиснул ему шею. Тимн закричал от боли, и тогда учитель вмешался, прерывая бой.

— Не спорю, в твоих руках, Клеоним, больше силы, но...

Учитель взглянул на Тимна и продолжил после паузы:

— Но твой маленький соперник себя еще покажет. Он не посрамит славы Диокла.

— Диокл... Диокл... — раздраженно думал Клеоним, счищая скребком с тела песок и грязь. — Подумаешь, Диокл! Все уши прожужжали этим именем! Сын-то не в отца: хил и тщедушен. К тому же, доберется ли он до Олимпии — много ли заработаешь кручением веревок!

Поеживаясь от холода, он встал под ледяную струю источника, сбегавшего с крутого склона в двух шагах от палестры, и сразу забыл колючие слова учителя.

Кое в чем Клеоним был, безусловно, прав. Денег и в самом деле требовалось много. Согласно нерушимому обычаю, десять месяцев перед играми атлеты упражнялись в палестре родного города и еще месяц тренировались в самой Элиде. У Тимна, который из-за постоянных тренировок был вынужден оставить на год работу в мастерской, образовался изрядный долг.

Отец Клеонима, Агасикл, владел обширными виноградниками, имел один из лучших домов в городе и держал конюшню скаковых лошадей. Не удивительно, что Клеоним появлялся в палестре в роскошных одеждах, в сопровождении мальчиков-рабов. Вместо обычного скребка из бронзы он имел скребок из серебра. А масло, которым натирали тело перед упражнениями, держал в драгоценном сосуде.

Клеоним был на голову выше Тимна, а главное — силен, как лев. Все помнили, как он, поспорив с приятелями, унес с городской площади к себе домой бронзовую статую Артемиды. Городской совет счел поступок святотатством. Клеониму грозило суровое наказание, и если бы не его отец, дело бы кончилось плохо.

Панкратий был для Клеонима как страсть, поглощавшая всю его душу. Несколько лет подряд он неустанно упражнялся и добился многого. Спору нет, он был опасным противником, хотя больше полагался на сокрушительный удар могучего кулака, чем на искусные приемы. Другим его увлечением были лошади. Он собирался выставить в Олимпии свою любимую четверку — подарок отца за успехи в гимнастике.

Приближался день отплытия в Элиду.

Накануне случилась беда: учитель гимнастики споткнулся и упал, да так неудачно, что сломал ногу. О его поездке в Олимпию не могло быть и речи. В гавань учителя принесли на носилках — он непременно хотел проститься с отъезжающими.

— Радуйся! — прокричал Клеоним, увидев его. — Наш город не останется без победных венков!

И заторопился на нанятый им корабль.

Возле другого корабля, поменьше, стоял Тимн. Этот корабль принадлежал небогатому торговцу, совершавшему путешествие, чтобы показать внукам Олимпию. Торговец и оба мальчика были не эллины, а карийцы и могли присутствовать на играх лишь как зрители.

Тимн обнял мать.

— Если бы ты была со мной! Как жаль, что женщинам под страхом смерти запрещено бывать на Олимпийских играх!

Влажный ветер растрепал густые черные волосы. Мать улыбнулась и протянула Тимну кожаный мешочек.

— Вот, сынок. Мне удалось одолжить еще немного. Береги каждый обол.

Тимн впервые плыл по морю и с любопытством смотрел, как кормчий уверенно ведет судно от одного острова к другому. Стояло жаркое лето. Море было спокойно. Даже пираты, страшась гнева богов, в месяцы перед Олимпийским праздником не нападали на корабли.

Показался низкий берег Пелопонесса. Уже близка была Элида, как вдруг небо потемнело, поднялся ветер, вздыбились волны. Резким порывом бури сломало мачту. Корабль дал течь и стал погружаться в воду. К единственной лодке бросились владелец судна и его внуки. Остальные попрыгали за борт. Берег был недалеко, и Тимн без труда добрался до песчаной отмели, но... потерял в воде свой узелок с вещами и в нем деньги.

Через несколько часов ходьбы Тимн оказался в живописной долине, сжатой зелеными холмами. Это была Олимпия. Нищим ступил он на ее священную землю. Вместе с деньгами ко дну пошли надежды на олимпийский венок.

Опустив голову, Тимн поплелся к золотившемуся в солнечных лучах храму Зевса. Войдя через бронзовые врата, юный атлет застыл перед статуей божества. Мгновенно улетучились тяжелые мысли. На душе стало светло и радостно. Зевс восседал на троне, сверкающем драгоценными камнями. Золото одежды и волос оттеняло матовую белизну лица и рук, изваянных из слоновой кости. Облик отца богов был благороден и, казалось, источал доброту.

— О Зевс! — взмолился Тимн, обращаясь к статуе. — Не оставь в беде галикарнасца Тимна, сына Диокла!

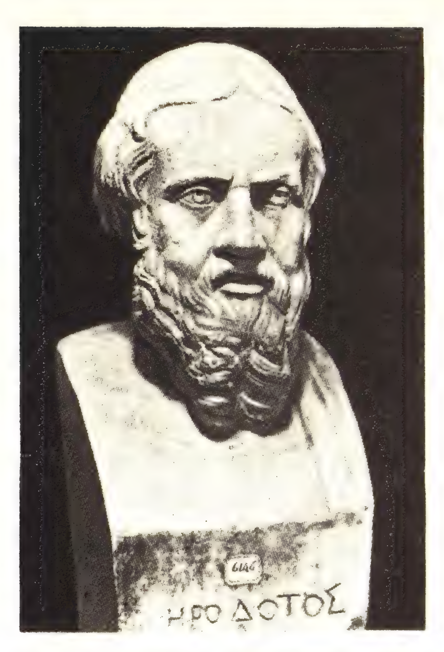
— Что я слышу? — из-за колонны вышел незнакомец. — Ты мой земляк и к тому же сын олимпионика Диокла? Он был мне другом.

Тимн вздрогнул.

— Кто ты? Не самим ли Зевсом послан?

Чуть грустные глаза незнакомца смотрели с сочувствием.

— Мое имя, — отвечал он, — Геродот. Я давно покинул Галикарнас, странствовал по свету, беседовал с эллинами и варварами и все слышанное запечатлел на папирусе.

Бюст Геродота. Мраморная греческая скульптура.

— О чем твоя книга? — заинтересовался Тимн.

— Скоро узнаешь, — уклонился от ответа Геродот.

Встреча с земляком, к тому же знавшим отца, была для юноши спасением. Геродот снабдил его деньгами, и Тимн, как требовал обычай, покинул Олимпию. Через два дня он достиг города Элиды, где явился к элланодикам — так назывались десять судей, которым предстояло руководить тридцатидневными тренировками, а затем и самими состязаниями.

Месяц в Элиде пролетел быстро. Обязательные тренировки остались позади, и Тимн, наконец, с облегчением узнал, что допущен к состязаниям.

Участники игр оставили Элиду и по священной дороге двинулись в Олимпию.

Праздник открылся парадным шествием. Такое увидишь лишь раз в четыре года! Впереди в пурпурных плащах шли элланодики. Величаво выступали атлеты, похожие на богов Олимпа. Все, как один, свободные эллины: ни чужеземцев, ни рабов!

В этот день атлеты приносили жертвы богам и давали торжественную клятву бороться честно, не нарушая правил.

На второй день начались состязания. Галикарнасцы затемно пришли на ипподром, чтобы наблюдать за скачками с удобных мест.

Когда рассвело, юноша увидел длинное поле, со всех сторон которого тянулись поросшие травой насыпи. Множество зрителей расположились на них полулежа, сидя и даже стоя

Десятки запряженных четверками колесниц ожидали звука трубы, чтобы ринуться вперед. Возничие в длинных одеждах щелкали бичами и обменивались колкостями:

— Следи за левой, Дион! Она хромает.

— Ох, Кинесий! — отвечал Дион, возничий на колеснице Клеонима. — Смотрел бы за своими вороными! Вчера мне показалось, ты не принес жертвы лошадиному пугалу.

Геродот, видя, что Тимн не понимает, о чем речь, объяснил:

— Дорога для бегов идет до конца поля. Там каменный

столб и поворот. Вот в этот самый столб с недавних пор вселился демон, пугающий коней. Его называют лошадиным пугалом.

Клеоним, сидевший рядом, даже не обратил внимания на незнакомца. Кроме своей четверки, он не видел ничего.

— О, несравненные! — жарко шептал он. — Помогите своему господину. А я для вас ничего не пожалею.

— Почему не правишь сам? — спросил Геродот. — Кони руку лучше понимают, чем слова.

— Берегу силы для панкратия, — отвечал Клеоним, не поворачивая головы. — К тому же возничий правит, как Аполлон.

Затрубила труба. Дион взмахнул бичом, и кони помчались быстрее ветра. Благополучно пройден первый круг. Дион великолепно правит, опередить его не удается, как ни хлещут по своим коням возничие. Черная пыль поднимается под копытами рвущихся вперед лошадей. Стало казаться, что густой туман опустился на ипподром.

Клеоним бледен. Каждый раз, когда его колесница на бешеной скорости делает поворот вокруг столба, он замирает от страха. Вот уже пройдена ровно половина — шесть кругов.

— Седьмой круг... восьмой... девятый, — считает Клеоним и хлопает от радости в ладоши.

Но на последнем, двенадцатом кругу, допустив оплошность, Дион дал обойти себя четверке вороных. Зрители истошно заорали, махая от возбуждения одеждой.

— Проклятье! — Клеоним подскочил на месте, ругательства слетали с его губ. — Пусть разобьются эти черные кобылы! Пусть налетят они на поворотный столб!

Как он желал, так и случилось. Колесница вороных, задев за столб, перевернулась. Клеоним радостно вскрикнул.

Но... и его возничий не избежал наезда и от удара вылетел из колесницы.

— Кончено! — простонал Клеоним. Он понял, что победа ускользнула, и был почти без чувств.

Однако жеребец по кличке Ветерок и остальные любимцы своего хозяина неслись вперед, будто не заметив, что ими никто не правит. И прибежали первыми.

Глашатай торжественно провозгласил:

— Победил Клеоним, сын Агасикла из Галикарнаса. Слава олимпионику!

Скачки кончились. Ипподром быстро опустел. После полудня, несмотря на зной, лавина зрителей хлынула на стадион. Геродот не пошел туда. Показав Тимну на свиток, он сказал:

— Вечером буду читать свой труд. Придешь послушать?

Тимн обещал и отправился на стадион. Там под звуки флейт атлеты состязались в пятиборье. В беге победил афинянин Метон. Тимн без внимания следил за происходящим. Тре-

вожило приближение дня, ради которого он и приехал в Олимпию. Поток его мыслей прервали восторженные возгласы.

— Метон прыгнул дальше всех! — ликовали афиняне. — Как ловко он пользуется гирями, чтобы увеличить длину прыжка!

Постепенно зрелище пятиборья увлекло Тимна. Станет ли Метон олимпиоником? Ведь впереди еще три состязания. Но вот уже он превзошел соперников в метании диска и копья. Началась борьба. Внезапно опустившись на колено, он перебросил противника через плечо и выиграл решающую схватку.

— Поздравляйте олимпионика Метона! — призывали остальных зрителей афиняне. Под эти восклицания Тимн покинул стадион.

Незаметно наступил вечер. Вдоль берега Алфея, меж серебристых олив и тополей прохаживались атлеты.

Гуляющий Клеомен столкнулся с Тимном.

— Волнуешься, малыш? А зря! — Клеоним самодовольно улыбался. — В панкратии меня не превзойти! Вот если б состязались... ха-ха... в кручении каната, быть бы тебе олимпиоником. Да стой, куда ты?

— К храму Зевса, послушать Геродота! — ответил Тимн.

Окруженный большой толпой Геродот стоял на ступеньках храма и вдохновенно читал:

— Окончив боевое построение на Марафонском поле, афиняне быстрым шагом устремились на персов. Поведение афинян казалось персам безумием, так как нападающих было немного и они шли без прикрытия конницы и лучников. Афиняне бросились на врага сомкнутыми рядами врукопашную и бились мужественно.

Слушатели по рассказам стариков знали о славных победах отцов и дедов. Но описания битв, сделанные Геродотом, были живыми, яркими, и каждому казалось, что это он гибнет вместе с царем Леонидом при Фермопилах или сражается на одной из триер в узком Саламинском проливе.

— Победы эллинов на суше и на море, их подвиги, — обратился Геродот к присутствующим, — не должны забыться, как не забудутся имена олимпиоников!

Так он закончил и хотел уйти. Но его не отпускали. И Геродот уступил. Он читал один отрывок за другим. Толпа росла. Все увлеклись настолько, что забывали отгонять ветвями назойливую мошкару. Разошлись, когда совсем стемнело.

А ночью Тимну приснился страшный сон. Будто он бежит с оружием, но не в Олимпии, на стадионе, а на Марафонской равнине. Свистят стрелы, все ближе лица персов. Вот они! Как сильно бьется сердце! Вдруг на него кто-то навалился. О, это был вылитый Клеоним, только одетый по-персидски. Как и тогда, в палестре, он вывернул ему руки, стиснул шею. Задыхаясь, Тимн опустился на колено и... проснулся.

— Вставай же, наконец! Светает! Пропустим бег с оружием! — над Тимном, тряся его за плечи, склонился Геродот.

На стадион они, конечно, опоздали. Атлеты в шлемах с высоким гребнем и со щитами уже стояли на беговой дорожке. Если б не Клеоним, который со вчерашнего вечера проникся к Геродоту уважением и занял всем места, сидеть бы им в последних рядах.

— Вперед! — прокричал глашатай. Юноши рванулись с мест. Забыв обо всем на свете, они бежали, видя перед собой награду.

Внезапно Тимн заметил, что какой-то зритель машет ему рукой. Кто это? Расстояние было немалым, и, только приглядевшись, Тимн узнал седовласого карийца, вместе с которым чуть не утонул близ берега Элиды. Ну точно, это он, а рядом — оба внука. «Что им нужно? — удивился Тимн. — Да еще так срочно!» Тем временем по рядам передавали небольшой предмет, посланный карийцем. Тимн получил дощечку, покрытую воском, и быстро прочитал несколько нацарапанных на ней слов. О, весть была важной! Крутильщик корабельных канатов изменился в лице и встал, чтобы покинуть стадион.

Настала очередь удивляться Клеониму. Уйти в разгар состязаний?! Что случилось!

Весь день Клеонима терзало любопытство. Лишь на закате он выследил Тимна. Малыш стоял в густой тени платанов. Кто-то черноволосый и худощавый крепко держал его за руки. Клеоним смотрел на обоих со спины и не сумел разглядеть незнакомца, к тому же закутанного в плащ.

— Ты жив, не утонул! — повторял неизвестный. — Какое счастье, что кариец передал мою записку, и вот я вижу тебя вновь!

Клеоним вслушивался с большим вниманием. Голос... голос незнакомца определенно был ему знаком. «О, Зевс, не может того быть, — пробормотал Клеоним, — постой-ка, не уйдешь!» Прозванный за успехи в беге Догони-зайца, он в несколько прыжков настиг щуплого незнакомца и уже готов был протянуть руку, чтобы схватить свою жертву. Но... тут возникла на пути преграда.

Два-три десятка атлетов затеяли игру. На каменном диске для метания, обильно политом маслом, стоял Метон (тот, что одержал победу в пятиборье). Столкнешь Метона с диска — получишь от него серебряную драхму, а не сумеешь — заплатишь ему сам! Похоже, платили все: хитрый Метон, хоть и покачивался из стороны в сторону, делая вид что едва удерживает равновесие, на самом деле словно прилип к скользкому диску.

Появление Клеонима вызвало у развлекающихся юношей взрыв оживления.

— Ага, — обрадовались атлеты, встав стеной перед бегу-

щим и с пониманием дела щупая у него мускулы. — Этот спихнет с диска даже Геракла! Прощайся с драхмами, Метон!

Пока рассерженный галикарнасец вырывался, странный незнакомец исчез. Клеониму ничего не оставалось, как отправиться спать.

Наступил новый день. Как много он значил для всех панкратистов!

Элланодик взял в руки серебряную чашу, приглашая вытянуть жребий. Атлеты подходили и доставали из чаши по бронзовому жетону. На каждом жетоне была буква. Те атлеты, кому достались одинаковые буквы, встретятся в схватках. А победители этих схваток опять потянут жребий и снова будут состязаться. И так до тех пор, пока не останутся два сильнейших панкратиста.

Но вот жеребьевка позади, и схватки начались. Зрители единодушно считают, что панкратий — самый красивый вид атлетики. Панкратисты сочетают силу льва и хитрость лисицы. У каждого есть свой прием: один умеет подставить подножку, другой лягнуть соперника. Им разрешено даже бить ниже живота и рвать друг другу уши. Но нельзя кусаться, нельзя калечить своего противника. За этим зорко смотрят элланодики. Когда один атлет в азарте боя стал раздирать пальцами рот другому, а тот давить ему на глаз, судья немедленно взмахнул хлыстом и оба получили по удару.

Победив многих, Тимн и Клеоним вновь стоят друг против друга, как много раз стояли у себя на родине в палестре. Только теперь не тренировка... Эта встреча и выявит олимпионика.

Оба атлета похожи на бронзовые статуи: они обнажены, их загорелые тела натерты маслом и блестят на солнце. Клеоним намного выше, крупнее. Ударами кулачного бойца пытается он сокрушить противника. Тимн, выставив левую руку для защиты, отпрыгивает, увертывается быстро и легко.

Так продолжается не меньше часа. Атлеты подняли пыль, их тела вспотели и загрязнились.

Тогда Клеоним меняет способ борьбы. Зрителям кажется, что он по-прежнему рассчитывает на свой кулак. Тимн же начеку: он не забыл ни горечь поражений на палестре, ни вчерашний сон. «Нет, меня не схватишь со спины!» — мелькает в его мозгу. И на сей раз Клеониму не удается излюбленный прием. Однако зрители разочарованы и в Тимне: да разве так победишь, ведь он не нападает, а только защищается!

Когда-то отец Тимна, наблюдая за боем сына с Клеонимом, советовал прибегнуть к тому приему, которым сам он одолел фиванца Длиннорукого. В то время Тимн не оценил совет отца. А что если попробовать сейчас?

Внезапно Тимн присел, левой рукой схватил Клеонима под колено, а правой — как учил Диокл — изо всей силы дернул

вверх его ступню. Клеоним рухнул на землю. Подобно львенку, Тимн прыгнул ему на спину, заломил руку и крутанул ее, точно канат триеры. С воплем и проклятьем Клеоним признал поражение.

В этот миг какой-то зритель бросился к Тимну с криком:

— О, Диокл! Твой сын тебя достоин!

Клеоним, еще не успевший подняться с земли, тотчас узнал вчерашнего незнакомца и взвыл от возмущения и ярости.

— Святотатство! Женщина! На Олимпийских играх женщина!

Тимн от волнения не мог произнести ни слова. Он обнял мать.

Все знали, что за нарушение обычая Аду должны казнить. И тогда в наступившей тишине прозвучал густой и сильный голос Геродота:

— Во имя всех богов сохраните жизнь жене и матери олимпиоников!

С мест раздались одобрительные возгласы, вначале робкие, потом все более настойчивые. И вот уже тысячи и тысячи атлетов и зрителей возбужденно зашумели, умоляя пощадить безрассудную женщину.

Из уважения к олимпийским победам Диокла и его сына Тимна элланодики помиловали Аду.

В последний, пятый день праздника раздавали награды. И снова глашатай выкрикивал имена олимпиоников. Тимн и Клеоним получили венки, о которых столько лет мечтали. Нет и не будет в их жизни ничего прекраснее!

Расстанемся с обоими юношами в этот счастливейший для них день.

СТРАНИЦЫ КАМЕННОЙ КНИГИ

В V веке до н. э. жители Гераклеи Понтийской, греческого города в Малой Азии, основали в Крыму новую колонию — Херсонес, которому суждено было превратиться в один из красивейших греческих городов на северном берегу Понта Эвксинского. Ныне развалины Херсонеса, превращенные в археологический заповедник, являются частью Севастополя.

Подплывая к Херсонесу, иноземец уже с моря видел очертания храмов, мощные стены и башни города. Затем, сойдя на сушу, он шел по длинной и прямой улице, выходящей на центральную площадь, поражаясь строгой планировке улиц, красоте храмов и различных общественных сооружений.

По многочисленным надписям, вырезанным на каменных плитах, любознательный путник знакомился с жизнью и историей города. В те времена они заменяли газеты и радио.

На видном месте площади возвышалась узкая мраморная плита с четко вырезанной многострочной надписью. Ее слова,

как стихи Гомера, каждый гражданин Херсонеса знал наизусть: «Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой, богами и богинями олимпийскими и героями, владеющими городом, хорой [страной] и укреплениями херсонесцев. Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан...» и т. д.

Это была присяга, которую принимали херсонесцы, давая клятву охранять демократический строй и защищать город и земли государства от врагов.

Среди множества декретов о проксении (гостеприимстве) иноземцы, приехавшие из разных мест — Ольвии, Тиры, Истрии, Гераклеи, Синопы, — могли увидеть названия своих городов и имена соотечественников, удостоенных особых привилегий и почестей за помощь, которую они оказывали у себя на родине херсонесцам. Здесь же стояли статуи прославленных стратегов (военачальников) и других должностных лиц города.

Кто интересовался историей минувших событий, со вниманием читал текст договора о взаимопомощи, заключенного в 179 году до н. э. с понтийским царем Фарнаком, или надпись о посольстве, направленном в Херсонес знаменитым внуком Фарнака Митридатом VI Евпатором. Но особое внимание должна была привлечь бронзовая статуя Диофанта (полководца Митридата) с большой надписью на мраморном пьедестале. В ней местный историк подробно изложил бурные события конца II века до н. э. — длительную войну Херсонеса со Скифским государством и народное восстание на Боспоре под руководством Савмака.

Лопата археолога извлекла из земли остатки древнего города, а найденные при этом надписи наполнили для нас живыми голосами его улицы и площади, театр и стадион, храмы и рынки. Как мало бы мы знали без них о государственном строе, культуре и религии жителей Херсонеса.

Почетный декрет III века до н. э. сохранил имя местного историка Сириска. Увековечены в камне списки победителей на спортивных, литературных и музыкальных состязаниях, стихи херсонесских поэтов и многое другое.

Все греческие и латинские надписи Северного Причерноморья, найденные в дореволюционную эпоху, опубликованы выдающимся русским ученым В. В. Латышевым. Раскопки советских археологов значительно пополнили коллекции древних надписей, хранящиеся в разных музеях нашей страны.

Свыше 500 надписей составляют ценнейший каменный архив античного Херсонеса, но многие из них дошли до нас в обломках. Некоторые были специально сбиты еще в древности по политическим или религиозным причинам, другие пострадали от непогоды, многочисленных войн или использования в качестве строительного камня в последующие века.

Изучением древних надписей, вырезанных на каменных плитах, а также на глиняных сосудах, изделиях из металла,

дерева, кости и др., занимается эпиграфика (от греческого слова «эпиграфе» — надпись). Задача эпиграфиста — понять содержание каждой надписи, по возможности восстановить утраченные куски, определить по тексту, языку и форме букв (которые менялись во времени), когда она была написана. Нередко над чтением трудной надписи бьется несколько поколений ученых, пока она не заговорит; а иногда через 50—100 лет посчастливится найти при раскопках или в музейных хранилищах недостающие фрагменты и из нескольких кусков сложить почти целую надпись. Такой случай — праздник для ученого.

Расскажем о некоторых интересных эпиграфических находках послевоенных лет в Херсонесе. При доследовании самой большой фланговой башни (так называемой башни Зенона) выяснилось, что ее древнейшая часть сложена из разбитых надгробных памятников, вероятно взятых с соседнего кладбища. На многих стелах[1] сохранились надписи и изображения, выполненные резцом стойкими красками: сажей, красной и желтой охрой и др. Когда ученые очистили плиты от солей и грязи и закрепили слой краски, удалось рассмотреть и тщательно изучить рисунки и надписи.

Прежде всего мы познакомились с именами многих жителей Херсонеса IV—III веков до н. э. Некоторые имена хранят память о городе, основавшем Херсонес, ибо нигде, кроме Гераклеи Понтийской, они не встречаются. Ряд имен был заимствован греками от местного населения Малой Азии, Фракии и Скифии, например Герок, Бист, Горгиппа, Далис, Мендико. На плитах, принадлежавших членам одной семьи, можно наблюдать, как, по греческому обычаю, старшему сыну часто давали имя деда, а в составных именах, типа Аполлодор или Геро-фил, одну часть брали из имени отца.

Краткость эпитафий этого времени, содержавших имя погребенного и его отца (на женских писали еще имя мужа), дополнялась рисунками. На женских надгробиях изображены перевязанные узлом траурные ленты и флакон для благовоний. Надгробия мужчин, активно участвовавших в политической жизни и защите отечества, можно разделить на три возрастные группы: юношей, зрелых мужей и стариков. На них разные изображения: на стелах юношей, занимавшихся военно-спортивной подготовкой, — принадлежности атлета (стригиль[2] и сосуд для масла); на стелах взрослых мужчин — меч в ножнах и портупея, а на стелах стариков — суковатый посох.

Посетители Херсонесского музея в Севастополе и Эрмитажа

---

[1] *Стела* — каменная плита с изображениями и надписями.

[2] *Стригиль* — скребок для очистки кожи от масла и песка после упражнений.

в Ленинграде, где выставлены стелы из башни Зенона, не перестают удивляться красоте рисунков, орнаментов, свежести красок, нанесенных на каменные плиты более двух тысяч лет тому назад.

Среди надгробий выделяется ярко раскрашенная стела Феофанта, сына Апеманта, с рельефным изображением победных лент и принадлежностей атлета. Вероятно, Феофант был неоднократным победителем в спортивных состязаниях, быть может не только херсонесских, но и общегреческих.

Особое внимание привлекают также стелы Геро и Гермодора. Они скончались в юном возрасте и были погребены рядом, хотя принадлежали к разным семьям. Рукой одного мастера вырезаны похожие по рисунку стелы. Мы не знаем истории их короткой жизни и причины внезапной гибели, но все отмеченные особенности наводят на мысль, что эти строгие и выразительные памятники могли скрывать трагедию любви.

В 1969 году при раскопках оборонительный стены, примыкающей к башне Зенона, снова были найдены стелы IV—III веков до н. э., вторично использованные в качестве строительного материала. Две из них стояли на могилах врачей.

На одной стеле мы читаем по-гречески имя врача — Дионисий, сын Пантагнота, и видим нарисованные красками медицинские инструменты: хирургический нож, щипцы, лопаточку для нанесения мазей, зонд и кровососную банку (банку для отсасывания крови). В такую банку вводился на мгновение горящий фитиль, после чего ее прижимали к телу больного в том месте, где был сделан небольшой надрез. Так в древности лечили повышенное кровяное давление.

Вторая стела значительно богаче по оформлению и содержанию. Надпись, вырезанная мелкими четкими буквами и обведенная красной краской, содержит двустишие, написанное торжественным гомеровским размером:

Этой гробницей почтил сына Лесханорида
Лекарь Эвклес, чья родина Тенедос.

В верхней части плиты художник также изобразил набор медицинских инструментов, а под ними — две мужские фигуры, возможно Эвклеса, прощающегося с умершим сыном. Звучные стихи и выразительный рисунок живо передают горе отца, потерявшего на чужбине сына и помощника в работе. Маленький остров Тенедос у берегов Малой Азии был важным медицинским центром, откуда врачи прибыли в Херсонес. Дионисий, Эвклес, Лесханорид — первые врачи на территории нашей родины, известные по именам.

Обратимся к другой группе надписей, найденных в районе открытого в 1954 году античного театра. Отыскать театр было нелегко, так как на его месте в средние века построили храм.

Раскопки этого храма были начаты еще в 1897 году, но не доведены до конца из-за вмешательства монастырского начальства, запретившего тревожить «святые мощи»[1].

Театр, сооруженный в середине III века до н. э., просуществовал до конца жизни античного города, претерпев несколько перестроек. Одна из них связана со временем пребывания в Херсонесе римского гарнизона, когда расширили сценическую площадку, увеличили количество зрительных мест и поставили стояки для натягивания сетки, приспособив театр к излюбленным римлянами гладиаторским боям и травле зверей.

Римские легионеры, видимо, принимали участие в этой перестройке, о чем красноречиво говорит найденный возле входа в театр алтарь с латинской надписью. В угоду новым зрителям была изготовлена и мраморная плита со сценой борьбы гладиаторов и именем победителя Ксанфа. Но Херсонес и в первые века нашей эры оставался по языку и культуре греческим городом, и потому в театре продолжали ставить греческие трагедии и комедии, в том числе и местных поэтов. Еще в 1903 году в районе будущих раскопок театра обнаружили мраморную плиту со списком победителей в различных музыкальных и литературных состязаниях. Значит, кроме представлений, здесь проводили состязания трубачей, глашатаев, флейтистов под аккомпанемент хора, а также поэтов — авторов эпиграмм, хвалебных гимнов, комедий.

В 1903 году вместе со списком победителей был найден обломок надписи с именем организатора и судьи состязаний, а также фрагмент мраморной плиты с рельефом и именем богини Гармонии. Родственная Музам, Харитам и Дионису, Гармония имела непосредственное отношение к театральному искусству. Датировка надписи Гармонии указывает на то, что в середине III века до н. э. херсонесский театр уже существовал. Видимо, именно там читал свое сочинение местный историк Сириск, когда все собрались на праздник Диониса.

Во время раскопок театра нашли два алтаря римского времени (один с греческой, другой с латинской надписью) с посвящением богине Немезиде[2], ставшей покровительницей актеров и атлетов, гладиаторов и солдат.

Таким образом, раскопки помогли воссоздать архитектурный облик античного театра, сделать по сохранившимся остаткам его реконструкцию, а надписи — заглянуть в «зрительный зал», услышать и увидеть то, что происходило на сцене.

Судя по дошедшим до нас надписям, где-то недалеко от

[1] На территории Херсонеса в XIX веке был построен монастырь. После революции его закрыли и помещение передали музею.

[2] В других греческих городах Немезида была богиней возмездия.

театра находился стадион, который еще ждет раскопок. Там соревновались в беге на короткую и длинную дистанции, в двойном беге, борьбе и кулачном бою, а также в пятиборье, что требовало всесторонней подготовки атлетов, и потому состязания пятиборцев проводились лишь в крупных центрах эллинского мира.

Пребывание римского гарнизона оставило заметный след в эпиграфических памятниках Херсонеса I—IV веков н. э. Появились письма императоров и наместников римской провинции Нижней Мезии, посылавших распоряжения и приказы командиру херсонесского отряда, посвящения Юпитеру и другим римским богам, а также надгробья легионеров и членов их семей, навеки оставшихся в чужой земле.

Правящая верхушка Херсонеса вела проримскую политику, получая за это права римского гражданства, государственные посты и различные привилегии. В городе были воздвигнуты статуи и посвящения римским императорам и их наместникам и по примеру других подвластных городов учрежден культ императора.

По латинским надписям, в основном надгробным, мы знаем состав римских войск в Херсонесе. Там находились части I Италийского, V Македонского и XI Клавдиева легионов, несколько вспомогательных когорт и военные корабли. Одновременно сухопутные и морские силы были направлены на южный берег Крыма в крепость Харакс, где также найдены латинские надписи.

На одном известняковом алтаре, вынутом из оборонительной стены, небрежно вырезана следующая надпись: «Гай Валерий Валент, моряк Мезийского Флавиева флота, либурна «Стрела», поставил алтарь Юпитеру Лучшему Величайшему». Из нее мы узнали имя моряка, наименование флота, тип и название военного корабля, охранявшего берега Херсонеса.

Каждый год раскопок приносит богатый «урожай». Изучение надписей, строительных остатков, монет и других находок постепенно воссоздает историю Херсонеса.

КОЛХИДА ЗЛАТООБИЛЬНАЯ

«Страны Наири от Туме до Килхи и Великого моря (т. е. Черного моря. — О. Л.) я завоевал...» Так в надписи, сделанной ассирийским завоевателем Тиглатпаласаром I, царствовавшим на рубеже XII—XI вв. до н. э., обозначены древнегрузинские племена колхов и их страна. В IX—VIII вв. до н. э., судя по ассирийским и урартским надписям, древнеколхские племена создали довольно сильное государство (так называемое Кулха), которое вело кровопролитные войны с могущественным царством Урарту. В 20-х гг. VIII в. до н. э. Кулха была разгромлена воинственными племенами киммерийцев. Но вскоре, в VII—VI вв. до н. э., на развалинах

Кулха, на территории нынешней Западной Грузии, возникло объединение древнегрузинских племен — Колхидское царство, широко известное во всем античном мире. «Отец истории» Геродот упоминает Колхиду наряду с великими монархиями Передней Азии — Мидией и Ираном. Греки из уст в уста передавали сказания о походе аргонавтов за золотым руном. О «златообильной» Колхиде писали греческие ученые Гиппократ, Аристотель, Страбон. Колхида была весьма популярна и в греческой поэзии, драматургии, а также в изобразительном искусстве.

Такой большой интерес к Колхиде в античном мире следует объяснить лишь исключительными богатствами и высокой культурой этой страны. Это стало очевидным благодаря широко развернувшимся за последние два десятилетия археологическим исследованиям по всей Западной Грузии.

Но, пожалуй, нигде так ярко, во всем своем величии и сложном разнообразии не предстала перед нами цивилизация древней Колхиды, как в Вани. Это небольшой ныне поселок, районный центр, расположенный в Западной Грузии — в Имерети (в 24 км к юго-западу от узловой станции Самтредия), в живописном ущелье р. Сулори, левого притока широко известной в древности реки Фасис (ныне р. Риони). На западной окраине поселка Вани сохранились остатки городища античной эпохи, раскопки которого вот уже ряд лет ведутся археологической экспедицией Академии наук Грузии. Уже открыты мощные оборонительные стены, укрепленные башнями и контрфорсами, а также целый ряд архитектурных сооружений III—I вв. до н. э., свидетельствующих о высоком уровне строительного дела и о наличии местной школы зодчих, хорошо знакомых с основными принципами античной архитектуры и творчески развивавших их на местной основе. Наиболее выдающимся является сложный архитектурный комплекс городских ворот, построенный во II в. до н. э. из великолепно оттесанных и плотно пригнанных друг к другу квадров белоснежного цвета. Неглубокий вертикальный паз по боковой стене служил для спуска железной решетки (катаракты), замыкающей вход во время опасности. На каменном пороге сохранились дугообразные царапины от вращения железных дверей. К воротам пристроен маленький языческий храм с каменным алтарем («Воротами бога» называют такие сооружения горцы Восточной Грузии). В храме были найдены приношения: 23 сосуда, из которых два были наполнены просом (по этнографическим данным просо играло важную роль среди грузинских племен в ритуале в честь богини плодородия). К этому храму ведет прекрасно сохранившаяся мощенная мелким булыжником мостовая длиной 18 м. Ворота украшены полукруглой башней...

Внутри города обнаружены сооружения общественного на-

значения, несколько древнеколхидских святилищ, ступенчатый алтарь, круглый храм... Во время раскопок найдены весьма многочисленные и разнообразные памятники древнеколхидской культуры, а также греко-эллинистического искусства. К последним относится бронзовый ритуальный сосуд II в. до н. э. Три фигурки орлов с распростертыми крыльями и шесть горельефных головок (высотой 10—12 см) божеств — спутников Диониса, бога виноделия, украшали этот сосуд: это исполненные с высоким художественным мастерством изображения бородатого Пана, юного Сатира, Ариадны и прекрасноликих Менад. Главным украшением сосуда является статуэтка Ники. Крылатая богиня Победы изображена как бы спускающаяся с небес в стремительном полете. С необычайно высоким мастерством передано движение. Нике Ванская — замечательное творение неизвестного, но безусловно выдающегося греческого мастера.

Эти памятники отображают историю города в III—I вв. до н. э. Изучение более раннего периода жизни города — очень сложная и трудоемкая работа, так как ранние слои расположены на глубине 4—5 м от поверхности. Но упорный труд сотрудников экспедиции ежегодно вознаграждается открытиями выдающегося научного и художественного значения. На широкой площади выявлены мощные напластования начиная от VIII—VII вв. до IV в. до н. э., открыты каменные здания этого периода, а также весьма многочисленные образцы великолепной колхидской керамики. Но исключительно большой интерес представляют богатые погребения местной правящей знати. Так, например, одно погребение, точно датированное второй половиной IV в. до н. э. (благодаря золотой монете Филиппа II Македонского и другим находкам), принадлежало знатному колхидскому воину. На ногах воина сохранились бронзовые поножи, которые предназначались для защиты ног от ступни до колена и выше колена. В этом отношении ванская находка является уникальной (распространенные в греческом мире, а также среди скифов поножи защищали ногу лишь ниже колена). Интересно отметить, что с эпохи раннего средневековья этот вид доспеха прочно вошел в вооружение грузинских воинов, о чем свидетельствует и специальная терминология поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Края погребения воина были обложены железными наконечниками копий (их было около сорока). Кроме того, найдены железный меч и клинок, а также большое количество бронзовых и железных наконечников стрел. Исключительное обилие весьма дорогого в те времена железного оружия, а также многочисленные золотые и серебряные украшения указывают на высокий сан погребенного воина, о чем свидетельствует также богатый головной убор, состоящий из золо-

тых фигурок в виде всадника и фантастических животных. У ног воина были открыты еще два скелета — мужчины и женщины, погребенных без каких-либо украшений. Вероятно, это были рабы, которых «сопроводили» в «лучший мир» для обслуживания знатного воина.

В другом, более богатом и древнем погребении, открытом археологами, покоилась, несомненно, знатная колхидянка. У изголовья лежали ряд сосудов ритуального и бытового назначения: кубки из разноцветного «финикийского» стекла и глиняный сосуд для благовоний, бронзовые кувшин и сковородкообразный сосуд (патера), украшенный скульптурным изображением нагого юноши и головки барана (изделия афинских мастерских), небольшой бронзовый сосуд, крышка которого украшена великолепными гравированными изображениями животных и птиц в традиционном колхидском стиле, а также серебряные позолоченные чаши и котел со скульптурными изображениями сфинксов на ручке и баранов на тулове греческой работы (красноречивое свидетельство тесных торговых связей Колхиды с греческим миром). Покойницу снабдили также запасами пищи, о чем свидетельствуют кости животных и крупной дичи, уложенных на семи глиняных мисках, а также огромные колхидские бронзовые котлы. Для трапезы были предназначены, вероятно, великолепные глиняные сосуды, поражающие исключительным изяществом форм и украшенные традиционным колхидским орнаментом.

Поразительным великолепием и роскошью отличался наряд покойницы. Голову украшала роскошная золотая диадема, на ромбовидных пластинках которой оттиснуты сцены борьбы зверей (символ власти и могущества): львы, терзающие быка. К диадеме были пристегнуты изящные золотые лучеобразные кольца, украшенные изображениями птиц, исполненных техникой зерни. Уши были украшены великолепными золотыми серьгами, сплошь покрытыми тончайшей зернью. Шею покойницы украшали несколько ожерелий, состоящих из подвесок с миниатюрными фигурками птиц, головой барана и других животных, но наиболее замечательны золотые черепахи, панцирь которых покрыт узорами из треугольников, выполненных мельчайшей зернью, а глаза инкрустированы вставками из белого непрозрачного стекла. Золотые браслеты увенчаны скульптурными изображениями кабанов и головками баранов, а на пальцах были золотые перстни, на щитках которых сохранились гравированные изображения. На платье были нашиты геральдические символы — золотые фигурки орлов с распростертыми крыльями. Кроме того, в погребении оказалось большое количество мелких золотых и серебряных украшений для нашивки на платье. Несохранившееся погребальное покрывало было украшено золотыми штампованными пластинками и пуговками.

Свыше 1700 золотых предметов найдено в этом погребении, и все они отличаются высочайшей техникой исполнения. Художественная форма этих изделий характерна и глубоко традиционна для Колхиды (они повторяются также и в бронзе и в серебре, как в более ранние, так и в поздние времена) и не известна за ее пределами (диадемы с ромбовидными концами, лучеобразные височные кольца, серьги и т. д.). Эти находки свидетельствуют о наличии в Колхиде V в. до н. э. высокохудожественной и оригинальной школы златокузнечества, обильно применявшей сложнейшие технические приемы ковки, чеканки, литья, филиграни. Они же являются красноречивой иллюстрацией древнегреческих представлений о Колхиде как о «златообильной» стране, стране золотого руна...

ПОДВИГИ АЛЕКСАНДРА

Александра Македонского трудно представить себе живым историческим лицом, кажется, что он был мифологическим героем. Он прожил тридцать лет и три года; за десять лет он покорил почти весь мир; он был учеником мудрого Аристотеля и поклонником великого Гомера; он был так прекрасен, что первым в Греции стал брить себе бороду, чтобы она не скрывала черт его лица. Вести о его подвигах доходили до Греции из дальних восточных земель и тут же становились легендой.

Рассказывали, будто в ночь, когда он родился, в городе Эфесе сгорел храм Артемиды, одно из семи чудес света. Это произошло потому, что богиня Артемида была в тот час далеко в македонской столице и помогала царице Олимпиаде родить Александра. На самом деле храм сжег безумец по имени Герострат: он был тщеславен и хотел покрыть свое имя вечной славой, хотя бы и дурною. Герострата казнили, а его имя запретили произносить, чтобы вместо славы предать его забвению. Увы, это не удалось: дурная слава живуча.

Аристотель рассказывал юному Александру, что, по учению философа Демокрита, таких миров, как наша Земля, существует бесчисленное множество. «А я не владею и одним!» — воскликнул Александр. «Демокрит засмеялся бы, услышав такие слова», — сказал ему Аристотель. Но Александр не смеялся.

Перед походом в Азию Александр навестил еще одного греческого философа — Диогена. Диоген был учеником Антисфена, а Антисфен — учеником Сократа. Из всего, что говорил Сократ, они запомнили лучше всего одно: «Как много на свете вещей, без которых можно обойтись!» Диоген жил в глиняной бочке, ел сырые овощи, зимой и летом ходил в одном плаще без рубахи. Когда к нему пришел Александр, он грелся на солнце. «Я — Александр, царь Македонии, а скоро буду царем мира, — сказал Александр. — Что мне сделать для тебя?» — «Отойди в сторону и не заслоняй мне солнца», —

ответил Диоген. Александр отошел и сказал своим спутникам: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном».

Александр хотел владеть Азией не как захватчик, а как наследник: по праву самого доблестного и мудрого. Когда он проходил через Фригию, ему показали в храме колесницу древнего царя Гордия, дышло которой было привязано к ярму узлом каната из кизиловой коры. Говорили, что, кто развяжет этот узел, тот унаследует власть над всею Азией. Александр попробовал и не смог: узел был запутанный. Тогда он взмахнул мечом и разрубил Гордиев узел. Рассказ об этом стал пословицей.

Когда Александр пришел в Египет, то узнал, что здесь царей считают живыми богами. Тогда он объявил себя богом, сыном Зевса. Азиатские народы восприняли это с покорностью. Греки — другое дело: они негодовали. Афиняне так шумели в своем народном собрании, что оратор Демад сказал им: «Оберегая ваше небо, не прозевайте вашу землю!» Только спартанцы презрительно ответили послу Александра: «Если Александр хочет быть богом — пусть будет!»

Основная борьба за Азию предстояла с персидским царем Дарием Младшим. Александр уже разбил его в одной битве — предстояла вторая. Дарий предложил Александру мир и половину своего царства. Старый полководец Александра Парменион сказал: «Я согласился бы, будь я Александром». Александр ответил: «И я согласился бы, будь я Парменионом». Дарию он написал: «В небе не может быть двух солнц: покорись или бейся». Дарий дрогнул. Перед самой битвой он опять предложил Александру полцарства и огромный выкуп. Александр ответил: «Ты предлагаешь мне то, что тебе уже не принадлежит».

Битва произошла под Гавгамелами. Александр победил. Решающей схваткой был натиск персидских колесниц с широкими серпами по бокам: серпы подрезали врагов под колени, как колосья в поле. Александр приказал своим воинам бить копьями о щиты; страшный лязг испугал вражеских лошадей, колесницы повернули назад.

Дарий бежал. Вскоре его убил изменник — сатрап Бесс. Этим он хотел купить милость Александра. Но Александр ответил изменнику ненавистью. Он не желал убивать Дария: он хотел принять от него власть и по-царски сделать его своим другом и советником. Бесса он выдал на расправу пленным родственникам царя Дария, которые казнили его страшной казнью: изрубили на мелкие куски и из пращей разметали эти куски по пустыне во все стороны.

Александр двигался дальше на Восток. Близ Персеполя он видел гробницу первого персидского царя Кира; на ней было написано: «Путник, кто бы ты ни был, я знал, что ты при-

дешь; я — Кир, царь великий, царь царей, царь персов, царь народов; не завидуй земле, покрывающей мой прах!» Гробница эта стоит до сих пор, и в Иране ее чтут как национальную святыню. Александр шел дальше: там за Персией была Индия.

В Индии были два царства и два царя: Таксил и Пор. Таксил отказался от боя и стал союзником Александра; Пор принял бой и был разбит. Пор был исполинского роста, в бою он сидел на слоне, как всадник на лошади, и слон хоботом вынимал ранившие хозяина стрелы. Взятый в плен, на вопрос, как с ним обращаться, он сказал: «Как с царем». — «Больше ты ничего не скажешь?» — переспросили его. «Если Александр — настоящий царь, ему не надо других слов», — ответил Пор. Ответ так понравился Александру, что тот вернул ему царство и сделал его своим союзником.

Александр спросил, кто научил Таксила и Пора их благородству и мудрости. Они ответили: «Голые мудрецы». В Греции Диоген был один, в Индии таких мудрецов было много. Они сидели в чаще тропического леса, на солнечной поляне, коричневые, прямые, безразличные ко всему окружающему, погруженные только в свои мысли. Местные жители приносили им по горстке риса в день — больше они ничего не ели. Александр захотел их увидеть. Он послал к ним в лес гонца с рассказом о своих подвигах. Мудрецы сказали: «Неужели Александр не мог добраться до нас без таких хлопот?» Но они согласились видеть его и ответить на его вопросы.

Александр задал мудрецам десять вопросов и получил десять ответов. Первый вопрос был такой: кого в мире больше — живых или мертвых? «Живых, — ответили мудрецы, — потому что мертвых больше нет». Второй вопрос: что кормит больше животных — земля или море? «Море — потому что сама земля есть лишь остров в мировом море». Третий вопрос: какое животное самое хитрое? «То, которое еще не попадалось человеку». Четвертый вопрос: зачем вы склоняли Пора к борьбе со мной? «Чтобы он со славой жил и со славой умер». Пятый вопрос: что было раньше — день или ночь? «День был раньше на один день». («Трудный ответ!» — сказал Александр. «На трудный вопрос!» — отвечали мудрецы.) Шестой вопрос: как заслужить любовь? «Будь самым сильным, но не самым страшным». Седьмой вопрос: как стать богом? «Сделай то, что не под силу человеку». Восьмой вопрос: что сильнее — жизнь или смерть? «Жизнь: в ней больше страданий». Девятый вопрос: когда надо человеку умирать? «Когда смерть будет ему лучше жизни». Десятого вопроса историки не запомнили.

За Индией лежали новые земли, но Александру уже не так, как прежде, хотелось их покорять. Войско его, измученное бесконечным походом, роптало и требовало возвращения. Александр повернул. Обратный путь шел через дикую выжженную пустыню. Воды не было, вместо этого из Индии взяли с собой

несметные запасы вина. Путь войска превратился в пьяное шествие, всюду гремели чаши, свистели флейты, звучали песни, люди падали и больше не вставали. Александр ехал в колеснице, среди пурпурных ковров, под сенью зеленых ветвей, как бог Дионис.

С Александром ехал индийский мудрец Калан: он согласился покинуть родину и стать советником царя. В дороге он заболел, и чтобы избавиться от мучений, сжег себя заживо по индийскому обычаю. («Калан сильнее меня: я сражался с царями, он — с мучениями и смертью», — сказал Александр.) Перед тем как взойти на костер, Калан посмотрел Александру в глаза и сказал: «Мы скоро свидимся». Это было первое предзнаменование смерти Александра.

Вторым предзнаменованием была смерть Гефестиона, лучшего друга царя. Когда-то Александр вместе с Гефестионом вошел впервые к пленным жене и дочери Дария; Гефестион был одет богаче, пленницы приняли его за Александра и простерлись перед ним ниц. «Ничего, — сказал тогда Александр, — он такой же Александр, как и я». Теперь Гефестион заболел, врач назначил ему диету, Гефестион не утерпел и нарушил ее, и это его погубило, Александр был безутешен. В знак траура греки стригли волосы — в память о Гефестионе Александр остриг гривы коням в своей коннице и разрушил зубцы на городских стенах. Вместо погребальной жертвы он пошел в поход на племя коссеев и перебил всех способных носить оружие. В главном персидском храме он велел погасить священный огонь — это делалось только при смерти царей. «Ты не боишься?» — спросили его. Он не ответил.

Третье предзнаменование было таинственное. Александр с друзьями играл в мяч в гимнастической комнате своего дворца. По греческому обычаю, играли обнаженными, сложив одежду на кресла. Вдруг игравшие увидели, что на царском кресле в царском одеянии сидит незнакомый человек: грязный, худой, стиснувший зубы и глядящий тупыми глазами прямо перед собой. Его схватили; он молчал. Его бросили на пытку. Тогда он сказал, что звать его — Дионисий, родом он из Мессении, сидел в тюрьме, но к нему явился бог Серапис, снял с него оковы и велел прийти сюда, надеть царское платье и молчать. Его казнили. Но Александр был мрачен.

Отчего умер Александр? Трезвые люди пожимали плечами и говорили: «От лихорадки после пьяного пира». Многие не хотели верить, что покоритель мира в расцвете своих сил умер так случайно. И рассказывали страшные вещи о том, как его отравили. Отравою была вода Стикса: оказывается, эта адская река в одном месте Греции пробивалась из-под земли на поверхность, а потом опять уходила под землю. Вода в ней была такая ядовитая, что разъедала даже камень и металл. Не разъедала она только козье копыто. В козьем копыте зло-

умышленники тайно доставили ее из Греции в Вавилон. И тут на пиру военачальник Александра Кассандр будто бы тайно капнул несколько капель этой воды в чашу царя.

Он умирал, не оставив наследника своему всемирному царству. Друзья-военачальники толпились у его постели. Александр уже почти не мог говорить. Его спросили: «Кому ты оставляешь царство?» Он прошевелил губами: «Достойнейшему». Его спросили: «Кто будет надгробной жертвой над тобой?» Он выдохнул: «Вы».

Пророчество умирающего Александра сбылось. Тридцать дней тело Александра лежало непогребенным — полководцы боролись за власть: двадцать лет по всем землям и морям от Афин до Вавилона не утихали войны.

Сильнейшим оказался старый Антигон Одноглазый, воевавший еще при Филиппе, отце Александра. Но против него объединились молодые военачальники, сверстники Александра, и Антигон погиб. Победители поделили державу: Египет взял Птолемей, Сирию и Вавилон — Селевк, Фракию — Лисимах. Сын павшего Антигона Деметрий остался царем без царства: он метался из страны в страну, им восхищались, его прославляли, но закрепиться он нигде не мог. Его прозвали «Полиоркет» — «штурмователь городов»: осадные машины у него были такие, что жители Родоса, захватив их и продав, на вырученные деньги воздвигли Колосс Родосский — статую Гелиоса, между ногами которого проходили корабли. Умер он, пьянствуя в плену у Селевка; сын его, однако, сумел все же захватить последний, малый, но почетный кусок державы Александра — Македонию.

Время шло, из наследников Александра остались в живых только двое — Лисимах и Селевк. Этот Лисимах полюбился когда-то Александру тем, что одолел льва голыми руками; этот Селевк один из всех смог повторить поход Александра в Индию. Друг с другом им было не из-за чего воевать; но им, помнившим Александра, скучно было доживать век среди молодых, и они пошли друг на друга, как богатыри, в единоборство. Лисимаху было за семьдесят, Селевку под восемьдесят. Лисимах пал в бою, Селевк был зарезан в походе на Македонию. Это была последняя жертва на тризне Александра.

ГОСПОЖА БИБЛИОТЕКА

Столица птолемеевского Египта Александрия славилась многими замечательными сооружениями, в том числе знаменитым Фаросским маяком, причисленным к семи чудесам света. Фаросский маяк освещал путь кораблям. Светочем культуры была Александрийская библиотека.

Грузный бородатый эллин и худенький смуглый мальчик шли по улицам Ракотиса, предместья Александрии, называемого также Старым городом. Оно представляло собою нагро-

мождение запутанных улочек, стиснутых покосившимися неопрятными домами. В одном из них Ликин — так звали мальчика — служил владельцу оружейной мастерской бритоголовому египтянину Петосиру, пока тот не решил его продать, чтобы купить сильного эфиопа.

— Господин! — обратился мальчик к своему новому хозяину.

Эллин шагал, не обращая внимания на ребенка. Кажется, он вообще ничего не видел и не слышал, ибо был всецело занят своими мыслями. Иногда он останавливался и чертил пальцем в воздухе какую-то фигуру, потом снова продолжал путь, чудом не натыкаясь на встречных. Это был самый странный человек, которого когда-либо видел Ликин на своем коротком веку.

— Господин! — повторил мальчик и при этом дернул эллина за край плаща.

Эллин остановился и взглянул на мальчика так внимательно, словно видел его впервые.

— Никогда не называй меня господином! — произнес он после паузы. — Я не люблю этого слова.

— А как тебя зовут твои рабы? — спросил мальчик.

— У меня нет рабов, — ответил эллин и с хитрой усмешкой добавил: — Я сам раб. Да, раб Библиотеки.

Он произнес это незнакомое Ликину слово с такой гордостью, что мальчик решил: «Эта Библиотека, наверное, очень знатная госпожа и, может быть, даже супруга царя Птолемея. Правда, он слышал, что жену Птолемея звали Береникой. Но у египтянина, которому он служил, было две жены, старшая и младшая. А у царя может быть и сто жен. И Библиотека, наверное, самая молодая и любимая».

— И что же ты хотел меня спросить?

— Я хотел спросить, далеко ли твой дом. Но если ты сам раб, скажи, где живет твоя госпожа?

— Она живет во дворце, — коротко ответил эллин и, словно бы забыв о существовании мальчика, что-то забубнил себе под нос.

«Значит, я был прав, — думал Ликин, радуясь своей догадливости. — Она — царица. А ведь царским рабам живется лучше, чем другим. Их не обременяют работой, не бьют чем попало. Вот ведь этот эллин раб, а держится как свободный. И плащ на нем крепкий, сандалии не сношены».

Тем временем они вступили в Новый город, как называли обитатели Ракотиса район Александрии, примыкающий к морю и заселенный эллинами. Улица была такой широкой, что на ней могли разъехаться две пароконные повозки и еще оставалось место для пешеходов, которые шествовали по обе стороны улицы. Слышалась разноязыкая речь — греческая, ев-

рейская, египетская. А какое разнообразие лиц и одежд! Не выезжая из Александрии, можно было увидеть все народы земли.

Площадь перед дворцом была вымощена гладко отесанными камнями. По ней можно было бегать босиком, не опасаясь поранить ступни. Но босым был один Ликин. Остальные люди были в сандалиях с красивыми застежками или в сапогах из тонкой кожи. Они не бежали, а шли, как казалось мальчику, медленно и почтительно, словно опасались нарушить покой тех, кто живет в этом огромном и прекрасном доме. Его можно было бы назвать не дворцом, а храмом, ибо люди, которые в нем жили, считали себя не просто властителями Египта, но и богами, подобными тем, которые когда-то правили этой страной.

Стражник, охранявший дворцовые ворота, был в золоченых доспехах. Мальчик смотрел на него с ужасом. Но эллин вошел в ворота так, словно они не охранялись, а стражник кивнул ему дружелюбно.

И вот они за стеной, огибавшей со всех сторон Царский мыс, так называлось это место. Справа было большое здание, слева — поменьше. К нему-то и направил свои стопы эллин. Он толкнул дверь, и они оказались в огромном, обрамленном колоннами зале.

Ликин насчитал девять высоких колонн из блестящего белого камня, который, как он слышал, называют мрамором. Перед каждой колонной находилась металлическая статуя. Мальчик почему-то решил, что это изображение госпожи, и поклонился ему в пояс. Между колоннами были высокие двери, всего восемь дверей, кроме той, в которую они вошли.

Посреди зала стоял круглый стол, окруженный стульями. Их спинки были так высоки, что сидевшие на них люди были почти не видны. Однако можно было разглядеть длинные листы наподобие тех, какие старый господин Ликина использовал для ведения расчетов.

Один из сидевших высунул голову из-за спинки стула и спросил:

— Кого ты нам привел, Эратосфен?

Ликин понял, что его спутника зовут Эратосфеном.

— Тебе все надо знать, Зоил! — ответил эллин незнакомцу. — Мальчика зовут Ликином. Он будет бороться с пылью.

— Пойдем, Ликин, — сказал Эратосфен, положив руку на плечо мальчика. — Я объясню тебе твою службу.

Они прошли к двери между двумя колоннами и, пройдя через нее, оказались в вытянутом помещении, одна из стен которого была сплошь заставлена шкафами. У старого господина тоже был шкаф, всегда закрытый. Ликину не разрешалось даже близко к нему подходить, и за три года службы

он так и не узнал, что в нем хранится. А эти шкафы были без дверок и напоминали огромные соты. Из каждой ячейки высовывался какой-то предмет наподобие колчана для стрел.

— Тебе не приходилось лазить по деревьям? — неожиданно спросил эллин.

Мальчик застыл в недоумении. Он никогда не видел деревьев, по которым можно было бы лазить.

— Ах, да, — проговорил Эратосфен сконфуженно. — Я все забываю, что живу в Египте. Откуда бы здесь взяться большим деревьям. В общем, не трудно ли было бы тебе залезть на этот шкаф?

Ликин окинул шкаф взглядом. Отверстия для колчанов располагались подобно ступеням лестницы.

— Не трудно, — ответил мальчик.

— Вот и прекрасно, — отозвался Эратосфен. — Твоя задача в том, чтобы протирать шкаф и футляры влажной тряпкой. Начнешь снизу со шкафа Альфы. Потом перейдешь к шкафу Бета. Затем к третьему шкафу. Его зовут Гаммой. Потом примешься за Дельту и Ипсилон, Дзету и Эту.

— И помни, — добавил он после паузы, — футляры надо держать закрытыми и ставить их на место. Библиотека требует аккуратности!

Он снова произнес имя госпожи с таким почтением, что Ликин решил делать все так, как говорит эллин. Наверное, Библиотека — строгая женщина и очень дорожит этими колчанами или футлярами, как их называет эллин.

— Вот тебе вода и тряпка. Принимайся за дело, — сказал Эратосфен. — А у меня другие дела.

И он выбежал из помещения с проворностью, удивительной для столь грузного тела.

Оставшись один, мальчик бросил взгляд на доверенные ему шкафы и вслух повторил их странные имена — Альфа, Бета, Гамма, Дельта, Ипсилон, Дзета, Эта. Впрочем, слово Дельта было ему знакомо. Оно означало треугольник и применялось также для обозначения низовьев Нила, имевших форму треугольника. Но почему Дельтой назывался квадратный шкаф? Этого мальчик понять не мог.

Намочив тряпку в воде, Ликин тщательно выжал ее и принялся за уборку, или за борьбу с пылью, как выразился Эратосфен. Пыли было действительно много. В некоторых местах она лежала сплошным слоем, в других на ней были отпечатки пальцев и ладоней.

Время от времени за спиной мальчика появлялись рабы Библиотеки. Это были сплошь бородатые эллины. Обходя Ликина, они подходили к тому или иному шкафу, брали колчан и молча удалялись. Пришел и тот, кого Эратосфен назвал Зоилом.

— Расселся на дороге! — сказал он Ликину и больно его ущипнул.

Мальчик поспешно уступил дорогу злому рабу, и когда тот прошел, увидел, что у него на спине горб.

Горбун подошел к Эте и вытащил из нее колчан. В течение дня он проходил еще много раз, и все к этому шкафу.

Да, это был странный дом, населенный странными людьми. Они занимались непонятным Ликину делом. Поэтому мальчик решил, что и госпожа тоже необычная женщина. «Наверное, она очень богата, если ей принадлежит весь этот дом с множеством рабов», — думал Ликин, засыпая.

* * *

Прошло несколько дней, и Ликин сам смеялся над своей наивностью. Он понял, что Библиотека не госпожа, а помещение для хранения книг, ибо в «колчанах» заключены свитки с произведениями авторов. Он узнал, что статуи перед мраморными колоннами изображают покровительниц наук и искусств, которых эллины называют музами. Отсюда и название этого дворца — Музейон[1]. Кроме зала для занятий и библиотеки, в нем были помещения для отдыха и столовая. Люди, которых Ликин поначалу считал рабами Библиотеки, оказались учеными мужами, приглашенными в Александрию из разных частей эллинского мира. Все они находились на содержании у царя Птолемея, считавшего себя покровителем наук.

Одним словом, Эратосфен тогда пошутил. Ведь серьезные люди тоже понимают толк в шутке! А может быть, это была вовсе и не шутка, потому что эллин отдавал Библиотеке всю свою жизнь и работал на нее не покладая рук, как самый прилежный из рабов. А слово «господин» он и вправду не любил и сам рабов не имел.

Что касается имен шкафов, то они оказались греческими буквами. В шкафу Альфа были сочинения тех писателей и ученых, имена которых начинались на первую букву алфавита, да и само слово «алфавит» произошло от соединения двух первых букв — альфы и беты.

Мальчик вскоре научился различать буквы алфавита, а с помощью Эратосфена и читать. В свободное от работы время Ликин доставал свитки тех писателей, которых Эратосфен называл наилучшими. Его собеседниками стали Эзоп, Геродот, Эсхил и десятки других насмешливых и серьезных эллинов. Удивительно, что все они обладали своими голосами. Эти голоса звучали в нем, и их нельзя было спутать.

Не выходя из Библиотеки он увидел и скифские степи, и ле-

---

[1] От этого названия произошло и наше слово «музей».

са Индии, он побывал в Афинах и Вавилоне, Сиракузах и Карфагене и даже в тех городах, которых уже нет.

Однажды мальчик отправился в Ракотис, чтобы повидать старых друзей. Они засыпали его вопросами, как ему живется, не обижают ли его эллины.

Он коротко рассказал им о своей жизни. Но, кажется, они не поняли его, и он добавил:

— Меня не бьют. Только один раз на меня подняли руку.

— Вот видишь, — сказал старый египтянин, — эллины остаются эллинами! Давно пора поджечь их дворец и выкурить их всех огнем.

Мальчик отступил на шаг. Глаза его загорелись гневом, и он сказал, выделяя каждое слово:

— Не смей так говорить! Там Библиотека.

ДРЕВНИЙ РИМ

АЛЬПИЙСКИЕ АННАЛЫ[1]

Еще до того как человек научился писать на глине, папирусе, пергаменте, он пытался рассказать о себе и своей жизни с помощью рисунков. Наскальными изображениями богата и Северная Италия. Они имеют большое значение как исторический источник.

Есть в итальянских Альпах, всего в ста километрах от крупнейшего промышленного центра Милана, горная долина Валкамоника. Она образована стремительной речкой, впадающей в голубое озеро. С шоссейной дороги открываются серые скалы, выступающие из сочной альпийской зелени. Иногда она наползает на них, придавая огромным камням сходство с человеческими лицами. Мох напоминает бороды, усы, шапки густых волос. Ничего не скажешь! Живописно! Но не это привлекает к скалам, о которых написано много книг, взгляды ученого мира.

Здесь близ маленькой деревушки Капо ди Понте несколько лет назад появилась группа ученых во главе с Эммануилом Анати. Счищая с камня мох, они обнаружили рисунки, тысячи неизвестных прежде рисунков.

В III—II тысячелетиях до н. э., когда на востоке и на юге соседнего Балканского полуострова существовали сильные государства с богатой и разнообразной культурой, народы Северной Италии жили еще родами и племенами. Население низин страдало не от отсутствия воды, а от ее избытка. Хижины приходилось поднимать на сваи и защищать поселки от наводнений с помощью вбитых во влажную землю столбов. Несмотря на обилие свободной земли, люди жили тесно и так же тесно хоронили своих покойников. В небольших ямках рядами помещались урны с пеплом. Нередко урна стояла на урне. Погребальный инвентарь был таким же бедным, как жизнь обитателей низин.

Иногда через поселки в долине реки По и ее притоков, а также через горные перевалы проходили торговцы янтарем. Эти куски застывшей желтой смолы находили на берегах

[1] *Анналы* — летописи (от латинского слова «аннус» — год).

Северного и Балтийского морей. По рекам и сухопутным дорогам янтарь, или, как его называли, «золото Севера», доставляли к берегам Адриатики, где его покупали жадные до наживы греческие купцы.

Не имея правильных представлений о природе янтаря и о том пути, который он проделал, прежде чем стать драгоценным украшением, греки рассказывали легенду о юном Фаэтоне, сыне Солнца, который будто бы взял у отца солнечную колесницу. Порывистый и нетерпеливый Фаэтон погнал огнедышащих коней и упал вместе с ними на берег сказочной реки Эридана (впоследствии По). Оплакивая погибшего юношу, его прекрасные сестры превратились в тополя, а их слезы, застыв, стали янтарем.

Наскальные рисунки Валкамоники дополнили данные, которыми до сих пор располагала наука о древнейшей истории Северной Италии. В древности в затерянную среди скал долину можно было проникнуть лишь через озеро и по горным проходам, когда они освобождались от снега. При почти полной изолированности от окружающего мира население этого дикого уголка сохраняло верность первобытным устоям жизни. Привычка использовать скалы для рисунков была пережитком отдаленной старины. И в то же время альпийские художники, наблюдательные и любопытные, как все горцы, зорко следили за всем, что проникало к ним со стороны.

...Большой диск с точкой в центре. Перед ним несколько палочек, в которых с трудом можно распознать изображение человека! А диск — это солнце. Человек и солнце. Что это может означать? Очевидно, поклонение солнечному божеству. Символические значения имеют и другие изображения, относящиеся к неолиту.

Второй период искусства обитателей горной долины датируется 2100—1800 годами до н. э. Человеческие фигурки еще остаются схематичными, но уже объединены в группы. Излюбленным становится изображение боевых топоров и мечей из металла. Греческий поэт Гесиод, живший в VIII веке до н. э., считал медь символом времени могучих воинственных героев медного века. В науке нового времени этот период известен как век медно-каменный (энеолит), поскольку орудия из меди не могли еще полностью вытеснить каменных.

...Пара быков тащит плуг. Несколькими линиями обозначил художник ярмо, станину плуга, его лемех и ручку. За плугом идет человек. В правой руке длинная занесенная для удара палка. Сзади четверо изображенных столь же схематично людей. В их руках мотыги. Разбивая вывороченные лемехом глыбы земли, они готовят ее для посева. Первое в Европе описание пахоты дано в IX веке до н. э. Гомером. А здесь — ее первое изображение, относящееся к концу III или началу II тысячелетия до н. э. Плуг в Италии был

в то время новинкой. Он внес в жизнь ее населения немалые перемены. Лучше обработанная земля давала больший урожай. В руках родовой знати скапливались излишки продуктов, которые можно было выменять и на изделия, необходимые в хозяйстве, и на предметы роскоши.

Рисунки третьего периода (1800—1100 годы до н. э.) отличаются наибольшим разнообразием изобразительных мотивов. Некоторые из композиций носят еще символический характер, однако постепенно развивается вкус к повествованию. На скалах появляются изображения хижин, поселков, сцены повседневной жизни. Связи с Балканским полуостровом, известные по находкам в разных районах Италии черепков микенских сосудов, подтверждаются изображениями микенского оружия, микенских повозок.

Повествовательный стиль характерен и для рисунков, относящихся к I тысячелетию до н. э. (четвертый период искусства Валькамоника). В центре внимания художников охота и война, земледелие и ремесло. На одном из рисунков изображена воинская пляска.

В V веке до н. э. на скалах долины появились первые письмена. Это буквы алфавита, которым пользовались этруски. В период своего господства в Италии этруски вряд ли проникали в труднодоступную долину. Что им было здесь делать? Но в V веке до н. э. в Италию неудержимым потоком хлынули воинственные племена галлов, которые разрушили многие города этрусков. Часть этрусков ушла в горы. Очевидно, и в долине Валкамоника после галльского нашествия поселилось немало этрусских беглецов.

В I веке до н. э. на скалах долины появились две латинские надписи. Это знамение новой для народов Северной Италии эпохи. Для обитателей низин она началась еще в III веке до н. э. Тогда в долине реки По возникли первые римские поселения. Римляне со свойственной им основательностью соорудили мощеные дороги, по которым всегда можно было подбросить подкрепление, возвели крепости. Но горные районы долгое время были им недоступны. Один римский историк так описывает войны Рима с альпийскими горцами: «Их, прячущихся в горах и лесных зарослях, иногда было труднее отыскать, чем победить. Имея возможность скрыться, эти суровые и быстрые племена то и дело совершали нападения». Долина Валкамоника была недоступнее других. Туда римский легион пробился лишь в 16 году н. э.

Прошло какое-то время, и обитатели долины утратили свой язык, отказались от своих обветшалых обычаев, стали настоящими римлянами. Такова была судьба и более сильных народов Средиземноморья.

О времени самостоятельности обитателей горной долины ничего не было бы известно, если бы не рисунки на скалах.

СТРАНСТВИЯ ЭНЕЯ

Легенды связывают древнейшие судьбы Италии с именем и подвигами Энея, беглеца из сожженной греками Трои, который считался родоначальником римских царей. Великий римский поэт Вергилий сделал похождения Энея в Италии сюжетной основой своей поэмы «Энеида».

Троянские корабли вошли в устье реки, бегущей между тенистыми берегами. Не видно было ни людей, ни диких зверей. Только птицы носились в небе и, опускаясь на мачты, приветствовали пришельцев. В поисках места для поселения взамен сожженной Трои троянцы несколько лет назад были здесь. Но тогда на них обрушилась яростная буря, в которой беглецы ощутили враждебность богини Юноны, покровительствовавшей грекам. Ветер порвал паруса, сломал весла, разметал корабли по морю.

Знаменитому герою Энею с трудом удалось собрать уцелевшие суда и привести их к городу, где правила финикийская царица Дидона (или, как ее иначе называли, Элиса). Дидона полюбила Энея и своим горячим и искренним чувством едва не привязала Энея и его спутников к своей стране. Затем, когда Эней, которому боги напомнили его назначение, презрев любовь, бежал на богатый и гостеприимный остров Сицилию, случилась новая беда: троянские женщины подожгли корабли. Им надоели бесконечные странствия, и они решили остаться в Сицилии навсегда.

Наскоро починив корабли, Эней покинул Сицилию. Преодолев многие препятствия, он благополучно подошел к устью реки. Теперь уже не бури, а безветрие мешало его высадке на берег.

Несколько сильных взмахов весел, и корабли вонзились носами в прибрежный песок. Эней, его сын Асканий (Юл) и другие троянцы вышли на сушу и расположились в четырех стадиях (около семисот метров) от моря, в месте, которое впоследствии получило у римлян название «Троя».

Внезапно из-под земли начали бить источники, и Эней принес первую жертву богам в благодарность за дарованную воду.

Совершив жертвоприношение, троянцы расположились под могучим дубом. Треск сучьев в пламени костра обещал трапезу. Но в спешке троянцы не захватили посуды. Не возвращаться же за нею на корабли! На костре испекли круглые пшеничные лепешки, заменившие столы и тарелки. Запасы иссякли прежде, чем был утолен голод. Принялись за лепешки. Юл рассмеялся: «Мы съедаем свои столы!» Все пропустили шутку мимо ушей. Только Эней поднялся с земли и, протянув руки вперед, воскликнул:

Римская монета II в. до н. э., изображающая высадку Энея в Италии.

— Здравствуй, неведомый край! Тебя предназначили боги. Исполнилось древнее предсказание: «Голод приведет вас на берег безвестный. Там свои вы съедите столы». Кончились наши скитания!

По знаку Энея начали готовить новое, грандиозное жертвоприношение. Одни несли с кораблей изображения богов, другие готовили пьедесталы и алтари. Вдруг приготовленная для жертвоприношения свинья, вырвавшись, устремилась в глубь долины, и Эней, истолковавший это как посланное богами знамение, последовал за ней. Пробежав около 24 стадий (более четырех километров), свинья взобралась на холм и, обессиленная, улеглась. Здесь и был заложен троянцами город, пока еще не имевший имени.

Между тем, пока троянские мужи рубили деревья для стен, Эней снаряжал посольство к царю Латину, правившему всей этой землей. Как отнесется царь к чужеземцам?

Не знал Эней, что, когда его корабли входили в устье реки, боги послали Латину знамение. Возле царского дворца стоял старый лавр, посвященный богу Аполлону. Внезапно на его вершину опустился густой рой пчел. Кто-то послал за гадателем. И гадатель сказал: «Вижу я мужа и войско, идущих из чуждых земель, из одной страны света в другую. Будет владыкой он здесь».

Вот почему, когда послы Энея с оливковыми ветвями в руках приблизились к дворцу Латина, царь встретил их с распростертыми объятиями. Ведь так повелели боги.

Латин заключил с Энеем союз и уступил троянцам часть своей страны. Эней обручился с царской дочерью Лавинией, и город, который был заложен пришельцами, получил ее имя.

Вскоре царь соседнего народа Турн, разъяренный тем, что обещанная ему в жены Лавиния отдана чужеземцу, начал войну против Латина и его союзников троянцев.

В поисках союзников Эней обратился к мудрому старцу Эвандру, обитавшему на месте будущего Рима. Эвандр поведал, что во владениях Турна укрылся жестокий Мезенций, изгнанный этрусками из города Цере за несправедливое правление. Этруски идут войной на Турна. Вот войско, которое с радостью примет Энея как предводителя.

Так этруски стали союзниками троянцев в борьбе против Мезенция и его покровителя Турна. Мезенций был вскоре убит самим Энеем. Эней разбил и Турна, связав свою судьбу и судьбу своего рода с латинами и их землей Лацием.

Легенда рассказывает, что сыну Энея Юлу[1] не нравился город Лавиний и он переселился на расположенные к востоку холмы, где основал новый город — Альба Лонгу. Потомки Юла правили в течение нескольких сотен лет, пока царская дочь Рея Сильвия не стала матерью близнецов Ромула и Рема, основателей Рима.

* * *

Отношение к этому преданию менялось на протяжении столетий. В XV—XVI веках настолько преклонялись перед античной культурой, что принимали на веру любой рассказ древних писателей. Эней и его спутники и противники считались такими же историческими лицами, как Цицерон или Август.

В конце XVII и в XVIII веке отношение к троянской легенде резко изменилось. В исторической науке на критике легенды об Энее формировались целые научные направления. Она отвергалась полностью, как не имеющая ничего общего с действительностью. Так, у одного из итальянских ученых начала XVIII века рассказ об Энее фигурирует как пример совершенно неправдоподобной легенды, порожденной желанием римлян, не имевших собственных героев, привязать свою древнейшую историю к великим теням прошлого.

Ученые XIX века, как им казалось, нашли объяснение тому странному факту, что легенда об Энее получила распространение в Италии, и не менее удивительному обстоятельству, что римляне считали себя потомками троянцев. Объяснение это было таким: во время завоеваний III—II веков до н. э. в Италии оказалось множество греков. Они познакомили римлян со своим искусством, литературой, мифами. И римляне, не имевшие ни своего эпоса, ни своей истории, перенесли греческих героев на территорию Италии и так сжились с ними, что стали считать себя их потомками. Так стал общепринятым взгляд, что легенда об Энее появилась в Риме лишь в III веке до н. э.

Археологические находки показали ошибочность такого мнения. Оказалось, что Эней был известен населению Италии задолго до завоевания римлянами Греции. Сначала стали находить сосуды с изображением Энея. Сейчас их известно около шестидесяти. Относятся они в основном к V веку до н. э., и большая их часть — из этрусских гробниц. Затем в одном из этрусских городов была обнаружена статуэтка Энея, вылепленная в VI веке до н. э. Он был изображен с отцом на плечах, которого, как повествовала и римская легенда, вынес из горящей Трои.

[1] Юл впоследствии был признан родоначальником римского рода Юлиев, к которому принадлежал и диктатор Гай Юлий Цезарь, и первый римский император Август.

Так связь между Энеем и этрусками, казавшаяся случайной, нашла неожиданное подтверждение. Эней оказался любимым героем не только римлян, но и этрусков.

Конечно, современные ученые далеки от мысли считать Энея и Мезенция историческими лицами, но в легенде об Энее как союзнике этрусков археология выявила историческое зерно. У малоазийского города Трои был главный враг — греки. Этруски, родиной которых также была Малая Азия, должны были считать Энея своим земляком и союзником.

Если бы римляне заимствовали троянскую легенду у греков, было бы странно вести свое происхождение от врагов греков — троянцев. Этрусские корни легенды дают этому обстоятельству разумное объяснение. В предании о родстве римлян с Энеем находит отражение факт раннего этрусского влияния в Риме. Это влияние сейчас доказано археологическими находками — остатками этрусских сооружений в Риме, этрусскими надписями, относящимися к самому началу существования города. Этруски, которые были в составе древнейшего римского населения, видимо, и познакомили римлян с троянской легендой.

Отказавшись от скептического отношения к древней традиции, современные историки и археологи стали внимательно сопоставлять археологический материал с литературной традицией о высадке Энея в Лации. Было найдено то место, где, по преданию, высадился Эней и где был расположен город Лавиний. Раскопки начались в 1957 году возле небольшой деревушки, среди вспаханных полей, где никто раньше и не пытался искать следов древности. И почти сразу же стали находить остатки древних домов и захоронений с предметами, относящимися к VII и VI векам до н. э., то есть как раз к тому времени, о котором древние авторы говорят как о периоде наивысшего расцвета города Лавиния. А несколько лет спустя в пятистах метрах от того побережья, где, по легенде, высадился Эней, были обнаружены остатки древнего святилища — 13 алтарей, вытянутых в единую линию. Самый древний алтарь был сооружен в VI веке до н. э.

Тогда вспомнили, что еще незадолго до начала раскопок на территории Лации была обнаружена плита с посвящением Энею. Следовательно, город Лавиний, куда высшие должностные лица Рима направлялись перед вступлением в должность, чтобы принести жертвы богам прародителям, с глубокой древности был центром почитания Энея.

А может быть, именно здесь находилась и гробница Энея, о которой упоминали античные авторы?

И вот в феврале 1972 года итальянские археологи сообщили: открыта великолепная гробница! Погребальная камера, сложенная из отесанных камней, имеет высоту 2,5 метра. Тут

же площадка со следами жертвоприношений, совершавшихся много столетий подряд.

Местоположение и размеры этого памятника наводят на мысль, что это и есть «гробница Энея», известная из сообщений древних авторов. Но вряд ли можно думать, что в «гробнице» похоронен сам Эней, и на этом основании сделать вывод, что он был историческим лицом. Ясно другое: уже в VI веке до н. э. в Лавинии существовал официальный культ Энея и связанный с этим культом памятник — гробница.

Скорее всего это была сложная гробница, превращенная в святилище, наподобие существовавшей в Риме гробницы Ромула. И, видимо, жители Лавиния, как и жители Рима, не думали, что в могиле лежат останки их предков: ведь оба героя, согласно преданию, бесследно исчезли, взятые на небо богами.

Так археология решительно отвергла распространенное еще сравнительно недавно мнение о том, что легенда о троянском герое выведена на основании греческих образцов римскими поэтами III века до н. э. Несмотря на легендарность самой фигуры Энея, те места, с которыми легенда связывает его высадку в Лации, неожиданно оказались поддающимися установлению: место, где причалили корабли («Троя»), святилище Солнца, где были принесены первые жертвы богам, основанный в четырех километрах от моря город, в котором установился культ героя. А находка «гробницы Энея» в Лавинии VI века до н. э., времени этрусского преобладания в Лации, объясняет и многочисленные статуэтки, и изображения Энея на этрусских вазах. Становится ясным, что культ Энея в Лавинии был установлен этрусками, питавшими особую склонность к троянскому герою, — такому же скитальцу, выходцу из Малой Азии, как они сами.

ЭТРУССКИЙ ПОРТ СПИНА

Этруски, владевшие до римлян Апенинским полуостровом, были строителями первых в Италии городов. Об открытии одного из таких городов вы узнаете из очерка.

О том, что он некогда существовал, этот значительнейший этрусский порт на Адриатике, ученые знали давно. Судя по свидетельствам древних авторов, это действительно был крупный порт. Он был едва ли не главной гаванью союза двенадцати северных этрусских городов, расположенных в долине реки По.

В Спину товары стекались почти со всех концов тогдашнего мира: с Балтийского моря доставляли высокоценимый древними народами янтарь, с Востока — ткани, домашнюю утварь, оливковое масло, благовония. Через Спину этруски вывозили

вино, хлеб и свои знаменитые бронзовые и железные изделия в греческие города.

В древности порт был расположен в трех километрах от моря, с которым его соединял канал. Так было в V—IV веках до н. э. В дальнейшем город постепенно стал приходить в упадок. В I веке н. э. деревушка, расположенная на месте Спины (сам город давно исчез, затянутый болотами, занесенный илом), находилась от моря километрах в восемнадцати.

* * *

Мокрая серая пустошь: грязь, болотистые озерца, кое-где заросли тростника, редкие кустики, низкое, мутное от вечных испарений небо, стелющийся над болотами туман — так выглядит ныне долина Комаккьо, в которой погребен древний этрусский порт.

Подумать только: здесь должны находиться своего рода этрусские Помпеи! Но эти Помпеи надо было найти. А как узнать, где находится город! Ведь менялось все: и конфигурация берега моря, и русло По, и зеркало воды озера Коммакьо, и даже высота здешних мест (когда-то часть этой местности поднималась над водами лагуны). Сейчас вся долина расположена ниже уровня моря.

И никаких или почти никаких ориентиров! Мало кто из ученых верил, что удастся когда-нибудь отыскать Спину. И тем не менее город нашли. Наука обязана этим начатым здесь еще в двадцатых годах нашего века осушительным работам, а также упорству и трудолюбию итальянского исследователя Нерео Альфиери. Без новейших приемов исследования, без смелого экспериментирования с новыми техническими средствами вряд ли удалось бы достигнуть успеха.

* * *

Греко-этрусский некрополь был найден здесь случайно во время рытья сточных каналов и осушения болот в 1922 году.

Можно было предположить, что неподалеку находится и сам город. Вплоть до 1935 года велись здесь поиски. Было обнаружено более тысячи захоронений. А вот города не нашли!

Работа по розыску Спины возобновилась лишь в 1935 году. Сначала в соседней долине нашли еще одно кладбище. А два года спустя в этом районе был осушен участок болота примерно тот, где, по расчетам Альфиери, должен был скрываться под зеркалом воды затянутый илом и тиной город. Впрочем, когда отступила вода и показалась мокрая земля, ничто вначале не подтверждало эту догадку.

Но рано было отчаиваться. Еще целый год участок оставался голым. Весной 1959 года он, однако, зазеленел. Это упрощало дело. Почему? Потому что теперь можно было прибегнуть к методу, который уже оправдал себя в других

местах, — к аэрофотосъемке. Местность была сфотографирована с высоты 3600 метров. Альфиери помчался в Равенну, где должны были проявить пленку.

Менее уверенный в своей правоте человек, быть может, даже и не обратил бы особого внимания на какие-то пятнышки, смутно различимые на отпечатках. Но только не Альфиери. Он тут же попросил летчика сделать новую серию снимков, на этот раз с различной высоты, при различном освещении, на разных пленках. Вот тут-то и появилось на свет изображение города площадью примерно 30—50 гектаров и следы каналов 18-метровой ширины. Темные полосы создавались более густой зеленью на месте бывших каналов. Там же, где зелень была беднее, следовало искать остатки домов.

Первые же раскопки дали отличные результаты. Были найдены фундаменты построек, глиняные сосуды, вазы, относящиеся к V веку до н. э. Хуже обстояло дело с изделиями из металлов. Почти все они оказались деформированными до неузнаваемости: коррозия!

Одновременно с раскопками города шли и раскопки его некрополя. Работе там тоже мешали вода и ил. И ведра играли не меньшую роль, чем лопаты. Каждый метр приходилось брать с боем. Могилы находились на дюнах, окружавших в старину лагуну. Альфиери вскрыл в Коммакьо 2 тысячи могил. Сейчас их число превысило 8 тысяч.

Тысячи и тысячи ваз, в основном греческих, разыскали исследователи. Расписные, яркие, драгоценные... Целый каталог творений греческих гончаров и вазописцев с V до середины IV века до н. э. Почему так много привозных сосудов? Очевидно, проще было в обмен за свои товары привозить керамику морем из Аттики, чем доставлять ее на спинах ослов по горным дорогам из Этрурии. Этрусские вазы, впрочем, тоже встречаются, но в основном небольшие.

...Когда глядишь на болотную жижу, на лагуну без конца и без края, даже трудно себе представить, что некогда тут находились дома, что барки и корабли поднимались по каналам в город, что тут кипела жизнь.

ПРОСТОТА, ДИСЦИПЛИНА, ДОБЛЕСТЬ

У римлян существовало много исторических легенд о героическом прошлом своего народа. Как всякий грек с детства слышал рассказы о Геракле, Эдипе, Тесее и Ахилле, так и всякий римлянин — о Горациях и Куриациях, о Курции и Деции, о Фабриции и Катоне. В легендах много вымысла, но они отражают представления последующих поколений о том, каким должен быть римский воин — дисциплинированным и беспощадным к нарушителям дисциплины, отважным и выносливым.

Когда-то из Трои в Италию приплыл Эней, и сын его основал здесь город Альбу Лонгу. Потом из Альбы Лонги

Голова римской волчицы. Бронза. Работа этрусских мастеров V в. до н. э.

вышел Ромул, выкормыш волчицы, и основал Рим. В дальнейшем между Альбой, городом-матерью, и Римом, городом-отпрыском, началась борьба за первенство. В римском войске были три брата-близнеца из рода Горациев, в альбанском — три брата-близнеца из рода Куриациев: тех же лет, тех же сил и отваги. Казалось, что сами боги назначили их для поединка, который должен был решить исход войны. Два войска стали вокруг зеленого поля, на зеленое поле вышли шестеро бойцов. Сходились медленно, сшиблись стремительно: засверкали мечи, зазвенели щиты. Силы были равны: бились долго. Наконец, старший Куриаций сразил старшего Горация, средний Куриаций — среднего Горация; только младшему из Горациев удалось убить своего врага. Победители оглянулись. Куриациев было двое, а Гораций — один; но Куриации были изранены, а Горацию посчастливилось выйти из схватки без единой раны: он был слабее двух противников вместе, но сильнее каждого порознь. Гораций понял, как победить. Он повернулся и пустился в притворное бегство, Куриации за ним; средний настигал, старший отставал. Вдруг Гораций поворотил и обрушился на преследователя; застигнутый врасплох, альбанец пал. Тогда Гораций с криком: «Двух я принес в жертву братьям, третьего — в жертву Риму!» — устремился на последнего, подбегающего врага. Схватка была недолгой; и вот, с тремя доспехами трех врагов, молодой Гораций во главе торжествующего войска двинулся в Рим.

У трех Горациев была сестра. Она была невестой одного из Куриациев. У городских ворот она ждала, чем кончится бой. Увидев на плечах брата плащ жениха, ею самою сшитый, она поняла все. Распустив волосы и ударяя себя в грудь, она зарыдала о погибшем. Гораций вскипел гневом. Он выхватил меч: «Умри с твоим женихом, если друг тебе дороже братьев, если враг дороже отечества!» Народ был в ужасе. Убийцу сестры хотели казнить. Его спасло только заступничество старика отца: «Только что у меня было четверо детей, троих я уже лишился, не лишайте меня четвертого!» Из милости к старцу победитель Куриациев был оставлен в живых, а двое его братьев и сестра удостоены почетного погребения.

Государство выше родства — об этом помнили все. С ужасом и восхищением рассказывали, как Брут Старший, изгнавший из Рима царей и ставший первым римским консулом, открыл заговор в пользу изгнанного царя, а среди участников заговора были собственные сыновья Брута. Заговорщиков казнили страшной римской казнью: засекли до смерти розгами, а мертвые тела обезглавили. Народ толпился вокруг, но никто не смотрел на истязуемых, все смотрели не неподвижное лицо Брута.

Брут казнил своих сыновей за то, что они предали республику, а Манлий Торкват казнил своего сына за то, что он победил неприятеля. Дело было полтораста лет спустя. Рим воевал с отпавшими латинскими союзниками. Война была тяжела: вчера еще враги были друзьями, все знали друг друга в лицо. Римлянами командовали консулы Деций и Торкват. Торкват издал приказ: никому не завязывать бой в одиночку, ждать общего сигнала. Нашелся один человек, который нарушил приказ: это был сын Торквата. Его вызвал на бой начальник вражеской конницы. Юноша принял вызов, сразился и убил врага. Радостный, он поспешил к отцу с победою. Торкват молча выслушал его и приказал трубить сходку. Перед лицом всего войска он обратился к сыну: «Манлий, ты нарушил воинскую дисциплину. Я люблю тебя как сына и уважаю как храбреца. Но сейчас или твоя смерть должна навсегда утвердить силу военного приказа, или твоя безнаказанность — навсегда ее подорвать. Если в тебе течет моя кровь, ты не поколеблешься в выборе». Юношу казнили: никто не посмел вмешаться. Но когда после победы консул Торкват торжественно вступал в Рим, ему навстречу вышли с приветом только старики: молодежь не простила ему смерти сына.

Торкват принес в жертву Риму сына, его товарищ Деций — самого себя. Перед боем римским консулам явился в сновидении могучий муж и возвестил: «Одни потеряют войско, другие — полководца». Проснувшись, консулы совершили жертвоприношение; гадатели сказали, что жертва Деция угоднее богам. «Значит, я сам буду своей жертвой», — сказал Деций. Жрец надел на него тогу с красной каймой, закрыл голову, ногами Деций стал на копье

Скульптурное изображение римского юноши. Бронза. Работа этрусских мастеров.

и произнес слова клятвы: «Боги чужие и отечественные, небесные и подземные, вам молюсь я о победе, вам приношу в жертву себя и вражеское войско». Он вскочил на коня, бросился в гущу врагов и упал, покрытый ранами. За ним двинулось все римское войско; победа осталась за римлянами.

Деций был не первый. Еще лет за двадцать до того в Риме случилось землетрясение. На площади треснула земля, и раскрылась бездонная пропасть. Сенат приказал каждому из граждан бросить туда горсть земли. Это не помогло. Гадатели объявили, что в пропасть нужно бросить то, что в Риме ценнее всего. Народ толпился над расселиной и спорил, что в Риме самое ценное. К толпе подъехал молодой воин на богато убранном коне; его звали Марк Курций. «О чем спорить? — сказал он. — Есть ли в Риме что дороже, чем доблесть его сынов?» И пришпорив коня, он бросился в черную пропасть. Расселина сомкнулась над ним; осталась лишь небольшая трещина в земле. Ее обнесли оградой и назвали Курциевым колодезем.

Иногда не так страшна смерть, как страшны мучения. Римляне не боялись и мучений. Когда из Рима изгнали царей, за изгнанных заступился этрусский царь Порсенна. Он осадил Рим, в городе начался голод. Один римский юноша решил спасти отечество, убив Порсенну. Звали его Муций. Переодевшись, он пробрался во вражеский стан, где Порсенна с советниками, сидя перед жертвенником, выдавал жалованье воинам. Но Муций не знал царя в лицо, а расспрашивать опасался. Он ударил мечом богато одетого советника. Его схватили и поставили перед Порсенной. Юноша сказал: «Ты можешь казнить меня, царь, но за мною придут другие, и ты не уйдешь от наших мечей!» Порсенна стал грозить юноше пыткой. «Римляне умеют не только биться, но и терпеть!» — сказал Муций и с этими словами положил свою правую руку в горящий на жертвеннике огонь. Пламя жгло его тело, но он стоял не шевелясь, пока Порсенна, потрясенный, не приказал воинам оттащить юношу от жертвенника и отпустить невредимым в Рим. С этих пор его стали звать Муций Сцевола — по-латыни «сце́вола» значит «левша».

В той же войне был совершен еще один подвиг: римляне отступали по мосту через Тибр, нужно было задержать неприятеля, пока отступающие пройдут и разрушат за собой мост. Это сделал римский воин Гораций Коклес. Спиной к мосту, лицом к врагу он один бился с целой толпой этрусков, пока не услышал за спиной треск подрубленного и рухнувшего моста. Тогда он прыгнул в Тибр и поплыл к римскому берегу. Переплыть реку в оружии, да еще израненному, да еще под градом вражеских стрел, — дело почти безнадежное. Коклес переплыл Тибр. Его встретили как героя. Как его наградили? Времена были бедные, а нравы — простые. Каждый римля-

нин подарил ему свой дневной паек, а государство столько земли, сколько он мог обвести плугом в один день.

Это еще не самый знаменитый пример древней простоты. Самым знаменитым был случай с Цинциннатом. Он был старым знатным патрицием, известным полководцем, бывшим консулом. Но все его имущество составлял кусок земли, который он обрабатывал своими руками. В трудную для государства минуту сенат назначил его диктатором — высшим и нераздельным правителем республики — сроком на полгода. Сенатский посланник застал Цинцинната в поле, за сохой, полуголого, покрытого пылью. Услышав, что к нему есть дело от сената, Цинциннат остановился, выпрямился и кликнул жене подать ему сенаторскую тогу. Умыв лицо и надев тогу, он спокойно выслушал весть о своем высоком назначении, повернулся и, оставив плуг посреди борозды, зашагал в город. На следующий день он уже выступал с войском в поход, на второй день разбил врага, через неделю праздновал триумф, а через шестнадцать дней, сделав все для римского народа, сложил диктаторский сан и вернулся к своему плугу.

...Марк Курий Дентат, победитель самнитов, сидел у очага и сам варил себе репу, когда к нему явились самнитские послы просить мира. Они принесли богатые подарки. Курий их не взял. Он сказал: «Пока я сыт таким обедом, для меня лучше не быть богатым, а править над богатыми».

...Римляне воевали с царем Пирром Эпирским. Пирр разбил их и предложил мир. Сенат уже готов был согласиться. Честь Рима спас старейший из сенаторов Аппий Клавдий. Он был дряхл и слеп, в сенат его принесли на носилках. Клавдий произнес речь: «До сих пор, римляне, я жалел, что лишился зрения; теперь, слыша ваши слова, я жалею, что не лишился и слуха...» Сенаторы устыдились. Мир был отвергнут. К Пирру было отправлено посольство для переговоров о размене пленными и о продолжении войны. Во главе посольства был Фабриций — самый бедный и самый благородный из сенаторов. Пирр предложил Фабрицию перейти к нему на службу и стать первым среди его друзей. «Не советую, царь, — сказал Фабриций, — когда твои подданные узнают меня, они отнимут престол у тебя и предложат мне».

Врач Пирра послал Фабрицию тайное письмо, предлагая отравить царя. Фабриций гордо отказался от вероломной услуги. Он переслал письмо врача Пирру с запиской: «Убедись, царь, что ты не умеешь видеть ни своих друзей, ни своих врагов». Пирр воскликнул: «Скорее солнце сойдет со своего пути, чем Фабриций с пути добродетели!» В благодарность Пирр отпустил без выкупа всех римских пленных. Фабриций не пожелал остаться в долгу и отпустил столько же эпирских пленных. Так и в этой борьбе последнее слово осталось за римлянином.

Шло время, держава росла, Рим богател, времена древней простоты отходили в прошлое. Последним и самым знаменитым поборником простоты и доблести был Катон Старший, живший во времена Пунических войн. Единственным достойным занятием был для него крестьянский труд. Его спросили: что приносит лучший доход? «Хорошее пастбище». А потом? «Пастбище похуже». А потом? «Плохое пастбище». А денежные сделки? «А разбой на большой дороге?» — ответил Катон вопросом на вопрос.

Растущая роскошь казалась ему причиной всех бед. Он говорил: «Не спастись городу, где вкусная рыба стоит дороже рабочего быка!» Когда народ потребовал бесплатной раздачи хлеба, Катон обратился к нему так: «Трудно, граждане, говорить с желудком, у которого нет ушей...»

В походах Катон был неутомим. Он говорил: «Старые подвиги нужно превосходить новыми, чтобы не испарялась слава». О солдатах: «Мне не нужны такие, которые в походе дают волю рукам, а в бою ногам и у которых ночной храп громче, чем боевой клич». Шутить с ним было нельзя. Одного всадника он разжаловал за то, что в ответ на упрек, что он сам толст, а конь его худ, тот пошутил: «Это потому, что о себе я забочусь сам, а о коне — мой раб». Врагов у Катона было множество. Его привлекали к суду сорок четыре раза, и каждый раз он уходил оправданным. В последний раз это было, когда ему исполнилось 87 лет. Он сказал: «Тяжело, когда жизнь прожита с одними, а оправдываться приходится перед другими».

Кто-то при нем рассказывал, сколько памятников знаменитым людям стоит в греческих городах. Катон сказал: «А по мне, пусть лучше спрашивают, почему Катону не поставили статую, чем почему ее поставили».

МОРСКАЯ БИТВА

Италия с трех сторон омывается морями. Ее морская граница в одиннадцать раз превышает сухопутную. Однако море не было римской стихией. Римляне его боялись и не любили. Если у них был выбор между поездкой по морю или путешествием по суше, они выбирали второе. Пастухи и землепашцы, веками пасшие стада и возделывавшие землю, испытывали неприязнь к людям моря.

К началу первой войны с карфагенянами, или пунами, как их называли римляне, у Рима не было крупного военного флота. Экипажи нескольких сторожевых кораблей состояли из этрусков и греков. На них нельзя было положиться. Без большого флота и собственных опытных моряков невозможно было и думать о захвате принадлежавшего карфагенянам и грекам острова Сицилия.

Главную силу карфагенского флота составляли длинные пятирядные корабли — пентеры. У них было пять рядов весел, обслуживаемых тремя сотнями гребцов. Помимо весел, пентеры имели квадратный парус, позволявший при попутном ветре развивать большую скорость. Если пентера ударяла своим медным бивнем о борт вражеского корабля, тот или сразу перевертывался и шел ко дну, или получал такую пробоину, что выбывал из строя. Искусство моряков состояло в том, чтобы не подставить врагу незащищенный борт и нанести кораблю противника молниеносный удар. Для карфагенян море было родной стихией. В древности долгое время не было более искусных моряков, чем они.

Перед Римом стояли две задачи — построить флот и обучить моряков.

Образцом для строительства кораблей римлянам послужила карфагенская пентера, которая была выброшена на берег бурей. В рабочих руках у Рима не было недостатка. В захваченных греческих колониях было много опытных кораблестроителей. Они и руководили постройкой ста пентер и двадцати трехрядных кораблей (триер).

Если за два месяца можно построить сотню кораблей, то этого времени совершенно недостаточно, чтобы из пастуха или землепашца сделать опытного моряка. Большинство римских воинов никогда не держали в руках даже весла. Им ли соперничать с прославленными карфагенскими моряками?

Самое большее, что можно было сделать, пока строили флот, это обучить будущих моряков обращаться с веслами. Для этого на суше были поставлены скамьи в том же самом порядке, что и на кораблях. Рядом со скамьями были укреплены перекладины с тяжелыми веслами. Людей посадили на скамьи. По команде они должны были откидываться всем телом назад, притягивая к себе рукояти весел, а потом с вытянутыми руками наклоняться вперед.

К тому времени, когда корабли были спущены на воду, у Рима были сносные гребцы. Но искусство ведения морского боя заключалось не только в умении грести. Для овладения мореходным делом нужны были долгие годы.

На помощь пришла смекалка. Римлянин, имя которого осталось неизвестным, придумал простое приспособление, не только уравновесившее силы римских и карфагенских моряков, но давшее римлянам значительные преимущества. На палубе корабля вбивался крепкий столб, к которому в нижней его части на петлях прикреплялась длинная и широкая доска с перилами. На противоположном ее конце имелся металлический выступ в форме клюва. Поэтому все сооружение называлось «вороном».

В то время когда корабль шел на сближение с врагом, доска поднималась к столбу и придерживалась в таком со-

стоянии канатом. Но стоило вражескому судну приблизиться, как канат опускался, силой тяжести доска опрокидывалась и впивалась клювом в палубу вражеского корабля.

Действия римского флота у берегов Сицилии начались неудачно. Консул Гней Корнелий со своими семнадцатью кораблями попал в подготовленную карфагенянами ловушку и оказался в плену вместе со всей командой.

Когда второй консул — Гай Дуилий узнал о неудаче Гнея Корнелия, он передал сухопутное войско военным трибунам и принял командование на море. Он вел флот к мысу Милы. Карфагенские адмиралы, завидев неповоротливые римские пентеры, не колеблясь, бросили на них все свои сто тридцать военных кораблей. Полные презрения к неопытности римлян, они не сочли нужным соблюдать боевой порядок.

Приближаясь к римским судам, карфагеняне обратили внимание на какие-то странные столбы на палубах вражеских кораблей. Но это их не смутило. Они двинулись навстречу римлянам, стремясь пройти мимо бортов их кораблей и сломать врагам весла. Но тут произошло непредвиденное. На палубы карфагенских кораблей опустились «вороны», сцепляя их с судами римлян. По образовавшимся мосткам с мечами и копьями наперевес ринулись римляне. Морская битва превратилась в сухопутное сражение, в котором римляне были сильнее. В первые же мгновения множество карфагенян пало в рукопашной схватке. Другие в ужасе сдались римлянам. Карфагенский адмирал, чье судно было захвачено одним из первых, бежал на лодке.

Весть о блестящей морской победе наполнила Рим радостью. Ликующие толпы заполнили улицы, чтобы встретить победителей. Сенат постановил, чтобы Дуилия всегда сопровождал глашатай, возвещая: «Вот идет Гай Дуилий, победитель при Милах», — а по вечерам провожали домой факельщик и флейтист. Это было неслыханным почетом, от которого, впрочем, герой вскоре просил себя избавить.

На форуме появилась колонна, украшенная рострами[1] вражеских кораблей. Ярко блестела на солнце врезанная в камень медная доска с надписью в честь Дуилия. Эта колонна, называемая ростральной, и поныне стоит в Риме.

РИМСКАЯ ШКОЛА

Действие рассказа относится к середине II века до н. э. Мальчик Тиберий впоследствии стал знаменитым народным трибуном.

Рим просыпался. Солнце еще не взошло. Но уже хлопали массивные двери особняков. Заливисто кричали петухи. Угрю-

[1] *Ростр* — металлический шип, прикреплявшийся к носу корабля.

мые и заспанные рабы сновали туда и сюда с метлами, ведрами и совками. По плитам мостовой прогромыхала повозка, груженная кирпичами. Дюжий возница, привстав, отчаянно нахлестывал волов: торопился добраться до места затемно: днем ездить на повозках в городе запрещалось.

В то раннее утро по одной из кривых улочек шел мальчик лет двенадцати. Это был сын знатных родителей Тиберий Гракх. Его педагог[1] Спендий нес впереди фонарь и освещал дорогу. Мальчик обеими руками прижимал к груди коробку с навощенными табличками, стилем[2] и другими письменными принадлежностями, а его большие глаза старались не пропустить ничего, что происходило вокруг.

Вот идут, стуча тяжелыми сандалиями, городские стражи. Они уже совершили ночной обход и теперь оживленно беседуют. Нетрудно было догадаться, что они взволнованы поимкой беглого раба.

На противоположной стороне улицы, прислонясь спиной к стене, дремал человек лет сорока, судя по одежде, земледелец. На этом же месте он был и вчера. Тиберий догадывался, что этот человек — один из тех, у кого богатые соседи отняли земельный участок. Спендий говорил, что эти люди приходят в Рим за справедливостью.

Мальчик не заметил, как он оказался на форуме — длинной площади, застроенной храмами, лавками, конторами дельцов. Стало уже светло, и Спендий погасил фонарь.

В левом углу форума, напротив колонны, воздвигнутой в честь Дуилия, находился длинный портик[3]. Огромный льняной занавес закрывал его колонны.

Приподняв занавес, Тиберий вступил внутрь. Спендий остался снаружи, присоединившись к кучке других педагогов, приведших в школу своих питомцев.

Занятия еще не начались, но все дети были уже на местах. На низких деревянных скамейках сидели мальчики и девочки. Они смеялись и громко делились новостями. Увидев Тиберия, краснощекий мальчик, сидевший на передней скамье, поднялся и побежал к нему. Это был Марк Октавий, друг Тиберия. После занятий друзья обычно отправлялись на Марсово поле поиграть в чехарду, побегать, посмотреть парад легиона. В школе они сидели на одной скамье. Они и сейчас сели рядом.

Тиберий раскрыл навощенные таблички и вынул из деревянной коробки стиль.

Вошел учитель — чернобородый грек из Тарента. Он

---

[1] *Педагог* — раб, приставленный к ребенку для ухода и воспитания.

[2] *Стиль* — острая палочка для письма по воску.

[3] *Портик* — крытая галерея с рядом колонн, примыкающая к зданию. Римляне во II веке до н. э. заимствовали портики у греков и впоследствии превратили их в роскошные постройки.

основал свою школу лет десять назад, когда выкупился из рабства. К нему в школу отдавала детей вся римская знать.

Учитель сел на высокий стул с круглой спинкой и положил на колени длинную узкую линейку. В римской школе была суровая дисциплина. Малейшее неповиновение или оплошность — и в ход пускались линейка или розги.

Сегодня суровое лицо учителя выглядело необычайно приветливым. Его длинные волосы, всегда лохматые, были причесаны. Ведь завтра каникулы, и он, наконец, отдохнет от своих учеников.

— Марк! — обратился учитель к Октавию.

Мальчик встал.

— Изложи законы Секстия и Лициния.

— Никто да не имеет больше пятисот югеров[1] общественной земли.

— Можно спросить? — раздался голос Тиберия.

Учитель кивнул головой.

— Если правда, что нельзя занимать больше пятисот югеров, то почему есть люди, имеющие тысячи югеров земли? Почему они отнимают землю у бедняков?

— Это сложный вопрос, — ответил учитель. — Мы лучше займемся баснями.

Он достал свиток и, развернув его, стал читать.

— У ручья встретились ягненок с волком. Выше по течению — волк, ниже — ягненок. Ища повода для ссоры, серый разбойник закричал: «Зачем ты мутишь мне воду?» — «Но ведь вода течет от тебя ко мне», — робко возразил кудрошерстый. Бессильный перед истиной, волк заорал: «Но ты меня ругал полгода назад!» — «Тогда меня не было на свете!» — сказал ягненок. «Так это был твой отец!» — в раздражении завопил волк и бросился на ягненка.

Октавий толкнул Тиберия локтем.

— Вот тебе и ответ на твой вопрос! У богатых сила.

Учитель улыбнулся:

— Октавий прав. Это басня Эзопа. Я ответил тебе эзоповым языком.

ТРИУМФ

Из всех торжественных церемоний, которые когда-либо происходили в Риме, триумф 146 года до н. э. был самой великолепной. Это был великий праздник римского народа, одержавшего победу над могущественнейшим противником — Карфагеном.

Не легко далась Риму эта победа. Сто восемнадцать лет с перерывами понадобилось, чтобы уничтожить соперника и

[1] *Югер* — 0,25 гектара.

превратить в римские провинции его владения в Африке, Испании, Сардинии, Сицилии. А сколько было пролито крови, сколько отдано человеческих жизней на алтарь Марса, бога войны!

...Вернувшиеся из Африки легионы выстроены на Марсовом поле, за городской чертой. Блестят начищенные мелом доспехи. Ветерок с Тибра развевает черные и красные перья на парадных шлемах. А какое самодовольное выражение на лицах воинов. Тщательно выбритые массивные подбородки вздернуты вверх. Еще бы! Отныне их будут называть владыками вселенной!

Чего же они ждут? Вот их полководец. Он появился на пороге главного штаба, или «государственной виллы», как называли римляне это здание. Кому неизвестно имя полководца: Публий Сципион Эмилиан. Так его звали вчера. А сегодня он получил еще одно имя — Африканский.

Полководец выходит к войску. Когда-то в битве при Каннах погиб его дед Эмилий Павел. Это было в 216 году до н. э. Вместе с ним на поле боя пали, испытав поражение, десятки тысяч римских воинов. Принятый в род Корнелия Сципиона внук Павла стал Сципионом. Триумф, в котором он был главным лицом, продолжение побед Сципиона и месть за деда. Ныне навсегда смыт позор Канн.

Сципион обходит строй своего войска. Рядом с ним шагает центурион[1] с плоским серебряным блюдом, на котором сверкают и переливаются огнями золотые шейные цепи, пряжки и другие предметы. Проходя по рядам, триумфатор благодарит за службу лучших воинов и раздает им почетные награды. Молодой воин Тиберий Семпроний Гракх удостаивается золотой короны с зубцами. Никому и в голову не придет заподозрить полководца, что он выделяет своего родственника — Сципион женат на сестре Гракха. У всех на глазах, рискуя жизнью, Тиберий Гракх первым ворвался на стену Карфагена.

Вдали показалась четверка белых коней. На солнце сверкает золотая упряжь. Возница останавливает коней. Сципион надевает поданную ему пурпурную тогу — ее материя выткана золотыми пальмовыми листьями, берет в правую руку скипетр, увенчанный фигурой золотого орла — знака власти древних царей, в левую — лавровую ветвь. Медленно и торжественно он поднимается на колесницу. Там белеет складной трон из слоновой кости, взятый по случаю триумфа из храма Юпитера Капитолийского. И трон, и скипетр, и тога, и колесница не просто сокровища храма. Считается, что они принадлежат самому Юпитеру, а тот, кто их надевает, — страшно

[1] *Центурион* — младший командир в римском войске.

подумать, — пользуется такой же властью, как величайший из богов.

Сципион опускается на трон. Раб, стоящий на запятках колесницы, кричит: «Оглянись! Оглянись!» Сзади к колеснице привязаны звонок и бич. Они, так же как и слова раба, должны напоминать триумфатору, что судьба превратна и в будущем он может подвергнуться бичеванию.

Под звуки труб стройными рядами проходят войска. Воины поют вольные солдатские песни. Только сейчас, шагая за колесницей своего полководца-триумфатора, они могут сказать все, что они о нем думают. Они высмеивают его внешность, потешаются над его привычками. Они вспоминают о том, как во время осады Карфагена Сципион заставлял их рыть землю, как они из-за него голодали.

Сципион всякий раз, когда до его слуха доносятся шутки воинов, улыбается. Для триумфатора они не более как звон колокольчика, привязанного к колеснице. Кончится триумф. Полководец сойдет с колесницы. С фасц[1] снимут перевязь из лавра, и он сможет приказать своим телохранителям высечь любого из этих воинов, которые сейчас чувствуют себя расшалившимися детьми.

Но пока триумф только начинается. Через ворота процессия вступает в празднично разукрашенный город. Мимо Большого цирка она тянется Священной дорогой к форуму. Впереди идут сенаторы, среди них консулы, преторы, квесторы, эдилы и другие должностные лица. Жаль, что между ними нет Катона Старшего, инициатора последней из войн с Карфагеном. По любому поводу и без всякого повода Катон произносил слова, ставшие поговоркой: «А все-таки я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен!» Карфаген разрушен по приказу сената. Но Катон умер и никогда не узнает, что добился своего.

Государственные рабы несут картины с изображением осажденного, горящего и разрушенного Карфагена, вывезенные из карфагенских храмов статуи, золотые и серебряные сосуды. По камням форума дребезжат повозки. В них наваленное грудами карфагенское оружие — шлемы со следами крови и вмятинами, серебряные и бронзовые панцири, кожаные, деревянные и металлические щиты, катапульты, напоминающие огромных стрекоз с переломанными ногами и крыльями. В воображении римлян, привлеченных красочным зрелищем, встают схватки на улицах уже не существующего города, пламя подожженных храмов, воронки от пущенных ко дну кораблей.

Показались белые быки. На их мощных шеях гирлянды

---

[1] *Фасцы* — пучки розог, служившие знаком отличия высших должностных лиц.

из роз. Изогнутые рога покрыты золотом. Быков ведут юноши в ярких передниках. Животные будут принесены в жертву Юпитеру. Ибо отец богов по дыму сжигаемых на алтаре внутренностей должен узнать о том, что произошло на земле, и получить вознаграждение за сочувствие и помощь победителям.

За быками идут скованные по четыре пленные. Грязные, спутанные волосы, лохмотья когда-то богатых одежд, стертые в кровь босые ноги. Многим из них идти осталось недалеко. В конце Священной дороги есть низкое приземистое здание. Чтобы попасть внутрь, нужно спуститься по шести врытым в землю каменным ступеням и открыть обитую позеленевшей медью дверь. Это Мамертинская тюрьма, сюда отведут самых знатных пленников. Здесь их ждет могильный холод. В то время когда триумфатор вступит на Капитолий, палач задушит их во славу бога войны Марса.

Шли годы. Сохли и осыпались листья лавровых венков, тускнела позолота победных значков. Участники великой осады Карфагена давно уже вернулись к мирному труду. Воины столкнулись с горькой правдой. Война им ничего не дала. Земля по-прежнему принадлежит богачам. Люди, не державшие в руках меча, благоденствуют. Не садившиеся на коня называются римскими всадниками, носят на пальцах золотые кольца, занимают первые четырнадцать рядов в амфитеатрах. Превращенные в рабов жители Карфагена, Коринфа и других покоренных римлянами городов и земель доставляют им сказочные богатства. А те, кто испытывал зной и холод, жажду и голод, те, кто проливал кровь на равнинах Африки и в горах Испании, влачат жалкое существование. Нередко за неуплату долгов их прогоняют с полей, и толпами они бредут в Рим обивать пороги богатых домов.

* * *

Через тринадцать лет после триумфа Сципиона площадь, которая когда-то была заполнена ликующими римлянами, стала местом другого народного сборища. Тысячи бедняков, изможденных, оборванных, истосковавшихся по земле, явились на форум со всех концов Италии. На рострах (ораторской трибуне) тот самый воин Тиберий Семпроний Гракх, который получал золотую корону из рук полководца. Теперь он народный трибун. Над форумом звучат его слова:

— И дикие звери имеют в Италии свои норы и логовища. А те, кто сражается и умирает за Италию, не владеет в ней ничем, кроме света и воздуха. Полководцы обманывают воинов, призывая их защищать гробницы и храмы. Воины! У вас нет отчего алтаря и гробниц предков. Вы сражаетесь и умираете за чужую роскошь, за чужое богатство! Вас на-

зывают владыками вселенной, а вы не имеете ни клочка собственной земли.

Гул одобрения прокатился по площади. Слова проникли в души слушателей и нашли в них отклик.

Однако Тиберию Гракху и его сторонникам не удалось возродить свободное крестьянство, опору римских побед в войнах с Карфагеном. Дешевый рабский труд, почти даровой хлеб из провинций делали обработку земли для свободных людей делом обременительным и невыгодным. Бывшие земледельцы заполняли Рим, где жили на подачки богатых людей и государства. Они уже отвыкли от земли и предпочитали полуголодную жизнь в городе сельскому труду. Триумф Рима над побежденными народами был началом разложения Римского государства и подготовил падение Римской республики.

УГОЛЕК

Действие рассказа относится к начальному периоду первого великого восстания рабов в Сицилии (138—132 годы до н. э.). Ахей и Евн — исторические лица.

Видели ли вы, как горит пастушья хижина? Пламя охватывает закопченные бревна и красными языками пробивается сквозь кровлю. В его реве слышится торжествующая ярость вольнолюбивой стихии, веками томившейся в эргастулах[1] гончарных и плавильных печей, за железными решетками очагов, в тесноте глиняных светильников. В него подливали масло каплями. Его кормили впроголодь углями или жалкими щепками, а ему для насыщения мало Герцинских лесов[2].

Огонь не только могуч. Он хитер. Выпал из очага крошечный уголек и притаился под золою. Не заметил его беспечный хозяин и ушел. Загорелся пол. Занялись стены. И вот уже весь дом объят огнем!

Вот с такого уголька все началось у нас в Сицилии. Только пожар охватил не пастушью хижину, не деревню, не город, а огромный остров. Искры его перелетели через море, и можно было видеть огненные сполохи в различных частях круга земель[3].

Тогда я был рабом Антигена и жил в городе Энне, обучая господских детей. Как учителю, мне жилось лучше, чем многим, да и Антиген, право, был не худшим из господ. Близость к детям избавляла меня от унизительных наказаний. Впрочем, Антиген прибегал к ним вообще редко, предпочитая отсылать провинившихся с глаз долой, на мельницу.

---

[1] *Эргастул* — подземелье, тюрьма.

[2] Леса в Германии, считавшиеся необъятными.

[3] Так римляне называли мир.

Желая казаться человеком образованным, Антиген украсил свой дом бюстами поэтов и философов. Но я не видел, чтобы он что-либо читал, кроме счетов и расписок. Прослышав, что в Сиракузах у кого-то есть раб-фокусник, Антиген решил не ударить лицом в грязь и завести фокусника у себя в доме.

Так появился Евн, сириец лет тридцати. У него было длинное вытянутое лицо с узким, как бы надрубленным посредине носом, высокий лоб, густые брови. Более всего поражали его глаза, обладавшие какой-то притягательной силой.

Рабы любят рассказывать о себе. Мысленно возвращаясь к свободе, они черпают силу в воспоминаниях. Достаточно недели, чтобы узнать о новом невольнике все: откуда он родом, кто его родители, как попал в рабство. Евн оставался для нас загадкой. «Наверное, скрытность свойственна его профессии», — думал я.

За день до представления весь дом был поднят на ноги. Всюду что-то мыли, скребли, чистили. Нам, рабам, приказали надеть чистое платье. Можно было подумать, что Антиген хотел блеснуть не только искусством своего раба-фокусника, но стремился показать гостям, как хорошо и весело жилось в его доме.

Я не ошибусь, если скажу, что делалось это в пику Дамофилу, соседу и давнишнему недругу Антигена. Стоило одному прославиться в чем-нибудь, как в соревнование вступал другой. На ипподроме в Сиракузах их лучшие кони состязались в быстроте бега. Каждый стремился затмить другого роскошным убранством дома и затратами на общественные нужды.

Антиген вел себя более сдержанно. Он не позволял себе разъезжать по улицам Энны на повозке, запряженной рабами. Его пастухи не грабили путников, так как им давали обноски. Дамофил, отказывая и в этом, толкал рабов на грабеж.

Несмотря на вражду, Дамофил и Антиген, как добрые соседи, ходили друг к другу в гости.

Я не буду утомлять вас рассказом о том, как был накрыт стол, как стали собираться гости, какие произносились речи. Начну прямо с выступления Евна, поразившего нас всех в тот день.

На нем развевался длинный пурпурный хитон, подпоясанный узорным поясом. На ногах были сандалии с серебряными застежками. Сириец низко поклонился гостям. Антиген радостно улыбался. Фокусник следовал его наставлениям и был почтителен.

Евн подошел к столику. Глиняные тарелки словно прилипали к его рукам. Вино не выливалось из опрокинутых

фиалов[1]. В воздухе мелькали платки, ножи, футляры для свитков и другие предметы.

Но что это? По знаку Евна внесли хозяйское кресло. Фокусник расположился на нем с той величественностью, которая приличествует царю. Вот он устремил свой взгляд на одного из гостей. Тот сначала заерзал, а потом замер, как бы окаменел при виде Горгоны Медузы. Евн сделал какое-то движение рукой: гость вскочил и, взяв со стола яблоко, почтительно протянул фокуснику. Небрежно поблагодарив, Евн обратил свой пронизывающий взгляд на другого гостя. Тот также молча поднес Евну фиал.

Мы, рабы, затихли. Евн шел по острию ножа. Он обращался со знатными гостями, как со своими слугами.

Очередь дошла до Антигена.

— Подойти ко мне, раб мой! — приказал Евн.

Это переходило всякие границы. Поэтому наступила такая тишина, что можно было услышать жужжание мухи.

Антиген побледнел. Яростный окрик готов был уже сорваться с его уст, но Евн не отводил глаз. Выражение лица у Антигена изменилось. Он как-то обмяк, ссутулился и сказал мирно:

— Верю тебе, Евн! Ты станешь царем. Не забудь тогда о тех, кто делал тебе добро.

Так Евн обрел над Антигеном странную и непонятную власть. Сириец не злоупотреблял ею, но и Антиген не вспоминал о публичном оскорблении.

Слух о необыкновенных способностях Евна перешагнул за порог дома, и вскоре во всей Энне и ее округе не было раба, который не слышал бы о сирийце и не мечтал о встрече с ним. В их глазах Евн был не фокусником, в человеком, связанным со сверхъестественными силами и обладавшим властью над ними.

Мне всегда казалось, что в профессии фокусника есть что-то легковесное, шутовское. Но Евн не был обычным фокусником. Он скорее напоминал жреца, восточного мага. Я слышал, что среди них есть люди, обладающие высшей мудростью. Величайшие философы не стыдились называть себя их учениками.

Не удивительно, что меня потянуло к Евну. Да и он сам шел мне навстречу. Я охотно оказывал ему различные мелкие услуги, значение которых мне стало ясно позднее. Я встречался с невольниками Дамофила и передавал им какие-то клочки папируса, исписанные непонятными письменами. Однажды я спрятал у себя в каморке кожаный мешочек, в котором, судя по металлическому звону, были монеты.

Как-то Евн попросил меня принести горсть орехов. Удовлетворив его просьбу, я спросил:

---

[1] *Фиал* — сосуд для питья.

— Ты любишь орехи, Евн?
— Нет, Ахей! Особенно с тех пор, как обломал о них зубы. Орехи нужны мне для дела.
Евн раньше называл «делом» свои представления. Но, судя по многозначительному тону этих слов, речь шла о чем-то другом.
Однажды Евн сам забрел в мою каморку. Обняв меня за плечи, он сказал:
— Видишь этот орех? — он разжал кулак. — С виду он похож на те, которыми ты меня снабдил. Но только с виду. Внутри не ядро, а уголек. Старый фокус. Я научился ему у отца. Он был воином и погиб в схватке с римлянами. Маленькая хитрость. Но она послужит доброму делу.
— О чем ты, Евн? Я не понимаю.
— Прости, что говорю сбивчиво. Я долго молчал. Если бы ты знал, чего мне это стоило. Я должен был сжаться в кулак. Но сегодня решится все. Сегодня у Волчьей пещеры. Приходи, Ахей! В полночь.
У входа в Волчью пещеру собралось несколько сот рабов, мужчин и женщин. Тут были и сирийцы, которым я носил записки Евна. Они были вооружены. Я подозреваю, что оружие было куплено на деньги, хранившиеся в моей каморке.
Появление Евна было совершенно неожиданным. Сначала из-за выступа пещеры показались руки, потом голова и туловище. Ног не было видно, поэтому могло показаться, что это не обычный человек, а великан.
Евн медленно опустился с ходулей, лег на землю. Глядя на его устремленные в одну точку глаза, шевелящиеся губы, можно было поверить, что он улавливает какие-то доступные лишь ему одному звуки. Потом он встал, словно повинуясь чьему-то приказанию.
— Долго ли терпеть, Евн? Когда избавление? — послышались крики.
Евн поднял руку. И в тишине прозвучал глухой голос:
— Мать-земля! Величайшая из богинь! Ты меня слышишь? Откликнись!
Я готов был поклясться, что рот Евна был закрыт. Кто же тогда обращался к богине?
Толпа замерла, ожидая чуда. И оно произошло.
Из уст Евна вырвалось пламя и осветило его лицо с безумными глазами.
Люди в едином порыве упали на колени.
«Только мать-земля способна на такое чудо! — думали они. — Ведь ее недра полны огнем. Те места, из которых выходит огонь, священны».
Я один знал, что во рту у Евна орех с угольком: маленькая хитрость, но она служит великому делу.
Вместе со всеми я бежал по склону горы к Энне. В руках

у воинов были факелы. Да, воинов! Кто бы назвал их рабами?! Как яростно пылали их глаза! Как одухотворены были их лица! В каждом из них частица огня Евна.

Дальше я могу не продолжать. Последующие события известны всем. В очищающем пламени сгорела Энна вместе с Дамофилом и всеми, кто попрал имя Человека. В городском театре мы избрали Евна царем, и он правил под именем Антиоха. Я стал командующим войском из освобожденных рабов. Трижды римляне посылали против нас легионы. Мы громили их, захватывая пленных и римские знамена. Сицилия была в наших руках.

А все началось с уголька. С того уголька, который Евн положил в выдолбленный орех.

АИСТЕНОК

Евксен пробудился от глухого и протяжного стона. Старое дерево шумело от налетевшего ветра и колотило ветвями по кровле.

С тех пор как Евксен помнит себя, дерево стояло здесь, перед окном эргастула, — то зеленое и пышное, как госпожа в праздничном наряде, то голое и продрогшее, как нищий у речной переправы. Чему только не научил его старый платан! Благодаря ему Евксен стал понимать смену времен года. Тень ствола сделалась часами, кора заменяла восковые таблички. А потом он нашел и убежище в кроне.

Там, укрывшись от враждебных взглядов, он переносился в страну, похожую на огромный некошеный луг. По сочным травам бродили счастливые люди в ярких одеждах, веселые и добрые. Взявшись за руки, они водили хороводы, рвали цветы и украшали ими волосы. Берег реки был покрыт яркими и блестящими камешками, такими, как в перстнях у господина, и каждый мог ими играть.

— Ах ты, подкидыш! Опять на дереве! — слышался голос надсмотрщика. — Погоди, ты у меня сейчас получишь!

Так обычно кончалась каждая попытка скрыться от тех, кого Евксен не любил и боялся.

Весной, когда ветви дерева едва покрылись зеленым пушком, мальчик заметил двух огромных птиц со сверкающими крыльями. Никто не говорил ему об аистах, приносящих счастье. Поэтому их появление показалось чудом.

Ему хотелось сказать птицам, что они не ошиблись, избрав его дерево, а не какое-нибудь другое, что оно, как сильный и великодушный патрон[1], готово помочь всем, у кого нет своего дома. Но птицы — это было так обидно — не хотели замечать мальчика. Они были заняты чем-то своим. В их

---

[1] *Патрон* — покровитель.

клювах, острых, как наконечники копий, мелькали веточки и клоки сена. И вскоре на верхушке платана появилось гнездо. Оно было так высоко, что приходилось задирать голову, чтобы разглядеть его плетеные стены, а что было за ними, не знал никто. И мальчику вздумалось поселиться там, вместе с птицами, где его не могла бы достать плеть. А если бы кто пытался кидать камни, птицы посадили бы его на свои крылья и унесли.

— Опять ты бездельничаешь! — шумел надсмотрщик.

На голову и спину мальчика обрушивались тяжелые удары.

Но страшнее, чем брань и побои, была угроза господина послать его на мельницу, что в двух милях от эргастула. Это было наказание для всех дерзких и непокорных рабов. Редко кому удавалось пробыть на мельнице больше года. Поэтому господин, знавший цену деньгам, отправлял провинившихся туда на зиму или на лето, а потом возвращал в эргастул, где работа считалась более легкой.

Евксен спрыгнул с нар и просунул голову в белый от мучной пыли хитон. Эргастул обычно запирался снаружи, и надсмотрщик, которому было поручено охранять невольников, ночью обходил здание вокруг, наблюдая, чтобы никто не вылез в окно. Теперь же непогода загнала его в эргастул, и он спал, загородив своим телом выход.

Переступив через спящего, Евксен выскочил наружу. Ветер едва не сбил его с ног. Чтобы не упасть, он прижался к дереву.

Впереди что-то шевелилось. Присмотревшись, Евксен понял, что это птица. Но не аист, большой и сильный, а беспомощный аистенок. Ветер разрушил гнездо, и он упал на землю.

Подбежав, мальчик бережно поднял птенца, прижал его к груди, чтобы защитить от ветра. Он заметил, что у аистенка повреждена лапка. Оторвав лоскут хитона, он затянул им ранку.

В свист ветра вмешались какие-то звуки, напоминающие вздохи больного. Подняв голову, мальчик увидел аистов. Они кружились и махали своими огромными крыльями. Да! Теперь они его заметили!

— Летите, летите! — кричал им мальчик. — Я не брошу аистенка, как бросили меня. Он не будет рабом! Вы слышите, аисты!

И птицы, словно поняв его слова, взмахнули крыльями и улетели. Мальчик кинулся к мельнице. Нет ничего тяжелее жернова. Но там вдоволь зерна, и никто не помешает ему вылечить и выкормить аистенка.

Наутро беглеца хватились. Собаки, пущенные по его следу, привели преследователей на мельницу. Прошло немало времени, пока глаза различили в мучной пыли движущиеся фигуры,

белые и страшные, как призраки. Евксен, впрягшись в лямку вместе с мулами, крутил каменное колесо.

— Вот глупый! — захохотал надсмотрщик, помахивая плетью. — Другие бегут с мельницы, а он на мельницу. Эй, Тавр, Никс, назад!

Удалявшийся собачий лай звучал спасительной музыкой, и сердце билось ей в лад.

— Да, да! — вырвалось из уст Евксена. — Тебя не нашли, аистенок!

Рев жернова заглушил слабый голос, но, кажется, мулы все-таки его услышали. Они одобрительно помахивали головами, и с их добрых морд сыпалась тонкая мучная пыль.

В то же утро обитатели эргастула заметили, что исчезло гнездо на старом платане. Улетели аисты, и мальчик убежал на мельницу, но никому не пришло в голову сопоставить эти события.

* * *

Несмотря на поздний час, гавань Тарента была полна людьми. Нет! Они не встречали запоздавшие корабли с удивительными животными для предстоящих гладиаторских игр, не ожидали трирем с дешевым египетским хлебом. Тит Винуций, владелец ближайшей к городу виллы, устроил распродажу рабов.

Деревянный помост у храма Юноны был окружен толпой и покупателями рабов, и просто любопытными. С утра пошли в продажу красивые флейтистки и танцовщицы, за которых платили по тысяче денариев и более, потом учителя и философы, удивлявшие публику мудростью и знанием чужеземных обычаев. К полудню их сменили повара, массажисты, писцы и другие из домашней челяди. Затем дошла очередь до пахарей и пастухов, ценившихся не дороже годовалого быка. К сумеркам торговец выставил тех, кого днем не взяли бы и даром: истощенных, увечных, больных. На них трудно было найти покупателя, и все же хитрец не терял надежды сбыть «подмоченный товар», как он называл про себя все это жалкое отребье.

— Подкидыш! — он ткнул концом плети в хилого, изможденного подростка. — Пятнадцати лет. Умеет лазить по деревьям. Бежал к мулам на мельницу.

Толпа разразилась хохотом, оценив находчивость торговца. Он не нарушил закона — при продаже раба не скрывать его достоинств и пороков. «Умеет лазить по деревьям!» Надо же такое придумать. «Бежал на мельницу!» Вот шутник!

— Этот мне подойдет! — крикнул кто-то в задних рядах.— А то все бегут с моих рудников! Пусть хоть один побежит на рудник. Почем просишь?

— Сколько не пожалеешь?

Торг начался.

И в это время с дерева, нависшего над помостом, прямо к ногам подростка стремительно упала птица. Это произошло так неожиданно, что даже бывалый торговец растерялся. Но потом, опомнившись, он занес плеть. Аист заметил угрозу, но не улетел. Он только взмахнул крыльями, будто желая защитить мальчика от удара. И что было совсем странно, повернул свой клюв к обидчику. На помост выпало что-то блестящее и покатилось по доскам. Прежде чем кто-либо смог опомниться, торговец вспрыгнул на помост и закрыл выпавший предмет своим телом. Толпа отшатнулась. Никто не обратил внимания на Евксена, не видел, как он обнял аиста, ощупывая пальцами шрамик на его ноге. Взоры были прикованы к торжествующему торговцу. В его пальцах сиял драгоценный камень невиданных размеров. Говорят, такие встречаются лишь в Индии и их добывают гигантские муравьи. За один такой камушек можно купить рабов всего Тарента, нет, целой Калабрии. А может быть, и всего Рима?

Евксен брел по дороге. Желтая пыль покрывала его израненные ноги и рваный хитон. Никто не пытался его задержать и вернуть господину. Может быть, все уже слышали об удивительном происшествии в гавани, о рабе, выкупленном аистом. Или просто во всем облике этого подростка было что-то такое, что заставляло их отступить.

Евксен брел, с трудом переставляя ноги. Он не видел ни людей, ни мулов, не слушал их возгласов и криков. В его глазах нестерпимым светом сверкала страна его детской мечты.

ЮНЫЙ ЦЕЗАРЬ

Основанный на действительном происшествии, рассказ относится к 79 году до н. э., когда Римом правил диктатор Сулла и многие его противники находились в изгнании в восточных провинциях Рима.

На все это потребовались считанные мгновения. Крючья подтянули бирему[1], и на палубу посыпались пираты. Кормчий упал с проломленной головой, а его помощника и полусонных пассажиров с бранью провели к переброшенным с миопароны[2] мосткам.

Вскоре Гелиос осветил кучку пленников, обступивших кормовую мачту. Тут были пожилые греки с трясущимися руками, молодая женщина с ребенком и безбородый юноша, опирающийся на плечо раба.

Юноша, казалось, был напуган менее всех. Брезгливо опу-

---

[1] *Бирема* — судно с двумя рядами весел.

[2] *Миопарона* — тип легкого и подвижного судна, обычно используемого пиратами.

щенные кончики губ говорили лишь о презрении к тем, кто посмел обращаться с ним, как с простым смертным. И это не осталось незамеченным.

Бородач в широких пунцовых шароварах, по всей видимости главарь шайки, подошел к юноше и тронул его за плечо.

— Прочь, собака! — сказал юноша бесстрастно. — Я накажу тебя за твою дерзость.

Раб выбежал вперед, пытаясь защитить своего господина, но тот нетерпеливо оттолкнул его.

— Да, я повторяю, — продолжал юноша. — Ты будешь распят на кресте.

Архипират[1] вздрогнул и отступил, видимо обескураженный этой угрозой. Как бы ища защиты, он обернулся к столпившимся пиратам и незаметно для юноши подмигнул.

Этого никто не мог ожидать. Словно кто-то подменил наглых и бессовестных разбойников. У них подкосились ноги. Они упали на палубу, изображая ужас и раскаяние. Сам архипират, стоя на коленях, униженно протягивал к юноше руки.

— Прости, патриций, — бессвязно бормотал разбойник. — С кем не случится... Знал бы заранее, что будешь на этом корабле, разве посмел. И ночь без луны. Пойди догадайся, кто патриций, а кто презренный плебей. И одежда у тебя, как у всех...

— Ты посмел забрать мою одежду! — перебил юноша пирата.

Тот вскочил на ноги.

— Ах, негодяи! Ах, воры! Ах, подонки! — вопил он, яростно вращая белками глаз. — Немедленно возвратить патрицию его одеяние.

Напуганные до смерти пираты бросились к мешкам с добычей. В воздухе замелькали хитоны, гиматии, войлочные шляпы.

Пленники замерли у мачты. На их растерянных лицах заиграл румянец. Женщина с ребенком не отводила взгляда от смелого юноши, в котором видела едва ли не посланца самих богов.

— Остановись! — закричал архипират, когда в воздухе мелькнула тога. — Разве не видишь, что это вещь нашего патриция. Как ты смеешь марать ее своими грязными лапами?

Он выхватил у одноглазого пирата тогу и бережно поднял ее двумя пальцами.

— Эй, вы! Взгляните на свое рванье! — обращался он к пиратам. — Сравните его с этой белизной. Теперь вы понимаете, что вы недостойны подметок его сандалий?!

Внезапно он шлепнул себя ладонью по лбу.

---

[1] *Архипират* — предводитель пиратов.

— Сандалии! Патриций стоит босиком на палубе. Он может испачкать и занозить свои божественные ступни.

Кто-то из пиратов, не дожидаясь окончания этой тирады, успел найти в куче вещей изящные сандалии и ползком добрался к Цезарю.

Тот, как ни в чем не бывало, протянул услужливому пирату сначала одну ногу, затем другую.

Архипират со всеми предосторожностями подал юноше тогу, и тот привычным жестом запахнулся ею.

— Истинный патриций! — воскликнул архипират. — Потомок Ромула. И такой человек находится среди нас, маленьких, никчемных людишек.

Он сделал повелительный жест.

— Эй вы, спустите сходни.

Через несколько мгновений с правого борта была спущена деревянная лестница.

И тут хохот потряс палубу. Дрожали бороды, дергались щеки и лбы, иссеченные шрамами. Закатывались глаза.

— Ай да Минуций! — истошно вопил одноглазый пират. — Ну и потешил! Не надо и в театр ходить!

— А что же? — лихо сказал тот, кого назвали Минуцием. — До того, как стать архипиратом, я был архимимом[1].

— Итак, — обратился он к юноше. — Теперь ты понял? Иди! Нам не нужны патриции. Мы обойдемся без них.

Наступила тишина, прерываемая лишь всхлипываниями раба. Юноша с высоко поднятой головой зашагал к борту. И всем стало ясно, каким должен быть патриций.

Вот он опустил за борт одну ногу, затем другую. Исчезла голова. Сейчас раздастся плеск, и море примет жертву.

Но вместо плеска все услышали предсмертные слова храброго юноши:

— Как же обрадуется Сулла, узнав о смерти Цезаря!

И почти одновременно раздался вопль архипирата:

— Задержите его! Он должен жить!

* * *

Они сидели на палубе и миролюбиво разговаривали. В тоне Минуция уже не было ни тени насмешки.

— Так вот ты какой, Цезарь. Сам Сулла сказал, что в тебе много Мариев[2]. И что же ты делал после того, как бежал из Рима?

— Отправился в Азию. Я слышал, что здесь процветает красноречие. Сегодня я смог в этом убедиться.

— Забудем об этой шутке. Профессия у меня серьезная, надо

---

[1] *Архимим* — главный актер в сценках, называемых мимами.

[2] *Гай Марий* — римский полководец, глава демократической партии, политический противник Суллы.

же когда-нибудь посмеяться. Служил я под орлами Мария, а когда Сулла прибыл в Азию, солдаты разбрелись и я подался в мимы. Но не дал мне Сулла покоя. Стал он в Азии марианцев разыскивать. Пришлось в море спасаться. Теперь мне бояться некого. Землями Сулла владеет, а здесь моя власть!

Он поднял огромный волосатый кулак.

— К тому же, — продолжал он, — в море я добился известности. Ты слышал когда-нибудь о римском солдате Минуции? А о миме с этим именем? Тоже нет! А пирата Минуция знают все. Десять городов платят мне дань, лишь бы я не заходил в их гавани. А сколько знатных людей удостоили меня своим вниманием! Сам царь Митридат[1] пожимал мне руку.

Он осекся, видимо поняв, что сказал слишком много.

— Посмотри на мою мачту, — продолжал он после паузы.— Я обил ее золотыми листами. Весла оправил серебром. Моя каюта застлана пурпуром. Чем не дворец? Могу теперь самого Суллу принять. Пусть погостит! У Минуция!

Он расхохотался, представив себе, что вместо юного патриция перед ним находится ненавистный диктатор.

Лицо Цезаря помрачнело. Можно было подумать, что он понял ход мыслей пирата и был оскорблен сравнением с Суллой.

— Но ты мне не сказал главного, — сухо сказал Цезарь.— Сколько я тебе должен?

Лицо у пирата вытянулось.

— С Цезаря я ничего не возьму. Потому что ты племянник Мария и враг Суллы.

Цезарь нетерпеливо дернул плечом.

— Я не хочу исключения. У меня богатые друзья. Скажи, сколько я тебе должен?

— Ты, я вижу, упрям, — сказал пират. — Если не хочешь исключения, то будешь мне должен сто тысяч сестерциев. Отдашь, когда выйдешь в люди.

— Я согласен! — резко бросил Цезарь. — Мой раб Андроник доставит тебе через сорок дней сто тысяч, а пока я останусь на твоем корабле, как заложник.

— Зачем же на корабле? — мягко возразил Минуций. — Мы отправляем пленников на остров. Там у нас есть пещера. А пока мы будем заниматься своим делом. Ведь не сошелся весь мир на тебе!

— А я хочу на корабле, — капризно молвил Цезарь. — У меня слабое здоровье, мне нужен свежий воздух. И, слово патриция, я вам не буду мешать.

---

[1] *Митридат* — царь малоазийского государства Понт, непримиримый противник Рима.

— Ну уж, если здоровье, воздух, — невнятно промычал пират.

Он ушел, чтобы отдать распоряжения. Не прошло и часа, как бирема отделилась от миопароны. На ее борту был единственный пассажир — раб Андроник. Он перевесился за перила и смотрел на Цезаря так, словно видел его в последний раз.

...Так начался первый из сорока дней пребывания Цезаря на пиратском корабле. Остальные дни он провел под тентом, на корме. Пираты занимались своим делом, а Цезарь своим.

Они уходили от военных кораблей и гонялись за торговыми, стояли в укромных бухточках, латали паруса, сортировали добычу, играли в кости. Цезарь же сидел под своим тентом и писал на вощеных табличках или стирал написанное, иногда просто любовался морем, спокойным или бурным.

Изредка, будучи в благодушном настроении, он останавливал первого попавшегося на глаза пирата, сажал его рядом и декламировал только что написанные стихи.

Мерная речь чуждого, едва понятного языка убаюкивала разбойника, и тот вскоре начинал клевать носом. Это приводило Цезаря в ярость:

— Неуч! Тупица! — кричал он. — Ты смеешь храпеть, когда я раскрываю тебе красоты латинского языка. Вот увидишь, я прикажу распять тебя первым!

Пираты ухмылялись. Ну и шутник этот патриций!

У Минуция тоже не было оснований жалеть о своем решении. Пребывание патриция на борту приносило выгоду. Увеличилась выкупная плата. Ведь на корабле поселился отпрыск одного из знаменитейших римских родов, потомок Энея. Пират охотно показывал Цезаря за работой или во время отдыха и за это тоже брал деньги.

А дни шли с той неотвратимой быстротой, на какую способно одно лишь время. Гелиос поднимался из-за восточных гор и опускался за горизонт, как бронзовый диск, пущенный рукой дискобола. Приближался день расставания. Патриций не проявлял ни нетерпения, ни радости. Казалось, он мог жить на палубе еще месяц или год.

На сороковой день пребывания патриция на борту, или эры Цезаря, как шутливо выражался сам Цезарь, миопарона скользнула в узкий пролив между двумя скалистыми островами. Сюда должен был подойти корабль с выкупом для Цезаря. Он пришел после полудня в назначенное время.

Раб Андроник спешил к своему господину. Все эти дни он провел в ужасной тревоге. Воображение рисовало самые страшные картины. Пираты пощадили юношу в тот первый день, но станут ли они терпеть его надменное поведение, его капризы сорок дней?

Но Цезарь жив! Жив! Верный раб едва не бросился в объятия к господину. Остановило его то холодное и властное выра-

жение лица, которое всегда появлялось у Цезаря, когда он торжествовал победу.

— Достал деньги? — спросил Цезарь безучастно.

— Да, — ответил раб, протягивая кожаный мешочек. — Ровно сто тысяч сестерциев, как ты просил.

Цезарь опустил руку в мешок, отсчитал какую-то сумму и двинулся к корме, где его ожидал Минуций.

— Мы в расчете, — сказал Цезарь, протягивая кожаный мешок. — Здесь ровно девятьсот девяносто пять тысяч сестерциев.

— Пустяки! — отозвался пират, принимая мешок. — Пять тысяч не деньги!

Цезарь вскинул левую бровь и произнес, отчеканивая каждое слово:

— Пять тысяч сестерциев я удержал на необходимые расходы.

Он повернулся и, не простившись, зашагал к трапу.

Вечером того же дня из-за скалистого мыса показались два вытянутых корпуса. Это были длинные римские либурны, предназначенные для охраны торгового флота. Бой был недолгим. На одного пирата приходилось не менее десятка римлян. Они быстро одолели разбойников.

Цезарь вел себя так невозмутимо, словно происходящее не имело к нему никакого отношения. И лишь когда все на палубе миопароны стихло и пиратов со скрученными сзади руками повели на римский либурн, Цезарь встал и расправил затекшие плечи. Он оглядел все вокруг, словно он один командовал этими кораблями и руководил боем, словно ему принадлежало и море, и небо, весь этот мир, завоеванный его самообладанием и выдержкой.

— Вот обрадуется проконсул, когда я ему доставлю этих молодчиков, — произнес центурион, показывая на пиратов. Давно он за ними гонялся.

— Я думаю, — холодно возразил Цезарь, — ему будет достаточно и той радости, что пиратов уже нет.

Он поднял руку и выразительно очертил в воздухе крест.

— Распять?! — удивился центурион. — Но среди пиратов есть римские граждане! Меня обвинят в самоуправстве!

— Сошлись на меня, — сказал Цезарь. — Я согласен оплатить все расходы. Вот тебе пять тысяч сестерциев.

Проходя мимо Минуция, Цезарь сказал:

— Никто не смеет безнаказанно шутить над Цезарем.

Цезарь мог бы этого и не говорить. Минуций понял все. Он просчитался. То, что он принимал за каприз избалованного юнца, было строгим и жестким расчетом. Сулла был неправ! В этом Цезаре ничего нет от Мария. Он копия самого Суллы.

Цезарь неторопливо спустился в трюм. Он не пожелал видеть, как будут увозить пиратов. Нет, он не испытывал жалос-

ти к людям, с которыми провел сорок дней. Он считал, что они достойны своей участи, и прежде всего этот Минуций, променявший тогу римлянина на пиратские шаровары.

Сверху раздался крик. Цезарь узнал голос Минуция. Что еще надо этому болтливому пирату? Неужели он не может встретить свою судьбу с достоинством?

Когда Цезарь поднялся на палубу, берег был едва виден. Андроник стоял к нему спиной.

— Этот, как его, Минуций, что-то говорил? — спросил Цезарь и сразу же пожалел об этом.

— Да, он сказал, что далеко пойдешь, — молвил раб, не оборачиваясь.

Никогда еще он не вел себя так дерзко.

ЦИЦЕРОН

Давно не бритый, с иссушенным заботой лицом человек в грязной тоге сидел в носилках, которые несли четверо рабов. Мало кто признал бы в нем украшение и гордость римского сената, знаменитого оратора Марка Туллия Цицерона. В помутневшем сознании консуляра, провозглашенного некогда «отцом отечества», а теперь объявленного вне закона, проносились бессвязные мысли.

«Несчастный брат Квинт... Тебя выдал вольноотпущенник, а ведь он, казалось, должен был быть тебе благодарен за свободу до конца дней своих. О, рабские души! Рабские души... они в телах тех, у кого в атриях[1] выстроились десятки изображений славнейших предков[2]. Вот почему гибнет республика. И я, ее защита и опора!»

На миг к Цицерону вернулась вся его самонадеянность и даже хвастливость. Но лишь на какую-то долю минуты. А в следующую он осознал, нет, почувствовал всей похолодевшей кожей смертельную угрозу.

«Так ли я жил?»

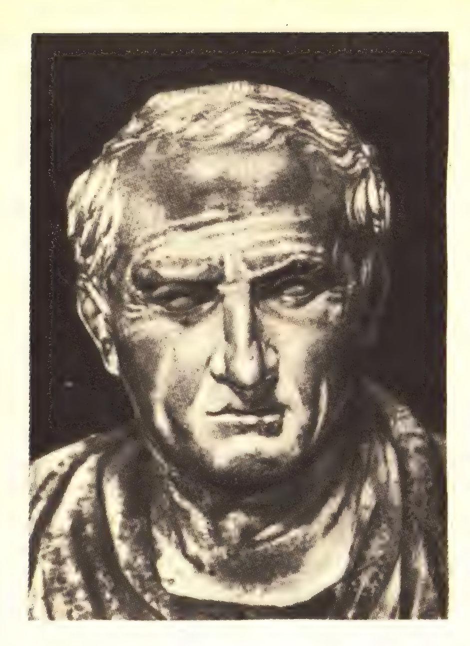
В памяти промелькнули картинки детства. Небольшой городок Арпин, где появился на свет и знаменитый Гай Марий.

«Да, мой земляк больше полагался на меч, чем на тогу и перо. Но я достиг не меньшей, а большей славы, чем он. Впрочем, разве об этом теперь речь?! Слава! Ха, ха, — попытался усмехнуться Цицерон. Рабы, покрытые потом и пылью, испуганно покосились на него. — Любой раб, последний плебей может сейчас меня убить да еще претендовать на часть имущества. А за мою голову, — он пощупал, на месте ли она, некогда гордо, увы, вызывающе гордо сидевшая на заплывшей

---

[1] *Атрий* — помещение римского дома.

[2] Речь идет о знатнейших римских фамилиях.

Бюст Цицерона. Мрамор. I в. до н. э.

жиром шее, — этим солдафонам, не успевающим проспаться и выдохнуть винные пары[1], назначена награда!..

...Холодно. Зима. Видимо, в такой же холодный январский день почти 64 года назад я родился. Зачем отец, сам предпочитавший мирную сельскую жизнь, повез нас с братом в Рим? Мне было тогда 7 лет. Первые удачи в школе. Занятия поэзией, ораторским искусством, юриспруденцией, философией. Первые судебные речи. Поездка в Грецию. Почему-то всегда, и даже сейчас, приятным огнем обжигает воспоминание о словах знаменитого греческого ритора: «Хвалю тебя, Цицерон, и удивляюсь твоему искусству, но скорблю о судьбе Греции: единственное наше преимущество и последняя наша гордость — образованность и красноречие — и это теперь благодаря тебе отвоевано у нас римлянами».

Увы, пришла пора скорбеть о судьбе самого Рима! Словно огромный корабль, потерявший во время бури руль и весла, он увлекается в Посейдонову бездну... А ведь казалось, что я, именно я веду это огромное судно. Какого труда, каких усилий стоило мне, «новому человеку», занять место кормчего. В Сицилии я пытался обеспечить бесперебойное снабжение Рима хлебом, заслужить репутацию честного, добросовестного и неподкупного квестора, не в пример Верресу, беззастенчиво и безжалостно ограбившему затем эту богатейшую провинцию. Обвинительные речи против этого наглеца еще больше прославили меня. Затем претура. И наконец, сбылась моя самая смелая, самая заветная мечта: консулат!» — Глаза Цицерона, усталые, с набухшими веками, не загорелись; только дрожь свежим ветерком всколыхнула изможденное лицо, коснувшись ресниц и расправив на мгновение морщинистый лоб. Вспомнилось насыщенное событиями, переживаниями и славой консульство[2]. Перед глазами всплыл облик Катилины: слегка ис-

---

[1] Речь идет о Марке Антонии, виднейшем цезарианце, с которым Цицерон боролся как вождь сената.

[2] Цицерон был консулом в 63 году до н. э.

порченное оспой лицо погрязшего в разврате и пьянстве аристократа, кумира золотой молодежи. Он олицетворял, казалось, одновременно силу и испорченность Римской республики.

«Что двигало мною тогда, когда я разоблачал этого страшного человека? Страшного своей силой, и не только физической. Он знал все, умел подойти к любому человеку; он мог привлекать к себе людей, выведывать их мысли, подстрекать их... Понятно, я должен был сгустить краски перед сенатом и народом. Может быть, меня и постигла за это справедливая кара?.. Да, я страшился за себя, но и за республику. Впрочем, здесь я могу не кривить душой. Без республики я — ничто!.. Зато потом, когда сообщники Катилины были схвачены, народом мне была устроена овация. Бессмертным богам было назначено молебствие от моего имени. Впервые со времени основания Рима от имени человека, носившего тогу[1]: «Так как я избавил Рим от поджогов, от резни — граждан, Италию — от войны...» Моя слава выше славы Сципионов, Гая Мария и Помпея Великого. Я спас Рим!.. Но спас ли? Кто бы мог подумать тогда, когда мне был дарован титул «отца отечества», чем все это кончится...»

Мучительная усмешка пробежала от дряблого подбородка к губам, скривив их жалкой гримасой.

«Меня обвинили в смерти катилинариев, в сущности, в том, за что ранее превозносили. Теперь я не был спасителем отечества, а тираном и убийцей. И некоторые из тех, кто домогался моей дружбы, не решался уже протянуть руку помощи. Был ли это страх перед карой за нарушение бесчестного закона, лишившего меня огня и воды[2], или обыкновение толпы топтать упавшего? Мое прославленное консульство отняло у меня достояние и отечество, разлучило с семьей. Я проклинал себя за то, что утратил возможность и время погибнуть с честью.

Умереть? Ну нет уж! Как можно желать собственной смерти? За все эти бредни стоиков[3] я не отдам сейчас и минуты своей жизни. Зато в том, что можно испытать радость собственного рождения, я убедился, когда триумвиры[4] разрешили мне вернуться в Великий Город. Правда, впоследствии оказалось, что радоваться было особенно нечему.

Однажды мне слишком ясно дали понять, что в нынешние времена следует держаться подальше от политики. Я не внял по-настоящему ни угрозам врагов, ни советам друзей, ни го-

---

[1] То есть человека, не имевшего военной власти.

[2] Традиционная римская формула изгнания.

[3] *Стоицизм* — одно из главнейших философских направлений после классической античности. Его представители, в частности, учили, что возможность самоубийства является гарантом духовной свободы человека.

[4] *Триумвират*, то есть союз «трех мужей»: Помпея, Красса и Цезаря, заключенный около 60 года до н. э., — фактически вершил всеми делами в государстве.

лосу собственного разума. Глупец! В своих речах и трактатах я с упоением (собственным красноречием и умом — увы!) поучал других, а самому всю жизнь приходилось учиться на собственных ошибках. Почему же мне не помогла мудрость греков: ведь меня считали ее знатоком? Или она недоступна тем, кто слишком сильно стремится к славе и почестям? Но теперь поздно стыдиться своих многочисленных почитателей. Им вряд ли еще придется увидеть мой позор».

Неожиданно покрасневшее лицо покрылось испариной. Цицерон вдруг вспомнил, почти ощутил в покачивании носилок и тяжелом запахе пота, идущем от рабов, как он, запыхавшись, почти бегом, торопился по раскаленным полуденным солнцем тяжелым каменным плитам дороги навстречу приближающемуся на великолепном коне всаднику. Цицерон хотел оторваться от большой толпы, вышедшей встречать победоносного Цезаря: его гнал и страх, и стремление первым выказать свою преданность всемогущему полководцу, и желание избавиться от свидетелей унижения.

«Цезарь вел себя великодушно. Он простил и всегда демонстрировал по отношению ко мне уважение и дружелюбие, хоть и показное. И это после того, как я опрометчиво бежал в лагерь его противника — Помпея...[1] Великодушие Цезаря. Из чего оно проистекало? Тиран жаждал получить государство целиком, господства надо всем миром. Он не убивал цицеронов, брутов, а хотел их использовать в своих целях, превратить квиритов в рабов!

Потому я и радовался мартовским идам[2]. Не случайно мое имя было на устах заговорщиков! Я жаждал спасения республики... Увы, как поздно я понял, что хотел оживить мертвеца. Цезарь был мертв, но ведь жива тирания в лице Антония, худшего из тиранов.

Да, этот не страдает великодушием. Он не стремится покорить весь мир, а жаждет крови. И еще денег. Неужели это грубое животное воцарится в Риме? Нет, только не Антоний! А чем лучше Октавиан? Подлый мальчишка. Все было поставлено на него. Многие отцы-сенаторы упрекали меня, даже друзья бранили и осуждали, предсказывая опасность. А что оставалось делать? Сенат был бессилен. Народ, прельщенный завещанием Цезаря, бросился искать убийц, громить их дома. Антоний, опираясь на шесть тысяч ветеранов, начал прибирать власть к своим рукам. Уже тогда он задумал избавиться от меня.

[1] После развала триумвирата и начала гражданской войны в 49 году до н. э. Описываемое возвращение Цезаря в Италию происходило в 47 году до н. э.

[2] Римляне делили месяц на три части: календы, ноны и иды. В мартовские иды, то есть 15 марта 44 года до н. э., Цезарь был убит заговорщиками-сенаторами во главе с Марком Юнием Брутом и Гаем Кассием Лонгином. Цицерон не был посвящен в их планы.

А тут появляется этот бледный, болезненный юноша в сопровождении родственников и просит о дружбе и поддержке. Каким скромным и уважительным он был поначалу. Даже называл меня отцом. Поверил ли я? Тогда это было не так важно. Выбор был предельно ясен: или смерть по приказу Антония, или союз с молодым Цезарем[1], имеющим в своем распоряжении десятитысячную армию ветеранов своего приемного отца.

Борьба с Антонием велась не на жизнь, а на смерть. Пытаясь натравить народ, он обвинял меня как идейного вдохновителя, подстрекателя убийства Цезаря. Но все-таки я добился своего: Антоний покинул Рим и ему была объявлена война. Мне удалось сделать так, что против цезарианца Антония на стороне сената сражался цезарианец Октавиан. Антоний был разгромлен под стенами Мутины. Восторженный народ, жаждущий вновь услышать своего спасителя, привел меня на Капитолий... Казалось, все задуманное было достигнуто.

Только теперь я понял, как ошибся, выдав желаемое за действительное. В упоении успехом я забыл, на каком ненадежном основании он покоится. Увы, такова природа человека: когда светит солнце и лучи его играют на гребешках волн, нам не верится и не хочется думать, что, возможно, через несколько часов или даже минут появится туча, задует сердитый Борей и шторм бросит путников на прибрежные камни.

Но даже если бы я употребил все свое красноречие, вряд ли удалось бы переубедить отцов-сенаторов. Отцы-сенаторы... Жирные капитолийские гуси! Вам не спасти гибнущий Рим! Когда Октавиан, не получивший за свои заслуги верховного командования, настаивал хотя бы на триумфе, вы заявили ему, что до триумфа он еще не дорос. Ваши высокомерие и тупость стоят вашей трусости.

А мальчишка? Поняв, какая роль ему приготовлена в планах сената, он сделал поворот на девяносто градусов: по примеру Цезаря перешел Рубикон и, войдя во главе трех легионов в Рим, добился консулата, а затем заключил союз с Антонием!»

Цицерону не хотелось вспоминать, как он добивался приема и заискивал перед Октавианом — это было выше всяких сил. Он стал отгонять от себя назойливо всплывающее лицо молодого человека со старческим, все понимающим равнодушием в глазах.

«И все-таки он назвал меня отцом! А разве так поступают с родителем?» — скривился Цицерон.

Правда, ему передали слух, что Октавиан возражал против включения имени Цицерона в проскрипционные списки и лишь

---

[1] Полное имя Октавия после усыновления его Цезарем — Гай Юлий Цезарь Октавиан.

после настойчивых требований коллег по триумвирату, Антония и Лепида, уступил[1].

«Что ж, все это очень похоже на тебя, «сынок»! Ты предпочел бы не компрометировать себя убийством бывшего союзника, но политические выгоды на твоих весах весомей чести».

Глаза Цицерона, устремленные в прошлое, беспокойно забегали. Где-то неподалеку послышался хруст веток. Он приказал рабам, несшим его, притаиться. Да, это преследователи. Знакомый голос прокричал: «Смотрите, вот лоскут зацепился за сучок. Это от его тоги! Запомни, центурион, это я нашел Цицерона!» — «Ладно, — со смешком прозвучал другой хриплый голос. — Не мешайся под ногами, гречишка. Когда поймаем этого болтуна, получишь все, кроме его головы. Она уже обещана Антонию!»

Послышался грубый хохот солдат.

— Как? Моя голова будет валяться в грязном мешке легионера?

Вдруг Цицерон заметил, что рабы, опустив носилки, бросились навстречу голосам. Но не о рабах, предавших в эти смутные годы своего господина, подумал сейчас Цицерон. Перед ним встали надутые лица сенаторов. Капитолийские гуси! «Отцы-сенаторы, мы слишком неосторожно игрались с этим волчонком», — прошептал он.

И тут же прохрипел подбегавшему легионеру: «Сюда, ветеран, руби!..»

Антонию были доставлены голова Цицерона и рука, которой он писал «Филиппики»[2]. Триумвир долго наслаждался их зрелищем, а его жена пронзала булавками язык знаменитого оратора. Затем эти «трофеи» были водружены на форуме для всеобщего обозрения.

Но не кончились на этом кровавые гражданские войны в Римском государстве.

БЮСТ, НАЙДЕННЫЙ В ШЕРШЕЛЕ

В 31 году до н. э. возле мыса Акций, у берегов Греции, произошло большое морское сражение, в котором участвовали два флота и две армии.

Одной командовал Октавиан, который вскоре стал неограниченным властителем Римской империи и вошел в историю под именем Августа. В ту пору еще молодой, щуплый, невысокого роста, Октавиан старался держаться подальше от боя с его опасностями. Руководство военными действиями он поручил своему флотоводцу Агриппе.

---

[1] Речь идет о втором триумвирате, оформившемся в ноябре 43 года до н. э. Внесенные в проскрипционные списки, объявлялись вне закона.

[2] Так, по аналогии с речами Демосфена против Филиппа II, Цицерон называл свои речи против Марка Антония.

Вторую возглавлял ближайший сподвижник Цезаря — Антоний. Это он в Греции наголову разбил армию Брута и Кассия, убийц Цезаря. А попав на Восток, взял в жены Клеопатру, царицу Египта, возлюбленную Цезаря, от которого у Клеопатры остался сын, Цезарион.

Бой разгорелся сильный, и совсем не ясно было, на чью сторону склоняется победа — легкие корабли Октавиана маневрировали и не давали развернуться тяжелым и грузным судам Антония. Летели стрелы, камни, кое-где корабли сошлись на абордаж. Внезапно Клеопатра приказала поднять паруса на всех шестидесяти своих кораблях и покинула место боя. Антоний бросился за ней. Его армия и флот остались без предводителя.

Целую неделю ждали его возвращения войска. Целую неделю не хотели поверить легионеры, многие из которых участвовали еще в походах Цезаря, что Антоний, сподвижник великого полководца, бросил их перед лицом неприятеля на произвол судьбы. Но так и было.

Второго сентября 31 года армия и флот Антония сдались. Медленно, но неуклонно начал Октавиан свое продвижение к Египту.

Поверила ли Клеопатра якобы сказанным — так, во всяком случае, утверждают некоторые античные историки — словам Октавиана, что он оставит ей власть над Египтом, если она предаст Антония?

Трудно утверждать это с уверенностью. Известно лишь одно: когда Октавиан вместе со своей огромной армией, с осадными орудиями и бесконечными повозками подошел наконец к Александрии, а в море показался его победоносный флот, армия и флот Египта уклонились от боя.

Полководец без армии, Антоний нанес себе смертельную рану.

Октавиан не захотел оставить Египет во владении Клеопатры. Когда ей стало это ясно, когда она убедилась, что ее чары на сей раз бездейственны, а ее, царицу поверженного государства, согласно римскому обычаю, проведут на потеху римской толпе в цепях за триумфальной колесницей победителя, она покончила с собой.

Многие утверждали, что смерть последовала от укуса змей. Их принесли в покои царицы — так гласит предание — то ли в корзине с фруктами, то ли в корзине с цветами.

Сын Цезаря Цезарион был умерщвлен. Октавиан видел в нем возможного соперника. Дочь Антония и Клеопатры увезли в Рим. Здесь она получила отличное воспитание: детские и девичьи ее годы прошли под наблюдением сестры Октавиана Октавии.

Одновременно с Клеопатрой Селеной — так звали девочку — Октавия воспитывала и одного мальчика. Его отец,

Юба I, царь Нумидии, в свое время сражался в Африке на стороне Помпея против Цезаря. Потерпев поражение, он предпочел смерть позору. Пятилетнего сына доставили в Рим.

Когда мальчик подрос, в 25 году до н. э., Август сделал его царем подвластной Риму Мавритании. Столицей царства стал древний финикийский город, который получил название Цезареи.

Пять лет спустя Юба II женился. Женой его стала сверстница детских лет Клеопатра Селена.

Юба II верно служил римлянам и правил долго, почти полвека. Цезарея стала при нем значительным и большим городом. Узкие, кривые улочки соседствовали здесь с красивыми, прямыми магистралями, а старые здания своеобразной восточной архитектуры стояли бок о бок с новыми, построенными на римский лад.

С каждым годом прибавлялись в Цезарее новые дворцы с залами, расписанными художниками, и множеством скульптур, с обширными дворами, окруженными галереями.

Гордостью царя была библиотека и собрание статуй. Человек, понимавший толк в искусстве, сам пробовавший, и не без успеха, свое перо и в драме, и в баснях, и в историческом повествовании, Юба II был страстным коллекционером. Он собирал античные шедевры, покровительствовал артистам и художникам.

Юба сам отбирал для своего собрания наиболее редкие экземпляры. Особенно выделялась статуя полной жизни, стройной и изящной Венеры, прекрасней которой не было, пожалуй, и в Риме. Она стояла в нише, на почетном месте, и к ней чаще всего подводил царь своих гостей. Была в коллекции и статуя Геракла — прекрасная бронзовая копия древнегреческого оригинала: огромный Геракл с дубинкой и золотыми яблоками в руках, и великолепная мраморная копия Аполлона, и копия статуи Праксителя[1] «Отдыхающий сатир» и многое другое.

...А неподалеку от дворца возвышалась большая статуя Исиды, египетской богини плодородия. В ее честь царь соорудил храм и, как полагается, поселил в нем крокодила.

Были и другие египетские статуи. Одна изображала великого жреца из Мемфиса, современника Клеопатры. Другая — фараона восемнадцатой династии Тутмоса I.

...Клеопатре Селене не суждено было вновь побывать на родине. Но до самой смерти, последовавшей в 5 году до н. э., она тосковала по Египту. Доставленные с берегов Нила реликвии напоминали ей о земле ее предков.

---

[1] *Пракситель* — один из самых известных греческих скульпторов IV века до н. э.

* * *

Городок Шершель, что мирно раскинулся на берегу моря примерно в ста километрах восточнее Алжира, ничем особенно не знаменит. Приземистые, в большинстве одноэтажные дома, маленький порт, сонное спокойствие вряд ли могут навести человека, попавшего сюда впервые, на мысль, что некогда тут находился большой и оживленный город, что сюда, в огромный, прославленный собранием знаменитых статуй и картин царский дворец, прибывали на военных кораблях из самого Рима важные правительственные чиновники могущественной империи...

Назывался в древности этот город Цезареей. О его былой славе напоминают сейчас только руины древнего акведука, остатки фундаментов древних зданий, мраморные плиты в стенах нынешних домов да музей.

Дыханием далекого прошлого веет в этом любопытном музее.

Здесь можно увидеть обломок мозаичной фрески, повествующей о том, как премудрый Одиссей и его спутники спаслись от коварных сирен.

Сохранился здесь и мраморный бюст грустной женщины с грубоватыми чертами лица, с тщательно уложенными короткими, забранными под повязку локонами — царицы Мавритании Клеопатры Селены.

И здесь же находится еще одна женская мраморная голова, служившая, вероятно, одним из украшений коллекции Юбы II. Мимо этой скульптуры так же, как и мимо статуи Клеопатры Селены, не пройдешь равнодушно. Несомненно, крупный мастер изваял ее гордое узковатое лицо, волевой подбородок, нос с горбинкой, волосы, покрытые спускающейся на шею вуалью и аккуратно убранные на египетский лад, тонкий разлет красивых бровей, миндалевидный разрез больших и некогда, наверное, красивых глаз. Женщине лет под сорок.

Член французской академии, известный искусствовед Шарбонно в Шершель попал не случайно: он давно был наслышан о сокровищах здешнего музея. Долгие часы ходил он по галереям, подолгу рассматривая немые, но красноречивые свидетельства былой славы Цезареи. Многое было ему интересно. Но один скульптурный портрет буквально не давал покоя: отличной работы мраморный бюст женщины с узковатым жестким лицом, с выражением высокомерия и гордыни.

В каталоге значилось: «Бюст неизвестной».

Об этом портрете один из тех ученых, кто видел его в числе первых, написал: «По всей вероятности, изображение Агриппины, матери римского императора Нерона». Но действительно ли это бюст Агриппины?

Прическа вроде бы не римского образца, а скорее египетского. В манере исполнения, во всем облике чувствуется что-то не совсем привычное для римского портрета. А самое главное, изображение мучительно напоминало ученому что-то уже виденное, что-то смутно знакомое чудилось ему в этом портрете.

Несколько дней не шел у него из головы загадочный портрет. То, что это значительная работа, не подлежало сомнению: психологическая достоверность, четко выраженная индивидуальность облика, экспрессия, свойственная портрету... Где же все-таки мог ученый видеть лицо изображенной на портрете особы?

И вдруг Шарбонно вспомнил: Лувр, отделение, посвященное истории Древнего Египта. Маленькая монетка, увидевшая свет в 36 году до н. э. по случаю свадьбы Антония и Клеопатры. Конечно! Тетрадрахма (четыре драхмы), получившая известность благодаря тому, что на ней — подобных монет сохранилось совсем немного — достоверное изображение властительницы Египта.

Значит, портрет Клеопатры?

...Вновь и вновь листает Шарбонно толстые тома исторических монографий, самым внимательным образом знакомится со свидетельствами древних авторов, рассматривает немногие сохранившиеся изображения Клеопатры на монетах. Азарт поиска захватил его. И чем больше продумывал Шарбонно не только искусствоведческую, но и историческую основу своей гипотезы, тем все более логичной и возможной она ему представлялась.

Первоначальная догадка переросла в уверенность: это портрет самой Клеопатры! И, быть может, даже единственный ее достоверный портрет.

Насколько можно судить, потрет был создан в ранние годы царствования Августа, предположительно между двадцатым и пятым годами до нашей эры. И есть в нем едва уловимое сходство с портретом Селены: прическа, скулы, разрез глаз.

Она не очень молода здесь, египетская царица. Резкая игра пятен света и тени на поверхности мрамора, гордый поворот чуть приподнятой головы. И она действительно напоминает, в особенности в профиль, свои изображения на монетах. Старея, царица увеличила количество своих локонов. Это расчетливое кокетство не ускользнуло от скульптора, имени которого мы пока не знаем.

ОВИДИЙ ВСПОМИНАЕТ

Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной;
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный.

Пушкин. «Цыганы».
Старик об Овидии

Солнце встает из-за Черного моря. В маленьком дворике греческого дома становится светло. Здесь, на дальней окраине Римской державы, живут по-провинциальному: встают с рассветом, ложатся с закатом. Вот из комнат выходит хозяин и долго смотрит на восход. Он высокий, седой, с исхудалым лицом, одетый по-римски — в тунику и тогу. Это необычно: здесь, в глухих Томах, римлян почти нет, а которые есть, те давно ходят в греческих плащах, они удобнее. Но этот человек не считает себя жителем Том. Он ссыльный, поселенец: три года назад он выслан сюда приказом императора Августа, и три года он ждет нового приказа — не о помиловании, нет, но хотя бы о переводе в место, менее дальнее и дикое. Своей тогой он напоминает сам себе, что он здесь человек временный. Это Публий Овидий Назон, прославленный римский поэт.

Он садится на ложе под колоннадою на теплой стороне двора. В руке у него писчие восковые таблички — это его последняя элегия. Вчера и позавчера он сочинял ее вслух, диктуя рабу-скорописцу; сегодня нужно ее сокращать и отделывать, взвешивая каждое слово. Он привык работать так смолоду, когда узнал, что так работает великий Вергилий. Чтобы слагать стихи, нужно вдохновение, чтобы отделывать, — мастерство: всему своя пора.

Солнце поднимается. Скоро весеннее равноденствие, скоро в Томы придут первые корабли с юга, и он отдаст корабельщикам свою новую книгу стихов: отвезти в Рим, передать жене и друзьям, напомнить, как он ждет заступничества и облегчения своей судьбы. Это уже четвертая книга его «Скорбных элегий»: может быть, боги и Август смилостивятся над ним, может быть, она будет и последней? Тогда тем лучше будет завершать ее вот эта элегия: его стихотворный портрет, рассказ о собственной жизни.

Он давно знал, что такое стихотворение ему понадобится, и давно придумал для него самые нужные строки. И о родном городе в сосновой долине Апеннин:

Сульмон — родина мне, ледяными обильный ключами...

И о дне своего рождения — пятьдесят три года назад, в консульство Гирция и Пансы, павших в гражданской войне:

В год, когда оба вождя смертью погибли одной...

И о том, как строгий отец предупреждал его, что от поэзии проку не будет:

Часто отец говорил: «Оставь бесполезное дело!
  Сам Гомер — и тот умер, как жил, без гроша...»

И о том, как все равно ничто не могло отучить его от стихов:

Сами собою слова слагались в мерные строчки:
  Что ни пытаюсь сказать — все получается стих...

Здесь исправлений не нужно: все слова точные и складные, запоминающиеся с первого раза. Дальше — другое дело. Как он учился грамматике и риторике, как приятно было узнавать новые вещи и придумывать новые способы сказать о них — об этом можно ничего не писать, это каждый из его читателей знает по себе. Как он начинал было служить в суде и вот-вот мог войти в сенаторское сословие — об этом можно сказать, но покороче: главное — что он этого все-таки не сделал, а остался свободным служителем Муз.

Дальше — опять две несомненно хорошо сложившиеся строчки, но потом опять начинается самое трудное.

Как я любил, как я почитал тогдашних поэтов!
  Сколько вокруг певцов — столько мне мнилось богов...

Как сказать о них — о своих наставниках в поэзии, которые даже не учили, а лишь подавали пример, даже не подавали пример, а просто вдохновляли тем, что они живут на свете и пишут стихи? Как сказать о том, чем была для него и его сверстников «Энеида» Вергилия? Теперь молодые люди читают «Энеиду» в школах, им кажется, что «Энеида» была всегда, что без нее нет ни латинского языка, ни латинской поэзии. А он помнит, как ее еще не было, как ходили первые слухи о том, что Вергилий пишет поэму, как уже по этим слухам восклицал восторженный Проперций:

Прочь, писатели римские, прочь отступите и греки —
  Большее здесь растет, чем «Илиада» сама!

Это было действительно «большее» — римская «Одиссея» и римская «Илиада» вместе. Первая половина поэмы — Эней плывет по неведомым морям к неведомой земле, где судьба назначила ему поселить спасшихся троянцев; вторая половина — Эней воюет в латинском краю, где сын его положит основание Альбе Лонге, а дальние правнуки — Риму. Нужен был талант, чтобы найти такую тему, и нужен был гений, чтобы ее не испортить. Вергилий это сумел. Счастливец Проперций слышал, как сам Вергилий читал отрывки из незаконченной поэмы перед императором Августом, перед своим другом и покровителем Меценатом, перед избранными вельможами и поэтами. Только три книги — о падении Трои, о горькой любви Энея

и карфагенской царицы Дидоны, о схождении Энея в аид за пророчеством о судьбах его дела. А потом были страшные известия — Вергилий, умирая от солнечного удара, велел сжечь так и не дописанную им «Энеиду», а затем отрадные известия — друзья отказались это сделать, и по приказу Августа «Энеида» появится в том самом виде, в каком ее оставил Вергилий.

Все это он хотел сказать, все это он уже не раз сочинял и диктовал на разный лад, и все получалось неудачно. Этой ночью он понял, наконец, что́ нужно. Если не получается сказать пространно, — надо сказать коротко, и это будет сильнее. Он все зачеркнет и напишет лишь полстрочки: «Мне довелось повидать и Вергилия...» И этого будет достаточно, чтобы потомки ему завидовали. Он и не пытался заговорить с Вергилием, нет, но лицо его он запомнил на всю жизнь — большое усталое лицо величайшего римского поэта, который всю жизнь мечтал бросить стихи и заняться философией и которому это так и не удалось.

Остальное — проще. О других поэтах-современниках следует оставить по две строчки, коротких и четких, — о старом Макре, о безукоризненном Горации, о нежном Тибулле, о пылком Проперции, а потом завершить:

Галлу наследник — Тибулл, а Тибуллу наследник — Проперций;
Сам я четвертым предстал в этой певцов череде.

Овидий задумывается. Галл, Тибулл, Проперций сочиняли любовные элегии, он — тоже. И читатель этих строк, наверное, с благодарностью вспомнит и его юношеские элегии, и сочиненные им послания влюбленных мифологических героинь к мифологическим героям, и его иронические поэмы «Наука любви» и «Лекарство от любви»: за них полюбил его народ и невзлюбил Август. Но разве это лучшее, что он написал? После этого он шесть лет работал над поэмой «Метаморфозы», где сплел в единый исполинский рассказ двести с лишним мифов о том, как герои и героини, умирая, превращались в камни, цветы, животных, реки, звезды — от сотворения мира и до превращения души Юлия Цезаря в небесную комету. Это не «Энеида», это совсем на нее не похоже, но все-таки другой такой поэмы нет ни у греков, ни у римлян: именно ею он хотел прославить свое имя в потомстве. Не его вина, что он не успел отдать поэму переписчику, когда его выслали из Рима: у друзей сохранились копии, их переписывают и читают. Не напомнить ли читателю о «Метаморфозах»? Нет, не стоит: это большая тема, об этом лучше написать отдельную элегию, может быть, в следующей книге, в будущем году... Ах, неужели и в будущем году придется ему зимовать здесь, в Томах?

Сжав зубы, он твердой рукой выправляет середину стихо-

творения: добрые слова о жене, о покойных — матери и отце... А затем — катастрофа, и о ней нужно оставить только две строчки:

Гибели повод моей и так уже слишком известен:
Здесь не пристало о нем мне показанья давать...

Если бы и вправду ему было известно, за что его сослали сюда! За поэму «Наука любви»? Но она написана так давно, и в содержании ее нет ничего дурного! За то, что он знал о любви императорской внучки Юлии к молодому Силану и не донес? Но об этом знал весь Рим, можно ли наказывать его одного! Ведь даже Силан не был наказан! «Ты сам должен понять, за что тебя карают, — сказал Август в их единственном разговоре, коротком, непонятном и страшном. — Пойми — и будешь прощен». С тех пор он три года бьется в попытках разгадать эту загадку — и все тщетно. Неужели это загадка без ответа? Но нет, нельзя об этом думать, иначе он опять сляжет больным. Нужно кончить стихотворение во что бы то ни стало:

Чтобы скорей пролетел песней обманутый день.

Он растерянно читает эту вчера продиктованную им строчку и видит: она хороша. У него становится легче на сердце. Мысли проясняются. Теперь он знает, как должно кончиться его стихотворение. Ему уже некогда кликнуть скорописца, и он торопливо записывает на воске новые, последние строки, обращенные не к Августу, а к Музе:

Так я живу; и за жизнь, и за то, что противлюсь невзгодам,
Что не пришлось этот свет возненавидеть вконец, —
Муза! спасибо тебе. У тебя нахожу я отраду,
Ты мне в заботах покой, ты исцеление мне.
Ты мне и спутник, и вождь, ты уносишь мой дух от Дуная
И увлекаешь его в глубь Геликонских лесов;
Ты мне при жизни еще столь редкостный дар даровала —
Славу, какую другим только могила дает.
И хоть великий наш век дал римской отчизне поэтов —
Все ж и о песне моей ласково слово молвы.
Многих я выше считаю себя; но многие вровень
Ставили нас, и давно я у людей на устах.
Да, если вещая сила сопутствует слову поэта —
Даже и мертвый, твоим весь я не буду, земля.

ЛЖЕХАЛДЕЙ

К императору Тиберию (14—37 годы н. э.) на остров Капри, ставший местом его добровольного изгнания, часто приводили гадателей, которых он после расспроса о своей судьбе приказывал сбрасывать в море. Эти факты положены в основу рассказа.

— Давненько тебя в наших краях не бывало! — проговорил трактирщик, пробуя денарий на зуб. — У тебя, я вижу, деньжата появились, без обмана.

Бродяга поправил край потрепанной тоги и что-то буркнул себе под нос. Он был у него широкий и полный, как луканская груша.

— Тогда у тебя шея была вот такая тонкая, как у журавля! А теперь, как у борова, — продолжал трактирщик, с помощью жестикуляции изображая перемены во внешности собеседника.

— Выкормили, — бросил бродяга.

— Кто же? Меня вот трактир кормит сорок лет. Дядюшку Феста старый мул кормил, пока не околел. Теперь он на своем горбу мешки таскает. Ты, наверное, тоже какого-нибудь осла нашел или ослицу?

— Поднимай выше, папаша! Меня звезды кормили.

Бродяга небрежно протянул правую руку. На среднем пальце пламенел рубин, вделанный в золотое кольцо.

Трактирщик еще не успел опомниться от изумления, как бродяга начал свой рассказ.

— Так вот! Обчистил я сенатора в Риме, а попался в Путеолах: отобрали у меня деньги — и в тюрьму. Там теплая компания собралась. Беглые рабы, двое гладиаторов. Шуму — что в цирке. Рабы ревут в страхе перед крестом, гладиаторы, что ланисту[1] убили, спор затеяли: кто чаще побеждал? Один я молчу. О чем мне говорить? Да и с кем?

Как-то ночью двери залязгали. Появился стражник, а за ним толстяк с факелом. Кричит, словно мы глухие: «Халдеи, выходи!» Зачем ему халдеи? Не иначе, судьбу свою узнать задумал. А я в Антиохии вместе с халдеем сидел. Много он мне о своем ремесле порассказал. Была не была! Вышел вперед и говорю: «Я — халдей!»

Стражник фыркнул, а тот, толстяк, факел чуть ли не к моему носу поднес. «Халдей, говоришь?» Струхнул я, конечно, но виду не подаю. «Халдей!» — «Тогда идем!» Потом я узнал, что ему было приказано без халдея не возвращаться. Выбора у него не было.

Вышли мы из ворот. Там еще двое ждали, в панцирях и с мечами. Окружили меня, и я во второй раз пожалел, что халдеем назвался. Пришли в гавань. Лодка нас ждала. Ну,

---

[1] *Ланиста* — учитель и начальник гладиаторов.

думаю, конец. Вывезут в море — и к рыбам. «Нет, — говорю,— так не пойдет! Я на волнах гадать не обучен. Качает!» Они и слышать не хотят: «Садись!» Сел я на корму. Делать нечего. Стал звезды рассматривать. Высыпало их множество. Раньше я на них внимания не обращал. К чему они, звезды? И никто мне не показал, где Орион, а где созвездие Береники. Правда, еще раньше, когда я на корабле плавал, научил меня кормчий Плеяды искать. Но теперь я и Плеяд не найду. А вдруг спросят! Пока я эти Плеяды искал, остров показался. Словно крепость каменная. На самом верху белоколонный дворец и кипарисы вокруг, как копья. Капри. Вот куда меня привезли! В гавани воины встретили. Как толстяка увидели, встали навытяжку. Понял я, что не простой он человек. Военный трибун? А может быть, легат? Двинулись все вместе. Теперь меня человек двадцать охраняло. И кому это я понадобился? Вскоре мы до пропасти дошли. Через нее мост перекинут. Двоим не разойтись. Только мы через него прошли, мост поднялся.

Бродяга скрестил руки на груди и медленно развел их в стороны.

— Чудеса! — иронически вставил трактирщик. — И чей это дворец был? Не Тиберия ли?

— Его самого! Теперь ведь каждый знает, что Тиберий из Рима уехал, а тогда в тайне держалось. К портику меня привели. Оттуда старикан вышел. Я его сразу признал. По монете.

Бродяга взял со стола денарий.

— Тут он орел орлом, а там, как ворона ощипанная. Руки трясутся, но глаза острые, как бурава. Пронзили меня до затылка.

— Привел тебе, Цезарь, халдея, — сказал толстяк. — Видно, что звезды знает. Всю дорогу на них смотрел.

— А ты откуда его привел?

— Из тюрьмы. На воровстве попался.

Это не смутило императора. Кажется, он был не очень высокого мнения о халдеях или считал, что воровство и гадание дополняют друг друга.

— Сейчас мы его проверим. А ну, халдей, выложи мой гороскоп!

Я сразу догадался, чего от меня хотят. Устремил взор к звездам и понес околесицу. Чего только со страху не наговоришь! И про сто лет жизни, и про победу на суше и море. И про черную измену, которую вырвут с корнем.

Выслушал меня Цезарь[1] до конца и к толстяку обращается:

— Ну что ты скажешь, Сеян?

---

[1] Со времени Августа, объявленного сыном Цезаря и включившего имя приемного отца в состав своего имени, слово «Цезарь» превратилось в официальный титул римских императоров.

— Отличный гороскоп, Цезарь.
— А можно ли ему верить?
Толстяк пожал плечами.
— Я думаю так, — продолжал Цезарь. — Какой это халдей, если он судьбы других читает, а своей не ведает.
Тут я понял все и завопил:
— Ведаю! Ведаю! Звезды предвещают мне близкую страшную опасность. Вот она, моя звезда. Падает в пропасть.
Цезарь посмотрел на меня с удивлением.
— Твоя не падает! — сказал он. — У кого-то другого упала. А у кого-то скоро упадет. Вижу, ты истинный халдей!
Так я спасся от гибели. Потом я узнал, что всех халдеев, каких приводили во дворец, сталкивали с обрыва. Меня Цезарь пощадил не только из-за моей догадливости. Я случайно упомянул черную измену, а Цезарю уже было известно о заговоре и участии в нем префекта гвардии Сеяна. Звезда временщика закатилась. Упала на плаху его голова.
Итак, я поселился во дворце. Днем отсыпался, а по ночам звезды разглядывал. Цезарь империей управлял, а я — Цезарем, ибо он без звезд не мог разобраться что к чему.
— Ну как, халдей, звезды? — спрашивает он меня за завтраком.
— В лучшем виде! — отвечаю. — Твоя звезда еще выше поднялась, а парфянского царя чуть не на волны легла, вот-вот утонет.
И посылал он легионы против парфян, к германцам, к маврам, всюду, куда скажу. И назначения без меня не обходились. Как наступило время в провинции наместников посылать, придворные вокруг меня гурьбою. Так и льнут! У каждого сын или племянник: «Подскажи, мол, халдей». И подсказывал. Конечно, не даром. Золотые в моем сундуке сверкали, как звезды. Любил я этот блеск. Рабы меня на носилках носили! На пуху спал! На серебре ел.
Вскоре меня провозгласили потомком царственной Семирамиды в двенадцатом колене. Ведь не может простой смертный придворным императорским халдеем быть! Мантию мне выдали, золотом шитую, этот перстень.
Начал я к своему халдейству привыкать. Пусть я не родился звездочетом, но ведь и Тиберий не родился Цезарем. Мои предки были ворами, а его — ростовщиками. Стал я халдеем хитростью? А он как пробрался во дворец? Слышал я, что Цезарем надо было быть Агриппе. Он к тому Агриппе убийцу подослал. Может быть, у Тиберия ум какой особенный? Но ведь он мне, вору, верил. Выходит, что мы оба обманщики! И звезды — это сплошной обман. Гадал я Цезарю про сто лет жизни, а его вскоре убили. Боялся он мечей и яда — его подушками задушили. В суматохе мост забыли поднять. Я бежал, в чем был.

— И денег не взял? — перебил трактирщик.

— Деньги что еж: поймать легко, да не удержишь, — сказал бродяга и махнул рукой.

САРДОНИЧЕСКИЙ СМЕХ

Герой рассказа — великий римский философ Л. Анней Сенекса, бывший воспитатель императора Нерона. Сенека был в 64 году приговорен к смерти за участие в заговоре против Нерона и вынужден был кончить жизнь самоубийством.

За стеной гремел смех. Так хохочут здоровые и крепкие люди — от соленого ли словца или от истории, пересказанной заезжим балагуром. Так смеются рыбаки на Капри, моряки — в Путеолах, пастухи — в Пренесте, люди труда, умеющие ценить веселье.

Стоявший за дверью человечек недоумевал. У него было вытянутое личико с округлившимися глазами. Он поматывал головой, словно старался отогнать мысль, навязчивую, как оса: «Да сюда ли я попал? Это дом философа? Разве Сократ смеялся, когда ему подносили цикуту?»

Человечек нажал на дверь и проскользнул в таблин[1]. Хохот прекратился мгновенно. Старец повернул голову. Мученические складки на лбу, горестный изгиб губ. Неужели рокочущие звуки исходили из этих уст? Но ведь в таблине нет никого другого.

— Чему обязан? — спросил мудрец, приподнимаясь на ложе.

— Меня зовут Оригеном, — пробормотал вошедший. — Случайно прохожу... мимо...

— Случайно! Ха! Ха! Расскажи другому!

— Мне показалось странным. Смеяться в такое время. Может быть, нужна моя помощь?

— Что ты предлагаешь — веревку или нож?

— Нет, я врач! Клянусь Геркулесом, врач, — закричал человечек.

— Тогда клянись Асклепием[2]!

— Клянусь Асклепием! — повторил он покорно.

— Допустим! — согласился философ. — И что же? Тебя одолело любопытство. Ты полагал, что в этих случаях визжат, как свиньи, бьются головой о стену? Или ты вычитал: «Беспричинный смех — признак безумия?!» Врут твои Гиппократы[3]. Я, Сенека, умираю в здравом уме. А что касается смеха, то я могу тебе кое-что рассказать.

---

[1] *Таблин* — помещение римского дома — кабинет хозяина дома, расположенный сразу же за атрием.

[2] *Асклепий* — у греков бог медицины.

[3] *Гиппократ* — знаменитый врач. Имя его стало нарицательным.

— Да, да! — закивал человечек.

— Так вот! Много лет назад я жил на Корсике[1]. Как тебе известно, туда не попадают по доброй воле. Корсика лечит от опасных мыслей, как Байи[2] от больных ног. А если мысли там остаются вместе с головой, палатинским медикам еще лучше. Молодость неосторожна на язык. И попал я в эту дыру вместе с тремя друзьями. Болота, зараженные миазмами, комары, дикие нравы. Медленная смерть. А я был нетерпелив. И вдруг вижу между камнями пучок травы. Сорвал я пару былинок, растер машинально между пальцами и к лицу поднес. Что такое? Мир предстал передо мной в ином свете, и я захохотал. Почему-то вспомнилось, как Калигула[3] жеребца своего в сенат ввести захотел. Хохочу еще громче. Вокруг никого. Только скалы эхом откликаются. Ха! Ха! Ха!

Сенека остановился, словно для того, чтобы набрать в грудь воздуху, и продолжал другим тоном:

— Смех меня и спас. Травка-то оказалась из Сардинии. Ее южным ветром занесло. Один за другим умирали друзья. Я один остался. Кашлять перестал, словно бы смех прочистил не только душу, но и легкие. Медик был один на всю Корсику. Мы его Хароном прозвали, потому что он никого не лечил, а только на тот свет провожал. Вот он и подходит ко мне: «Как, мол, здоровье?» — «Лучше, чем у Геркулеса!» — «А чем лечишься?» Не стал я ему объяснять про травку. Все равно не поверил бы. Вскоре меня помиловали, ввели в сенат. Агриппина[4] пригласила во дворец, чтобы я ее сына воспитывал.

— А лечиться ты продолжал? — спросил Ориген.

— О да! — воскликнул Сенека. — И мне уже не надо было сардинской травки. Смех вошел в привычку. Там, где другие стонали и плакали, я хохотал: над не знающей границ лестью сенаторов, над чванством выскочек-вольноотпущенников. И конечно же, над самим собой! Я ведь был не лучше других!

По губам Оригена скользнула вежливая улыбка.

— Вот видишь! — ухватился Сенека. — Тебе наскучил мой монолог. Так и мне надоел смех в одиночку. На мое счастье, Клавдий не без помощи Агриппины наелся грибов и отправился в лучший из миров. Тут я подумал: «Лекарство, исцелившее одного, может вылечить многих». Для того чтобы начать новую жизнь, государству надо пройти очищение смехом. Так я написал «Отыквление». Ты помнишь эту сатиру о Клавдии, явившемся на небо в качестве новоявленного бога?

---

[1] Остров Корсика, отличавшийся нездоровым климатом, в эпоху Римской империи был местом ссылок.

[2] *Байи* — римский курорт.

[2] *Гай Цезарь Калигула* — римский император (37—41 годы н. э.), отличавшийся сумасбродством и жестокостью.

[4] *Агриппина* — племянница императора Клавдия (41—56 годы н. э.), впоследствии его жена. Мать Нерона.

— Еще бы! Весь Рим покатывался от хохота, — вставил Ориген. — Здорово его оттуда турнули. А потом тыкву на голову напялили вместо короны.

— Но смешнее всего то, что одновременно с «Отыквлением» мне нужно было написать похвальную речь о покойном для Нерона. Ведь он стал императором, а я его советником! И позднее, на протяжении пяти лет до моей отставки, я говорил его устами в сенате, в судах, на всех публичных собраниях. В Риме это понимали и все другое, что он болтал по собственной инициативе, также приписывали мне. Даже в глазах моих друзей я стал обрастать чешуей, как какое-нибудь морское чудовище. На меня показывали пальцем. Будто это я пристрастил его к театру и научил декламировать. Тем более что ему нравилось выступать в пьесах моего сочинения. Я был автором, а он актером!

— Да! Да! Я сам видел, как он играл персидского царя,— вставил Ориген. — По ходу действия его заковали в оковы, и тут какой-то провинциал ворвался на сцену и давай колошматить всех, кто под руку попадался. Вот смеху было! А император этому дурачку столько золота отвалил, что он теперь в сенаторах ходит.

— А мне было страшно видеть, как этот юнец поясничает на сцене, потакая испорченным вкусам толпы. Вскоре Нерон убедил себя, что он великий актер. Ему было мало того, что его уже считали великим кулачным бойцом и великим наездником. И, представь себе, я уже не решался сказать, что думаю о его игре. Я аплодировал вместе со всеми, восторгаясь его дарованиями. И лишь оставаясь наедине, я хохотал. А между тем все оборачивалось так, как в трагедиях Еврипида. Дело шло к кровавой развязке.

Сенека вытер со лба пот и, пройдя несколько шагов, прислонился к стене.

— Он возненавидел Агриппину, хотя она убийством Клавдия открыла ему дорогу к власти. Он решил избавиться от матери. Любой другой просто подослал бы убийцу или подсыпал яда. Но ведь это Нерон! У него все, как в театре, где боги не просто входят на сцену, а спускаются с потолка на канате. Бог из машины! И он придумал сделать над спальней матери спускающийся потолок. Дернешь за веревку, и он падает. Придавить, как мышь. Эффектно!

Ориген разразился хохотом.

Дождавшись, когда он успокоился, Сенека продолжал:

— Да! Да! Это смешно, но и страшно. Ночью Агриппине захотелось пройтись. Может быть, ее кто-нибудь предупредил. Потолок обрушился, а она осталась жива. И этот жалкий актеришка устроил торжественное жертвоприношение богам, спасшим жизнь его любимой родительнице. А сам в это время готовил ей другую эффектную кончину. На воду был спущен

корабль такого же устройства, как потолок. В море не выйдешь пройтись! Приглашение сопровождать Агриппину разносил он сам. Я наблюдал за ним, чувствуя по выражению лица, по подслеповатым, покрытым поволокою глазкам, что готовится недоброе. Глядя в лицо тому, кто благодарил его за честь, Нерон был уже во власти извращенного воображения. Он представлял себе собеседника барахтающимся в воде и взывающим о помощи. Меня эта честь миновала. Я был ему еще нужен. Хитроумное устройство и на этот раз не подвело. Корабль рассыпался, и все утонули. Все, кроме матери, которую спас верный вольноотпущенник. Мы с императором обсуждали какое-то дело, когда спаситель вбежал в таблин мокрый, разгоряченный и радостный. «Случилось чудо! — кричал он. — Твоя мать спасена!» Видимо, он рассчитывал на награду. Посмотрел бы ты, как менялось лицо Нерона. Тогда я еще подумал, что он и впрямь не лишен актерских дарований. Сначала выражение растерянности, потом злобы, затем властной силы — таким он изображен на монетах. Он схватил кинжал в дорогой оправе, когда-то подаренный ему Агриппиной, и бросил под ноги вольноотпущеннику. «Стража! — завопил он. — Арестуйте этого человека! Он подослан матерью! Он хотел меня убить!» Остальное тебе известно. Мать была убита в тот же день. А я должен был произнести речь, оправдывавшую убийство. И я это сделал. С тех пор убийство Агриппины тоже приписывали моим интригам.

Ориген всхлипывал. Слезы текли по его лицу. Он их не вытирал.

— Странный ты человек. Говоришь о смешном, а он плачет. Послушай, что было дальше. Я больше не мог оставаться во дворце. Нерон принял отставку. «Я не держу тебя, мой Луций», — сказал он. У него было такое же выражение лица, как в то время, когда он беседовал со спутниками своей матери. Уже тогда я понимал, что меня ожидает. Лучше не быть на борту, когда корабль ведет такой кормчий.

— Мысль бросить обезумевшего кормчего за борт не казалась мне неразумной, — продолжал Сенека. — Но я ее не высказывал. В своих сочинениях я призывал к терпимости и милосердию. Пизон и Лукан[1] сами поняли, что надо действовать. Да, они мои друзья. Я горжусь этим. Еще ближе всех мне Петроний, хотя он мне и не друг. Его «Сатирикон» будет разить и через тысячу лет. Свело нас нешуточное дело. Но репетиция не удалась. Мы не сумели войти в роли и вынуждены сойти со сцены. Спектакль досмотрят другие.

Сенека подошел к Оригену и положил ладони ему на плечи.

— Теперь я хочу знать правду: ты врач?!

---

[1] *Пизон* — глава заговора 64 года н. э.; *Анней Лукан*, племянник Сенеки, крупный римский поэт, — участник заговора.

— Да, я медик.
— Пришел ко мне сам?
— Нет, но...
— Можешь не продолжать. Нерон любопытствует, какой я избрал способ смерти. Он хочет знать, не струсил ли тот, кто всю жизнь учил: «смерть — это благо». Передай ему, что Сенека умер от смеха, что Сенеки уже нет. Но ведь смех остался. Он будет длиться века.

РУКОПИСИ МЕРТВОГО МОРЯ

Кто знает, было бы в тот жаркий и душный весенний день 1947 года сделано одно из интереснейших открытий нашего времени, если бы у пастушонка-бедуина Мохаммеда ад Диба не пропала коза. Пришлось отправиться на поиски. Но плутовка как сквозь землю провалилась.

Решив отдохнуть, мальчик присел в тень возле валуна. Неподалеку возвышалась скала, в которой виднелось небольшое отверстие. Мохаммед кинул в это отверстие камешек — а вдруг беглянка забралась туда. И услышал треск битых черепков.

Естественно, что он подобрался к отверстию пещеры и заглянул внутрь...

На рассвете вдвоем с приятелем они вновь отправились к пещере. Вот то место, где, опоясывая холмы, вьется неподалеку от Мертвого моря дорога, ведущая из Иерихона в Иерусалим. Вот та самая скала, и в ней небольшое круглое отверстие. Пещера не велика. И чуть ли не весь пол ее усеян битыми черепками.

...Если в пещере есть клад, думают мальчики, он, наверное, спрятан в одном из оставшихся в целости глиняных кувшинов с двумя маленькими ручками по бокам и почти плоской крышкой.

Первый — пустой, второй — тоже. Ничего, ровным счетом ничего нет и в третьем. Из четвертого кувшина они наконец-то извлекают тяжелый сверток.

В пещере темновато. Ткань, в которую завернут сверток, прогнила — она расползается под руками. Не сразу поймешь, что же, собственно, они нашли: какая-то темная слипшаяся масса, что-то напоминающее кожу. Только и всего?

...У себя в палатке Мохаммед и его друг обнаружили, что найденные ими свитки, длинные полосы кожи, свернутые в тугой рулон, испещрены какими-то непонятными знаками.

Поближе к осени племя таамире, как всегда, раскидывает свои шатры неподалеку от Вифлеема. С этим городом бедуины издавна связаны торговлей: продают сыры и козье молоко, покупают посуду, одежду.

В одну из поездок в Вифлеем Мохаммед захватил с собой свитки.

В конце концов после долгих приключений рукописи попали в руки специалистов. Начался дальнейший поиск.

Не только поблизости от пещеры Мохаммеда ад Диба, но и в других местах — в десяти, пятнадцати, двадцати километрах от нее — предпринятые поиски увенчались блестящими результатами.

Были найдены изделия из керамики и дерева, монеты, оружие, льняные ткани, древние захоронения, остатки древних строений и многое-многое другое, относившееся к самым различным временам, начиная с IV тысячелетия до н. э. и кончая VIII—XI веками н. э.

Но самое главное, самое основное в том, что здесь, в каменных сейфах пещер Иудейской пустыни, на западном побережье Мертвого моря, оказались захороненными интереснейшие древние документы, написанные на древнееврейском и арамейском языках на коже и на папирусе.

Кому из нас не приходится ломать голову, разбирая чей-нибудь непонятный почерк? Но неразборчивый почерк — далеко не самое худшее, с чем столкнулись исследователи. Здесь было все: и полустершиеся письмена, и непонятные термины, и сложное написание слов, и оборванные строки. К тому же многие рукописи были на древнееврейском языке, в котором при написании не употреблялись гласные, что также затрудняло чтение.

Надо сказать, что рукописи не представляли собой чего-то единого. Помимо свитков, в руках ученых скопилось еще и великое множество различных клочков, некоторые величиной с ноготь.

Огромных усилий нередко стоило просто развернуть тот или иной туго свернутый свиток, отделить друг от друга слипшиеся, слежавшиеся, спрессовавшиеся слои.

И все же работа продвигалась, выяснялись интереснейшие вещи.

Библия, как известно, состоит из двух частей — Ветхого завета и Нового завета. Приверженцы иудейской и христианской религий считают, что все книги первой части Библии (а христиане уверены, что и второй ее части) якобы являются священными, внушенными самим богом. И каждое слово в них единственное и неповторимое, единожды сказанное, ибо оно божье откровение.

Наука давно опровергла эти легенды, доказав, что Библия создавалась на протяжении очень долгого времени и в основе ее много вариантов.

Ученые установили последовательность создания библейских книг. Ветхий завет, первая редакция которого относится к IX, а вторая — к VIII веку до н. э., был окончательно

оформлен и даже переведен на греческий язык в III веке до н. э. И лишь несколько веков спустя, в 100 году н. э., на духовном соборе в Ямнии окончательно договорились о том, какие религиозные книги включать в Ветхий завет, а какие считать апокрифами, то есть лжесвященными. И тогда же из различных вариантов одних и тех же текстов были составлены те, о которых теперь богословы говорят, что они с самого начала были единственными.

На этом, однако, дело не кончилось. В VII—VIII веках н. э. к «божественным» текстам приложили руку так называемые масореты — иудейские книжники-раввины. Они установили последовательность фраз, порядок слов в предложениях и даже не поленились (чтобы не ошибаться при переписке) подсчитать, сколько строк, слов и букв в том или ином столбце «священного» текста. Поэтому не удивительно, что в отличие от всех других древних рукописей, дошедших до нашего времени, библейские тексты одинаковы.

И вот среди найденных рукописей оказались и библейские тексты двухтысячелетней давности. Многие из них отдельными словами, фразами и даже целыми разделами отличались от общепринятого текста Библии. Новонайденные тексты наглядно подтвердили то, что давно доказала наука: нет и никогда не было «извечного» текста Библии. Она создавалась на протяжении многих веков. Она впитала в себя легенды и поверья многих древних народов.

Но были найдены в пещерах и иные, небиблейские тексты, которые никому до того времени не были известны: устав религиозной общины, трактат о войне, не то действительно имевшей место, не то вымышленной, — трактат, выдержанный в суровых обличающих тонах библейских пророчеств, какие-то гимны, напоминающие библейские псалмы, но в то же время и отличающиеся от них.

...Испокон веков, резко выделяясь на скалистом плато, вокруг которого вилась дорога на Иерихон, лежали посреди мертвой пустыни мертвые камни... Одни считали, что это остатки легендарной Голгофы, навлекшей на себя, как сказано в Библии, гнев господний. Другие — что это «Соляной город», о котором упоминает библейский пророк Исайя. Третьи — что это руины какой-то крепости тех времен, когда римляне строили укрепленные лагеря в Иудее. Название этого места — Кумран.

Когда археологи высвободили из-под земли остатки центральной постройки, обнажив ее грубый, каменной кладки фундамент, стало ясно: близ побережья Мертвого моря существовала некогда какая-то секта верующих, чьи рукописи оказались запрятанными в окрестных пещерах.

Стены выше всего с северной стороны, там, где сохранились остатки сторожевой башни. К башне с юга примыкает одно-

этажное здание. Здесь были найдены остатки нескольких каменных крышек от столов.

Археологи нашли также две чернильницы: одну бронзовую, другую из глины. И в обеих остатки чернил, между прочим именно таких, какие употребляли переписчики свитков! Найдены были и образцы шрифтов, и среди них те самые, которыми пользовались переписчики кумранских текстов!

Сохранились остатки строения, служившего, очевидно, кухней. Остатки мастерских — гончарных, по выделке кож. Большое центральное помещение.

...В 68 году н. э. все здесь подверглось разрушению.

Ученым удалось выяснить, как это случилось.

...68 год! В Иудее вспыхнуло восстание против римских захватчиков. Легион римского полководца, будущего императора Веспасиана, брошенный на подавление восстания, уже ворвался в Иерихон.

Участники религиозного сообщества в Кумране, с часу на час ожидая прихода римлян, спрятали свои священные книги в пещеры, в скрытые от глаз врагов тайники. Спрятали также горшки и светильники, бутылки и гребни, принадлежности для молений.

Разгорелся бой. Об этом свидетельствуют следы пожара и найденные в большом количестве наконечники копий.

Чем дальше вели свои изыскания ученые, тем яснее становилось, что члены обосновавшейся в Кумране секты (вероятнее всего, это была упоминаемая древними авторами секта ессеев) еще задолго до появления христианства придерживались многих представлений и положений, характерных для этого вероучения. Они знали уже и многие обряды, поразительно напоминавшие христианские.

Своего рода прообразом Христа является и упоминаемый в документах «учитель справедливости». Он умер и вместе с тем жив; вера в него считалась одним из решающих условий спасения в момент ожидаемого божьего суда...

Если бы потребовалось коротко сформулировать смысл кумранских находок, можно было бы сказать так: найдены документы, которые позволяют восстановить некоторые наиболее темные моменты в истории становления христианства. Они засвидетельствовали, что в позднем иудейском сектантстве сложились все важнейшие верования христианства. Не исключая также и своеобразного варианта центральной в христианском культе легенды об Иисусе Христе.

Более того, при внимательном сличении кумранских текстов и текстов Нового завета выяснилось, что первые содержат целые куски из проповедей, приписываемых Иисусу Христу, а также многие отрывки из евангелий и других новозаветных книг, авторство которых приписывалось ученикам Иисуса Христа.

В глубь времен уводят нас найденные документы. Поистине душераздирающая трагедия встает за этими верованиями, драма людей, которым тяжело было жить на свете, которые разочаровались в земных порядках. Бесправие бедняков, горе рабов, жестокая судьба порабощенных римлянами народов — вот что стоит за полуистертыми письменами кумранских текстов. К небу обращали свои взоры угнетенные и оскорбленные, ища там утешения. Потеряв веру в собственные силы, они ждали прихода небесного спасителя, ждали начала тысячелетнего его царства. Смутные надежды на лучшую долю, горячее стремление изменить неправедные порядки, вера в лучшие качества человека — и в то же время покорность, пассивность, стремление передоверить небу решение своих дел; могучее желание добиться изменений — и вера в чудеса; непокоренная сила — и жалкая покорность... Какая поистине трагедийная основа, какой сложнейший клубок земных, реальных и фантастических, неверных представлений! Потерпевшая крушение, но непотерянная, продолжавшая жить в народе мечта о лучшей доле в условиях грубой действительности рабовладельческого Рима находила пристанище в религии.

Кумранские документы показывают, как шли поиски новых догматов и обрядов, которые, как считалось, в состоянии дать уверовавшим в них спасение и царство божие на земле. Впрочем эти земные желания с самого начала затушевывались, отходили на задний план. А на передний — и чем дальше, тем сильнее — выступала идея о загробном блаженстве для праведников и наказания для грешников, о необходимости терпеть и ждать, молиться. «Несть власти, аще не от бога», «Рабы, повинуйтесь господам вашим», «Пути господни неисповедимы», «Все в руце божьей» — так ведь впоследствии проповедовало христианство.

ПРОГУЛКА ПО РИМУ

Действие рассказа относится к концу I в. н. э. Грек, прибывший в Рим, знаменитый греческий писатель, знаток греческой и римской истории Плутарх из Херонеи, небольшого города в Центральной Греции.

«Исида» медленно ползла по Тибру, повторяя его извивы. Она словно ввинчивалась в эту холмистую равнину, и каждый виток приближал ее к Риму.

С тех пор как богач Геминий вздумал переоборудовать барку для зерна в пассажирское судно, от желающих проехаться не было отбоя. Путь от «морской гостиницы» Рима, как в это время называли его гавань Остию, до самого города занимал всего три часа. Кроме того, он избавлял от неудобств — тряски, дорожной пыли, назойливости нищих, бежавших за повозками и едва не бросавшихся под колеса.

За время пути чужеземцы и жители Италии успевали отдохнуть от морской качки и перезнакомиться друг с другом. Тощий сириец, сверкая глазами, рассказывал о своих римских покровителях, которые, если ему верить, были накоротке с самим римским императором. Пышнотелый колх суетился на палубе возле кожаных мешков, набитых, как все уже знали, подарками для земляков. Голубоглазый светловолосый германец, примостившись возле каюты кормчего, что-то расспрашивал на своем варварском наречии. Корма была завалена корзинами, источавшими тонкий запах фиалок. Как цербер, близ них сидел человек средних лет с загорелым морщинистым лицом. За время плавания он не проронил ни слова. Но стоило кому-нибудь приблизиться, он глядел с недоброжелательством. Можно было подумать, что он охраняет не только свой товар, но и его аромат, не желая, чтобы им пользовались даром.

Чернобородый широкоплечий человек, по внешности грек, был поглощен развертывавшимся перед ним зрелищем, казалось, он не слышал болтовни и не замечал суматохи. В его удлиненных глазах вспыхивали и гасли огоньки. Привлекаемый чем-то на берегу, он переходил с одного борта на другой, ухитряясь при этом не наступать на поклажу.

Около полудня поля и священные рощи Лация сменились городскими строениями. Барка вошла в вечный город. Уже виден был мол, на котором волновалась толпа. Люди размахивали руками и кричали. Напрасно было бы искать среди них покровителей сирийца, земляков колха или покупателей, опасающихся, что им не достанутся кампанские фиалки из корзин на корме. Это были полуголодные римские клиенты, не гнушавшиеся никаким заработком. Поднести вещи, указать место для ночлега было для них делом обычным. Судя по измятым и грязным тогам, они могли ночевать в одном из челноков под мостом или прямо на набережной.

Тот, кто был в Риме впервые, мог всего этого и не знать.

— Что это за люди? — спросил чернобородый у кормчего. — Почему они кричат?

— Глашатаи, — невозмутимо ответил моряк.

— У нас, в Херонее[1], один глашатай на весь город, — отозвался чужеземец. — Когда он что-либо объявляет, все молчат. А эти люди стараются перекричать друг друга, и никто их не слушает.

— Сравнил котенка со львом, — усмехнулся кормчий. — Это же Рим, а не твоя греческая дыра!

И уже не обращая внимания на собеседника, заорал:

— Эй, на носу! Готовь канат!

Через несколько минут барка пришвартовалась к молу,

[1] *Херонея* — небольшой город в Центральной Греции.

и пассажиры, подхватив свою поклажу или поручив ее носильщикам, поспешили сойти на берег.

Оставшиеся без работы вопили так же отчаянно:

— Весь Рим! Весь Рим! Прогулка по городу за пять сестерциев!

— Гости вечного города, не проходите мимо!

«Вот оно что, — подумал грек. — Моряк пошутил. Нет, это не глашатаи! Скорее их можно назвать торговцами. Они торгуют красотами столицы. И это профессия!»

Впереди возникла какая-то перепалка. Торговец фиалками! Нет, не похоже на то, что он хочет поближе познакомиться с Римом.

— Бесстыжие твои глаза! — увещевал он какого-то юношу. — Пять сестерциев! Избаловали вас даровым хлебом. Тебе бы за плугом ходить, а не людей обирать, бродяга!

— Ты что меня хлебом коришь! — отвечал клиент. — Ведь не ты меня кормишь, а император! Хлеб-то не твой, а египетский! И ты ведь не хлеб привез продавать. А?

— Ты знаешь, сколько стоит жалкая каморка под крышей? — кричал другой.

— У самого денег куры не клюют! — вопил третий. — Корзинка цветов — корзинка денег.

— Дай ему, Валерий! Дай! — орал четвертый.

Неизвестно, чем бы закончился этот спор, если бы не послышался возглас:

— Квириты[1]! Кто меня проводит по городу?

Толпа сразу же отхлынула, оставив старого крестьянина с его корзинами.

Клиенты окружили чернобородого. Это он искал провожатого.

— Я! Я! Возьми меня! Не пожалеешь! — слышались голоса.

Чужеземец, отстраняя протянутые к нему руки, обратился к тому, кого только что укорял крестьянин.

— Валерий. Меня поведет Валерий, — сказал он.

— Мои предки ценили красноречие, — добавил он, обращаясь к бродяге. — Мне кажется, ты им владеешь вполне.

Лицо юноши покрылось румянцем, глаза заблестели. Видимо, похвала чужеземца была ему приятна, а еще более приятной была перспектива заработка.

Они отошли в сторону и некоторое время шли молча.

Первым заговорил грек.

— Судя по твоему имени, ты из знатного рода?

Бродяга нахмурился и что-то буркнул себе под нос. Чувствовалось, что эта тема ему неприятна.

---

[1] *Квириты* — почетное обращение к римским гражданам. В этой ситуации оно звучит издевательством.

— Итак, приступим, — оборвал он. — Мы находимся на том месте, где когда-то Тибр выбросил на берег корзину с близнецами Ромулом и Ремом. На их плач прибежала волчица и стала им матерью. Возмужав, они построили город.

Юноша показал на холм, сплошь застроенный высокими домами.

— Это Палатин? — спросил чернобородый.

— Да. Тогда он назывался «квадратным Римом». А вокруг были болотистые низины и голые холмы. Самый высокий из них с двумя вершинами — Капитолий.

— А это что за холм? — спросил чужеземец, показывая вправо.

— Авентин. Сюда удалились плебеи, когда были не в силах больше выносить гнет патрициев. Но пройди сюда.

Они сделали несколько шагов.

— Обрати внимание, этот мост — тот самый, который защищал когда-то Гораций Коклес. На той стороне — Ватиканский холм. Там был лагерь этрусского царя Порсенны, который явился, чтобы силой вернуть изгнанных римлянами Тарквиниев. Но мужество, проявленное Горацием Коклесом, Муцием Сцеволой и другими римскими героями, заставило Порсенну заключить с нами почетный мир.

— Ты так думаешь? — вставил чужеземец. — Но почему же Плиний Старший пишет, что Порсенна запретил римлянам пользоваться железом? Какой уж тут почет!

— Во всяком случае, этруски отступили, — продолжал юноша. — Тарквинии больше в Рим не вернулись. Но они оставили о себе память. Взгляни туда. Этот каменный свод с вытекающим из него грязным потоком — окончание клоаки, которую еще с древних времен называют Величайшей. Тарквинии осушили покрывавшие всю эту местность болота, спустив их в эту огромную каменную трубу. С тех пор прошло шестьсот лет, а она стоит! Против нее бессильно время! Если ты посмотришь вправо, ты увидишь широкую лощину. Там находится Великий цирк. Он тоже построен Тарквиниями.

— Невольно подумаешь, стоило ли их изгонять? — сказал чернобородый. — Они могли соорудить еще что-нибудь путное.

— Они были тиранами, — возразил юноша. — После них в Риме утвердилась республика. Сейчас мы направимся на форум, хранящий память о ее начальных временах. Но пока взгляни на этот камушек.

— Ого! — воскликнул чернобородый. — Да ведь это египетский обелиск! Как он попал сюда?

— Для его перевозки, — продолжал Валерий, — построили специальное судно. За веслами было четыреста гребцов. Пять тысяч рабов перетаскивали обелиск. Слава Египта переселилась в Италию. Тибр теперь соперничает с Нилом.

— Грандиозно! А сколько пленников погибло при перевозке? Сколько безымянных могил выросло за городской стеной?

— Не знаю! — отозвался юноша. — Но зато мне известно, что вон та арка, — он протянул руку вперед, — воздвигнута в честь наших побед в Палестине. Обрати внимание на рельефное изображение наших трофеев — семисвечников иерусалимского храма.

— Арка Тита, — произнес чужеземец. — Добрейшей души был человек. Но в одном лишь Иерусалиме погибло шестьдесят тысяч. И, если я не ошибаюсь, в рабство было продано сто тысяч иудеев.

Беседа была внезапно прервана шумом голосов и топотом. По улице двигалась процессия. В отличие от тех, кого чужеземец видел на пристани, все это были плотные и упитанные люди. Правда, в одежде их не было изысканности, не говоря уж о роскоши. На некоторых поверх хитонов были фартуки со следами мела или муки. Передние несли стяги с изображением каких-то круглых предметов. В руках у одного был шест с нанизанными хлебами. Люди что-то выкрикивали. Прислушавшись, чернобородый уловил ничего не говорившее ему имя «Квинт Скрибоний».

— Что это за люди? Чего они хотят? — обратился грек к своему спутнику.

— Булочники, — отвечал Валерий. — Они отмечают память покровителя своего товарищества. Он завещал им 5000 денариев, с тем чтобы они напоминали о нем в каждые июльские календы, день его рождения.

— Если я правильно тебя понял, простые булочники объединены в товарищество?

— И не только они! В Риме есть товарищества сапожников, столяров, сукновалов, погонщиков мулов и многие, многие другие. У каждого товарищества свои божества, свои алтари, свои знамена.

— И свои покровители, — добавил он после паузы. — В Риме давно уже забыли, что Скрибоний был сенатором. А вот то, что он покровительствовал булочникам, знают все. Сегодня на всех булках имеется начальная буква его родового имени — «С». Но эти булочники хотят насытить им и наш слух.

— А почему бы вам не создать коллегию проводников по Риму? Если у вас найдется покровитель, думаю, вы сумеете его прославить не хуже, чем булочники своего Скрибония.

— Не выйдет! — мрачно сказал Валерий. — Товарищества утверждает сам император. Он следит за тем, чтобы их членами были люди, обладающие имуществом, безразлично — пекарней или мулом. Наше же имущество — только тога, да и та с чужого плеча.

От арки Тита улица круто повернула вправо. Следуя по ней, путники вышли к террасе, где располагалось какое-то недостроенное здание.

— Храм Венеры и Рима, — пояснил юноша. — Его воздвигают на средства императора. Он должен затмить все прежние святилища.

После этого они долго шли молча. Видимо, улочка, по которой они поднимались к форуму, ничего не говорила Валерию. Объяснение продолжил грек.

— Дочь Сервия Туллия — ее имя Туллия — стала женой этруска Тарквиния. Не дождавшись смерти тестя, он подослал к нему убийц и занял освободившийся трон. Туллия же, чтобы поздравить супруга с обретением царской власти, погнала по этому крутому спуску повозку с обезумевшими конями и прямо по окровавленному телу отца. Эту улочку назвали Проклятой. А также...

— Позволь мне уйти! — оборвал клиент. — Я давно заметил, что ты, чужеземец, знаешь Рим лучше меня, истершего на этих камнях немало подошв из бычьей кожи. Мне надо бы оплатить твой урок, но, прости, мой кошель пуст. Прими мою благодарность и скажи на прощание, сколько раз ты бывал в моем городе?

— В Риме я впервые, — отвечал грек. — А откуда я его знаю?

Чернобородый бросил быстрый взгляд на дом, к стене которого была прибита доска с именем владельца лавки.

— Подожди меня здесь, — сказал он спутнику.

Через несколько минут он вышел с кожаным футляром.

— Это тебе! — сказал он, протягивая футляр Валерию. — Здесь свиток с кратким переложением истории Тита Ливия. В своей Херонее я прочитал весь труд, все сто сорок две книги. В футляре ты найдешь и плату за твои услуги. Прощай!

ТАЦИТ В ГАЛЛИИ

Рассказ о детских впечатлениях римского историка

В памяти народов Европы Древний Рим сохранился в двух обликах — республики и империи. Если представление о республиканском Риме во многом основано на труде историка времен Августа Тита Ливия, то образ Римской империи сложился главным образом под влиянием великого римского историка Публия Корнелия Тацита[1].

---

[1] Даты жизни Тацита в точности неизвестны — он родился скорее всего в 57 году н. э. и умер после 117 года.

В своих книгах Тацит создал галерею незабываемых характеров коварных и злобных императоров, скупыми и точными, выразительными и сильными словами заклеймил их произвол и жестокость. Но Тацит рассказал также и обо всем том, чему римляне научили народы империи, и эти две стороны их владычества предстают в его сочинениях в неразрывной связи, создавая тот двуединый образ Рима, который вот уже скоро две тысячи лет волнует и привлекает поколения читателей. Откуда и как возник у историка этот образ — такой двойственный и в то же время такой единый?

Августа тревиров. Рим против варваров

Публий Корнелий Тацит появился на свет в городе, который в его время назывался Августа Тревиров, а впоследствии Трир. Он расположен на правом берегу реки Мозель, примерно в 80 километрах от того места, где она впадает в Рейн, бывший в те времена границей между империей римлян и землями германских племен.

Первые годы Тацита прошли здесь, в доме его отца — крупного императорского чиновника, который торжественно назывался «прокуратор провинции Белгики и обеих Германий». Деятельность отца будущего историка состояла в сборе налогов с покоренного римлянами населения. Выжимали налоги с окрестных племен целые отряды подчиненных прокуратору чиновников и солдат. К дому его то и дело подъезжали повозки с хлебом, шерстью, огромными амфорами с вином или маслом, а изредка и с кожаными мешками, полными денег. Рабы уносили все это в расположенные поблизости склады, а начальник каравана проходил в дом, на половину отца, чтобы отчитаться.

Мальчик удивлялся тому, как не похожи были эти люди на тех, что окружали его в семье. Помощники отца были из местного населения, говорили на народном латинском языке, не слишком заботясь о грамматике, употребляли не всегда понятные словечки, с резким характерным выговором. Именно от них мальчик усвоил тот акцент, который он сохранил на всю жизнь.

От постоянных обитателей дома они отличались не только языком, но и одеждой. Одеждой римлянам служили главным образом куски ткани разной формы и размеров, в которые они драпировались, скрепляя их застежками. Такая одежда-драпировка сразу отличала их от жителей северных провинций, которые должны были лучше защищаться от холода и шили себе одежды из кожи, шерстяных тканей, а иногда и из шкур. Они носили добротные рубахи, куртки, плащи и ту часть одежды, которая всегда вызывала у римлян наибольшее изумление — штаны. В латинском языке даже не было соот-

ветствующих слов, и для обозначения рубах или штанов использовались галльские слова.

Людей всех других народов, кроме греков, римляне называли варварами, а стиль жизни, понятия и привычки, отличавшиеся от их собственных, — варварскими. Тацит чуть ли не с младенчества усвоил это понятие и если не понимал, то ощущал, что эти люди с рыжими волосами, в кожаных рубахах, соскакивающие с лошадей у задней двери их дома, делали резиденцию прокуратора местом столкновения двух миров — римского и варварского. Постепенно он убеждался, что не только в их доме, а и везде вокруг жизнь текла по этим же двум ни в чем друг с другом не схожим руслам.

Воплощением римского мира был город, варварского — деревня и природа. В Августе Тревиров еще встречались старики, которые помнили, что на месте ее прежде расстилалась всхолмленная равнина, поросшая редким мелколесьем. Освобожденные от службы воины римской армии, получившие здесь наделы, сровняли холмы, выкорчевали деревья и проложили правильную сетку улиц — с севера на юг и с запада на восток.

Так планировались города по всей империи, и город на Мозеле тоже выглядел вполне по-римски. Вскоре он получил название «римская колония».

Между тем в старых поселениях кельтов все оставалось, как было когда-то: скученная застройка чередовалась с пустырями, вдоль причудливо разбегавшихся в стороны улиц тянулись островерхие дома-хижины.

Между своими колониями римляне проложили дороги из тесаных каменных плит, гладкие и прямые. Галлы ездили мало, когда это было уж очень необходимо, и пользовались чаще всего своими старыми, петлявшими в лесах грунтовыми дорогами или просто тропинками.

Кельты верили в своих богов, как верили в своих богов и римляне. В честь римских богов колонисты возвели каменный храм — на высоком постаменте, с колоннадой перед входом и ведшей к нему широкой лестницей. В глубине полутемного зала помещались статуи главных богов Римского государства — Юпитера, Юноны и Минервы. Культ их был единым для всей бескрайней Римской империи, и их храмы воплощали ее силу и единство. Кельты обожествляли леса, ручьи, ущелья, ветры. Боги, в их представлении, не имели человеческого облика, не обитали в храмах, а шелестели в траве, сверкали в речной стремнине или в извиве молнии, гремели в ударах грома, были слиты с породившей их природой.

Кельты были непосредственно связаны с землей. Они занимались земледелием, стригли овец и изготовляли ткани, добывали металлы, очень любили охоту и умели использовать мясо, кости и шкуры убитых животных. Римские колонисты

редко обрабатывали землю сами, делали это чаще через своих рабов и управляющих и предпочитали наживать богатство, занимаясь ремеслами и торговлей.

Уже в наши дни неподалеку от Трира нашли надгробный камень с могилы римлянина. На камне изображена плывущая по реке барка, нагруженная амфорами, в которых римляне обычно хранили и перевозили вино. Очевидно, римский колонист занимался виноторговлей.

Колония Августа Тревиров славилась не только своими винами, но и керамикой. Изготавливавшиеся здесь сосуды имели особую, в других местах не встречающуюся раскраску. Черепки этих сосудов и сейчас находят при раскопках в Южной Франции, на Рейне и даже на Среднем Дунае.

Местные жители обитали в хижинах, обычно располагавшихся по берегам ручьев, на склоне холмов или в лесу. Строили они их так: выкапывали большую круглую яму диаметром от 10 метров и более, глубиной не меньше двух метров. Над ней из стволов огромных деревьев, упиравшихся корнями в края ямы, а вершинами сходившихся над ее серединой, сооружали коническую крышу и прикрывали ее ветвями, листьями или соломой. Зимой топили по-черному.

Римские колонисты, особенно те, что побогаче, строили себе особняки, какие встречались в ту пору во всей Италии. Входя в такой дом, посетитель оказывался в большом мрачноватом зале, который освещался через широкое прямоугольное отверстие в крыше. Под этим отверстием в полу находился бассейн, где скапливалась дождевая вода. Зал этот назывался атрий. Здесь хозяин дома принимал официальных посетителей. Здесь же хранились восковые изображения предков и выставлялись награды и драгоценности, добытые самим хозяином или его отцом и дедом.

Напротив входа в атрий в противоположной стене открывался широкий и глубокий проем. Справа и слева к нему примыкали ниши, настолько большие, что они образовывали изрядных размеров помещения. Это таблин, где хозяин дома проводил большую часть времени: здесь хранился его деловой архив, здесь он работал с управляющим имением или счетоводом, зорко наблюдая и за атрием, и за жизнью семьи в той части дома, которая открывалась сразу за таблином и называлась перистилем.

Перистиль по своей архитектуре был сходен с атрием: в середине также не было крыши, в центре пола — такой же углубленный участок, вокруг — комнаты. Но весь характер протекавшей в перистиле жизни был совершенно иным. Тут всегда царил яркий дневной свет, углубленный участок пола превращался в декоративный садик, украшенный небольшими скульптурами и фонтанчиками, бившими во всех направлениях. Боковые комнаты не имели дверей и отделялись от воз-

вышавшейся над садиком баллюстрады цветными занавесами. Здесь играли дети, суетились рабы, ткали и беседовали хозяйка дома и женщины, ее окружавшие.

Все части особняка образовывали естественное единство. Такой дом был средоточием и воплощением римского уклада жизни.

Контраст римского и кельтского начала в окружавшей действительности все ярче выявлялся как контраст зажиточности, цивилизации, красоты, с одной стороны, и бедности, грубости, почти дикости — с другой.

На это детское, простое и ясное впечатление, однако, постепенно наслаивалось другое, вносившее в него недетскую сложность и глубину.

Как проходил набор тревиров в римскую армию

Мальчик подрос и не проводил больше все дни на половине матери. Его поручили заботам наставника — состарившегося в доме грека-раба, который следил за воспитанием Публия, гулял и беседовал с ним. Особенно любили они гулять у городских стен.

Однажды старик с мальчиком бродили здесь в один из самых первых весенних дней, в конце февраля.

С одной стороны открывался вид на римскую колонию с ее прямыми улицами, белыми домами, стройным храмом, с другой — на уходящие вдаль холмы Белгики, вьющуюся реку и дальние леса. На полях, на больших промежутках друг от друга, виднелись высокие прямоугольные камни. Публий замечал их и раньше, но теперь они были украшены пышными венками, бросались в глаза, и, если присмотреться, становилось заметно, что они ограничивают геометрически правильные участки. Учитель объяснил ему, что это — межевые камни, отмечающие границы полей, принадлежащих разным хозяевам-колонистам. Границы эти считались священными и нерушимыми, их охранял верховный бог римлян Юпитер, и 23 февраля, в день, когда, по старинным верованиям, начинался год, в его честь камни украшали венками и гирляндами цветов. Повреждение камня, а тем самым нарушение границы участка считалось страшным преступлением. Тациту казалось естественным и понятным, что эти аккуратные и красивые полосы земли принадлежали римлянам, что только их участки имели правильные и нерушимые границы и только на них земля была жирной, черной, плодоносной, тогда как наделы кельтов были маленькими, причудливой формы, лежали на болотах и в низинках. Ведь все римское — хорошо и красиво, все варварское — плохо и путано; так думалось ему поначалу, должно быть везде и всегда.

Постепенно, однако, стало выясняться, что разделение

земель на лучшие, принадлежащие колонистам, и худшие, принадлежавшие кельтам, — результат не извечного порядка вещей, а сравнительно недавнего римского завоевания. Цель его и состояла в захвате земель, подчинении населения, присвоении его богатств. Покоренная территория считалась собственностью римского императора, и потому оставшиеся после раздела худшие земли были как бы уступлены кельтам во временное пользование. За это пользование надо было выплачивать налоги, и немалые — до одной пятой всего, что давал участок.

Теперь Публию становились понятны вещи, на которые прежде он не обращал внимания: в городе было немало увечных стариков, про которых взрослые говорили, что они лет 30—40 тому назад участвовали в грандиозном восстании тревиров против римлян; совсем недавно в центре города кельты забросали камнями статую римской богини Дианы, которую колонисты очень чтили. Отношения между колонистами и кельтами, как выяснялось, были не всегда гладкими, а подчас и просто враждебными.

Однажды прокуратор Корнелий Тацит вернулся домой после недельной отлучки злой и взволнованный. Из разговоров, шедших в таблине в течение нескольких последующих дней, мальчик узнал, что отец ездил в один из округов провинции Белгики, чтобы присутствовать при наборе ополчения тревиров в римскую армию. Строго говоря, это не входило в его обязанности. Наборами ведали военные власти и префект, стоявший во главе каждого мелкого административного округа. Но прокуратор обратил внимание на то, что и его подчиненные под разными предлогами, всеми правдами и неправдами старались пристроиться к проведению набора, и он, кое о чем догадываясь, решил посмотреть, в чем дело. Дело оказалось скверное. Служба в римской армии длилась двадцать лет и более, а тревиры не хотели отрываться на всю жизнь от семьи и родины, чтобы защищать интересы римлян, отнявших у них землю и свободу. Кроме того, от них требовали такое число новобранцев, которое они и не могли поставить просто потому, что в округе не хватило бы людей. Кельты чувствовали несправедливость и коварство властей, не хотели подчиняться их требованиям и приходили во все большее ожесточение. Префект объявил тревиров бунтовщиками, сообщил по начальству, что положение требует чрезвычайных мер, и толпа окружавших его римлян — и занимавших при нем официальное положение, и отовсюду набежавших солдат, торговцев, писцов (вот, значит, куда рвались секретари и счетоводы прокуратора!) — набросилась на несчастное племя — захватывали стариков и увечных, явно не способных к военной службе, чтобы добиться от них выкупа, грабили дома под тем предлогом, что хозяева укрывают дезертиров.

Когда набор был закончен и в округе установились «мир и порядок», места эти больше всего напоминали пустыню.

Ясная и простая противоположность Рима и варваров и стоявшее за ней столь же простое и ясное разделение жизни на благо и зло оказывались и не такими уж ясными и во всяком случае совсем не простыми. Римляне, действительно, были богаче, сплоченнее, культурнее варваров. Но чем богаче они становились, тем больше они тратили на роскошь, удобства, развлечения, тем больше им нужно было денег, более дикими становились их забавы, а сами они хуже и грубее. Их пороки как бы росли из их достоинств и были неотделимы от них. Положение варваров было таким же двойственным. Они были отсталы и дики, общение с победителями показывало им, как можно жить зажиточнее, сложнее, интереснее, но оно же влекло за собой еще большее обнищание одних, еще большее обогащение других, распад былой сплоченности племени.

Маленький город Вазион и огромная империя римлян

Тацит-отец был уже очень стар, и вскоре ему пришлось оставить свое место прокуратора. В доме начали поговаривать о том, что надо перебираться «к себе». Лишь тут Публий узнал, что Августа Тревиров, где он родился, провел детство, так много увидел и понял, не была его родиной. Город, где человек появился на свет, оттого что здесь в данный момент находились его родители, был для римлян лишь его «местом рождения». Родиной же для него была его «гражданская община» — город или селение, где находились земля и дом его семьи, где из поколения в поколение жил их род, их соседи, свойственники и близкие, с которыми его соединяли тысячи нитей — местные установления и обычаи, совместное участие в делах, религиозные верования, традиции и формы жизни.

Гражданской общиной, а тем самым и родиной Тацитов был город Вазион, находившийся далеко на юге, в так называемой Нарбоннской Галлии, в земле кельтского племени воконтиев. Туда-то погожим осенним днем и двинулась вся семья длинным караваном повозок, вьючных лошадей и мулов, верховых рабов и носилок; в одних ехали мать и больной старший брат Публия, в других — отец и он сам.

Дорога шла сначала через рейнские земли, потом над Соной до слияния ее с Роной и восточным берегом этой реки до ответвления на Вазион — не менее 450 римских миль[1], через всю восточную Галлию. На красоты природы старый прокуратор обращал мало внимания. Но он был совершенно поражен

[1] Римская миля равна 1478,7 метра.

тем, как за 30—40 лет его отсутствия до неузнаваемости изменились города, виллы, весь характер жизни людей в этих когда-то родных ему местах.

Старые кельтские поселения теперь ни в чем не уступали колониям, и развернувшееся повсюду строительство придавало им облик италийских городов — с прямоугольным форумом на перекрещениях главных улиц, с храмом римским богам на одной, узкой его стороне и административным зданием на противоположной, с публичными банями и водопроводами, проложенными на высоких каменных эстакадах через долины и доставлявшими в города свежую воду горных источников, с театрами, рядами лавок, частными домами. Изменились не только города, изменились люди. Уходившие в римскую армию галлы прежде почти никогда не возвращались — погибали в боях или оседали в новых местах. Теперь, если такому солдату повезло, если он вернулся в родные места ветераном, то есть получив звание римского гражданина, да еще с немалыми деньгами, то он, сохраняя свои кельтские привычки и связи, становился настоящим римлянином. Его сын мог уже стать членом сословия римских всадников, а внук даже и сенатором. Еще кельты и уже римляне, такие люди связывали воедино бывших побежденных и бывших победителей.

Когда после почти месячного путешествия Публий с семьей прибыл на родину, все эти впечатления, как град, беспорядочно и неожиданно сыпавшиеся на него на протяжении пути, получили в его родном городе ясное и полное воплощение. Здесь начинало казаться, что деление на римлян и варваров и в самом деле исчезало, что на глазах возникал единый народ, соединивший традиции кельтов и римлян.

Вазион не был, как Августа Тревиров, основан на пустом месте. То была старая столица кельтского племени воконтиев. Главные улицы ее шли в общем как бы по-римски — с севера на юг и с запада на восток. Но присмотревшись, становилось очевидно, что они совпадают не столько со странами света, сколько с древними, пересекавшими город кельтскими дорогами. Вокруг форума располагались лавки, точно такие же, как в Риме, как везде в Италии, разделенные колоннами, с убиравшимися на ночь прилавками и выставками товаров. Но убирались они в шедшие сплошной линией под стенами форума глубокие сводчатые подвалы, которых в Италии не знали, — прятать все ценное в землю, туда, куда уходили основаниями их хижины, где жили их боги, было обыкновением кельтов.

Городок пересекала река, сохранившая свое древнее, даже еще докельтское название Увэз. С севера к ней примыкали кварталы, застроенные роскошными, чисто римскими особняками. Но позади атрия и перистиля во многих из них размещался большой зал с открытым очагом, таким, вокруг которого с незапамятных времен сиживали в своих хижинах галль-

ские семьи и которого в римской Италии, разумеется, никогда не видывали. Атрий и перистиль были римскими, зал — галльским, дом — галло-римским.

Жизнь в Вазионе, особенно по контрасту со всем, виденным в земле тревиров, казалась Публию на диво слаженной и спокойной, и он был поражен, когда постепенно стал замечать, что это не совсем так. Сосед составил завещание и пригласил Тацита-отца, по старинному римскому обычаю, подписать его и запечатать. Вернувшись, старик рассказал о том, как протекала церемония, и мальчик уловил, что завещание было составлено по-кельтски. Соседа звали Гай Юлий Мессий, то есть как заправского римлянина, он был заслуженным боевым префектом римской армии, в которой провел почти тридцать лет, его дом ничем не отличался от домов богатых людей в Риме, а вот высказать свою последнюю волю он предпочел на языке предков.

Один из друзей семьи Тацитов пригласил мать с обоими сыновьями погостить у него на сельской вилле. Приехав туда, Публий еле узнал этого человека: в городе он никогда и ни в чем не отличавшийся от римлян, здесь ходил в плотной кожаной рубахе, в длинных штанах, с окладистой бородой, выкрашенной охрой в рыжий цвет, и напоминал зажиточного кельтского крестьянина откуда-нибудь из окрестностей Августы Тревиров.

Именно здесь, на вилле, Тацит начал понимать, почему все кельтское было таким неистребимо живучим. Кругом возвышались предгорья Альп, длинными, труднодоступными цепями шедшие с севера на юг. Поперек, перерезая их, торопились к Роне бурные горные речки. Между теми и другими оказывались зажаты небольшие долины — очаги кельтской жизни. Люди, которые веками обрабатывали эту землю, охотились в этих лесах, отличались от соседей и особенностями уклада, и говором, и верованиями. И бесконечная Римская держава, какие бы преимущества она ни сулила, не могла вытеснить из души образ этой, единственной, по-настоящему своей земли.

После нескольких лет, проведенных Тацитом на родине, после всех наблюдений и раздумий империя представлялась ему каким-то огромным, вобравшим в себя весь видимый мир четко и слаженно работающим механизмом. Чем больше народов и стран захватывал Рим своими железными зубьями, чем шире растекались по Галлии и по всей земле форумы и театры, гарнизоны и дороги, тем огромнее и слаженнее он становился, тем больше требовал средств, денег и армий. А кельты, всеми нитями привязанные к унаследованным от предков полям, обрабатывавшие их унаследованными от предков способами, погруженные в местные традиции и обычаи, не могли давать этих средств больше. Их сыновья уходили в солдаты,

и те, кто возвращался, приносили много денег; через их поля проходили дороги и водопроводы, и жизнь в городках текла все более нарядная и богатая, но труд их от этого не становился продуктивнее.

Рим перестал быть просто городом и не мог существовать сам по себе — без провинций, без племен, на которые распространил свою власть, чью уединенную и естественную жизнь он одновременно и обогащал, и уничтожал. Рим и народы провинций были теперь сцеплены, как части одного целого, понять империю значило представить себе все величие и все зло, которое несло с собой ее безудержное и всеобезличивающее развитие.

Вскоре Тацит уехал в Рим. Став видным государственным деятелем, он старался, чтобы величие Рима укрепилось, а зло, в нем царившее, уменьшилось. Когда он увидел, что это невозможно и ход истории от него не зависит, он написал об этом величии и этом зле. За рассказами о походах и заговорах, о восстаниях и казнях вырисовываются, как в дымке, все те же главные впечатления, которые вошли в него в детстве и с которыми он навсегда покидал родную Галлию.

ГОСТЬ ИЗ РИМА

Классовая борьба бушевала в Риме во II в. н. э., несмотря на все меры, принимаемые императорами. В правление императора Септимия Севера Феликс Булла образовал на севере Италии отряд из 300 беглых рабов, который совершал налеты на богатых людей, императорских чиновников. В рассказе использован действительный эпизод из истории восстания.

В небе пылает Гелиос. Воздух густ и неподвижен. От камней мостовой и черепичных крыш пышет как от раскаленной печи. Одинокие прохожие стремятся поскорее миновать открытые места и укрыться в прохладе портиков. В эти дни на улице не встретишь и собаки. И вдруг повозка! Колеса, обитые железом, гремят по камням. Тень от повозки бежит по мостовой, ломается на углах зданий. Крытый верх из дорогой плотной материи, великолепная тройка коней гнедой масти, рослый кучер в нарядном плаще и широкополой шляпе.

«Такого выезда нет ни у кого в окрестных виллах, — думал дуумвир[1] Теренний, провожая повозку встревоженным взглядом. — Конечно, это гость из Рима. Наверное, какой-нибудь сенатор. Решил захватить врасплох! Даже в курию[2] не заглянул. Эти римские сенаторы завели моду тащить за собой целую свиту из вольноотпущенников и иных прихлебал. Все они привязчивы, как осенние мухи, и прожорливы, как саранча. Вино

---

[1] *Дуумвир* — высшее должностное лицо в городе.
[2] *Курия* — здесь: городской совет.

им кислит! Масло горчит! В банях грязно! В прошлом году приезжали ревизовать пожарную команду. Кто-то донес, что среди пожарников завелись поджигатели. А этот без свиты пожаловал. Боится свидетелей? Или хочет, чтобы все досталось ему одному?

Повозка повернула от форума к городской тюрьме. Тренний облегченно вздохнул. За тюрьму он спокоен. Эдил[1] Сервилий безупречен, как динарий добрых старых времен. Не напивается до бесчувствия. Денег с заключенных не берет. Впрочем, что с них возьмешь! В тюрьме пятеро арестантов. Четверо из них — беглые рабы, пятый — молодчик из шайки Буллы. Удивительные теперь пошли разбойники! Золото и драгоценности в землю не зарывают, нищим отдают! Будто у них другой заботы нет, как одевать и кормить бездельников и лентяев. А раньше припрятанным золотом от креста[2] откупались. Тяжело стало служить. Доходов никаких. Одни волнения.

Теренний заторопился на кухню, чтобы дать распоряжение об обеде для знатного гостя. Конечно, сенатор на обратном пути посетит дом дуумвира. Хорошо бы узнать, что делается при дворе. Кто теперь в чести, кто в опале? Не готовится ли новый эдикт о налогах? А завтра Теренний поведет сенатора в амфитеатр. Прибыли звери из Африки. Есть что показать.

Пока Теренний готовился к приему знатного гостя, в одной из комнат тюрьмы шла беседа. Приехавший сенатор сидел напротив эдила, положив на стол большие загорелые руки. Сервилий не мог отвести глаз от его перстней. У всех ювелиров города не найти такого камня, что красуется у приезжего на среднем пальце левой руки. Да и каждое из других колец стоит состояния. Эта кроваво-красная яшма, как огонек пламени. А рядом с нею — великолепный изумруд. «Наверное, этот сенатор — близкий друг самого императора», — думал Сервилий, с подобострастием ловя взгляд гостя.

Сенатору на вид было лет сорок. У него волевое лицо с крупным носом и крутым подбородком. На правой щеке выше губы — небольшой шрам. Сразу видно, что не родству, а боевым заслугам обязан этот человек своим положением в государстве. В его взгляде есть что-то говорящее об умении подчинять людей своей воле.

— Так ты говоришь, что у тебя пятеро? — спросил сенатор, играя кольцами. — А куда ты девал остальных?

— Троих беглых отдал господам. Вот расписки.

Сенатор взял свитки и углубился в чтение. На мгновение его квадратный лоб прорезала морщина. Брови сошлись.

---

[1] *Эдил* — выборное должностное лицо. В его обязанности входило обеспечение города продовольствием, надзор за полицией и тюрьмами.

[2] Вид казни — распятие на кресте.

— Расписки, — недовольно проворчал он. — А где подписи трех свидетелей? Знаешь, чем это пахнет? Раба согласится взять каждый и расписку выдаст. Ты и разбойника готов продать в эргастул, а там его ищи!

— Разбойник продан устроителю игр, — осторожно возразил Сервилий. — Завтра вечером его сожрут львы. А деньги, пять тысяч сестерций, получила городская казна. Есть расписка и подписи трех свидетелей.

Лицо сенатора побагровело.

— Львы... Пять тысяч сестерций, — с усилием проговорил он. В его взгляде были ярость и презрение. Сервилий съежился, хотя еще не понимал, что могло вывести сенатора из себя.

— Вам лишь забота о своей городской казне. А знаешь ли ты, во что обходятся государству посты в портах и на дорогах? Сам божественный Септимий Север приказал выдать сто тысяч сестерций на поимку разбойника. Нет ни одного уголка земли, куда не простиралась бы власть нашего императора, а в Италии, чуть ли не у стен вечного Рима, хозяйничает Булла. Он опустошает богатые виллы, нападает на императорскую почту. Мы сбились с ног, чтобы отыскать след, а вы затаптываете его своими грубыми калигами ради каких-то пяти тысяч сестерций! Узнали ли вы хотя бы приметы этого Буллы?

Сервилий молча пододвинул сенатору пергаментный свиток.

Сенатор небрежно взял его и, развернув, пробежал глазами.

— Узнаю руку Теренния! Видно, по ней скучает линейка школьного учителя. Да разве так составляют приметы? Подумаешь, шрам на правой щеке! У меня самого шрам. Оттопыренные уши! Посмотри на себя в зеркало. Это говорится о твоих ушах. Неужели разбойник больше ничего не сказал о своем главаре?

— Приметы нам известны и без него, — проговорил эдил. — Вот узнать бы, где он скрывается. Огонь и железо не помогли. Я свободу предлагал. И знаешь, что он ответил? «Если Булла узнает, что я его выдал, он найдет меня и на дне морском». На всякий случай я приказал усилить охрану тюрьмы. Кто знает этого Буллу. Вдруг он вздумает освободить своего сообщника!

Сенатор захохотал.

— Ты думаешь, Булле жизнь недорога! — сказал он, давясь от смеха. — Будет он ею рисковать! А палачи у тебя шутники. Наверное, они умеют только щекотать. У нас в Риме твой разбойник заговорит. Я займусь этим сам! Веди меня к нему, — сказал сенатор после короткой паузы. — Хочу

взглянуть на человека, который не боится ни огня, ни железа.

У входа в подземелье сенатор брезгливо поморщился. Видно было, что ему неприятны грязь и смрад тюрьмы и вообще вся эта миссия, возложенная на него императором, и только чувство долга заставляет его заниматься этим дурно пахнущим делом.

Сервилий шел впереди, за ним неторопливо шагал сенатор. Шествие замыкал тюремщик. Ключи звенели у него на поясе. Коридор казался бесконечным. Он освещался лишь оконцами, пробитыми под самым потолком.

Наконец, Сервилий остановился. Тюремщик вынул из связки большой ключ и просунул его в замочную скважину. Дверь со скрипом открылась. Прошло несколько мгновений, пока глаза привыкли к темноте и можно было различить человеческую фигуру на куче соломы в углу камеры. Разбойник лежал неподвижно, не проявляя интереса к тому, что делалось у него за спиной.

— Почему он лежит? — заинтересовался сенатор.

— Такой уж это народ, — сказал Сервилий, как бы извиняясь. — Нет у него уважения ни к чину, ни к возрасту. Да приди сюда сам император, этот не поднимется! Кроме Буллы, никого не признает.

Сенатор с насмешкой взглянул на Сервилия.

— Говоришь, нет уважения, не признает. Сейчас проверим.

— Встать, собачий корм! — крикнул он.

Словно какая-то сила подняла разбойника на ноги. Он стоял, дрожа всем телом, и, как показалось Сервилию, с ужасом смотрел на сенатора.

— Вот видишь! — сенатор покровительственно похлопал Сервилия по плечу. — Не понадобилось и раскаленное железо. Эти молодцы чувствуют, что со мной шутки плохи.

— Этот заставит заговорить, — думал Сервилий, с уважением глядя на сенатора. — Вот его бы в наш город! Дороги снова бы стали проезжими. Прекратились бы грабежи. Рабы забыли бы о своих дерзостях.

— Собирай разбойника, — сказал сенатор эдилу, когда они остались в таблине. — Он мне понадобится в Риме.

— Нельзя. Он уже продан. И я за него отвечаю головой.

Сенатор усмехнулся.

— Видимо, ты ценишь свою глупую голову дороже, чем оценена голова Буллы. Но я бы не дал за твой черепок ни гроша. Ты, кажется, забыл, с кем разговариваешь и чье распоряжение я выполняю! Если тебе мало моего слова, я готов оставить письменное распоряжение.

Сенатор пододвинул к себе свиток с приметами Буллы, развернул его и небрежно нацарапал на обратной стороне несколько слов.

— Передашь это Тереннию. А пять тысяч сестерций за разбойника пусть вернет из своих денег. Так ему и скажи. А теперь веди своего разбойника. И поживей! Я пока напишу Тереннию пару слов.

Когда Теренний подошел к тюрьме, чтобы встретить гостя и проводить его в курию, еще не осела пыль от колес повозки. Из тюрьмы выбежал Сервилий и чуть не сбил Теренния с ног. Никогда еще дуумвир не видел Сервилия таким возбужденным.

— Вот! Прочти! — кричал он, протягивая Тереннию свиток.

Теренний развернул свиток с приметами Буллы.

— Не здесь! На обороте! — кричал Сервилий.

«Булла не оставляет своих в беде», — прочитал Теренний. А ниже было приписано: «Твой Сервилий — старый осел».

СЕМЬ ЧУДЕС ИМПЕРАТОРСКОГО РИМА

К тому времени, как Рим стал господином Средиземноморья, греками был уже составлен список семи чудес света — пирамиды, висячие сады Вавилона (сады Семирамиды), статуя Зевса в Олимпии, храм Артемиды Эфесской, мавзолей в Галикарнасе, гигантская статуя Гелиоса на острове Родос (колосс Родосский), фаросский маяк в Александрии. Для римских чудес в этом перечне места не нашлось.

А были ли у римлян свои чудеса строительного искусства? Чтобы ответить на этот вопрос, надо договориться, что мы будем понимать под «чудом». По аналогии с греческими чудесами римским «чудом» мы должны считать то сооружение, которое вызывало удивление современников и продолжает удивлять нас теперь.

Поразмыслив, мы отыскали только в императорском Риме семь чудес. Может быть, их было и больше.

Колонна Траяна

На одной из самых величественных площадей Рима в древности и теперь возвышается огромная каменная колонна. Она сооружена в 113 году в ознаменование побед императора Траяна (98—117 годы) над вольнолюбивыми даками и превращения Дакийского царства в римскую провинцию. Колонна имеет в высоту сто римских футов с пьедесталом в виде куба, каждая из сторон которого превышает девять метров. Диаметр колонны — 3,7 метра. Ствол покрыт спиральной лентой рельефа, образующей 23 витка. Общая длина рельефа — 200 метров. Лента рельефа, имеющая внизу 0,89 метра, постепенно расширяется, так что смотрящему снизу кажется, будто полоса изображения имеет одинаковую ширину.

Итак, двести квадратных метров мрамора, сплошь покры-

тых рельефными изображениями. Грандиозная идея дать зрительное представление о войне не имеет себе равных по масштабам и воплощению. Египетские фараоны также стремились запечатлеть на камне свои победы. Но там изображались отдельные эпизоды войны, а тут вся война в целом, от перехода римского войска через Истр (Данубий, Дунай) по мосту из кораблей до самоубийства царя даков Децебала[1]. Оружие римлян и их противников, все это воспроизведено с документальной точностью. Но мало этого, художник стремился передать чувства людей.

В начальной сцене поднимающийся из волн, полуобнаженный старик смотрит вслед идущим легионерам. Это божество реки Истр. В глазах его тревога и ожидание. Он еще не знает, чем кончится эта война.

В заключительной сцене рельефа рядом с упавшим с коня Децебалом художник изобразил дерево — символ дикой, заросшей лесами Дакии, которую так страстно и самозабвенно защищали царь и его народ.

Вилла Адриана

Преемник Траяна император Адриан (117—138 годы) провел большую часть своей жизни в странствиях. Он посетил почти все римские провинции, инспектируя войска и следя за укреплением римских границ. Адриан был большим поклонником греческой культуры, но не менее восхищался мастерством египетских художников.

В старости, устав от поездок, Адриан приказал воздвигнуть в городке Тибуре, близ Рима, загородную виллу и воспро-

[1] *Децебал* — царь даков, народа, занимавшего территорию современной Румынии, упорный противник Рима.

Колонна Траяна (высота — около 38 м). 113 г. н. э.

Часть спирального рельефного изображения на колонне Траяна (общая длина рельефа — 200 м).

извести там в миниатюре все, что так поразило его во время путешествий по Греции и Египту. Прогуливаясь по аллеям, престарелый император предавался воспоминаниям. Они были радостными и грустными.

Одна из аллей приводила его к храмику, представлявшему точную копию поразившего его в Александрии египетского храма. Адриан вытирал слезы. Неподалеку от этого храма в Ниле утонул его любимец Антиной. Он спешил уйти от этого печального воспоминания и по другой аллее подходил к прямоугольному зданию, окруженному колоннадой. Морщины на лице старого императора разглаживались, в глазах появлялся молодой блеск. Это была копия знаменитого афинского Расписного портика. Он получил такое название, потому что стены его были украшены картинами художников на деревянных досках.

Надо думать, что в коллекции императора было немало подлинников великих произведений. Другие были представлены копиями. Картины до наших дней не дошли. Сохранились лишь статуи. Теперь их можно видеть в крупнейших музеях мира, в том числе и у нас, в Эрмитаже. В XVIII—XIX веках с территории виллы Адриана было вывезено около трехсот произведений искусства.

Пантеон

Во времена Римской республики было немало древних и более молодых храмов. В основном они сооружались для почитания римских (а также этрусских и греческих) богов. По мере того как римские легионы все дальше и дальше расширяли границы Римского государства, в «вечный город» сходились, как считалось, чужеземные боги и богини. Нет, они не обивали порогов сената и других государственных учреждений, как их первоначальные почитатели — сирийцы, персы, египтяне, добивавшиеся от «господ мира» снижения налогов и иных поблажек. Богов и богинь, хотя они и были в чужеземных нарядах и весьма странно выглядели по сравнению с привычными божествами, римляне принимали с почетом. Они не ютились в жалких лачугах. Им отводили резиденции, как для царей. Для них строили храмы.

Уже в 191 году до н. э. на Палатине, рядом с храмом Виктории, был воздвигнут храм малоазийской богини Кибелы. В Риме ее называли Великая Мать, но сохранили ее древний культ. Во время праздника богини ее жрецы на улицах Рима исступленно плясали и наносили себе увечья.

В Риме почитались и другие восточные боги и богини — перс Митра, египтянка Исида, иудей Иегова и многие, многие другие.

И тогда кому-то пришла в голову счастливая мысль:

«А почему бы не соорудить храм всем богам, и местным, и пришлым?» Это был выход из того затруднительного положения, в которое поставили себя сами римляне, создав великую державу. Теперь ни один бог или богиня (а они, как известно, капризны и мстительны) не могли пожаловаться на дурное обращение. Поэтому с постройкой храма «всем богам» (по-гречески Пантеона) было решено не медлить.

Август поручил его постройку своему полководцу Марку Агриппе, которому доверялись самые опасные и щекотливые поручения. Так в Риме близ Тибра появилась постройка, которая до наших дней не дошла. Видимо, она не могла вместить всех богов, и ее снесли, построив в начале II века новый грандиозный Пантеон. На фронтоне храма надпись: «Марк Агриппа построил это, когда был в третий раз консулом». Надпись эта долгое время вводила ученых в заблуждение. На клеймах кирпичей из Пантеона имена императоров Траяна и Адриана. Стало ясно, что храм построен во времена Адриана, но император приказал написать имя строителя первого Пантеона.

Пантеон — постройка с купольным сводом. Диаметр купола и его высота характеризуются одной цифрой — 43 метра. До конца XIX века купол Пантеона оставался самым крупным в мире. Но дело не только в размерах. Современные строители добиваются таких куполов с помощью стальной и бетонной арматуры. У римского инженера их заменил точнейший расчет. Кирпич поддерживал кирпич, и другой, опираясь на него, поднимался ввысь. В центре купола круглое окно диаметром 8,5 метра. Льющийся оттуда свет выхватывал из мрака огромные декоративные колонны и образуемые ими ниши, а в нишах находились статуи богов.

Термы

Одной из наиболее замечательных построек римлян являются термы (бани).

Первым из римских императоров построил термы Нерон. Впоследствии из ненависти к Нерону они были переименованы в Александровы. По свидетельству самих римлян, великолепием отличались термы Каракаллы, построенные в 217 году. Незадолго до падения «вечного города», в V веке н. э., один из римских историков писал: «Он оставил необыкновенные термы, носящие его имя, в которых солнечную залу архитекторы считают неподражаемой, так как говорят, что в ней вверху были устроены решетки из бронзы или меди, которым был доверен весь свод. Зала была так обширна, что ученые-механики отрицают возможность такого устройства».

Самыми грандиозными и благоустроенными были термы

Диоклетиана. Сооружение их началось в 298 году. Среди строителей, по средневековой легенде, было 40 тысяч христиан, приговоренных к каторжным работам. Площадь терм — 13 гектаров. Их центральный корпус состоял из жаркой бани, закрытого помещения для теплой воды, закрытого помещения для холодной воды. Это огромные залы, в которых могло поместиться три тысячи человек одновременно.

Во время вторжения варваров в V веке термы пришли в запустение. И в средневековье, и даже в эпоху Возрождения их использовали, как и Колизей, в качестве каменоломен. Поэтому до наших дней сохранились лишь руины, и то только трех терм. В лучшей сохранности дошли термы Каракаллы. Они сейчас раскопаны. На их площади (11 гектаров) мог бы разместиться небольшой город. К услугам посетителей терм были не только банные помещения, ванны, бассейны, но и гимнасии, библиотеки, галереи с произведениями живописи и скульптуры, залы для философских и литературных дискуссий, стадион, сады, лавки с товарами. Под залом главного корпуса при раскопках обнаружены подсобные помещения, в том числе водопровод и отопительная система. Вода отстаивалась в огромной постройке в глубине двора.

Грандиозные руины терм говорят о роскоши общественных зданий императорского Рима. Они имеют значение не только для истории архитектуры, но и для истории культуры в целом. Термы — это наиболее оригинальное создание римлян, не знавшее себе равных ни в Греции, ни на Востоке.

Водопроводы

Термы не могли функционировать без водопровода, не меньшего чуда античного инженерного искусства. Первый из римских водопроводов — ровесник «царицы дорог» («Аппиевой дороги») — был построен в том же 312 году до н. э. Аппием Клавдием. Он тянулся на 16,5 километров от городских ворот Рима до родника в каменоломнях, почти на всем протяжении под землей. Следующий по времени водопровод относился к 272 году до н. э. Он снабжал Рим водой речки Анио и имел длину 70 километров. Всего в Риме к 226 году н. э. было 11 водопроводов. Некоторые из них служат до сих пор.

Там, где на пути текущей воды встречались овраги и другие неровности рельефа, сооружались каменные арочные мосты, по которым прокладывались свинцовые или глиняные трубы. Это не только экономило материал, но и создавало удобства для передвижения транспорта и пешеходов. И все же преимущество отдавалось прокладыванию труб под землей, в туннелях. Правда, в этом случае появлялась опасность засорения труб или утечки воды. Чтобы ее устранить, римляне

строили на определенном расстоянии друг от друга вертикальные колодцы, по которым можно было спуститься в туннель.

Сооружение водопровода являлось не только сложным с технической стороны, но и дорогостоящим предприятием. Известно, что на строительство водопровода «Теплые воды», имевшего протяженность лишь 15 километров, римляне затратили 180 миллионов сестерциев. Такие колоссальные средства могло дать безжалостное ограбление завоеванных провинций. Не случайно грандиозный водопровод «Марциевы воды» был сооружен в 144 году до н. э., через четыре года после разрушения Карфагена и Коринфа, а водопровод «Теплые воды» — в 127 году до н. э., через пять лет после образования богатейшей провинции «Азия».

Многие водопроводы получили названия по именам цензоров, преторов, императоров: «Аппиевы воды», «Марциевы воды», «Юлиевы воды», «Клавдиевы воды». Но строились водопроводы рабами. Древние авторы не отмечают этого факта, поскольку рабы для них мало чем отличались от лопат или заступов. Рабы считались говорящими орудиями. Но мы можем догадываться, что «Марциевы воды» были возведены невольниками греческого и карфагенского происхождения, «Клавдиевы воды» — иудеями, «Траяновы воды» — даками и парфянами.

На вопросы, поставленные замечательным немецким драматургом Бертольдом Брехтом —

Кто построил семивратные Фивы?
В книгах стоят имена царей.
Это цари громоздили глыбы?
Был Вавилон много раз разрушен.
Кто возвращал его к жизни снова?
Где те дома, в которых жили
Создатели златоверхой Лимы?
Каменщики стены китайской
Куда шли вечером после работы?
Великий Рим в триумфальных арках.
Кто их построил? Над кем триумф свой
Справляли цезари?

мы должны ответить: рабы, рабы, над рабами.

Рабство было фундаментом, на котором стояло величественное здание римской культуры.

«Золотой дом»

С той поры как возникла в Риме империя, императоры мечтали о дворцах, соответствующих их власти. Правда, лицемер Август, постоянно подчеркивавший, что он всего лишь скромный реставратор республики, довольствовался сравни-

тельно небольшим домом на Палатине. Его преемники пристраивали к нему все более и более роскошные помещения. Но все затмил «Золотой дом» Нерона.

Нерон находил Рим дряхлым, грязным и вонючим. Одаренный буйной фантазией, он мечтал о садах Семирамиды и дворцах Мемфиса, воссозданных искусством зодчих на семи холмах.

Римские архитекторы разработали проект создания грандиозного дворца, который должен был затмить своей роскошью резиденции восточных владык и стать новым чудом света. Но этот план не мог быть осуществлен без очистки городского центра от оставленных предшествующими столетиями трущоб. Даже у Нерона, не считавшегося ни с какими затратами и сорившего государственными деньгами, как своими собственными, не хватило бы средств на выплату компенсации собственникам домов и участков. Проект так бы и остался проектом, если бы не внезапно вспыхнувший грандиозный пожар (64 год).

Пламя уничтожило дворцы и лачуги, храмы и театры, драгоценности, захваченные безжалостными завоевателями у других народов, бесценные греческие статуи, свитки древних авторов, скарб бедняков. Через девять дней Рим предстал морем дымящихся развалин.

Теперь ничто не мешало Нерону, которого молва обвиняла в умышленном поджоге Рима, перестроить город. Перестройка коснулась не только центра, где начали воздвигать дворец, но и всей прилегающей к дворцу территории. Улицы были выровнены и расширены. Новые здания по своей архитектуре мало чем напоминали старые, тесные и неказистые.

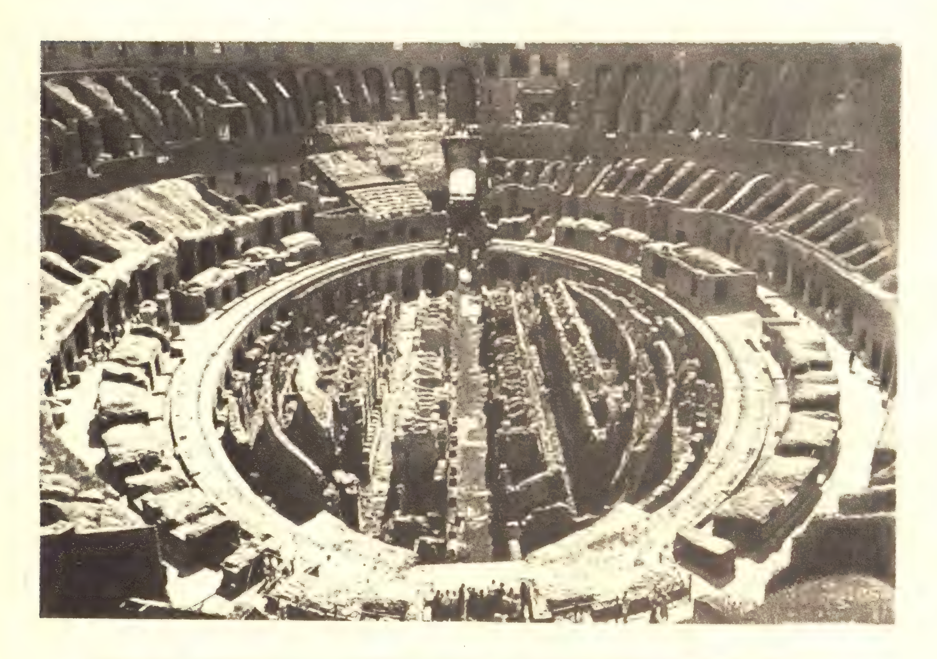
Императорский дворец стал как бы центром нового Рима. Из-за массы золота и драгоценностей он получил название «Золотого дома». Наибольшее удивление современников вызывала не роскошь — к ней уже успели привыкнуть, — а невиданные прежде сочетания роскошных построек с уединенными лугами и прудами, как бы перенесенными из сельской глуши в столицу мира. Это была дачная резиденция императора, превышавшая в семь раз территорию современного Ватиканского государства и раскинувшаяся на склонах трех из семи римских холмов. Она была вся открыта свету. Стены дворца имели особое устройство, с помощью которого они могли поворачиваться вслед за движением солнца. Огромная тридцатиметровая статуя императора подражала знаменитому колоссу Родосскому.

Колизей

В низине между Палатином, Целием и Эсквилином во времена Нерона было вырыто искусственное озеро и рядом с ним стояла статуя Нерона. После его свержения «Золотой дом» разнесли по камню. И даже озеро было решено осушить, чтобы ничто не напоминало об изверге, который раньше был любимцем римской черни. На месте озера в 72 году было начато сооружение гигантского амфитеатра. В средние века он получил название Колоссеум, откуда — Колизей.

Открытие Колизея в 80 году было отпраздновано гладиаторскими играми и травлей зверей, длившимися сто дней. Было уничтожено до 50 тысяч диких зверей и множество гладиаторов. За этим «великолепным» зрелищем могло одновременно наблюдать 50 тысяч римских граждан. Женщины занимали верхний (деревянный) ярус Колизея. Всего в нем было четыре яруса.

Сейчас сохранилось три каменных яруса. Внутри Колизей пуст. История разрушения амфитеатра дает представление о его грандиозности. Сначала Колизей разрушался сам. Благочестивые христиане обходили гигантское здание стороной, будучи уверены, что в нем поселились злые духи и происходит шабаш ведьм. К концу XIII века, когда эти страхи поутихли и ученые монахи сумели убедить паству, что там,

Римский амфитеатр Колизей после многовековых разрушений.

где некогда гибли христианские праведники, не место нечистой силе, началось планомерное уничтожение Колизея. Тогда из его материала было построено 23 дома, а в XIV—XV веках — шесть церквей. Колизей превратился в гигантскую каменоломню. Даровой камень шел не только на строительство, но и пережигался в известь.

В XVII веке на территории опустевшего Колизея построили фабрику селитры. Взрыв этой составной части пороха поднял бы остатки Колизея на воздух и мог повредить соседние здания. Поэтому фабрику из Колизея вывели. С XIX века в Колизее начались раскопки. Осуществляемые на низком уровне, они также принесли ему немало вреда.

Сейчас Колизей — гордость Рима. Огромное количество машин, высаживающих туристов, да и вообще сильное движение автомобильного транспорта представляет для этого римского чуда не меньшую опасность, чем тысячелетнее варварство охотников за даровым материалом. Выдержит ли Колизей это новое испытание?

ЛИЦО РИМА

Осматривая Рим впервые, древние его посетители непременно поднимались на одну из вершин двугорбого Капитолийского холма, где находилась старинная римская крепость. Там они почтительно останавливались у портика из ионийских колонн на высоком фундаменте. По сравнению с мраморными храмами, украшавшими императорские форумы, здание было неказистым и старомодным. Но откуда такое почтение?

— Как? Вы не знаете? — удивился бы римский старожил. — Это храм Юноны Монеты!

Никто в древности не мог в точности объяснить, что означает второе имя этой римской богини. Одни производили его от латинского глагола «монео» (предупреждаю) и утверждали, что давным-давно, во время осады Капитолия галлами, Юнона с помощью гусей предупредила римлян о готовящемся нападении, за что и получила имя «Предупредительница» (Монета). Другие, более начитанные (и среди них великий римский оратор Цицерон), знали, что Юнона Монета почиталась в латинском городе Альба Лонге еще до вторжения галлов. Само слово «монета» они переводили как «память», «воспоминание».

Давно уже нет крепости на Капитолии. Разрушен старинный храм[1], но имя его пущено в вечный оборот и стало

[1] Внешний вид храма Юноны Монеты восстанавливается по найденному в Галлии рельефу, где на фоне фасада здания с ионийскими колоннами изображены гуси с развернутыми крыльями.

Римские монеты

международным обозначением денег. Ибо в храме Юноны Монеты был древнейший из римских монетных дворов.

Каждая из дошедших до нас монет — для историка настоящий клад. В совокупности они дают такие сведения, которые во многих случаях не уступают изложению в литературных источниках и надписях и почти всегда их дополняют. Изучая монеты, мы узнаем о формах правления в древних государствах, государственных переворотах, основании колоний, войнах. Надписи на отдельных монетах[1] представляют собой настоящие лозунги, показывающие нам, каким хотело казаться рабовладельческое государство, к чему оно призывало. А сколько данных содержат древние монеты о быте, одежде, прическах! Давно уничтожены прекрасные статуи, рассыпались великолепные храмы, а на монетах они живут и радуют глаз. И еще важнее значение монет как источника наших знаний о хозяйстве, финансах, торговых связях. Одним словом, это лицо государства.

Кусочки драгоценного металла с отметкой или штампом государства заменили прежние очень неудобные деньги в виде слитков металла или металлических прутьев, бытовавших в некоторых частях Греции до VI века до н. э. Родиной монеты было, по всей видимости, развитое в торговом отношении малоазийское государство Лидия. Здесь в середине VII века до н. э. начали чеканить монету из электра (сплава золота и серебра). Она имела форму фасоли. На лицевой стороне вместо изображения было несколько желобков.

Почти одновременно появились монеты на островке Эгина, населенном греками. Эгинские монеты имели иной вид, чем лидийские, и чеканились из серебра. На их лицевой стороне был изображен панцирь черепахи, поэтому их в просторечии называли черепахами. Черепаха на острове считалась священным животным бога Аполлона Дельфиния, покровителя мореходов и торговцев.

Древнейшая римская монета — асс — не чеканилась, а от-

[1] Надписи на монетах в нумизматике (науке о монетах) называются монетными легендами.

ливалась из меди в храме Юноны Монеты. Она весила фунт (в то время фунт имел 272 грамма). В обращении были монеты в пол-асса, треть асса, четверть асса, одну шестую асса. На лицевой стороне этих монет были изображения двуликого Януса, Юпитера и других богов. На оборотной стороне изображалась корма корабля. По объяснению римлян, это напоминало о том, что достижения культуры пришли в Рим морским путем.

После победы над Пирром (275 год до н. э.) Рим овладел всей Италией и вступил в борьбу за господство в Средиземноморье. Монета была лицом государства. Римский литой асс по сравнению с изящными греческими статерами[1] или драхмами[2] выглядел варварским, грубым, неповоротливым и мог вызвать у грека или карфагенянина язвительное замечание: «Вот они какие, римляне!»

Было решено для поднятия престижа государства и в равной мере для удобства торговли приодеть и принарядить монету по греческой моде. В 269 году до н. э. был выпущен серебряный денарий. Слово это значит «десятка». За денарий давали 10 ассов, но и впоследствии, когда денарий стал стоить 16 ассов, за ним сохранилось старое название.

Денарий в отличие от древнего асса изготавливали с помощью техники чеканки. Кружок металла помещался на нижнем штемпеле, как на наковальне, и по нему ударяли верхним штемпелем. Получался оттиск с обеих сторон.

На левой стороне первого денария была женская голова в фригийском шлеме (очевидно, богини Ромы), а на оборотной — два скачущих всадника. При взгляде на новенькую монету фигуры коней рельефно выделялись и блестели. Это были белые, как солнечный день, кони Диоскуров. Божественные близнецы почитались римлянами главным образом как вестники побед.

Теперь уже римской монете не стыдно было показаться на люди. Но недруги — а их у Рима становилось все больше и больше — не унимались: «Смотрите, — говорили они, — у Ромы (слово «Рим» было женского рода) только одна выходная одежда и один выезд!»

Со II века до н. э. на оборотной стороне стали изображать Викторию (Победу) на колеснице, запряженной двумя конями, Юпитера на квадриге и других богов. На лицевой же стороне вместо мягкой, женственной Ромы появился мужественный профиль грозного бога войны Марса. Таким стало лицо Рима.

В десятилетия ожесточенной борьбы политических группи-

---

[1] *Статер* (дословно: «коромысло у весов») — древнегреческая монета из золота или электра, реже — серебра.

[2] *Драхма* — наиболее употребительная греческая монета.

Римская монета

ровок, которую римляне называли гражданскими войнами, римская монета сначала сохраняла свое невозмутимое и воинственное лицо. Она стала серебряной или бронзовой маской, под которой почти невозможно уловить тех чувств, которые испытывали люди в это страшное время. На металле не оставили никаких следов ни борьба римской бедноты за землю, ни тем более восстания рабов. Лишь внешнеполитические события запечатлелись на монетах конца II — начала I века до н. э.

Обязанность чеканить монету возлагалась в то время на трех избираемых ежегодно должностных лиц: их называли монетными триумвирами. Каждый из них следил за монетой из одного какого-нибудь металла и отвечал за их качество. Триумвиры имели право ставить на монете свое имя, что помогает нам установить точное время ее выпуска. Имена ставились в сокращенном виде.

Денарий монетного триумвира Гая Эгнатулия содержит изображение типичной галльской трубы. Это трофей победы римских легионов над варварскими племенами кимвров и тевтонов в самом конце II века до н. э. Прославляя победы над варварами, монета возвеличивала военачальника консула Гая Мария. Но имя его на ней не указано, это была традиция Римской республики, когда было еще не принято выделять полководца из остальных граждан.

Денарий другого монетного триумвира, Гая Фундания, чеканенный чуть позднее, изображает триумфальную квадригу. На ней восседает не богиня Виктория, как на других монетах, а человек, можно думать, что это уже знакомый нам Марий. Но не исключено и то, что это его злейший враг Сулла. Победа была благосклонна к ним обоим.

Если римские монеты того времени лишь косвенно дают представление о том, чем жил Рим, то монеты восставших италиков (90—88 годы до н. э.) в этом отношении куда красноречивее. На одной из них лицевую сторону занимает профиль молодой женщины с прямым римским носом и головою в лавровом венке. На ней надпись «Италиа». Это олицетворение восставших италийских племен. Италия — сестра Ромы (она и внешне на нее похожа). Она не может больше терпеть ее заносчивости и властолюбия. Оборотная сторона монеты раскрывает эту идею во всей полноте. Два ряда воинов об-

ращены лицом друг к другу. Между ними сидит человек с зажатым между коленями длинным шестом. Он запрокинул голову и молитвенно смотрит на верхушку, заканчивающуюся утолщением. Нумизматы установили значение шеста с набалдашником. Это священное знамя восставшей Италии. Перед его лицом воины клянутся в том, что не сложат оружия, пока не добьются победы.

Среди восставших италиков были племена марсов, пелигнов, пицентов, говорившие на очень близких к латыни диалектах. На этих диалектах слово «Италиа» ничем не отличалось от римского произношения и написания. А вот на языке италийских племен осков слово это звучало несколько по-иному: «Вителиу». Мы находим его в надписи на другой монете. Оски были настроены еще более решительно, чем другие италики. На монете изображен бык, прижавший к земле римскую волчицу и топчущий ее копытами. Бык — символ Италии, поскольку в корне этого названия слово со значением «бычок», «телок» («вителлус»).

После ожесточенных и кровопролитных гражданских войн между защитниками республиканских порядков и их противниками к власти приходит Гай Юлий Цезарь. У римской монеты появляется новое лицо — профиль Цезаря. Впервые в истории Рима на монете имеется изображение здравствующего политического деятеля. Цезарь мог взять на ладонь денарий и любоваться самим собой. Похож? Очень! Скульптурные бюсты и описания современников рисуют римского диктатора таким же. Сильное волевое лицо. А что же на оборотной стороне монеты? Голова женщины. Мать Цезаря? Не совсем. Богиня Венера! Ее Цезарь и весь его род, род Юлиев, считали прародительницей. Став диктатором, Цезарь переименовал посвященный Венере месяц в «юлиус». Он так называется и поныне у всех европейских народов, у нас — июль.

А это что за монета? Два кинжала и между ними какой-то предмет вроде шапки. Это колпак, и назывался он, как шлем на Роме, фригийским. Во время торжественной церемонии отпуска раба на волю эту войлочную шапку напяливали на голову того, кто становился свободным. Она была желанной для тысяч и тысяч невольников. Но тот, кто приказал чеканить эту монету, — имя его Брут, — менее всего думал о рабах. Фригийский колпак был для него символом свободы римского народа, порабощенного Цезарем. А два кинжала говорили о пути, которым была добыта свобода.

15 марта 44 года до н. э. на заседании сената Цезаря окружили заговорщики. Среди кинжалов, нанесших диктатору смертельный удар, был и кинжал самого Брута.

Монета Брута была выпущена в восточных провинциях Рима, куда бежали заговорщики. Там они собирали войско и готовились к схватке с цезарианцами. Тому, кто считал

убийство Цезаря преступлением, монета Брута жгла руку.

Наследники власти Цезаря — Октавиан, Антоний, Лепид, заключившие тройственный союз (триумвират), выпустили по монете каждый. Так что те, кто оплакивал Цезаря, но страдал от грабежей триумвиров, имели возможность выбора. Зажав в кулаке монету Антония, римлянин мог утешать себя мыслью, что его любимец лучше Октавиана или Лепида. Но потом выбора не стало. Монетный двор Капитолия стал выпускать монеты различного типа, но все они были связаны с одним человеком. Этим человеком стал победитель в гражданских войнах Октавиан, получивший почетное прозвище Август.

Ауреус (золотой) самого начала I века н. э. изображает Августа в качестве «отца отечества». На обороте монеты — его внуки Гай и Юлий Цезари. Несмотря на свой юный возраст, они, как сообщает монета, — «руководители молодежи». Тут же почетное оружие, которое им вручается. Смерть Гая и Юлия была для Августа огромной утратой, так как они должны были принять власть из рук стареющего императора. Правда, у Августа был пасынок Тиберий. Одна из монет изображает его на триумфальной колеснице: в 13 году до н. э. Тиберий удостоился триумфа за победу над германцами. На монете мы видим и жену Августа Ливию, женщину с красивым, но неприятным лицом. Известно, что император побаивался ее и разговаривал с ней по заранее подготовленному конспекту. На совести этой женщины было немало тайных убийств.

Прошло всего полвека с того времени, как появилась монета с профилем Цезаря. Тогда это многих возмущало, хотя Цезарь был выдающимся полководцем, оратором, писателем. Теперь же в обращение пускались монеты с изображением юнцов и женщин, выделявшихся лишь тем, что они были родственниками главы государства. И это считалось в порядке вещей.

Преемники Августа шли в монетном деле уже по проторенному пути. Правнук Августа Гай Калигула приказал изобразить на лицевой стороне монеты себя, а на оборотной — трех своих сестер — Агриппину, Друзиллу и Юлию — в виде пляшущих нимф.

Вскоре Калигула был убит. Многие в это не верили, подозревая, что он распустил слух о смерти, чтобы выведать мысли о себе. Появление монеты с изображением нового императора рассеяло всякие сомнения. Императором стал Клавдий, престарелый дядюшка Калигулы. Это был единственный из имевшихся налицо родственников: Калигула его не тронул, так как считал безобидным идиотом — ведь Клавдий не занимался политикой, а изучал историю карфагенян и этрусков. При Клавдии Римом правили вольноотпущенники и жены,

так как сенату он не доверял. Последняя из жен — Агриппина отравила Клавдия. Но перед этим он успел увековечить ее на монете: на лицевой стороне — он, на оборотной — она.

Римские монеты периода империи — это не только картинная галерея императорского дома, но и монументальный снимок культурной, военной и религиозной жизни того времени.

После ряда неудач в войнах с северными варварами императору Траяну удалось прорвать оборону на Дунае и войти со своими войсками в Дакию[1]. На монете Траяна сохранилось точное изображение моста, переброшенного римлянами через Дунай.

Из построек, воздвигнутых в I—II веках в самом Риме, более всего впечатляет Колизей. До наших дней дошло три его кирпичных яруса, хотя и без мраморной облицовки. На монете императора Тита, выпущенной по случаю завершения строительства в 81 году, виден Колизей во всем его великолепии, с верхней деревянной надстройкой и раскрывается даже внутренность этого гигантского амфитеатра с происходящей там сценой травли зверей. При том же императоре рядом с Колизеем был сооружен круглый фонтан. От него не сохранилось никаких следов, но на монете устройство фонтана представлено так детально, что его при желании можно было бы воспроизвести.

Монеты этого времени — лучший источник для изучения храмовой архитектуры. Описания современников не дают соотношения частей храмов, а большей частью передают лишь общее впечатление. Сами храмы, как правило, не сохранились. И если бы не монеты, мы не могли бы получить полного представления о мастерстве архитекторов времени широчайшего размаха строительных работ.

Одной из целей политики римского императора Антонина Пия (138—161 годы) было укрепление староримской религии в противовес усиливающемуся влиянию христианства. Имя Пий означает «благочестивый». Свое благочестие и преданность римской старине император стремился продемонстрировать и с помощью монет. Одна из них изображает высадку прародителя римлян Энея и его сына Аскания-Юла на берег Тибра в том месте, где находился Рим. На другой монете изображен Геркулес, убивающий чудовище Кака у Палатинской пещеры. На третьей — Минерва и Вулкан за изготовлением молнии. Это настоящая картинная галерея, но с историко-религиозной тематикой.

Монеты конца II и большей части III века служат показателем жесточайшего упадка Римской империи. Падает

---

[1] Население Дакии, покоренной римлянами, постепенно потеряло свой язык и через несколько столетий стало говорить по-латыни, на языке Рима (ромы), отсюда название страны: Романия — Румыния.

стоимость денег. И одновременно резко увеличивается число монет, обращающихся на внутреннем рынке. Их не успевали штамповать. Следы спешки видны во всем. Портреты императоров утрачивают сходство с оригиналом. В этом виновата не только спешка, но и то, что императоры долго не удерживались на троне. Только заготовят чекан с портретом императора, а его уже сменил другой. Поэтому создавался обобщенный портрет для трех — пяти правителей, сменяющих друг друга в императорской чехарде III века.

Чтобы справиться с экономическими трудностями, императоры не только увеличивали число монет, но и ухудшали их качество. В конце II века в серебро в большом количестве стали добавлять медь — до 30%. В середине III века добавка меди достигла 80—95%. А монеты продолжали считаться серебряными. Разумеется, на них почти ничего нельзя было купить, и императоры посадили солдат и чиновников на натуральный паек. За службу государство платило зерном, мясом, яйцами. Спасение империи было уже невозможным, но как утопающий хватается за соломинку, так Римская империя пыталась отсрочить свою гибель с помощью монетно-денежной реформы. Император Диоклетиан (284—304 годы) установил твердые цены на продукты питания и оплату труда. Но это не помогло. Рынок был наводнен обесцененной монетой и монетой фальшивой. Они не были изъяты из обращения.

В 409 году римский монетный двор выпустил денарий с надписью: «Непобедимый вечный Рим». По трагической иронии судьбы не прошло и года, как Рим был захвачен и разрушен варварами во главе с Аларихом. С этого времени римские императоры стали игрушками в руках варварских вождей. А в 476 году император, соединивший в своем двойном имени имя основателя Рима Ромула и имя основателя империи Августа (Ромул Августул), вынужден был отказаться от власти, увековечив, однако, себя незадолго перед тем на монете.

Содержание

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ
ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

Под редакцией
Александра Иосифовича Немировского

Редактор *Л. А. Мельникова.* Художник *М. К. Шевцов.* Художественный редактор *А. С. Вершинкин.* Технический редактор *Н. Д. Стерина.* Корректор *Н. В. Абрамова.*

ИБ № 5445

Сдано в набор 27.05.80. Подписано к печати 27.05.81. А08382. 60×90/16. Бум. офсетная № 2. Гарн. школьная. Печать офсетная. Усл печ. л. 19+0,25 форзац. Усл. кр. отт. 38,7 Уч.-изд. л. 20,35+0,44 форзац. Тираж 525 000 экз. Заказ № 599. Цена 65 коп.

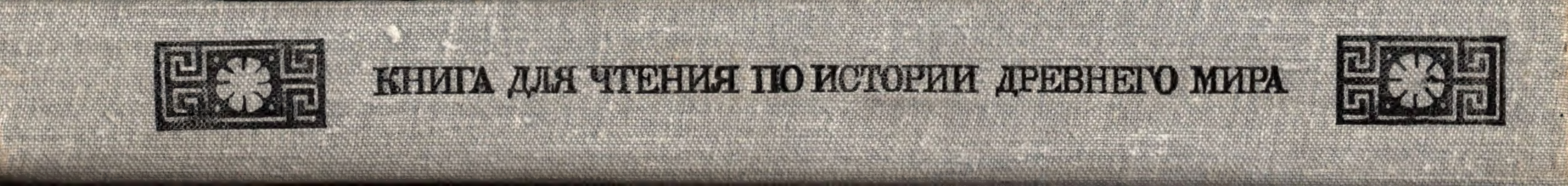
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

65 коп.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА